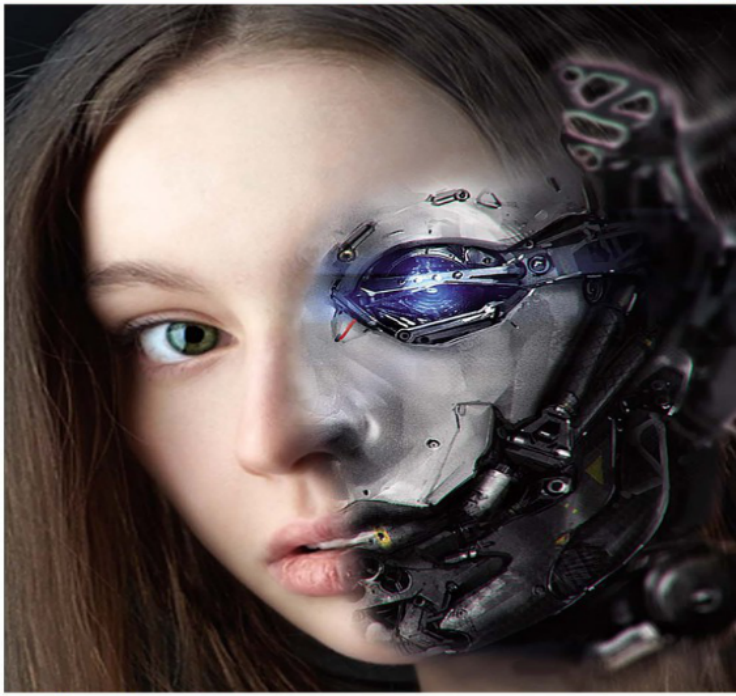
МИЛА 2.0

ДЕБРА ДРИЗА



RT BOOK RATING

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ее зовут Мила, ей шестнадцать лет, и ОНА — КИБОРГ. ОНА — секретная разработка, эксклюзивное оружие, которым жаждут завладеть многие. Она живет жизнью обычной школьницы и не подозревает о том, что с ней что-то не так. Но большая охота уже началась, и времени на раздумья не остается. Выход один — бежать из городка, приютившего их с матерью так ненадолго. Бежать что есть сил, через всю страну, в тщетных поисках безопасного места. Ей готовы помочь немногие — те, кто под оболочкой из металла и пластика способен разглядеть живую душу. Возможности этой оболочки, кажется, не знают границ. Но у любого материала есть предел прочности — и то, с чем предстоит столкнуться беглянке, превзойдет ее самые страшные ожидания. Перед вами «Мила 2.0» — первый роман фантастической трилогии о приключениях девушки-киборга, непредсказуемая и захватывающая история о высоких технологиях и высоких чувствах!

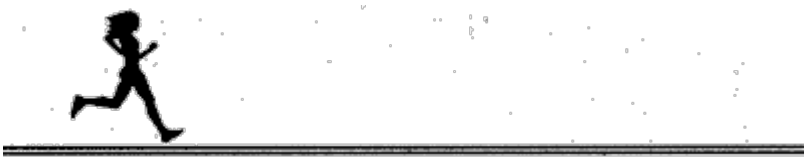
- Дебра Дриза
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
    - Глава девятнадцатая
    - Глава двадцатая
    - Глава двадцать первая

        - Глава двадцать вторая
        - Глава двадцать третья
    - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
        - Глава двадцать четвертая
        - Глава двадцать пятая
        - Глава двадцать шестая
        - Глава двадцать седьмая
        - Глава двадцать восьмая
        - Глава двадцать девятая
        - Глава тридцатая
        - Глава тридцать первая
        - Глава тридцать вторая
    - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
        - Глава тридцать третья
        - Глава тридцать четвертая
        - Глава тридцать пятая
        - Глава тридцать шестая
        - Глава тридцать седьмая
        - Глава тридцать восьмая
        - Глава тридцать девятая
        - Глава сороковая
    - БЛАГОДАРНОСТИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

Дебра Дриза
МИЛА 2.0

Посвящается маме, папе и Скотту — людям, которые продолжали верить в меня, когда я сама в себя не верила

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



Глава первая

В небе над восточной границей ранчо Гринвудов разливалось оранжевое зарево; казалось, что облака охвачены пламенем.

Пламя.

Я сжала в кулаках пряди густой шелковистой гривы Неги и крепко зажмурилась, пытаясь увидеть в темноте под закрытыми веками дым. Почувствовать запах горящего дерева и пластика, тлеющих футболок любимой бейсбольной команды и детских фотографий. Услышать вой сирен и крики. Вспомнить хоть что-нибудь о том пожаре.

И о папе.

Лошадь фыркнула. Я вздохнула, разжала пальцы и пригладила ее взъерошенную гриву. Ничего. В который раз вместо воспоминаний я получила большой жирный ноль. После несчастного случая, который унес жизнь отца, прошло уже около месяца, а воспоминания до сих пор сопротивляются любой моей попытке воскресить их.

Я открыла глаза, и в этот самый момент перед ними что-то промелькнуло.

Белые стены, белый свет. Белый медицинский халат. Резкий запах хлорки.

Кожу покалывало. Больница, в которую меня привезли после пожара? Пока это было самое близкое к тому, что можно было бы назвать воспоминанием.

Я попыталась удержать увиденное, приблизить, но кадры исчезли так же быстро, как появились.

Что никак не исчезало теперь, когда глаза мои были открыты, так это забор, перегородивший нам путь; его белые колья втыкались в небо, рассекая бесконечное, безжалостное море зелени.

Не пропало и другое видение, как бы сильно я того ни хотела. Старый добрый город Клируотер, штат Миннесота — вот уже тридцать дней как мой новый дом. Царство травы, деревьев и грязи, с редкими старыми домишками в стиле ранчо, торчащими между фермерскими участками. Родина рабочих грузовиков и густого, тяжелого запаха навоза. Городок такой крошечный, что в нем нет собственного кинотеатра. И Макдоналдса. И, если верить Кейли, единственный пункт в разделе «Искусство и развлечения» на сайте Yelp,[1] относящийся к этому городу, — это зоологический музей.

Разглядывать чучела млекопитающих — что может быть веселее?

Нега фыркнула и мотнула головой, порываясь развернуться от забора обратно в сторону конюшни. Я не могла ее упрекнуть. Меня тоже не интересовали поля, озера, тишина — все, что с такой готовностью приняла мама. И не могли заинтересовать, когда каждое приятное воспоминание возвращало меня в Филадельфию.

По крайней мере, каждое из тех, которые удалось сохранить.

Я потерлась щекой о воротник зелено-желтой фланелевой рубашки — папиной рубашки — ища утешения в прикосновении мягкой ткани. Эта рубашка была на нем, когда папа вел меня, аккуратно держа за локоть, сквозь толпу фанатов «Филлис»[2] на стадионе «Ситизенс Парк», а вокруг пахло попкорном, хот-догами и разгоряченными телами.

В груди ширилась пустота. Как так вышло, что одни воспоминания проигрываются в голове ярко как фильм, вдобавок со всеми звуками и запахами, а другие пропали полностью?

Мама говорит, что тревожность — это нормально, мозг всегда странно реагирует на внезапную потерю близкого человека. Хороший способ объяснить, что я не сумасшедшая, даже если могу детально описать планировку нашего бывшего дома и помню, как папа ликующе вскидывал кулак в воздух, когда болел за свою любимую команду, но не могу вспомнить совсем простых вещей, например, какая у меня любимая марка джинсов. И нравилось ли мне кататься на велосипеде. И влюблялась ли я хоть раз.

Мама уверяет, что память ко мне вернется. Со временем.

Но папа-то не вернется никогда.

Я впилась ногтями в кожаные поводья и глубоко, судорожно вздохнула. Все, все сгорело дотла вместе с домом.

Все, кроме одной дурацкой рубашки.

Нега ударила копытом, выбив комок земли с травой. Стремясь выйти из тупика, лошадь тихо заржала.

Я точно знаю, как она себя чувствовала в этот момент.

Отведя Негу от забора, я мягко перевела ее на рысь. Корпус лошади мерно покачивался подо мной. Лица коснулся порыв холодного ветра со сладковатым запахом травы, и я откинула голову, позволяя ему трепать меня за волосы, за рубашку, ударять по сгустку боли, который поселился на месте моего сердца. Если б только ветер мог подхватить меня и перенести назад во времени.

Боль внутри усиливалась, словно разошлась метастазами по всему телу.

— Вперед! — я ударила пятками в бока Неги.

Кобыла не заставила просить себя дважды. Она рванулась

вперед сразу всем своим весом. Ощутив этот мощный импульс, я прижалась к лошади, наслаждаясь тем, как ее грива хлещет меня по лицу.

Чем быстрее мы мчались, тем меньше ощущалась боль в груди, как будто с каждым ударом моего колотящегося сердца и копыт Неги она сбивалась в комок, все плотнее и плотнее.

Я еще подстегнула лошадь.

Когда мы мчались обратно в конюшню, на пути перед нами выросли валуны — декоративная стенка, зигзагами пересекавшая эту часть поля. Одним тем, что я осмелилась ехать быстрее черепахи, я уже нарушила мамины запреты. О прыжках не могло быть и речи. Особенно учитывая, что я никогда раньше этого не делала.

Или делала?

Камни становились все ближе и ближе. Оставалось либо резко развернуться, либо предпринять идиотскую попытку за какую-то долю секунды врубить нужные воспоминания.

Я ослабила поводья, дав им выскользнуть из пальцев. Значит, выбираем идиотизм.

Я почувствовала, как мышцы кобылы напряглись под моими ногами, и в момент прыжка показалось, что я с Негой — одно целое, что мы летим — ощущение было потрясающее.

Пока стремя под моей правой ногой не ушло вниз. Пока седло не съехало.

Я потеряла равновесие, съехав вбок вместе с ослабившимся седлом, и увидела несущиеся мне навстречу камни. Представилось, как моя голова раскалывается о них, словно яйцо о сковородку; от страха в ушах бешено стучала кровь.

«Тебе крышка», — промелькнуло у меня в голове.

И тут мои руки молниеносно рванулись вперед, я даже не представляла, что способна двигаться настолько быстро. Я ухватилась за гриву Неги и с поразительной легкостью подтянулась обратно — в тот самый момент, когда копыта лошади ударились о землю.

— Да! — Из моей груди вырвался ликующий смех. Хоть мне и не удалось вернуть картины прошлого, я впервые за несколько недель почувствовала себя по-настоящему живой. Как будто весь мир вдруг стал ярким и четким.

Плюс — у меня обалденные рефлексы. Может быть, в один прекрасный день мама расскажет мне, какую роль в недостающих кусках моей жизни играл спорт.

Кстати, о маме…

— Мила!

Попалась.

Я замедлила Негу до рыси. Когда мы приблизились к стройному силуэту у дороги, у меня внутри все сжалось.

Разумеется, мамино лицо сердечком было спокойным, как всегда; ни одной пряди белокурых волос не выбилось из привычного аккуратного хвоста. По скрещенным на груди жилистым рукам можно было понять, что она сердится, но больше ничто не выдавало ее реакцию. Я была разочарована, но совсем не удивлена.

Ничто не могло потревожить Николь Дейли, будь то серьезные травмы лошадей, за которыми она ухаживала, или стихийный переезд в другой штат, и уж тем более одна иногда непослушная, большую часть времени убитая горем дочь.

Когда я остановила лошадь, потянув на себя поводья, взгляд маминых голубых глаз за квадратными стеклами очков остался беспристрастным.

— Я уверена, что говорила тебе не ездить быстрее, чем шагом. В этом был хоть какой-то смысл?

Я спешилась, похлопала шумно дышащую лошадь по шее и выпрямилась:

— Никакого.

Мама так удивилась, что на миг ее брови поднялись над стеклами очков, и поджала ненакрашенные губы.

На меня внезапно нахлынуло удовлетворение, из-за которого я почувствовала себя виноватой.

— Ясно. — Она резко качнула головой и потерла тонкими пальцами лоб.

Затем мама протянула ко мне руку ладонью вверх — нехарактерный для нее умоляющий жест. Вдруг я заметила, что рука дрожит.

— Нет, ничего не ясно. Мила, пожалуйста, не делай так больше. Что, если бы произошел несчастный случай, и я… — она осеклась, но это было не важно. Фланелевая рубашка на мне потяжелела от невысказанных слов.

И я могла бы потерять еще и тебя.

Впервые после переезда я бросилась к маме, обняла и спрятала лицо в уютном изгибе ее шеи:

— Прости, — глухо сказала я, вдыхая смесь розмарина и лошадиной мази. — Теперь буду ездить только медленно. Обещаю.

Когда мама выпрямилась, я обняла ее еще крепче. Я не дам ей отстраниться. Не в этот раз. Она похлопала меня чуть выше левой лопатки, мягко и нерешительно, у меня даже мелькнула мысль, что мне показалось. Как будто за прошедший месяц она забыла, как это делается.

А может, мне и правда показалось, потому что мгновение спустя она высвободилась из моих объятий и отступила назад. Я постаралась скрыть обиду, пока она поправляла очки в проволочной оправе, которые подчеркивали блеск в ее умных глазах. Многие говорили, что мама совершенно не похожа на типичного ветеринара, с ее невероятно длинными светлыми волосами, изящной фигурой и тонкими чертами лица. Она никогда не красилась, считая макияж пустой тратой времени, и казалось, это только подчеркивает ее естественную красоту.

Мы выглядели совершенно по-разному, я и мама. Я была ниже ростом, крепче, мне от природы досталась сильная мускулатура, как у папы, а еще его глаза и каштановые волосы. Рабочая лошадка против чистокровной кобылицы. Но мне нравилось думать, что я унаследовала мамино лицо сердечком.

И ее упрямство.

— Ты должна соблюдать правила, Мила. Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

Помедлив, мама заправила мне за уши растрепавшиеся на ветру волосы. Когда она коснулась кончиками пальцев моих висков, ее глаза закрылись и с губ сорвался еле слышный вздох.

Я застыла на месте, пораженная неожиданной нежностью этого жеста, боясь, что любое резкое движение может вернуть ее в реальность. Как же я хотела вернуть эту маму, которая легко делилась теплом, объятиями и поцелуями, когда они были нужны. Но до сих пор я была уверена, что прежняя мама не добралась до Клируотера. Что, возможно, она скрывается где-то в Филадельфии — вместе с недостающими воспоминаниями.

Мама отстранилась слишком быстро, ее рука метнулась к изумрудному кулону на шее. Мой камень. Подвеска, которую папа подарил ей в честь моего рождения.

После его смерти этому символическому украшению доставалось больше материнской любви, чем самой дочери.

От ее резкого разворота в воздух взметнулась пыль. Я смотрела на поднявшееся облако — осязаемое напоминание о том, что меня отвергли — которое все истончалось и истончалось, пока не рассеялось полностью. Интересно, каково это — уметь так легко исчезать?

— Выгуляй Негу и почисти ее. Я пойду проверю, как там Мэйси, — бросила через плечо мама. Она шагала так быстро, что была уже на полпути к конюшне.

Если б только я умела так же ловко, как она, оставлять все позади.

— Ах да, Кейли звонила. Хочет смотаться с тобой в «Дейри Куин»,[3] заедет через полчаса. Оттуда сразу домой, ясно?

— Да, — ответила я, едва сдержавшись, чтобы не закатить глаза. После школы сразу домой. Никуда не ходить без разрешения. Ни к кому, кроме Кейли — которая прошла строгую предварительную проверку — не садиться в машину. Можно подумать, мы в каких-то нью-йоркских трущобах живем.

Не то чтобы это имело значение. Мне все равно больше не с кем — и некуда — было пойти.

Я ненадолго прислонилась головой к взмыленному телу Неги. Ее тепло и мускусный запах успокаивали. Я выпрямилась:

— Пойдем, Нега, погуляем.

Она фыркнула, как будто в знак одобрения.

Я медленно пошла следом за мамой, позволяя взгляду блуждать по участку, который просто резал глаз своим сельским колоритом. Здесь все резало глаз сельским колоритом: даже гравийная подъездная дорога справа от меня и отделяющаяся от нее пыльная тропинка, которая вела к домику для гостей. Наше новое место жительства было уменьшенной, более скромной копией пустующего главного здания — дома площадью семьсот пятьдесят квадратных метров, который растянулся по земле буквой «Г» примерно в километре отсюда. Такие же белые стены с зеленой отделкой, такое же крытое крыльцо. Здесь не было кресел с коваными спинками, сделанными в форме конских голов, но зато у нас был свой собственный бронзовый дверной молоток в виде головы лошади.

От гостевого домика тропинка сворачивала направо к высокому зданию с треугольной крышей. Конюшня — одна из причин, по которым мы с мамой оказались здесь. Насколько я поняла, у хозяев в Англии заболел родственник, и им пришлось остаться там на неопределенное время, поэтому они наняли маму в качестве ветеринара и смотрителя.

Повезло мне.

Наверняка есть девушки, которые были бы рады переехать на большое ранчо вдали от города, помогать ухаживать за лошадьми, начать новую жизнь.

Я погладила Негу по шелковистой морде. Пока меня здесь устраивали только лошади.

Глава вторая

— Мила, как думаешь, эти цвета сочетаются?

Высокий голос Кейли, прозвучавший у самого моего уха, вырвал меня из воспоминаний о папе — а воспоминания были приятные.

Они с мамой шли по Причалу Пенна, держась за руки, а я побежала вперед, разглядывая туристов, скейтеров, исторические корабли, вбирая в себя затхлый запах реки Делавэр. Несмотря на теплые красные варежки, я немного мерзла, но взрыв папиного смеха согрел меня.

Когда я открыла глаза, и перед ними вновь предстал коричнево-желтый интерьер «Дейри Куин», по сердцу резануло осознание потери. Там, в воспоминаниях, я была любима, чувствовала себя как дома. В забегаловке в чужом городе такие ощущения охватывают нечасто.

Кейли сунула мне под нос свои ногти, накрашенные попеременно лаками «Кошачий язычок» и «Фиолетовый фейерверк», и пошевелила пальцами, подпрыгивая на диванчике в порыве энтузиазма. Я заставила себя разжать кулаки и подавила желание оттолкнуть наманикюренные пальцы.

— Здорово смотрится, правда?

В своей типичной манере, Кейли тут же ответила на собственный вопрос раньше, чем у меня появился шанс хоть что-то сказать.

— Потрясно выглядит, — ответила Элла, сидящая напротив. На ее узком мышином личике отражался неподдельный восторг.

— Потрясно, — эхом отозвалась я. На самом деле, я не смогла найти в себе ни капли интереса по поводу лаков и блесток для ногтей. — Откуда у тебя этот шрам на мизинце?

Кейли перестала шевелить пальцами. Она нахмурилась, осмотрела мизинцы на обеих руках и прищурилась, разглядывая шрам, который я заметила, — белую полоску у основания пальца.

— Эта мелочь? Понятия не имею, — пожала плечами она. — Может, укололась во сне иголкой, надеясь, что впаду в кому, а очнусь уже в каком-нибудь другом городе.

Элла вздохнула:

— Ты забыла про принца и волшебный поцелуй.

— Еще чего! — фыркнула Кейли, так громко, что Элла расхохоталась, и даже я не сдержала улыбки.

Весь месяц со дня нашей первой встречи Кейли Дэниелс делала все с одинаковой головокружительной скоростью. Она была первой в классе, кто захотел со мной познакомиться:

длинноногая и веснушчатая гиперэнергичная девушка в сапогах на высоком каблуке. Она схватила меня под руку в классном кабинете и практически приволокла к своей парте, усадив за соседнюю. Я помнила наш разговор дословно.

— Ты ведь Миа Дейли? Та, которая недавно переехала в гостевой дом на ранчо Гринвудов? И ты из Филадельфии, о боже, там, наверно, жить в миллиард раз интереснее? Я — Кейли Дэниелс, и я расскажу тебе все, что нужно знать о Клируотере. Чего, к сожалению, не много. Прежде всего — тут слишком мало парней. Слишком. Мало.

Когда она сделала паузу, чтобы перевести дух, я поправила ее по поводу своего имени — домашние давным-давно сократили Мию Лану до Милы — и расслабилась, погрузившись в поток ее болтовни, который отвлек меня от грустных размышлений.

— Ну и что стряслось? Зачем было всех собирать?

Тем временем помещение заполнил запах духов «Ванильное небо», а затем, топая в туфлях на платформе, появилась и сама Паркер. Она небрежно бросила свою сумочку с бахромой на стол, чуть не опрокинув мороженое Эллы, и рухнула на диванчик рядом с ней.

Паркер? Кейли позвала Паркер? Я едва не застонала.

Рядом со мной Кейли постучала ярко-розовым ногтем по своему стаканчику мороженого с колой:

— Здрасьте, приехали! А мороженое?

Но краем глаза я заметила не слишком деликатный кивок в мою сторону.

— Аа, — понимающе протянула Элла. И вся троица тут же обернулась на меня с сочувственными улыбками.

Я шаркнула кроссовкой по липкому полу, жалея, что не могу целиком соскользнуть под стол. Кейли меня провела. На самом деле, эта поездка в «Дейри Куин» была вызвана не внезапной жаждой мороженого. Кейли собрала всех из-за меня, теперь это просто бросалось в глаза.

Благотворительный проект «Мила Дейли» — это я. Эти сочувственные улыбки преследовали меня везде, стоило людям узнать о папе, улыбки и тень неловкости в общении, потому что никто не знал, что нужно говорить в таких случаях. Как будто они боялись, что от неправильных слов я рассыплюсь как разбитое зеркало — а брать на себя ответственность и собирать осколки никто не хотел.

Я опять шаркнула кроссовкой по полу, изо всех сил стараясь не выглядеть разбитой. А поскольку я не была уверена, что мне это удалось, я выбрала лучшую альтернативу — сменила тему.

— Мне нравится твоя стрижка, Паркер.

Рука Паркер взлетела к ее длинным, тщательно выпрямленным утюжком светлым волосам. Но вместо того чтобы самодовольно поправить прическу, как я того ожидала, она нахмурилась.

— Окей, одинокая белая женщина. Лесли их всего на сантиметр подровняла.

На это ехидное замечание Кейли махнула рукой:

— Да ладно тебе. Ты бы жутко разозлилась, если бы никто не заметил, — сказала она, толкнув меня локтем в бок. Она пододвинула к Паркер диетическую колу. — Держи. Тебе необходим кофеин.

— Ты просто богиня.

— Я знаю.

Пока я слушала их разговор, благодарная улыбка, которую я адресовала Кейли за поддержку, угасла. Интересно, каково это — иметь друзей, которые настолько хорошо тебя знают, что могут сделать заказ за тебя? Пока что я и с собственным заказом определялась с трудом.

— Ну так слушай… — начала Кейли.

Ее прервал скрип входной двери. На мгновение к запахам жареной курицы и жира добавились запахи асфальта и навоза. Вошли двое подростков: блондин с небольшим родимым пятном в форме подковы на лбу и брюнет с пятнышком красной краски на воротнике рубашки.

Это были десятый и одиннадцатый клиент с тех пор, как мы пришли.

— Фу, вы только посмотрите на Томми. Эти старые, грязные рабочие ботинки… — сказала Кейли, достаточно громко, чтобы ее голос был слышен за жужжанием блендера, и наморщила свой нос с горбинкой. — Позорище. Просто преступление. И Джексон ненамного лучше. Вы в курсе, что он планирует остаться тут, когда окончит школу, чтобы помогать родителям с магазином? Отстой.

Элла и Паркер согласно закивали.

— Плюс Джексон одевается так, словно он основатель клуба «худшая рубашка», — продолжала тем временем Кейли, от очередного приступа энергичности которой затрясся столик. — Рубашки с логотипом — тоже отстой.

Я попыталась возбудить в себе такое же чувство презрения к желтому логотипу на рубашке Джексона, но вместо этого увидела папу, болеющего за «Филлис» перед телевизором в нашей старой гостиной. В рубашке с их логотипом — белой стилизованной буквой «Р» — справа на груди.

Я натянула рукава папиной фланелевой рубашки на кисти и

потерла пальцами изношенную ткань. Эта рубашка была уже настолько знакомой на ощупь, что я, наверно, узнала бы ее с завязанными глазами. Когда он умер тридцать пять дней назад, ему было сорок три, но все, что у меня от него осталось, — рубашка и горсть воспоминаний. Этого было слишком мало.

Кто-то настойчиво дернул меня за мешковатый рукав, я обернулась и увидела уставившуюся на меня Кейли. Увидела, что все трое уставились на меня.

— Что?

Кейли взглянула на то, как я прячу руки в рукавах, не слишком тактично откашлялась — кх-кхм! — и сверкнула в мою сторону ослепительной улыбкой.

— Мы привели тебя сюда, потому что подумали, что тебе стоит почаще куда-нибудь выбираться.

Элла закивала, а Кейли продолжила:

— Ну знаешь, иногда забывать о ранчо, маме…

— Этой рубашке, — вполголоса пробормотала Паркер.

Я напряглась, но, похоже, никто больше не услышал, что она сказала.

— …всяком, — закончила Кейли.

Папина смерть. Это у них называется «всякое».

Диванчик, на котором я сидела, неожиданно показался капканом. Я ошиблась. Ошиблась, подумав, что поход в кафе с Кейли, с кем угодно, поможет. Лошади на ранчо, по крайней мере, не считали, что меня можно починить с помощью мороженого.

Стоило этой мысли сформироваться, я поморщилась. По крайней мере, они старались помочь. Ну ладно, не столько Паркер, сколько Кейли. И Элла, как всегда, ненавязчиво, боясь кого-нибудь обидеть.

Они старались. Просто они не понимали.

— Спасибо, — наконец пробормотала я. Мне очень хотелось, чтобы они направили свой коллективный интерес на кого-нибудь другого.

К счастью, дверь рядом с кассой снова заскрипела, открываясь.

— Кто это? — спросила я, мысленно извиняясь перед вошедшим парнем, кем бы он ни был, за то, что назначила ему главную роль в своем отвлекающем маневре. Он прошел в кафе, высокий, худой, с копной темных волнистых волос.

Кейли широко распахнула свои карие глаза:

— Не знаю. Но хотела бы, он просто конфетка!..

Паркер притворно зевнула:

— Ты бы так сказала про любого парня, если он не местный и

у него есть пульс. Хотя нет, часть про пульс можно опустить. — Но, когда она, вытянув шею, разглядела вошедшего из-за спинки дивана, Паркер сложила губы трубочкой и фальшиво присвистнула:

— Неплохо.

Не желая остаться в стороне, Элла тоже вытянула шею, чтобы посмотреть на новоприбывшего, который в этот момент диктовал свой заказ молодому прыщавому кассиру. — Может, он из Аннандейла? — предположила она, назвав ближайшую к нам школу.

Я отрицательно покачала головой:

— Когда он делал заказ, он сказал, что только что переехал сюда.

Паркер скривила покрытые розовым блеском губы, помешивая соломинкой в стакане с колой. Перед каждым глотком она не меньше трех раз поворачивала соломинку по кругу.

— Ну конечно. Как будто ты могла аж отсюда это услышать.

— Мила тихая. И внимательная, — сказала Кейли, смягчая резкость слов Паркер. Затем она рассмеялась. — Хотя, может, она все-таки прячет какой-нибудь навороченный слуховой аппарат у себя в ухе.

— Она протянула руку и шутливо дернула меня за мочку, и это ощущение вызвало всплеск воспоминаний.

Белые стены. Размытый силуэт мужчины в белом халате. Он протягивает руку, заталкивая палец мне в ухо.

Пытаясь вырваться, я толкнула стол, перевернув свой стаканчик с мороженым. Я обнаружила себя стоящей в метре от дивана и только тогда осознала, что я делаю.

— Господи, Мила, ты что как припадочная? — возмутилась Паркер. — Серьезно, объясните мне, кто-нибудь, почему мы с ней тусим?

— Помолчи, Паркер, она классная. В смысле, она же из *Филадельфии.* А ты где родилась? Ах да — в Клируотере.

Я стояла перед нашим столиком оторопев. В кои-то веки Паркер была права — я действительно вела себя как припадочная. Судя по пристальным взглядам и хихиканью вокруг, все остальные тоже так думали. Включая незнакомца. Стоя у кассы, он изучающе разглядывал меня своими голубыми глазами, такими светлыми, что они выглядели почти прозрачными.

Кейли протестующе замахала руками, между ее бровями появилась складка:

— Клянусь, я понятия не имела, что ты такая чувствительная. Уши больше не трогаю, обещаю, — но постарайся не позорить нас перед симпатичными мальчиками, ладно?

Выдавив из себя улыбку, я опустилась обратно на сиденье. Даже если бы я захотела объяснить им, что произошло, я не смогла бы, потому что сама не имела ни малейшего представления. Если только это не было как-то связано с больницей, в которую я попала после пожара. Может, мне там что-то делали с ушами, проводили какую-то процедуру?

Меня спасло хихиканье Эллы:

— Эй, а новичок-то до сих пор смотрит на нас.

— Благодаря Миле все до сих пор смотрят на нас, — пробормотала Паркер. Но мы все, конечно, тут же обернулись на парня.

Потертый деним, решила я. У него глаза цвета потертой джинсовой ткани.

На нем была белая футболка с длинными рукавами и облегающие серые брюки. А на ногах — кеды в черно-серую клетку.

— И никаких рабочих ботинок, — отметила я, обращаясь к Кейли.

— Тоже мне новость. Это первое, что я заметила.

Я сдержала улыбку. Ну конечно. Это я, как всегда, заметила множество деталей. Серую тень от его подбородка, которая говорила о том, что сейчас около пяти часов. То, как он оперся на стойку, уверенный, но не слишком приветливый, ссутулившись, давая понять, что не склонен сейчас к болтовне. То, как левый уголок его губ поднимался немного выше правого, из-за чего его улыбка выглядела очаровательно несимметричной.

Но тут работник кафе передал парню напиток, и тот вышел.

Кейли нарушила тишину, ударив кулаком по столу, из-за чего все наши стаканчики подпрыгнули.

— Вот о чем я говорю! Именно такие нам нужны в Клируотере — свежая кровь.

— Жаль только, Мила его спугнула своим прыжком, — съязвила Паркер.

Кейли заспорила, утверждая, что так лучше, чем если бы он нас совсем не заметил. Болтовня девчонок постепенно перешла с таинственных незнакомцев на любимых актеров, а я зарылась в папину рубашку. Мой взгляд скользнул к окну, но вместо того, чтобы смотреть на пастбища, я стала перебирать кадры воспоминаний, внимательно разглядывая каждый. Вот мы с мамой и папой готовим дома пиццу, и они, улыбаясь, пачкают мне нос кетчупом. Вот мы все трое сидим, уютно устроившись, на нашем темно-синем диване и играем в джин рамми.[4]

Тут Кейли театрально рухнула в обморок мне на плечо, и картины прошлого пропали.

— Боже, в этом фильме про оборотней он просто секси. Но все равно в «Тристане Джеймсе, несовершеннолетнем солдате» он мне больше понравился.

Я встала, на этот раз намеренно.

— Мне нужно идти, — сказала я. Зная, что мама, скорее всего, расстроится, что я нарушила правило и вернулась пешком, и не слишком-то беспокоясь об этом.

Я вышла, не дожидаясь, пока Кейли успеет озадаченно попрощаться, а Паркер — закатить глаза во второй раз. И оказалась на улице. Подальше от девчонок, от запахов жарящейся еды, от незнакомцев и пластиковых столиков, от всего, что не имело отношения к Филадельфии.

Подальше от всего, что отрывало меня от вереницы воспоминаний в голове.

Глава третья

Следующим утром Кейли ворвалась в класс в еще большем возбуждении, чем обычно; каштановые волосы развевались у нее за спиной, когда она практически подбежала к моей парте. Но только разгладив самодельное черное платье — шила девушка мастерски, как на заказ, — поправив бирюзовые колготки с блестками и проведя указательным пальцем по верхним зубам, чтобы стереть несуществующие следы губной помады, она рухнула на стул за соседней партой.

— Ты его уже видела? — прошипела она и вытянула шею, осматривая по очереди каждый угол класса.

— Кого «его»?

Проведя собственный осмотр комнаты, я не увидела никого — и ничего — из ряда вон выходящего. Та же широкая классная доска на противоположной стене, та же доска объявлений, облепленная разноцветными листовками, гласящими «НАБОР В КОМАНДУ ПО ПЛАВАНИЮ!», «РЕПЕТИТОРЫ БЕСПЛАТНО!» и «ШКОЛЬНЫЙ ПОХОД! ОТДЫХ В КЕМПИНГЕ». Те же двадцать парт, расставленные в четыре ряда по пять на зеленом ковровом покрытии — похоже, его выбрали во время очередной вспышки принудительного укрепления традиций школы. Те же самые ученики рассаживались за парты. Тот же запах: аммиак-вперемешку-с-потом.

То же ощущение, что я оказалась одна в полной комнате незнакомцев. Кейли уверяла меня, что старшая школа города Клируотер — маленькая по сравнению с массой других школ, но, так как в Филадельфии я была на домашнем обучении, эта мысль меня мало успокаивала.

— Так нечестно, — вздохнула она, выпуская из рук рюкзак, который со стуком упал на пол.

Проигнорировав очередное, драматическое выступление от Кейли, я достала из своего рюкзака ручку:

— Ты это о ком?

Я скорее услышала, чем увидела, как Кейли застыла.

— О боже, Мила, смотри! — выдохнула она и так стремительно развернулась на стуле, что ударила меня по руке, выбив ручку… которая полетела прямиком в обтянутую серой футболкой грудь виновника ее фразы «о боже, Мила, смотри».

Моя рука рефлекторно рванулась вперед, на лету ловя метательную ручку. Отличный бы вышел сэйв, но рука владельца серой футболки, который попытался сделать то же самое, врезалась в мою. Сбитая с курса ручка упала и со стуком

прокатилась по полу.

Лохматые темные волосы. Худое лицо. Глаза цвета светло-голубого денима — цвета любимых старых джинсов Кейли — которые на мгновение расширились. Мне едва хватило времени, чтобы все это заметить, прежде чем парень из «Дейри Куин» опустился на корточки за моим стулом.

Поднявшись, он молча протянул мне ручку. Кейли нарочито громко откашлялась — кх-кхм! — но я ее проигнорировала. Я была слишком занята попытками сбросить волосы на лицо, чтобы избежать демонстрации несомненно эффектного румянца во всю щеку.

Значит, все-таки я была права — парень из «Дейри Куин» учился не в Аннандейле. И я только что совершила на него нападение с применением письменных принадлежностей — впечатляющее проявление идиотизма, с которым могло сравниться только мое вчерашнее выскакивание из-за стола. Я молодец.

— Вот, возьми, — сказал он, на удивление глубоким голосом.

Забрав ручку и положив ее на стол, я обернулась, чтобы извиниться, но увидела лишь удаляющуюся широкую спину, и извинения замерли на моих губах. Разумный выбор. Чем дальше от этой странной девицы и ее невероятной летающей ручки, тем безопасней.

— Мужчину с *таким* голосом я бы не прочь видеть в своей постели по утрам, — прошептала Кейли, беззастенчиво пялясь.

— Кейли! — возмущенно прошипела я. Ее заявление одновременно шокировало и рассмешило меня. И хотя я старалась не таращиться на парня, как Кейли, у моих глаз было на этот счет своё мнение. Я заметила его сгорбленную спину в дальнем конце класса, его макушка была вровень с нижним краем светло-голубого плаката «КНИЖНАЯ ЯРМАРКА!». Максимальное расстояние, на которое он мог от нас уйти, — четыре с половиной метра, и он использовал каждый доступный сантиметр.

Очевидно, мое вооруженное нападение его не позабавило.

Глядя на него со своего конца комнаты, я обратила внимание, что только четыре пряди его волнистых волос достают до воротника оливковой рубашки, которую он носил незастегнутой, как куртку. Точно так же, как я носила папину. Обтягивающие штаны — на этот раз черные — опять-таки делали его больше похожим на скейтера, чем на фермерского мальчика. Сегодняшние черно-желтые кеды — Кейли была бы на седьмом небе — подкрепляли и завершали образ «не местного». Однако даже в нашей школе — в сельской глубинке Миннесоты — встречались разные личности, так что совсем уж неуместно

парень не выглядел.

Раздался звонок на урок, долгий нестройный звон, сопровождаемый обычными смешками учеников.

Миссис Стегмейер прочистила горло, шлепнула журнал посещаемости на стол и сложила поверх него руки, сцепив пальцы, унизанные многочисленными кольцами. Четыре кольца были такими же, как всегда, но я заметила, что на указательном пальце правой руки она сменила толстое серебряное кольцо на три тонкие золотые полоски.

Когда болтовня стихла, комнату заполнил ее тягучий голос. Учительница характерно растягивала слова, что выдавало ее южные корни.

— Та-ак, внимание. Прежде чем мы перейдем к перекличке, хочу вам представить нового ученика. Хантер, пожалуйста, встань и скажи пару слов о себе.

Хантер шаркнул кедами под партой. Судя по тому, как он ссутулился, меньше всего ему сейчас хотелось выступать экспромтом. Я его понимала. Мне самой пришлось так представляться в этом самом кабинете меньше месяца назад. Когда все было для меня слишком новым и странным и сбивало с толку.

Если подумать, все не так уж и изменилось.

Хантер смахнул упавшую на глаза прядь, и каскад волнистых волос придал ему мимолетное сходство с собакой наших соседей, лохматым бриаром, который составлял компанию их лошадям.

Бриар мне тоже всегда казался симпатичным.

Он засунул руки в узкие карманы, встал в полный рост и медленно окинул взглядом класс, не глядя ни на кого конкретно. Когда Хантер посмотрел в мою сторону, я одарила его сочувственной улыбкой.

— Ага. Привет. Меня зовут Хантер Лоув, я из Сан-Диего, — сказал он. После еще одной безуспешной попытки смахнуть лезущие в глаза темные пряди, он упал обратно на стул.

— И это всё? — Похоже, краткость его выступления удивила даже миссис Стегмейер.

Он пожал плечами — свободный, красноречивый жест, после которого, пожалуй, слова стали больше не нужны.

Кейли наклонилась ко мне:

— Ничего, с такой внешностью никто и не ждет от него гениальности, — прошептала она.

Я вспомнила свою первую встречу с классом. Я тогда тоже не много рассказала. Интересно, тогда все так же подумали? Что мне извилин не хватает?

Я снова посмотрела на Хантера, чувствуя, как улыбка

сползает с моего лица. Не то чтобы он мог это заметить. Он уставился в окно, созерцая вид, с которым я успела близко познакомиться за прошедший месяц. Я проследила за направлением его взгляда и подумала — интересно, он делает то же, что делала я? Смотрит и не видит футбольное поле, не видит тихую деревенскую улицу за ним, мечтая вернуться в другое время и место?

Во время урока я то и дело исподтишка поглядывала на Хантера, и каждый раз его голова оказывалась повернута к окну.

Как только прозвенел звонок с урока, Кейли выскочила из-за парты так, словно ее ударило током. Ее глаза были прикованы к парте у окна.

— Мила, скорей! — Воскликнула она и нетерпеливо замахала руками.

— Что случилось-то? — Так или иначе, я уже встала и надела рюкзак, когда Кейли схватила меня за руку и потащила между рядами парт. По дороге она чуть не упала, споткнувшись о фиолетовый рюкзак с пацификом, принадлежащий Мэри Стэнли, и сбила с ног Брэда Занзибара, который наклонился, чтобы завязать шнурок.

Ее траектория вывела нас прямиком к парте Хантера.

— Привет! Я Кейли, а это Мила. (Я попыталась отступить в сторону, но она схватила меня за руку и вытащила вперед.) Мы тут подумали, что тебе может понадобиться помощь, ты ведь еще не знаешь, где какие кабинеты.

Кейли сияла, покачиваясь на носках, а я застыла. *Мы* подумали? Это еще когда?

Я резко повернула голову в ее сторону, надеясь взглядом заставить ее взять свои слова обратно, но она либо не заметила, либо сознательно меня проигнорировала.

Хантер встал, закинул красный рюкзак фирмы North Face за плечо и засунул руки в карманы. Его взгляд метнулся в сторону Кейли, потом в мою, и снова вернулся к Кейли. Он пожал плечами. Разумеется, Кейли восприняла это как согласие:

— Отлично! — заявила она и даже пару раз хлопнула в ладоши, по-детски растопырив пальцы. — Следуй за мной.

И она засеменила вперед, по дороге незаметно пригладив волосы левой рукой.

Я осталась стоять, неловко переминаясь с ноги на ногу, гадая, кто должен пойти за ней первым, — проход был явно слишком узким, чтобы мы могли сделать это одновременно. И тут Хантер посмотрел на меня, задержав взгляд на моем лице на три мучительно долгих секунды. За эти три секунды я поняла, что при таком освещении его глаза выглядят более темными. Все тот же

небесно-голубой цвет, но оттенок стал более весомым, более материальным. Наконец он сказал:

— Иди ты первая.

Эта фраза, произнесенная так запросто, его глубокий голос и легкая улыбка вкупе произвели на мои легкие своеобразный эффект: как будто я внезапно выдохнула и только тогда поняла, что до сих пор задерживала дыхание.

Я поспешила следом за Кейли, надеясь, что в коридоре таких проблем с дыханием не возникнет.

Ага, не тут-то было. По коридору в обоих направлениях двигался поток учеников: одни торопились на урок, другие просто бесцельно бродили. Все в той или иной степени шумели. И практически все, за исключением нескольких человек, с которыми я обменялась приветствиями в классе, были мне незнакомы.

Плюс в этом коридоре не было окон, только шкафчики, покрытые облупившейся травянисто-зеленой краской, и двери в кабинеты. В тесном пространстве и без естественного света ощущение было такое, словно меня поймали и посадили в длинную и узкую коробку.

— Тебе куда? — спросила Кейли вышедшего из класса Хантера. Когда он ответил, где у него должен быть следующий урок — 132-й кабинет, учитель мистер Чески, — она подхватила его под руку и потащила за собой как игрушку на веревочке. Хантер неохотно поплелся за ней, а я пошла следом с другой стороны от Кейли, уверенно ведущей нас вперед.

— Так ты из Сан-Диего? И как оно там? Наверняка потрясно. Ты занимаешься серфингом?

Я выглянула из-за Кейли и увидела, как Хантер потянул себя за ухо, прежде чем ответить.

— Да, — серьезно сказал он. — У нас обязательный выпускной экзамен по серфингу.

Кейли выпучила глаза:

— Да ладно, правда что ли?

Его выдали дрогнувшие уголки губ. Кейли взвизгнула:

— О боже, какой ты вредный! Мила, ты можешь себе это представить? Этот тип тут и трех секунд не пробыл, а уже дразнит меня!

И так как голос Кейли эхом разносился по коридору, теперь вся школа могла себе это представить.

Я закашлялась, чтобы скрыть смех. При всех своих хороших оценках, Кейли порой вела себя очень глупо в присутствии парней, но обычно никто ее на этом не подлавливал.

До сих пор.

Общаясь в своей обычной треподромной манере, Кейли

ухитрилась опросить Хантера по всем пунктам, начиная с того, есть ли у него домашние животные — нет — и заканчивая тем, кто его любимый певец — Джек Джонсон — еще до того, как мы повернули за угол. Что вполне естественно: с его односложными ответами у нее оставалось полно времени, чтобы говорить самой.

Вместо того чтобы слушать Кейли, я наблюдала за ним. Он шел грациозной походкой спортсмена. У него была крошечная родинка на левой щеке, как раз там, где появляется ямочка от улыбки, и всякий раз, когда Кейли задавала ему немного слишком личный вопрос — например, хорошо ли он ладит с родителями, — он на мгновение опускал взгляд, прежде чем ответить.

Когда до места выгрузки Хантера осталось пройти около пяти дверей, она наконец прекратила односторонний допрос и начала засыпать его бесценными сведениями о нас.

— Я местная, родилась и выросла тут. Печально, правда? А вот Мила нездешняя. Бедняжка переехала сюда из Филадельфии пару недель назад, когда ее папа умер. Мы с ней с тех пор корешки, — сказала она, оплетая мою руку своей, и положила голову мне на плечо.

«Когда ее папа умер…»

Я оцепенела. Отлично. Случайно это получилось или нет, но ей хватило пары легкомысленных предложений, чтобы разрекламировать мою жалкую биографию и вывалить несколько личных подробностей.

— Угу, — пробормотала я. Хантер остановился, и из-за того, что Кейли соединила нас троих в какую-то сумасшедшую живую цепь, возник эффект домино: сначала затормозила Кейли, потом я. Подняв голову, я увидела, что Хантер пристально смотрит на меня поверх кудряшек подруги.

— Соболезную.

Соболезную. Вот и все, что он сказал. Но красноречивее любых слов было то, о чем он промолчал. Он не пытался сменить тему или спешно придумать повод уйти, как обычно делали друзья Кейли.

В кои-то веки я не чувствовала себя так, словно смерть родителя — заразная болезнь.

— Спасибо.

Нас прервал грохот захлопнувшегося шкафчика.

— Вперед, вперед, а то мы опоздаем, — несколько угрюмо объявила Кейли и потянула нас за руки, снова приводя в движение живую цепь. — Ой, смотри, там Паркер и Элла. — Энтузиазма в ее голосе стало еще меньше, и я удивленно смотрела, как она пытается пригнуться. Поздно. Девчонки нас

заметили.

Хантер вскинул голову. Я внезапно поняла, как выглядит выбредший на дорогу олень, на которого несется машина. Думаю, мысль о том, что на него сейчас могут свалиться еще две девушки, показалась ему невыносимой. И винить его тут не в чем, подумала я, видя, как Паркер бросилась к нам в своих узких джинсах, а Элла, у которой были не такие длинные ноги, припустила рысью, чтобы не отставать. Со стороны они немного напоминали стайку пираний, устремившихся к особенно вкусной рыбешке.

— Мне туда, — заявил Хантер, вырываясь, и вприпрыжку понесся вперед.

— Встретимся потом в столовой? — крикнула Кейли ему вслед.

Он пробормотал что-то вроде «не знаю — мне там нужно заполнить…» и тут же скрылся за спасительной дверью кабинета номер 132.

В тот же миг Кейли развернулась к девочкам и сердито воззрилась на них:

— В следующий раз проявляем интерес чуть менее агрессивно, окей?

Я удивленно моргнула. Разве у них могло получиться агрессивнее, чем у самой Кейли?

Но я не стала говорить это вслух, в то время как Кейли пустилась в подробное описание нашего марш-броска по коридору; вместо этого я последовала примеру Хантера и направилась в свой класс. Только, думаю, на меня, в отличие от Хантера, никто не обратил внимания.

Но тут Паркер отделилась от группы и пошла за мной, коварно улыбаясь. Я остановилась, озадаченная, и она наклонилась ко мне, как будто хотела поделиться чем-то особенным.

Ее заявление и было особенным, иначе не скажешь.

— Видишь? — прошептала она, слегка помахав кому-то за моей спиной. Даже разговаривая со мной наедине, она не удостаивала меня своим безраздельным вниманием. — Уже началось. Кейли быстро надоедают новые игрушки. Ты продержалась так долго только потому, что ты не местная, но сейчас, когда появился Хантер… — Паркер выпрямилась и безразлично ухмыльнулась: — Короче говоря: я бы сказала, что пройдет неделя максимум, и ты уже будешь сидеть за отдельным столиком где-нибудь в углу. Даже меньше, если будешь продолжать пялиться на Хантера. Кейли делиться не любит.

После чего, удовлетворенно вздохнув, она развернулась и

ушла.

Я покачала головой и зашла в кабинет, в стотысячный раз гадая, что Кейли в ней нашла.

Глава четвертая

Когда раздался звонок на обед, я решила отделиться от орды оголодавших школьников и выйти на воздух. Даже в удачные дни я терпеть не могла столовую, с кучей народа и ослепительным светом люминесцентных ламп — каждый раз, когда я туда заходила, я сразу начинала чувствовать себя экспонатом, выставленным на всеобщее обозрение. А уж после язвительности Паркер… скажем так: меньше энтузиазма по поводу коллективных обедов я еще ни разу не испытывала.

Я подошла к двери, ведущей к моему убежищу: одинокой скамейке в никому не нужном внутреннем дворе. Здесь не было других школьников, с которыми пришлось бы общаться, только клочок травы, три разросшихся дерева и немного перекошенное изображение символа школы, мультяшного льва.

Когда я открыла дверь наружу, холодный ветер ударил мне в лицо. Прогноз предвещал нехарактерно тоскливый для здешних мест сентябрь, и пока погода ему соответствовала. Для меня это был плюс, поскольку холод и моросящий дождь меня совершенно не беспокоили, но при этом загоняли весь остальной контингент школы внутрь.

Ну, кроме одного человека.

Дверь за мной с грохотом захлопнулась, с деликатностью выстрела оповещая о моем прибытии одинокую личность, присвоившую мое место.

Какое-то время я внимательно рассматривала его между свисающими к земле ветвями, полностью отдавая себе отчет в том, что пара любопытных глаз присматривается ко мне в ответ сквозь красно-оранжево-коричневый калейдоскоп листьев. Хантер не сидел на скамейке, как нормальные люди. Вместо этого он взобрался на спинку, поставив ноги на синие доски сиденья. Он натянул на голову капюшон и сидел, упираясь локтями в колени. В руках он бережно держал потрепанный комикс. Вот вам и «мне там нужно заполнить».

Окей… дальше что? Я окинула взглядом крошечный овальный дворик в поисках путей отступления, других мест для сидения, которые позволили бы мне не выглядеть жутким сталкером.[5] Но ничего подходящего там не было, не считая двух вариантов: сесть на мокрую траву или на грязный и настолько же мокрый бетон — оба выглядели не слишком заманчиво.

Когда я уже решила, что наименее неловким выходом из ситуации будет помахать и дать деру, из-под оливкового капюшона раздалось:

— Я занял твое место?

— Формально — нет. То есть это же не моя скамейка. Она принадлежит школе.

Мои щеки запылали. Ух ты. Ну да, хорошо, *формально* я была права, но заявлять об этом вслух — полнейший неадекват.

До меня донесся тихий смех Хантера, и тугой узел в животе немного ослабился. Мгновение спустя я тоже засмеялась.

— Я иногда здесь прячусь от всех, но ты ведь пришел первым, так что я пойду, — сказала я.

Он передвинулся на самый край скамейки, и передо мной открылся синий простор крашеных досок:

— Места полно.

Я прикусила губу. Заманчиво. Особенно учитывая альтернативу — ощущение одиночества, которое, как ни странно, в толпе становится более явным.

— Уверен?

Он пожал плечами — жест, который был призван выразить безразличие, — но его выдали пальцы. Он барабанил ими по колену, наводя на мысль, что под маской равнодушия скрывается нечто иное. Этот крошечный импульс — тонкие пальцы, беспокойно постукивающие по протертому дениму — будто придал образу Хантера человечности.

Я вспомнила, как он смотрел в окно в классе, как резко его спокойствие контрастировало с шумом и криками, доносившимися из-за двери.

— Ну ладно.

Я поднырнула под ветку дерева и подошла к скамейке по выложенной кирпичом дорожке. Ничего особенного. Я посижу со своей стороны, он останется на своей, и мы не будем обращать друг на друга внимания.

Отличная идея — в теории. Но на практике трудновыполнимая. Сидя на своем конце скамейки, я слышала его ровное дыхание, ощущала, как от него пахнет стиральным порошком и еще чем-то мускусным — сандалом — и чувствовала, как он, читая, постукивает ногой по скамейке. Двадцать два удара в минуту.

Я подняла воротник папиной рубашки и натянула рукава на кисти. Я планировала сесть и погрузиться в воспоминания, но не вышло. Из-за того, что рядом был Хантер, я чувствовала себя странно, словно незащищенной. Так что я просто закрыла глаза и подставила лицо под дождь, пытаясь сосчитать отдельные капли, легко, словно перышки, касающиеся моей кожи.

Через три минуты непродуктивных попыток я услышала, как зашелестели страницы комикса:

— Тебя же зовут Майя, правильно? — спросил Хантер.

Испытав неожиданный укол разочарования, я открыла глаза:

— Почти. Мила.

— Извини. Ми-ла.

Хантер старательно протянул мое имя, отчего в нем появилась мелодичность, которой я прежде не слышала.

Он рассеянно кивнул, продолжая барабанить пальцами по левому колену. Я ждала следующего вопроса. Вместо этого Хантер сгорбился и на секунду перестал барабанить, чтобы перевернуть страницу своего комикса. Я попыталась перевести свое внимание обратно на двор, на свои туфли, на что угодно, кроме Хантера, но задумчивый парень с намокшими растрепанными волосами и ростом метр восемьдесят оказался слишком заметным объектом, чтобы его игнорировать. Внезапно мне захотелось еще раз услышать, как он произносит мое имя тем же мелодичным голосом.

Ми-ла.

Я подавила стон. Отлично. Видимо, я заразилась у Кейли ее парнеманией.

Хантер запрокинул голову и закрыл глаза, давая мелким брызгам оседать на щеки и ресницы. Любой другой парень из нашей школы в таком положении выглядел бы глупо, как будто он специально рисуется. Хантер выглядел просто… умиротворенным.

— Тебе ничего, что дождь идет? — спросил он, словно в полусне.

Я взглянула на плывущую над нами серую массу. Тучи не пропускали ни единого луча солнца, отчего вся школа окрасилась в мутные депрессивные цвета.

— С ним даже легче.

Он мельком глянул на меня. Заметив удивленно приподнявшуюся бровь, я тут же пожалела о сказанном. Это было слишком откровенно. Вот-вот он посмотрит на меня с жалостью. Вот-вот…

Вместо этого он мягко улыбнулся:

— Ага, — только и сказал он и закрыл глаза.

Просто «ага». И всё. Но в одном этом «ага» я ощутила больше понимания, чем за целый час обеденной болтовни с друзьями Кейли.

От этого «ага» я почувствовала облегчение, словно я наконец-то наткнулась на кого-то, способного принять меня такой, какая я есть. Принять ту меня, какой я стала после Филадельфии, после папы — а не ту счастливую, ничем не обремененную, не сломленную девушку, которую все хотели бы видеть. Включая

маму. Может, вот он, наконец, человек, с которым я могла бы поговорить. Вот только незадача — я никак не могла придумать, что сказать.

Я стала рыться в голове в поисках подходящей темы для разговора. Подумала о лошадях, но я не знала, ездит ли Хантер верхом или, как Кейли, считает, что лошади — «вонючие громадины с огромными зубами». Нет, мне нужно было что-то, что ему интересно.

Что я успела о нем узнать? Немного. Он новенький, он приехал из Сан-Диего. От него пахло в тысячу раз лучше, чем от типа, который сидел рядом со мной на уроках английского… Мой взгляд упал на раскрытый комикс.

— Это о чем?

— «Призрак в доспехах»? Как обычно. Добрые против злых. Майор Мотоко против Кукловода, — он кашлянул и поддел носком рюкзак. — Надо, наверно, его убрать. Намокнет…

Прежде чем он закрыл журнал, я успела мельком взглянуть на красочные рисунки. Я увидела девушку с фиолетовыми волосами и большим пистолетом, стоящую перед какой-то странной машиной. Выглядело интересно и совсем не похоже на то, что таскали с собой в школу местные ребята.

Я подтянула колени к груди и смотрела, как он расстегивает рюкзак и запихивает туда комикс.

— Ты анимешница?

Я крепче обняла ноги, гадая, что ответить.

— Не сказала бы, — выдала я в итоге. Не совсем ложь, но и не неудобная правда. — Но книги читать люблю. Ты эту с собой привез, когда переехал? — Я не могла себе представить, что такое можно купить в Клируотере.

— Ага. У нас в Сан-Диего был классный независимый книжный с коллекцией манги. А если в магазине чего-то не было, можно было через них заказать. — Его печальный вздох отозвался во мне эхом ностальгии. Как ни странно, осознание того, что не я одна тоскую о прошлом, совсем чуть-чуть, но ослабило мое ощущение одиночества. И даже если эта тоска относилась всего лишь к какому-то магазину, она послужила напоминанием: я не одинока в этом чувстве. Хантеру тоже пришлось оставить позади то, что он любил.

Одной рукой все еще обхватывая ноги, я высвободила другую и прижала ее к щеке. И вдохнула поглубже, пытаясь уловить ускользающий папин запах, сладковатый сосновый запах одеколона. Он постепенно растворялся, и я с ужасом ждала того дня, когда он исчезнет полностью, и я потеряю эту последнюю ниточку.

— Придется топать в Миннеаполис, чтобы найти приличный книжный. — Он помедлил, а затем добавил: — Если вдруг тоже захочешь, можем…

— Хорошо, — пробормотала я, пытаясь подавить огромный комок в горле. Доброта Хантера, смерть папы; все мои чувства слились в одну взрывоопасную смесь. В любой момент какое-нибудь из них могло прорваться наружу, и кто знал какое?

— Эй, ты в порядке?

Я с трудом сглотнула и кивнула, боясь сорваться, если заговорю.

— Это рубашка твоего папы?

Я снова кивнула.

— Он умер… недавно?

Я откашлялась, с усилием вдохнула. До сих пор я постоянно жаловалась, что все боятся подступиться к теме папиной смерти. Не ответить было бы лицемерием.

— Ага. Был пожар.

Я услышала, как его подошвы шаркнули по дереву, — он сменил положение.

— Сурово. А ты там была?

Предположительно. Я снова перебрала воспоминания, ища среди них пламя, дым — хоть что-то. Как и в любой другой раз, ничего похожего.

И тут я услышала крик. В моих воспоминаниях кричала девушка.

От этого звука у меня зашевелились волосы на затылке. Но сопровождали этот крик все те же кадры: белые стены, белый медицинский халат. Запах хлорки.

По-прежнему никакого пожара.

— Я не помню.

Я скорее почувствовала, чем увидела его удивление, потому что, как только эти слова вырвались у меня, я закрыла глаза. Я поверить не могла, что действительно это сказала, и все же… сразу стало легче.

Неожиданно я ощутила на своем плече тяжесть его руки.

— Ты в порядке? — повторил он. Мягко.

— Ага. Но мне не хочется больше об этом говорить.

Взглянув на него сквозь упавшие на лицо пряди, я потрясенно обнаружила, что он не смотрит на меня в стиле «Да что с ней такое?» — у Паркер это один из фирменных взглядов.

— Без проблем.

Он закрыл глаза. На этот раз молчание показалось уютным. Если бы мне предложили просидеть так весь день, просто чувствуя себя нормальной в обществе другого человека, для

разнообразия, я бы моментально согласилась. Но через какое-то время затрезвонил, захлебываясь, звонок, возвестив о конце обеда.

Хантер застонал. Он поднял вверх свои длинные руки, потягиваясь, из-за чего рубашка обтянула его грудь, подчеркивая мускулатуру. Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули, и уставилась себе под ноги. Кейли бы на моем месте завизжала от восторга. Не то чтобы я не воспринимала физическую привлекательность — очевидно, воспринимала. Еще как. Но что в нем было действительно привлекательным, так это его чуткость. Качество, которое другие девушки вообще не принимали в расчет, оценивая, годится ли парень на роль бойфренда.

Когда я об этом подумала, мне сразу захотелось взять его и спрятать от всех к себе в рюкзак.

— Обменяемся номерами? Можно будет потом поболтать, — сказал он.

Я быстро наклонила голову, чтобы он не успел заметить, как моя улыбка растягивается в совершенно дурацкую ухмылку. Я продиктовала ему свой номер, пока вытаскивала мобильник из рюкзака.

— А у тебя какой?

Через две секунды телефон у меня в руках завибрировал.

Наши взгляды встретились, я нажала «Вызов» и поднесла трубку к уху:

— Алло?

— Теперь он у тебя есть, — сказал Хантер в два голоса. Он положил трубку и наклонил голову вбок, чтобы рассмотреть мой старенький Samsung:

— Такие еще делают? В интернете, значит, не лазишь?

Я вздохнула, сердито посмотрев на свой телефон.

— Нет. Моя мама вроде как противник интернета. Вообще противник компьютеров. Она даже ноутбук мне не разрешает завести.

Он посмотрел на меня пораженно, так же как все остальные, когда они узнавали, что мама избегает современных технологий. Одна девушка даже спрашивала, не из амишей[6] ли мы. Но в итоге он просто сказал: «Родители». С понимающей улыбкой.

И мы пошли по тропинке обратно к школе, плечом к плечу.

— Какой у тебя следующий урок? — спросил он, когда мы были почти у двери.

— Алгебра. А у тебя?

— Углубленная химия.

Видали? И вовсе он не тупой.

— Круто.

Когда мы подошли к двери, он перегнулся через меня, чтобы открыть ее. Его рука случайно коснулась моего плеча, и по моему телу пробежала дрожь. Я вошла в забитый холл, пытаясь подобрать название этому странному чувству, когда неподалеку раздался знакомый голос.

— А, Мила, вот ты где! И ты… *наткнулась* на Хантера?

Кейли стояла в паре метров от нас, скрестив руки на груди, образуя длинноногое препятствие на тяжелой платформе, которое школьникам приходилось огибать, чтобы не врезаться. Ее акцент на слове «наткнулась» не остался для меня незамеченным даже в гаме голосов и шагов спешащих на уроки ребят.

Ее взгляд коснулся меня, подольше задержался на Хантере и еще дольше — на мобильных, которые мы все еще сжимали в руках. Я спешно запихнула свой в рюкзак, хотя и не была уверена, из-за чего, собственно, нервничаю. Я ведь не сделала ничего плохого.

Она подошла ближе, сверкнув улыбкой — не такой широкой, как обычно.

— И чем вы там занимались? Мила тебе помогала заполнять бумажки?

Хантер пожал плечами и встряхнул головой, откинув волосы с лица:

— Что-то вроде того, — ответил он. И он подмигнул мне, погружаясь в поток школьников, бредущих по коридору.

Кейли прижала руку к груди, глядя ему вслед.

— Обожаю загадочных парней.

Но стоило ему скрыться из виду, как вся ее игривость пропала. Она резко развернулась ко мне, уперев руки в бока:

— Так ты поэтому не пошла с нами обедать, чтобы Хантер достался тебе одной? Ты что, теперь сталкером заделалась? Боже, Мила, это просто противно! — Ее щеки пошли красными пятнами, а голос с каждым вопросом повышался, из-за чего проходящие мимо ребята стали бросать на нас косые взгляды. Две девчонки из нашего класса начали перешептываться, а один парень толкнул своих приятелей локтем в бок, кивнув в нашу сторону, и все трое расхохотались.

— Тшш! — прошипела я.

— А что, ты стесняешься? — еще громче спросила она. — Обсуждать ХАНТЕРА?

На нас обернулось еще несколько человек, возвращая мне чувство загнанности. Мои мышцы напряглись. Захотелось скрыться от всеобщего внимания. *Сейчас же.*

Быстрым движением, незаметным со стороны из-за положения ее тела, я схватила Кейли за руку выше локтя. Я

подтащила ее к выходу и рванула дверь на себя. Сила инерции вышвырнула нас обеих во двор, подальше от толп школьников и их чересчур любопытных взглядов.

— Мила, мне больно! — Кейли попыталась вырваться из моей хватки.

Я посмотрела вниз и с растущим ужасом осознала, что все еще сжимаю ее руку. Я разжала пальцы, и Кейли другой рукой тут же стала растирать пострадавшее место.

— Да что с тобой такое? — возмутилась она, обвиняюще глядя на меня своими большими карими глазами.

Я покачала головой, ошеломленно глядя на то, как она одной рукой поддерживает другую. И правда, *что* со мной такое?

Я поверить не могла, что вот так ни с того ни с сего вцепилась в Кейли. Ужас какой.

— Кейли, извини, пожалуйста. Я не хотела сделать тебе больно. Просто там было столько народу, и я… у меня иногда случаются приступы клаустрофобии. Я не специально.

Учитывая мой прыжок на лошади и приступ паники в «Дейри Куин», я в последнее время как-то много всего делаю, не думая. Слишком много.

— Ты психованная, ты в курсе? — заявила Кейли, все еще сжимая свою руку.

Я энергично закивала, спеша выразить свое согласие:

— Я с этим разберусь, обещаю.

— Уж постарайся, — сказала она и, покачав головой напоследок, ушла.

После я пыталась отогнать от себя мысли об этом инциденте. Честно пыталась. Но не могла, из-за грызущего меня смутного беспокойства. По правде говоря, я даже не старалась применить силу, хватая Кейли за руку. И уж точно не старалась сделать ей больно.

Как же это тогда произошло?

Глава пятая

Тревога все еще грызла меня после ужина, когда меня оторвал от книжки мамин крик:

— Мила, иди сюда!

Со вздохом я затолкнула закладку в середину «Рассказа служанки» и скатилась с зелено-золотого лоскутного одеяла, от которого всегда слегка пахло нафталином и лавандой. Решив, что мама хочет отправить меня проведать лошадей, я нацепила валявшиеся на полу кроссовки и спустилась вниз.

Мама ждала меня у вешалки, практически утопая в коричневом флисовом одеяле, конец которого она перекинула через плечо. Ее лицо озарила непривычно широкая улыбка. От этой улыбки, предназначавшейся мне, желание вернуться в постель, к книжке, растаяло окончательно. Это была улыбка из прежних дней. Улыбка, которая отчасти прогнала мое ощущение одиночества и предвещала перемены к лучшему.

Сначала я даже не хотела ничего говорить, боясь голосом нарушить волшебство момента, но любопытство победило:

— Что мы будем делать?

Она раскрыла входную дверь:

— Мы пойдем смотреть шторм.

Я болтала ногами, сидя на краю шаткого крыльца. Мамино предложение выйти на улицу посмотреть шторм сначала показалось мне безумным, не говоря уже о том, что оно было совершенно не в ее духе. Но я не могла отказать, только не сейчас, когда такие знаки внимания от нее можно было по пальцам пересчитать.

Капли дождя шлепали в мои раскрытые ладони. Как обычно, мама оказалась права: шторм на Среднем Западе, увиденный собственными глазами, — это нечто особенное. Яркое световое шоу в небе, густой и влажный воздух, из-за которого джинсы прилипли к ногам, окутавший нас запах озона и сырой земли.

— Потрясающе, правда? — спросила мама.

Не веря своим глазам, я ошеломленно смотрела, как она стянула сапоги и бросила их через плечо. Они ударились о крыльцо с глухим стуком. Мама вытянула ноги вперед, под дождь, и пошевелила пальцами со вздохом, выражавшим чистое блаженство. Нда. Совершенно не в ее духе.

— Советую попробовать.

Мои башмаки моментально слетели с ног, пока она не успела сообразить, что шторм повредил ей мозг. В тусклом свете и

тумане наши голые ноги стали призрачно-белыми, сияющими.

— Классное ощущение, правда?

Кроме того, что капли мокрые, я мало что ощущала, но мамино наслаждение оказалось заразным. Что было действительно классным, так это ее расположение ко мне.

— Определенно.

Ночное небо прорезала еще одна полоса света. На мгновение весь Клируотер оказался освещен, словно кто-то включил гигантский прожектор. И так же быстро вспышка погасла, и вернулась темнота, нарушаемая только светом из окна нашей кухни.

— Раз тысяча, два тысяча, три тысяча, четыре тысяча, пять… — над головой раздался низкий рокот, прервав мамин странный монотонный счет.

— А зачем ты считаешь?

— Просто… это то, что мы раньше делали вместе.

Я замерла, перестав болтать ногами. Мама редко говорила о прошлом, особенно о том, что мы раньше вместе делали. У меня возникло стойкое впечатление, что больше всего на свете она хочет забыть о прошлом. Начать жизнь здесь, в Клируотере, с чистого листа.

В моей голове закрутилось множество вопросов. Решив, что начинать стоит с малого, я остановилась на одном из самых безобидных.

— А мне нравились лаки для ногтей? В смысле, раньше? — спросила я, вспомнив разговор с Кейли в «Дейри Куин».

Когда мама поморщилась даже от такого простого, белого и пушистого вопроса, я поняла, что решение было правильным. Я задержала дыхание, наполовину готовая не услышать ответа.

— Да. Когда ты была маленькой. Но… тебе нравилось красить только ногти на ногах и только при условии, что мы с папой тоже накрасим себе ногти.

Она начала нерешительно, но чем дольше она говорила, тем больше рассказ набирал обороты:

— Вообще-то, один раз папа забыл смыть лак и пошел в таком виде в тренажерный зал… Ну, ты представляешь, как на него там смотрели. — Она протянула руку и сжала мое плечо, смеясь. — Можешь себе это представить? Твой отец, с его мужественным видом… щеголяет розовыми ногтями с блестками.

И, руководствуясь ее словами, я смогла это представить. Вот мой отец, крупный, темноволосый мужчина. Он стоит в раздевалке в шортах и качает головой, глядя на свои блестящие ногти. Я несколько мгновений наслаждалась этой картинкой, прежде чем продолжить. Я осмелела от маминого смеха, от ее

руки на моем плече.

— А врачи что-то делали с моими ушами, после пожара?

Она убрала руку, и я тут же поняла, что сделала ошибку, зашла слишком далеко. Но я упорствовала:

— Я вспомнила кое-что. Человека в белом халате. И он что-то делал с моим ухом…

Бесполезно. Даже в полумраке мне было видно, как плотно сжались ее губы. Она обхватила себя руками за талию, повернула голову в сторону от меня, для полноты картины ей не хватало только заклеить рот изолентой и поднять табличку «НЕ СПРАШИВАЙ».

— Почему ты не хочешь мне отвечать? — прошептала я, и знакомое чувство отвергнутости навалилось мне на плечи. — Пожалуйста. Мне ведь тоже тяжело. — В моем голосе зазвучали противные умоляющие нотки, но я ничего не могла с собой поделать.

Она приподняла руку, будто собираясь погладить меня по щеке, как она это делала в Филадельфии каждый вечер перед сном, раньше, когда ее ногти были чистыми, а не коричневыми от въевшейся грязи и остро пахнущими лошадиной мазью, как сейчас. Я затаила дыхание, чувствуя, как с каждой секундой мы отдаляемся друг от друга. Как от страстного желания вернуть этот вечерний ритуал колотится мое сердце.

Тут мама сложила руки на колени и развернулась обратно к небу.

Я с силой сжала пальцы ног, подавляя подступивший к горлу крик. Может, дело в том, что из-за провалов в памяти я забыла какой-то свой ужасный поступок? Может, поэтому мама не в состоянии воскресить наши прежние отношения? Как так вышло, что я потеряла обоих родителей, когда в пожаре погиб только один?

Под волосами я украдкой прижала дрожащую руку к собственной щеке, словно ожидая, что прикоснусь к чему-то отвратительному. Но моя кожа оказалась совершенно нормальной на ощупь. Слегка скользкой из-за влажного воздуха, но теплой и мягкой. И ничего такого, что могло бы отпугнуть мать.

— Почему ты меня больше не любишь? — прошептала я, ни к кому, по сути, не обращаясь. Потому что знала — она не ответит.

Я встала. Шторм все еще свирепствовал над головой, но мой интерес к нему утекал как вода, которая капала с моей рубашки, собираясь в лужи на полу.

— Считать нужно, если хочешь узнать, как далеко на самом деле гроза. Примерно по три секунды на километр.

Мамин ровный голос остановил меня после первого же шага.

Это что, у нее такой способ помириться? «Извини, Мила, обнять не могу, зато могу нагрузить случайными фактами о грозе».

Вот спасибо.

Я не обязана была это слушать.

Подгоняемая гневом, я быстро оказалась у двери. Я открыла ее, намереваясь найти убежище в своей комнате, где меня ждали Этвуд и одеяло с душком.

— Скорость света больше скорости звука, поэтому сначала мы видим молнию и только потом слышим гром.

Мои пальцы сжались на ручке двери. Я хотела от нее любви, а вместо этого получила пассаж о скорости звука. Серьезно?

— Кроме того, разряд молнии на самом деле идет не с неба на землю, как мы это видим. Он поднимается с земли вверх.

Это была, последняя капля. Грохот захлопнувшейся двери эхом отозвался в ночи. Я резко развернулась, со злостью уставившись на мамину стройную спину и гладкий, спокойно лежащий на ней хвост:

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

Хотелось закричать: *«Мне плевать, как возникает молния и с какой скоростью доходит звук! Для меня есть вещи поважнее!»* Потеря памяти и потеря ее любви, мучительная боль в сердце, которая никогда не проходит. А не какой-то дурацкий шторм посреди дурацкой Миннесоты.

А не…

По небу пробежала еще одна белая линия. На миг вспышка осветила осевшее крыльцо и мамину руку, сжимающую этот дурацкий зеленый камешек на цепочке, и все снова ушло в темноту. Но искра понимания осталась со мной.

— Ты хочешь сказать, что некоторые вещи не такие, какими кажутся? Но что, мам? Что не такое, каким кажется?

Скрип досок и рокот грома, но ответа не последовало.

Нет ответа. Ясно. И, видно, что бы я ни сказала, это ничего не изменит. И все же я поправила ее, испытывая мрачное удовлетворение:

— Ты, кстати, ошиблась. Не все видят молнию вверх ногами. Я вижу как есть.

Но не успела я направиться в дом, как мой торжественный уход со сцены что-то прервало.

Я прислушалась:

— Ты это слышала?

— Что?

— Шум. Из конюшни.

Сквозь стук дождя я снова это услышала: что-то лязгнуло.

— Вот опять.

Мама мгновенно оказалась на ногах. Она босиком подлетела к входной двери, распахнув ее так резко, что та врезалась в упор и отскочила назад. Мама метнулась внутрь и вскоре возвратилась с огромным фонариком наперевес. Он хранился у нас в кухонном ящике на случай чрезвычайных ситуаций. Вооруженная, она спрыгнула с крыльца и побежала в сторону конюшни.

— Мам?

Когда она не обернулась на мой оклик, я бросилась за ней, шлепая босыми ногами по тропинке; между пальцами хлюпала грязная вода. Завернув за угол нашего домика, я как раз успела увидеть, как мама подбежала к большой двери конюшни. В ответ на ее появление изнутри раздалось ржание и фырканье. Громче, чем обычно.

Кто-то оставил дверь открытой.

По шее пробежали мурашки. Я подошла к маме и встала за ней, а она тем временем распахнула дверь.

— Кто здесь? — позвала она, щелкнув фонариком.

Ее голос, как всегда спокойный и уравновешенный эхом отдался от стропил. Но в правой руке она держала наготове супердлинный, супертяжелый фонарик. На уровне плеча, как бейсбольную биту.

В ответ последовала тишина, если не считать прерывистый стук капель по крыше. И тут одна из лошадей пронзительно заржала, под беспокойными копытами зашуршала солома.

Мама сделала четыре осторожных шага внутрь, пригнувшись, словно какая-то дикая кошка. Вроде бы нечему удивляться, я знала, что мама способна сориентироваться в абсолютно любой ситуации. И все же превращение тихого ветеринара в крадущегося тигра немного пугало. Почему пара странных звуков вызвала у нее такую реакцию?

Казалось, все было нормально. Знакомая смесь кисло-сладкого запаха сена и мускусного запаха лошадиного пота. По обе стороны пустого прохода — стойла из сосновых досок в полном порядке, и все двери закрыты, как это и должно было быть. Так как мы обычно оставляли зеленые решетки в окошках открытыми, из них высунулись несколько любопытных голов. Тоже нормально.

И все же… практически невозможно, чтобы мама забыла запереть эту дверь. Только не после той минилекции, которую она мне прочла сразу после переезда. Плюс она всегда так бдительно следила за тем, чтобы мы запирали за собой гостевой домик, что можно было подумать, у нас под матрасами хранятся алмазы.

Мама глянула через плечо назад и заметила меня. В ее

широко раскрытых голубых глазах за забрызганными стеклами очков, в том, как она ткнула пальцем в сторону двери, чувствовался страх.

— *На выход,* — одними губами скомандовала она.

Я стиснула челюсти и покачала головой, несмотря на то что втягивать воздух в постепенно сжимающиеся от ужаса легкие становилось проблематично. Ни за что не оставлю ее здесь одну с *этим*… с чем бы то ни было.

Видимо, упрямство было написано у меня на лице, потому что она не стала утруждать себя еще одной безнадежной попыткой прогнать меня. Вместо этого она жестом направила меня к стойлам справа, а сама крадучись пошла вдоль левого ряда.

Она перегнулась через верх первого стойла, заглядывая внутрь в поисках неведомо чего. Но ее паранойя была заразной. Чувствуя себя на взводе, готовой взорваться от малейшего шороха, я заглянула в первое стойло по своей стороне. Ноги Доброго Джима. Увидев меня, большой чалый мерин подошел, тяжело топая, и ткнулся носом мне в лоб, надеясь, что я сейчас достану из кармана морковку. Кроме него, в стойле никого не было. Перегнувшись внутрь, я осторожно взяла жестяное ведро и чомбур со стальным карабином. На всякий случай. Не самое подходящее оружие, но лучше, чем ничего.

Я проверила следующие два стойла. Никого, кроме сонных лошадей.

Что-то лязгнуло.

Громко. Так же громко, как в первый раз. Звук донесся из-за угла.

Мама резко обернулась в ту сторону. Я на цыпочках подкралась к ней по бетонному полу, стараясь не наступать на клочки сена, но не обращая внимания на слой песка и других малоприятных субстанций, налипающих на мои голые ступни.

Стоило мне оказаться достаточно близко, как мама одной рукой крепко схватила меня за голову, прижав губы к моему уху. Мое сердце бешено заколотилось.

— Я пойду проверю, — прошептала она. — Стой здесь. Услышишь что-то — беги.

Я попробовала было помотать головой, но она обхватила меня крепче, еще сильнее прижимая к себе. Ее дыхание со свистом срывалось с губ, ударяясь в мочку моего уха, в котором кровь уже стучала так, что оно едва не дергалось.

— Мила, пожалуйста.

Как только она отпустила меня и зашла за угол, я бесшумно двинулась следом, сжимая свое импровизированное оружие так,

словно это были мечи, а не пара сельхозинструментов.

Повернув за угол, я увидела, что окошки первых трех стойл в этом ряду плотно закрыты. Эти пустые. Таких тут было много, ими обычно пользовались гости Гринвудов, которые приезжали, когда семья оставалась на ранчо. Мама прокралась мимо них. Она двигалась так тихо, так плавно, что ее конский хвост практически не подпрыгивал при ходьбе.

До конца ряда оставалось три стойла, когда мы снова услышали этот звук.

Лязг.

Мы как по команде развернулись в сторону крайнего стойла справа. У меня перехватило дыхание. Если в конюшне спрятался какой-нибудь маньяк или конокрад, он наверняка слышал грохот сердца в моей грудной клетке.

Но было и еще кое-что, помимо панического стука сердца. Мышцы напряглись в ожидании. Я почувствовала непоколебимую готовность помочь маме.

Что бы ни случилось.

Бесшумно ступая, мама осторожно направилась к последнему стойлу, я — следом. Я смотрела, как ее тонкие умелые пальцы обхватили ручку, нажали, и дверь раскрылась.

Мэйси испуганно заржала, когда мама перескочила через порог с фонариком наперевес. Мгновение спустя рука с длинным черным фонариком медленно опустилась.

Я услышала мамино «Какого..?» и заглянула в стойло. Никого, кроме Мэйси, там не было.

Пока я чесала мягкую морду лошади, мое сердце стало биться немного спокойнее. Тем временем мама по очереди осмотрела все предметы вокруг, прощупывая руками стены. Она остановилась у висящего на стене ведра для корма.

Потянувшись, она взялась за край ведра, отодвинула его от стены и толкнула обратно.

Ведро лязгнуло.

— Глупышка! Так это ты шумела, играла с ведром? Миссис Гринвуд меня об этом предупреждала, — сказала мама, и ее смех зажурчал как вода; такого легкого, естественного смеха я от нее уже целую вечность не слышала. От этого звука мои мышцы расслабились, как будто открылся невидимый клапан, и все напряжение ушло через него. Часть меня хотела к ней присоединиться. Другая часть беспокоилась. Подобная реакция не в мамином духе. Это папина смерть в итоге довела ее до такого состояния?

Но, когда мама мягко обняла меня за плечи и улыбнулась мне, я дала волю смеху, игнорируя назойливые голоски в голове.

Я, словно белка, была вынуждена прятать про запас каждый найденный клочок любви. Никогда не знаешь, когда придет зима, во время которой даже эти обрезки будут в дефиците.

Улыбка соскользнула с маминого лица, когда мы подошли к выходу из конюшни.

Я проследила за направлением ее взгляда и поняла, о чем она думает.

— Прости, что не закрыла дверь. Я торопилась и из-за этого забыла.

Услышав это, она нахмурилась. Но тут же отшутилась:

— Вообще-то я даже рада, что это была ты. Но только в этот раз, — поспешно добавила она. — В дальнейшем будь внимательнее.

Только вот я была вполне уверена, что закрывала за собой дверь. Но, когда мы бежали обратно к дому, я почувствовала, что приврала не зря. Незачем было давать маме лишний повод для беспокойства. То есть, несмотря на ее очевидный мандраж, мы ведь по-прежнему были в Клируотере. Разве в этом городе может что-то случиться?

Мне стоило бы задаться вопросом: как я вообще могла с такого расстояния услышать, как Мэйси гремит своим ведром? Но эта мысль мне и в голову не пришла. А потом стало слишком поздно.

Глава шестая

На следующее утро я впервые за несколько недель проснулась почти счастливой. Из-за новообретенной близости между мной и мамой улыбаться хотелось чаще, а школьные коридоры стали меньше давить на меня. Дойдя до своего шкафчика, Кейли прищелкнула пальцами:

— Блин, экономику в машине забыла. А я хотела на классном часе[7] посидеть поготовиться к тесту.

Вчерашняя напряженность между нами, похоже, прошла. Я не напоминала ей о ее вчерашней выходке, а она, в свою очередь, не заговаривала о моей.

— Хочешь, я с тобой схожу? — Одновременно с моими словами раздался предварительный звонок на урок.

Она быстро, насколько позволяли ее пятисантиметровые каблуки, засеменила к выходу.

— Нет, ты иди, — крикнула она через плечо. — Я всего на секунду.

В классе я уселась на свое обычное место. И хотя я специально пыталась не обращать внимания на уже собравшихся учеников, по-видимому, эта задача оказалась слишком сложной для моих аналитических способностей. Пять парней, три девушки. Хантера среди них не было.

Но я все равно всем улыбнулась.

Я зарылась в рюкзак в поисках тетрадки. Но даже так я почувствовала появление Хантера за несколько секунд до того, как он плюхнулся на стул Кейли рядом со мной.

— Здоров, — сказал он своим мягким голосом; сквозь пряди растрепанной челки его голубые глаза смотрели прямо на меня.

— Привет. — От волнения у меня внутри все затрепетало. Глупо. Это же просто парень. Ну ладно, не совсем так. Это парень, который, так уж вышло, понравился Кейли.

Кейли, которая вот-вот вернется, рассчитывая занять свое место.

Что бы там ни трепетало, а парню придется пересесть.

В этот момент Хантер скинул рюкзак на парту и положил на него голову. Закрыл глаза.

Мое сердце растаяло, превратившись в груду вязкой бесформенной массы. Он выглядел таким усталым, даже казался младше с этим веером темных ресниц под закрытыми веками. Его рот тоже смягчился. Мне вдруг ужасно захотелось провести пальцем по изгибу его верхней губы.

Ничего себе.

Меня настолько захватила эта безумная мысль, что, услышав в коридоре цоканье приближающихся шагов, я сначала не обратила на него внимания. Это было цоканье, которое издают туфли на каблуках.

О нет.

Я выпрямилась.

— Хантер, тебе придется… — меня прервал последний звонок, одновременно с которым я услышала тихое аханье с порога за моей спиной.

Кейли стояла в дверях, ее губы со свежим слоем блеска раскрылись от удивления. Она сделала два шага в сторону своей занятой парты и остановилась, неуверенно поправляя свою фиолетовую тунику, ее взгляд заметался между Хантером и мной.

— О Кейли! Хантер просто на минутку присел… — начала я, но меня снова прервали, на этот раз — миссис Стегмейер.

— Мисс Дэниелс, займите, пожалуйста, свободное место, если не хотите, чтобы я записала вам опоздание, — сказала учительница, выглядывая из-за журнала.

Взгляд Кейли на лишнюю долю секунды задержался на ее обычном месте, побудив меня к действию.

— Хантер, — прошептала я. Его ресницы взметнулись вверх. Под этим сонным взглядом голубых глаз выгонять его стало в сто раз труднее. — Эм, ты не против пересесть? Это место Кейли.

Он выпрямился, посмотрел на Кейли так, словно увидел ее впервые, и встал, стащив рюкзак со стола.

— Ага. Извини, — сказал он. Его глуповатая улыбка была лучшим из того, что он мог бы сделать для Кейли на прощание, я прямо-таки видела, как она растаяла. Хантер размашисто прошагал к той парте, за которой сидел в прошлый раз.

Кейли протиснулась на освобожденное место, пока миссис Стегмейер нетерпеливо барабанила ногтями по столу, и с глубоким вздохом опустилась на стул.

— Он согрел его для меня, — прошептала она, картинно обмахиваясь тетрадкой как веером. — В эту самую минуту меня согревает тепло тела Хантера Лоува.

На меня обрушилась такая волна облегчения, что я захихикала громче, чем собиралась.

— Девочки, тише, пожалуйста. Сейчас будут объявления, — предупредила миссис Стегмейер.

И действительно: динамик взвизгнул, и из него полился чрезмерно бодрый голос председателя школьного совета.

Вполуха слушая о предстоящей благотворительной акции с мойкой машин, я шепнула Кейли:

— Он просто пришел и… уселся. Без приглашения.

Хотя, по правде говоря, не то чтобы я при этом отгоняла его палкой.

Она махнула рукой:

— Да ладно, всё в порядке.

В порядке, всё в порядке.

— Девочки, тшш!.. — миссис Стегмейер сердито постучала указательным пальцем по губам.

Но как только учительница отвернулась, Кейли наклонилась к моему уху и прошептала:

— Серьезно, не переживай. Не вижу ничего плохого в здоровой конкуренции.

Что?

— Кейли, — начала было я, но тут журнал посещаемости с громким хлопком ударился о стол.

— Последнее предупреждение, еще раз — и я вас рассажу, — сказала миссис Стегмейер. От возмущения ее акцент, как обычно, усилился.

Я откинулась на спинку стула и остаток классного часа держала рот на замке. Но в голове у меня продолжали крутиться слова Кейли.

Здоровая конкуренция? За Хантера? Мне эта идея совсем, совсем не понравилась.

Глава седьмая

Дряхлый пикап Кейли, подпрыгивая, ехал по грунтовой дороге, увозя нас от школы. Учитывая хруст гравия под колесами и захлебывающийся рев престарелого двигателя, уровень шума был довольно высокий. При этом в салоне висела оглушительная тишина. Кейли вцепилась в руль, на который был натянут чехол «Зебра», и смотрела прямо на дорогу, отказываясь обращать на меня внимание.

— Кейли, клянусь, я и понятия не имела, что Хантер переводится в мою группу по литературе.

Я уже минут десять пыталась доказать свою невиновность, но каменное лицо Кейли еще ни разу не смягчилось от моих заявлений.

Вот вам и «здоровая» конкуренция.

Я вздохнула и отвернулась к окну. Я увидела, как вдали на склоне холма ветер треплет блестящие черные пряди на лоснящейся красновато-каштановой шее. Великолепный крупный жеребец вскинул голову, встал на дыбы и рванулся с места в грохочущий галоп.

Лошади. Одна из двух причин, по которым мне удалось не сойти с ума, когда я только сюда переехала.

Второй причиной была Кейли.

Я снова украдкой взглянула на нее, но вместо привычной улыбки опять увидела лишь плотно сжатые губы. Я не могла вспомнить ни одной поездки в этой машине без саундтрека из непрекращающейся болтовни Кейли, которая всегда меня смешила. Теперь смогу.

В моей голове сложилось идеальное изображение Хантера, с небрежными прядями мягких каштановых волос и пронзительными голубыми глазами. Вот глупая. Если представлять его сейчас, все станет только сложнее. Но даже если Хантер Лоув — самое интересное событие в Клируотере за последние… даже нет, за все время его существования — по крайней мере, с тех пор как я здесь поселилась — какая-то глупая влюбленность не могла стать важнее дружбы. Не так меня мама воспитывала.

Нужно было положить этому конец. Мне не хватало болтовни Кейли. В конце концов, я ведь только из-за нее не стала полным изгоем в школе. За это я определенно была перед ней в долгу.

— Слушай, ну это просто смешно. Мы не должны ссориться из-за какого-то парня… только потому, что он не фанат сельских развлечений и не одевается как пугало, — добавила я, чтобы

разрядить обстановку. Хотя для меня Хантер значил гораздо больше. Было что-то такое в его спокойном, внимательном взгляде, когда мы разговаривали, как будто ему действительно было не все равно. Из-за этого весь мир вокруг просто растворялся.

А мне сейчас это было очень нужно — не видеть мир вокруг. Но не за чужой счет.

Мне показалось, что Кейли все-таки ослабила свою мертвую хватку на руле, совсем чуть-чуть.

Она села немного по-другому, отчего скрипнули пружины в сиденье. Но так и не улыбнулась.

— Даже не знаю, Мила, — сказала Кейли, наконец посмотрев в мою сторону. — Как я пойму, могу ли я тебе доверять?

— Честное слово — я не просила его перейти в мою группу по литературе. Если не веришь мне, можешь спросить у него.

Я бы и рада была поверить, что он перевелся из-за меня, но он мне сказал, что причиной было исключительно желание проходить более сложные произведения.

Кейли убрала одну руку с руля, чтобы расправить воротник-хомут своего бирюзового свитера — очередной потрясающей самодельной вещицы.

— Да ну тебя. Он подумает, что я совсем дура. — Но в ее голосе уже не было той резкости, которая звучала в нем минуту назад.

Она глянула на меня, покусывая нижнюю губу. Наконец ее плечи расслабились.

— Хотя я и без того весьма успешно веду себя как дура, правда?

— И что, я тоже, — ответила я. Думая не столько о Хантере, сколько о том случае, когда я схватила Кейли за руку.

Ее улыбка была робкой, а не беззаботной, как я привыкла. Но что поделаешь, бери, что дают.

— Так что давай просто… стоп! О боже, это же он! — заорала Кейли.

На мгновение здравый смысл меня покинул. Нет… этого не может быть…

Взвизгнули тормоза, и мои глаза распахнулись. Я повернулась, выискивая, на кого показывал палец Кейли. Секундное замешательство, следом за которым нахлынула досада. Хантер. Она имела в виду Хантера.

Кого же еще.

Цепляясь за ускользающее самообладание, я ждала, пока мы пригромыхаем к обочине.

— Опусти стекло, быстрее! — скомандовала Кейли,

приглаживая пальцем несколько выбившихся прядей. Хантер как раз обернулся посмотреть, кто к нему подъехал, и стоял, засунув руки в карманы черных брюк карго.

Даже отдав себе строгий приказ сохранять хладнокровие, я не могла не испытать прилив волнения, когда увидела его. Я открыла окно, прокрутив ручку, которая вечно заедала у младшего брата Кейли и ее мамы, но не доставляла никаких проблем мне. Без стекла, перекрывавшего воздух, в салоне еще крепче запахло навозом.

— Привет, Мила, — сказал Хантер. Как обычно, я обратила внимание на то, как его губы изогнулись в несимметричной улыбке, левый уголок чуть выше правого. Когда он наклонил голову вбок, капюшон его черной толстовки съехал, высвободив уже ставшую знакомой копну каштановых кудрей. Кудрей, которые выглядели невероятно мягкими, и прямо-таки умоляли меня запустить в них пальцы.

Так, это точно нужно прекращать. У нас с Кейли уговор.

Я заставила свой голос звучать беспечно:

— Привет, Хант…

— Хантер! — завизжала Кейли. — Здорово, давай с нами? Мы сейчас едем в «Дейри Куин», и я категорически не советую отказываться от одного из лучших развлечений, которые может предложить этот город! — Чтобы лучше видеть Хантера, Кейли перегнулась через меня — пришлось вдавиться затылком в хрусткий старый подголовник, чтобы ее пахнущие грейпфрутом волосы не лезли мне в рот.

И постойте-ка — с каких это пор мы едем в «Дейри Куин»?

Я ухитрилась извернуться и выглянуть из-за ее головы. Голубые глаза Хантера тут же встретились с моими, ища подтверждения. У меня снова возникло это ощущение, когда «мир растворяется». Я почувствовала, как, вопреки всем благим намерениям, мои губы растягиваются в дурацкой улыбке.

— Звучит неплохо, — наконец заявил он, по-прежнему глядя на меня.

Тем временем улыбка на лице Кейли угасла. Она увидела, как он смотрит на меня, и ее глаза сузились. Она пару раз подпрыгнула на сиденье, подняв хор скрипучих пружин, но теперь ее радость казалась наигранной.

— Ура! Мила, перелезь назад, чтобы Хантер мог сесть спереди, хорошо? Не стоит пугать новичка поездкой в кузове пикапа!

Ха-ха, очень смешно.

— Отличная шутка, Кейли. А может, я просто придвинусь ближе к тебе?

Улыбка спала с лица Кейли. Она понизила голос:

— Ага, чтобы ты могла вся такая прижаться к нему, как седло к лошади? — прошипела она.

Она что, серьезно?

— Всего пару минут назад ты мне признавалась, что вела себя как идиотка. И знаешь, что? Ты опять начала, — прошептала я в ответ.

Кейли зло посмотрела на меня, прежде чем махнуть Хантеру:

— Подожди секунду — Мила как раз собиралась выйти. Хочет свежим воздухом подышать.

Я вытаращилась на нее, стараясь убедить себя, что подруга ведет себя как сумасшедшая просто потому, что Хантер захватил ее врасплох. Позже мы вместе посмеемся над ее помешательством.

Но тут она снова понизила голос и заявила:

— Моя машина — мои правила. Или ты пересаживаешься, или идешь пешком.

Ясно, значит посмеяться не выйдет.

— Ты ведь это несерьезно.

— Вылезай.

Единственной причиной, по которой я открыла дверцу и спрыгнула на траву, стало внезапное напряжение в мышцах рук. Я не чувствовала уверенности, что не попытаюсь снова схватить ими Кейли.

И в этот раз, возможно, за шею.

Когда Хантер, не успев забраться внутрь, увидел, что я вылезаю, его улыбка угасла:

— Ты что, уходишь?

— Нет, просто перебираюсь назад, — сказала я. Его удивленно поднятые брови заставили меня почувствовать себя полной дебилкой. — Знаешь, эм, приятно иногда посмотреть на пейзаж с другого ракурса.

Высказав эту нелепую идею, я захлопнула свой болтливый рот и потопала обходить пикап, залезла на помятый задний бампер и, оттолкнувшись с ненужной силой, вскочила на платформу. Дурацкий «Шевроле» откликнулся стоном.

— Это безумие, — сказал Хантер. — Может, лучше я…

— Да нет, все в порядке. Мне нравится так ездить. Тут прикольно.

Не глядя на него, притворяться стало гораздо легче.

— Ты уверена? — спросил он с сомнением в голосе.

— Ага. Абсолютно.

Спустя еще несколько секунд передняя дверца, скрипнув, закрылась. Пикап загромыхал по дороге.

Я пробралась в начало платформы, чтобы можно было облокотиться о кабину. В Филадельфии меня бы никогда в жизни не попытались заставить ехать в кузове пикапа. Это просто варварство. Не говоря уже о том, что это противозаконно.

Я с силой ударила ногой по платформе. С такой силой, что кусок краски откололся.

Так ей и надо. Кейли потом за многое придется ответить. Неудивительно, что у них с Паркер такое взаимопонимание.

Пикап набирал скорость. Чтобы волосы не лезли в рот, приходилось то и дело хватать их руками. Даже сквозь шум и грохот машины мне удавалось разобрать диалог внутри кабины. Наверно, в заднем стекле были трещины.

— Ты уверена, что она там в порядке? — спросил Хантер. Я не сводила глаз с убегающих деревьев, представляя, как он вытягивает шею, чтобы посмотреть, как я. Не хватало еще ему увидеть меня с красным от ветра лицом и прической, как у горгоны Медузы.

Одно из первых открытий, сделанных мной в Клируотере: во время поездки в пикапе любая прическа неизбежно портится.

— О, в полном. Я же говорила, она любит ездить в кузове. Наверно, в Филадельфии привыкла.

Я сердито вперилась взглядом в заднюю стенку.

— Ах да, она же из Филадельфии. Когда, говоришь, она переехала?

— Около месяца назад.

— Я слышал, в Филадельфии насыщенная культурная жизнь. Ей там нравилось?

— Да, наверно, — даже сидя в кузове, я слышала, как в голосе Кейли скапливается раздражение, словно пыль, тонким слоем покрывавшая платформу, а теперь, благодаря перераспределению мест, и мои джинсы. — О, я знаю один прикол, который не получится устроить в таком большом городе, как Филадельфия… дрэг-рейсинг. Ну-ка, сейчас посмотрим, на что способен мой старичок!

Тут до меня дошел смысл ее слов. Дрэг-рейсинг? *Гонки на ускорение?* Она что, вообще забыла, что сзади сижу я?

— Эй, Кейли! — Едва я развернулась, чтобы постучать по стеклу и привлечь ее внимание, как пикап рванулся вперед. Я пошатнулась и упала, врезавшись ладонями в железо платформы. Спереди раздался торжествующий вопль Кейли, за которым последовало еще одно резкое ускорение. Я схватилась левой рукой за борт.

Волосы бешено хлестали меня по лицу, а пикап ехал все быстрее и быстрее, подскакивая на ухабах и добивая свою не

самую крепкую подвеску. Мне было слышно, как Хантер призывает Кейли сбавить скорость, слышно, как усилилось гудение мотора, когда она надавила на газ, и я почувствовала, что машина ускоряется. Но помимо всего этого, я начала ощущать нечто новое, нечто неожиданное: едва заметный трепет приятного возбуждения. Кайф от осознания опасности начал затмевать страх, как в тот раз, когда Нега зашла на прыжок.

Это и правда довольно весело. Ветер подхватил мой захлебывающийся смех и сорвал его с губ, а я медленно разжала руку и отпустила борт. Может, переезд из большого города в сельскую дыру на всех так влияет… превращает в адреналинового наркомана. Мое тело словно готовилось к чему-то, для чего оно было создано. Это было реально весело. Я бы даже сказала — потрясающе. Так весело мне не было уже…

Занос влево застал меня врасплох. Как и последующий резкий рывок вправо. Мои ногти царапнули по металлу… и я вдруг ощутила под собой пустоту, оказавшись в воздухе.

Какое-то мгновение я летела, а потом сокрушительный удар заглушил рвущийся из горла крик.

Я упала на руку, на что-то острое, и испытала странное чувство, как будто во мне что-то порвалось. И покатилась. Мир накренился и завертелся как сумасшедший, пока я перекатывалась, отскакивая от земли и снова падая. Перед глазами мелькали одни и те же детали — листья, трава, голубое небо, — а я переворачивалась снова и снова…

У подножья холма я приземлилась на спину и уставилась вверх на низко нависшие облака. Облака, если не ошибаюсь, были кучевого типа.

Мои губы шевельнулись, но звука не было, мой голос душил тот же шок, который приклеил меня к земле. У меня шок, вот в чем дело. Как еще можно объяснить тот факт, что я лежу здесь, определяя типы облаков, вместо того чтобы устроить грандиозную истерику?

В сознание начали прорываться другие вопросы. К примеру, что, черт возьми, только что произошло? Почему у меня ни капли не сбилось дыхание? Или — о боже — почему я практически не чувствую боли? Может, я повредила позвоночник? Что, если я больше не смогу ходить?

Волна облегчения захлестнула меня, когда выяснилось, что я в состоянии пошевелить пальцами рук и ног. Неплохо для начала. Осторожно поднявшись на ноги, я ошеломленно обнаружила, что, кроме моего достоинства, мало что пострадало. Мне невероятно повезло.

— Мила! — Хантер спускался по склону уверенным шагом,

так что Кейли, семенящая следом за ним настолько быстро, насколько позволяли ее черные ботинки на платформах, отстала.

Вот тут-то во мне и вспыхнула злость.

— Кейли Дэниелс, ты о чем вообще думала? Когда твоя мама об этом узнает, тебя посадят под домашний арест на всю оставшуюся жизнь! Ты меня чуть не убила!

Я смахнула со свитера несколько налипших травинок. Пятна, заторможенно подумала я, от травы останутся пятна.

— О господи, Мила! Ты в порядке? Прости, прости меня! — всхлипывала Кейли, все еще в нескольких метрах от меня. — Ложись, не вставай! У тебя, может быть, перелом позвоночника или что-то в этом роде!

Хантер подбежал первым:

— Она права, тебе лучше присесть. Ты не поранилась?

— Ну… вроде нет, — ответила я. И это совершенно не укладывалось в голове, но не мне было жаловаться. — Только в левой руке какое-то странное ощущение. С внешней стороны, над локтем.

— Дай-ка я посмотрю. — Бережно придерживая мое запястье, Хантер оттянул клочок разодранной ткани, которая раньше была моим рукавом. Поскольку его лицо было прямо передо мной, я увидела, как выражение беспокойства превратилось в шок, увидела, как его глаза расширились.

— Что за… Мила?

Мне не понравилось, как это прозвучало.

— Что, все настолько плохо? Или ты из тех слабонервных парней, которые не переносят вида даже крошечной капельки крови? — Я извернулась, пытаясь разглядеть, что превратило Хантера в статую с вытаращенными глазами, как раз когда Кейли доковыляла до нас.

— Я так испугалась — я была уверена, что ты упала на этот кусок металлолома и убилась! — воскликнула она, указывая на искореженные останки автомобильной дверцы у вершины холма. — Слава…

Она вскрикнула в тот же момент, когда я резко втянула воздух.

— Мила? О боже, Мила! — заговорила она. — Что… что это такое? Это же не…

— …кровь, — выдохнула я одновременно с ней.

Мы все втроем уставились на мою руку. И смотрели. И смотрели. Словно ни один из нас не мог поверить своим глазам.

Кровь из моей руки не шла. В моей коже была огромная зияющая дыра, но крови не было. Крови не было. Крови не было, потому что вместо нее была тонкая красная пленка, которая

порвалась, и поэтому из раны сочилась, стекая вниз к локтю, отвратительная молочно-белая жидкость.

И это еще было не самое худшее. Внутри раны, внутри меня, была прозрачная трубка с зигзагообразной трещиной, похожей на крошечные сжатые челюсти. А внутри нее? Нечто похожее на провода. Тонкие серебристые проводки, скрученные в двойные спирали вроде тех, что мы изучали на биологии.

Нет. Нет, нет, нет. У меня галлюцинации. В конце концов, я ведь ударилась головой — и теперь у меня галлюцинации. Это было единственным разумным объяснением.

Я отдернула руку и перевела взгляд с испуганного лица Кейли на потрясенное лицо Хантера. Правда, если у меня были галлюцинации, то и у них тоже.

Мои волосы хлестнули по воздуху, когда я покачала головой. Я ничего не понимала.

— Я… Я не… Это… Кейли? — Я протянула к ней руку — другую, нормальную. Но она только отшатнулась.

— Тише, Мила, все хорошо. Давай отведем тебя обратно в машину, — сказал Хантер, осторожно обхватывая меня за талию. — Ты сможешь идти, если облокотишься на меня?

— В больницу, — выпалила Кейли, — ее нужно отвезти в больницу.

Я замотала головой:

— Нет, не надо в больницу! Как я пойду в больницу, когда…

Мы все снова посмотрели на мою руку, и каждый смог закончить предложение про себя. Как я могла идти в больницу, когда я такая… ненормальная? Где мне начнут задавать вопросы, на которые я не смогу ответить.

— Никаких больниц, — непреклонно повторила я. — Нет, нет и еще раз нет!

— Хорошо, успокойся. Кейли? Кейли! Ты не могла бы нам тут немного помочь? Иди последи секунду, чтобы она не упала.

В первую секунду я подумала, что Кейли сейчас откажется. Она выглядела готовой дать деру.

— Ладно. — Кейли встала сбоку и обвела руку вокруг моей талии, фактически не прикасаясь ко мне; в ее движениях сквозило отвращение.

Убедившись, что Кейли меня поддерживает, Хантер стянул с себя черную толстовку, под которой оказалась тонкая серая рубашка. Он осторожно обернул мою рану толстовкой. В отличие от Кейли, его движения были уверенными и спокойными. Он даже не поморщился.

— Ну вот, пока что этого хватит. — Он мягко забрал меня у Кейли, крепко обхватил рукой за талию и повел вверх по склону.

Дорога домой прошла в таком же молчании, как и дорога из школы. Все время, пока мы ехали, Хантер бережно держал мою руку в своих ладонях и смотрел на меня с непроницаемым выражением лица. Вероятно, стараясь скрыть свой ужас от того, что я оказалась каким-то непонятным уродом, ужас, который вторил моему собственному.

Кейли за весь путь не произнесла ни слова. По сути, она на нас даже ни разу не взглянула.

А я только и думала: *нет крови.*

К тому моменту, когда мы свернули на нашу подъездную дорожку, мне отчаянно хотелось сбежать от ребят, несмотря на то что к моему сердцу на паучьих лапках подбирался страх. Потому что если у кого-то и были ответы, то у мамы. И в то время, как один голос во мне требовал этих ответов, другой голос, тихий, глубоко внутри, шептал, что, возможно, мне лучше этого не знать.

Я спешно пробралась к дверце, прежде чем кто-то успел хоть что-то сказать, бросила: «Пока», — и вывалилась навстречу вечернему воздуху. По телу вдруг пробежал озноб. Но даже если второй голос был прав, это не имело значения. Мне нужно было узнать правду.

Вбегая в домик, я сказала себе: *Мила, не делай из мухи слона. Мама все объяснит, и все будет хорошо.*

Даже если бы я специально попыталась себе соврать, я бы вряд ли оказалась дальше от истины.

Глава восьмая

Тихо закрыв за собой дверь, я остановилась в прихожей и в оцепенении уставилась на клетчатый зелено-коричневый диван, не видя его. Жалея, что не существует способа отмотать мою жизнь на час назад. И стереть этот час.

Моя правая рука лежала поверх толстовки Хантера. Если б только я могла стереть то, что находилось под ней. Слева послышался шорох, напомнивший о том, что человек, у которого есть ответы, всего в нескольких шагах от меня.

Сделав глубокий вдох, я толкнула белую дверь, отделявшую кухню от остальной части дома, и застала маму роющейся в кладовке с белыми стенами.

Глядя на ее стройную фигуру, облаченную в джинсовый костюм, на то, как она переставляет коробки с хлопьями и контейнеры, как будто сегодня самый обыкновенный день, мне вдруг захотелось встряхнуть ее. У меня рука выглядит как в кошмарном сне, а она ищет, чего бы перекусить?

Когда мама обернулась, держа в руке пакетик своих любимых сушеных ананасов, она улыбнулась и сказала:

— Привет, солнышко. Как дела в школе?

Я просто стояла перед ней, безмолвно вглядываясь в знакомое лицо. Так трудно было понять и поверить в то, что когда-то, где-то мама начала что-то от меня скрывать. Но когда? Почему?

Может, она хотела оградить меня от чего-то, чего я не смогла бы, по ее мнению, понять? Не то чтобы это имело значение. Я почти физически ощущала, как под тяжестью ее лжи рвутся непрочные связи, возникшие между нами после вчерашнего примирения.

К тому времени, как я открыла рот, чтобы задать вопрос, ее проницательный взгляд упал на кофту, обернутую вокруг моей руки. Кофту Хантера.

— О нет, — выдохнула она и прикрыла глаза, как будто пытаясь абстрагироваться от увиденного. Ее резкий вдох, предвестник плохих новостей, пронзил воздух. Но, когда она открыла глаза, передо мной снова оказалась ко всему готовая, деятельная мама. Та мама, которая охотилась с фонариком на странные звуки в ночи. Мама, которую ничто, даже понимание, что ее только что поймали на лжи, не могло потревожить.

— Покажи мне.

«Покажи мне»? Она что, не видит, что все делает неправильно? Она должна была сказать мне, что все будет в

порядке.

Почему она этого не говорит?

— Покажи мне, — повторила она громче, когда я не шевельнулась.

Я медленно протянула свободную руку и развязала толстовку Хантера, которая свалилась на пол, выложенный веселенькой сине-белой плиткой. Вопреки моему страстному желанию, торчащие из моей руки инопланетные детали никуда не исчезли. Белесая жидкость течь перестала, но изогнутые провода, пластик — все это было на месте, словно внутренности механической игрушки.

Мама ахнула.

— Что случилось? Чтобы получить такое повреждение, нужно было врезаться во что-то острое на невероятно высокой скорости!

Когда мама сказала про «что-то острое», в моей голове возникли слова Кейли.

Я была уверена, что ты упала на этот кусок металлолома.

— Меня выбросило из кузова пикапа Кейли, — пробормотала я, но мама не слушала. Она была слишком занята изучением моей руки. Я пристально разглядывала ее лицо в поисках хоть каких-нибудь признаков того шока, который испытала я, впервые увидев свою рану. Шока, который я все еще чувствовала. Но я заранее знала, что ничего не найду. И оказалась права. Никаких возгласов неверия, всхлипываний, криков ужаса. Ничего, указывающего на то, что устройство моей руки для нее новость.

Вспыхнувшая было надежда, что, может быть, каким-то образом окажется, что мама не знала об этом, не знала, что моя рука совершенно ненормальная, а не просто забыла сказать об этом мне, в ту же минуту задохнулась в моей груди.

Мамина грудь под мягкой голубой футболкой поднялась и опустилась. Она потянулась к моим рукам.

— Мила, я знаю, что тебе тяжело, но мне нужно, чтобы ты меня выслушала.

Я позволила ей взять меня за руки. И стала ждать. Ждать объяснения, которое могло бы придать этому всему какой-то смысл. В конце концов, должно было быть простое, логичное объяснение. Должно было.

По маминым щекам разлилась несвойственная ей бледность.

— Сколько человек это видели? — требовательно спросила она. Когда я только молча уставилась на нее, ошарашенная ее реакцией, она схватила меня за плечо и даже встряхнула. — Сколько?

— Только… только двое. Кейли и еще один друг.

— Ты уверена?

— Да! Ты меня пугаешь — пожалуйста, просто объясни мне, что происходит!

Хватка на моем плече ослабла. На лице мамы застыло выражение обреченности.

— Иди за мной.

От этой простой фразы, после которой она развернулась и вышла из кухни, плотину внутри меня прорвало, и волна за волной меня стали захлестывать тревога и сумасшествие. Просто чудо, что к тому времени, как мы дошли до ее спальни, я еще не тряслась всем телом.

Хотелось развернуться и бежать. Попросить ее забыть о том, что я только что требовала объяснений, забыть обо всем этом. Мы бы замотали мою рану какой-нибудь не снимаемой повязкой и притворились, что ее нет.

Хотелось сбежать. Но я этого не сделала.

Зайдя в комнату, мама направилась к старинному комоду из красного дерева и опустилась перед ним на корточки. Нижний ящик сначала, как обычно, не поддавался, но в конце концов выдвинулся.

Я тупо смотрела на стопки разноцветных футболок, не понимая, как они могут быть связаны с моей инопланетной рукой. Тогда мама выдернула ящик полностью, отставила его в сторону и потянулась рукой внутрь шкафа. Я присела рядом с ней и сразу увидела, что она хочет достать. В дальнем углу из-под кусочка малярного скотча торчало что-то блестящее.

Ключ.

Достав ключ, мама вернула ящик на место и повела меня в хозяйственную комнату, остановившись у двери, ведущей в гараж. Здесь она обернулась, убрала прядь волос с моей щеки и снова уронила руку.

— Мила, прежде чем мы пойдем дальше, мне нужно, чтобы ты знала — мне правда не все равно. На самом деле, сейчас я даже больше, чем когда-либо, верю, что ты стоишь любого риска.

От этих слов у меня внутри все заледенело.

Войдя в гараж, она подвела меня к стопке пустых картонных коробок, аккуратно составленных у дальней от входа стены. По крайней мере, я думала, что они пустые. Стащив на пол верхние три, она открыла нижнюю и вытащила оттуда за ручку блестящий металлический ящик, по размеру чуть больше ящика для инструментов.

Когда она развернулась с ящиком в руках, я отшатнулась, чтобы он случайно меня не коснулся. Естественная реакция организма, почувствовавшего без тени сомнения: что бы ни скрывалось внутри этого безобидного на вид контейнера, оно,

скорее всего, навсегда изменит мою жизнь.

Когда мы пришли в гостиную, мама поставила ящик на кофейный столик и указала на пухлый зеленый диван:

— Присядь, Мила. Это займет какое-то время.

Я села. Серебристый ключ вошел в замок. Три секунды, и моя жизнь взорвется.

Ключ повернулся. Две секунды.

Крышка открылась. Одна секунда.

И…

Какие бы безумные предположения я ни строила по поводу содержимого ящика, я могла с уверенностью сказать, что ни одна из них не включала серебристый айпод с наушниками такого же цвета. Но именно его мама и достала.

— Вот. Послушай, пока я приведу в порядок твою руку. Эта запись все объяснит.

Мама отвернулась, незаметно промакнув глаза кончиками сильных, ловких пальцев. Затем она протянула мне наушники. Два черных кружочка, всего по полсантиметра в диаметре, лежали в ее ладони как крошечные бомбы.

Я засомневалась. Я точно хочу это знать? Точно? Потому что в чем бы ни заключалась правда, все было достаточно плохо, чтобы довести до слез Николь Дейли.

Нет, по правде говоря, я не хотела знать. Но должна была.

Мои пальцы сомкнулись на наушниках. Я вставила их в уши, пока не успела передумать. Мама достала из ящика еще несколько предметов: крошечную отвертку, какой-то хитрый пинцет и лазер размером с шариковую ручку. Заметив мой пристальный взгляд, она выдавила слабую улыбку.

— Это для руки, — буднично сказала она, словно это было совершенно нормально.

Ну конечно, подумала я, разглядывая отвертку. Нормальнее некуда.

— Не волнуйся, больно не будет.

Затем она нажала кнопку воспроизведения на айподе, и мои уши наполнил низкий протяжный мужской голос, прогнавший все мысли. Ну, разве что кроме одной: что мама мне лгала. Рука у меня действительно не болела, другое дело — слова, которыми поливал меня незнакомец в плеере.

От них было больно. Чертовски больно.

Глава девятая

От первых же слов, сухо произнесенных мужчиной с южным акцентом, весь мой мир разлетелся вдребезги.

«МИЛА, или Мобильный Интеллектуальный Легкий Андроид, — текущий эксперимент в сфере создания искусственного разума. Проект МИЛА финансируется министерством обороны при поддержке одного из засекреченных подразделений ЦРУ. Цель проекта — разработка сверхскрытного робота-шпиона, способного внедриться в „спящую ячейку“, заснять все передвижения противника и собрать необходимую информацию».

Я нашарила кнопку паузы, нажала. Уставилась в пространство, осмысливая услышанное.

Мобильный Интеллектуальный Легкий Андроид. Андроид. Мое имя вовсе не было сокращением от Мии и Ланы, это была аббревиатура. Означавшая…

Не может быть. Этого не может быть. Это нелепо, невозможно. В жизни ничего глупее не слышала.

Я потянулась к наушникам, готовая вырвать их из ушей, внезапно меня охватило желание швырнуть айпод об стену, чтобы он разлетелся на миллион кусочков… и тут мой взгляд упал на маму. На мою маму, которая в этот момент запаивала трубку в моей руке с помощью лазера.

И вдруг до меня дошло. Бессмысленно убивать гонца, принесшего плохие вести. Это не спасло бы меня от реальности, которая разворачивалась перед моими глазами.

Я нажала на кнопку, и бесстрастный голос продолжил свой монолог.

«Хотя устройство МИЛА 2.0… — Устройство! УСТРОЙСТВО! Как будто я предмет, вещь! И 2.0 — это еще что значит? — … внешне неотличимо от обычной шестнадцатилетней девушки, всеми процессами в нем управляет нанокомпьютер, созданный при помощи реверс-инжиниринга человеческого мозга. Это сложная система полупроводников и живых клеток, дающая устройству уникальные возможности, к которым относятся исключительная реакция и сила, сверхчеловеческая память, способность выполнять несколько задач одновременно, а также навыки взлома компьютерных систем, и многое другое. Компьютер также способен генерировать подходящие эмоции в ответ на сигналы окружающей среды и физические раздражители».

Я… как его там? Нанокомпьютер? Способный генерировать

подходящие эмоции? *Генерировать?* Этот человек ведь не пытается сказать мне, что… сказать, что я… Это исключено. Разумеется, мои эмоции настоящие. Я постоянно всякое чувствую.

Словно в подтверждение этих мыслей, мое горло сжалось.

«В остальном устройство представляет собой конгломерат натуральных и искусственных элементов при преобладании последних. Его кожа состоит из кибердермы — синтетической ткани, содержащей полимерный гидрогель — и биотехнического эпидермиса, исключительно прочного и устойчивого к травмам. Она содержит рецепторы, которые передают сигналы в наномозг — при этом плотность болевых рецепторов очень мала, всего один к тысяче по сравнению с кожей среднестатистического человека».

Я вспомнила свое падение, беспокойство, что я могла повредить позвоночник. Внезапно мамин запрет быстро ездить верхом полностью обрел смысл — страшный смысл. Ее не пугала мысль о том, что я получу травму, — наоборот. Она беспокоилась, что я упаду, и тогда все это дело с отсутствием боли приведет к вопросам. Просто удивительно, что этого до сих пор ни разу не случалось.

Постойте-ка. Почему этого ни разу не случалось? Как я могла за шестнадцать лет жизни не заметить, что практически не чувствую боли?

И тогда на меня обрушилась жестокая реальность. Голос сказал, что МИЛА 2.0 внешне неотличима от шестнадцатилетней девушки. А это значит… что мне никогда не было меньше шестнадцати.

Значит… А как же все мои воспоминания о детстве? Голос назвал их ложью.

Согласно ему, я «родилась» точно такой же, какая я сейчас.

Нахлынула тошнота. Что, учитывая все, что я только что услышала, не имело никакого смысла. Ничто не имело.

Я человек. *Человек.*

«Прочный, но легко ремонтируемый эндоскелет состоит из трубок, изготовленных из прозрачного керамического гибридного материала, в которые заключены оптоволоконные кабели. Натуральные и искусственные элементы объединены при помощи уникальной технологии, позволяющей внедрять нанотранзисторы в мембраны живых клеток. Сердце Милы заменяет сложный насос, помогающий снабжать энергией ее клетки, которые вырабатывают достаточно кислорода для поддержания своих органических составляющих. Дыхание при этом является лишь запрограммированной симуляцией одной из функций человеческого организма».

Нет сердца? У меня *нет сердца?* Нет, это абсурдно. Смехотворно. Я же его чувствую, вот оно, бьется у меня в груди.

Если только… если только это не тот сложный насос, о котором рассказывал голос. Моя рука взлетела к груди, пальцы вдавились в тело через рубашку. Секунда, и я почувствовала слабый удар. Бьется. Что-то там внутри точно бьется. Я надеялась, что эта проверка меня успокоит, но вместо покрытого венами и артериями органа, похожего на кулак, перед глазами упорно возникал водяной насос. Засунутый под ребра механизм, притворяющийся живым.

При условии, что у меня вообще есть ребра.

Я снова нажала на паузу, метнувшись взглядом к маме, но та склонилась над моей рукой в защитных очках, сосредоточенно следя за направлением ярко-красного луча лазера.

Ощущения были не сильнее щекотки.

Я включила запись.

«Благодаря одному революционному нововведению МИЛА 2.0 выходит за рамки простой имитации чувств. Используя экспериментальные данные, полученные при изучении живых девушек, нам удалось записать ментальные и физические ощущения, связанные с эмоциями, и воспроизвести их. Таким образом, устройство МИЛА 2.0 фактически чувствует то же, что и люди; как мы предполагаем, это поможет ей не выделяться в среде противников и сделает ее маскировку более правдоподобной».

Маскировку. О боже. Он что, имеет в виду… маскировку *под человека?*

«Количества человеческих клеток, содержащихся в устройстве МИЛА, достаточно для выполнения ряда биологических функций, но в действительности это — машина. Запуск проекта запланирован на двадцать второе августа».

Запись оборвалась, но последнее предложение отпечаталось в сознании. 22 августа. Всего за пять дней до того, как мы с мамой приехали в Клируотер.

Я не могла и пошевелиться, не могла дышать. Похоже, эта способность обходиться без воздуха и правда полезная штука. Эта мысль вызвала у меня смех — задыхающееся, истерическое бульканье, из-за которого мама тут же бросила инструменты и схватила меня за руку.

Мама. Всего лишь еще одно звено в длинной цепи лжи.

Боль в моей груди, в моем не-сердце, была невыносимой. Тот, кто разработал систему «генерации подходящих эмоций», потрудился на славу.

Может, я просто сплю. Может, я проснусь и пойму, что это

был просто кошмар. Может, я даже проснусь дома в Филадельфии, и папа окажется жив. Человек, которого, если верить голосу, в моей жизни никогда не было.

Что же касается «мамы» — хм, согласно голосу, я скорее состояла в родстве с нашим тостером, чем с ней.

У меня вырвался еще один булькающий смешок.

— Это все правда? Но это ведь не может быть правдой? Пожалуйста, скажи мне, что это все какая-то глупая шутка. Пожалуйста!

Но, когда мама перестала собирать инструменты и подняла голову, я увидела в ее глазах только грусть. Я поняла: как бы там ни было, но для нее это все было реально.

— Мила, мне очень жаль… Мне хотелось…

— Мне без разницы, чего тебе хотелось, — воскликнула я, вскакивая на ноги. — Просто объясни мне, что происходит. Откуда я взялась? Почему я здесь? И как — как я могу быть ненастоящей? — Я резко развернулась, оказавшись лицом к акварельной картинке с лошадью, и обхватила себя руками за талию. И тотчас же подумала: интересно, эта реакция тоже была запрограммирована?

— Ты настоящая, — заверила мама тоном, говорящим «успокойся-и-послушай-меня». Держу пари, она не знала, что как раз сейчас эффект от него был противоположный. От такого голоса хотелось бешено скакать, орать на чем свет стоит, взять и вытрясти из нее это самообладание. — Именно поэтому я выкрала тебя из военной лаборатории. Я работала над тобой каждый день, Мила. На самом деле я — биоинженер, из тех, кто помогал создать тебя. Я знаю, что ты не просто оружие… в тебе для этого слишком много человеческого. Поэтому — да, я украла тебя — чтобы ты была в безопасности. Ты заслуживала большего, чем то, что могли предложить тебе вооруженные силы.

Украла. Я — краденый товар.

Мамина рука мягко убрала упавшую мне на лицо прядь, а потом нежно погладила мне затылок. Все внутри меня рвалось поверить ей, жаждало знать, что она правда меня любит, что я правда отчасти человек. Она всегда была рядом: когда я была маленькой, после смерти папы…

…вот только ни детство, ни папа не были настоящими. Но как такое возможно? Воспоминания, очень детальные, отпечатались у меня в голове, они разворачивались перед моими глазами, четкие, как видеозаписи.

Как видеозаписи.

Ее пальцы, до сих пор поглаживавшие мою шею, вдруг стали неприятно давить. Вырвавшись, я развернулась к ней лицом.

— Откуда у меня воспоминания? Как ты это сделала?

Мама, нет, *Николь* вздохнула и, сняв дрожащей рукой очки, потерла переносицу.

— Я их запрограммировала. Причина, по которой некоторые из них кажутся особенно реалистичными, в том, что я создавала их с помощью специальной программы виртуальной реальности. Это позволило мне вставить в воспоминания тебя саму.

Запрограммировала. Все мое прошлое, все, что я принимала за правду о своей жизни, семье, о том, что сформировало меня как личность, — все развеялось от одного простого слова. «Запрограммировала».

— А пожар? — прошептала я. — Кем надо быть, чтобы такое придумать? И постой — Николь вообще настоящее имя?

— Да, меня зовут Николь, но Лорент, а не Дейли, — вздохнула мама — *Николь,* — и потерла лоб. — Я просто пыталась выиграть для нас время, найти способ тебе обо всем рассказать! Однако в первую очередь нужно было позаботиться о нашей безопасности. Убедить тебя в том, что ты настоящая девушка, было для меня единственным способом защитить тебя. Я ни на секунду не сомневаюсь, что правительство нас ищет, используя все доступные средства. Думаешь, почему я выбрала Клируотер? Я отключила твой маячок, но это не значит, что они нас не найдут.

Час от часу не легче. Маячок, словно я какая-то сбежавшая собака. За исключением того, что собаки — нормальные живые существа. А я чудовище. Немного живых клеток, в основном железо.

В целом — урод.

Она снова потянулась ко мне, но я отбила ее руку.

— Не трогай меня! Я даже не понимаю, как… как это все может быть правдой? Эти искусственные эмоции? — Мое горло сжала сильная боль — запрограммированная? Настоящая? Откуда мне было знать? И я понизила голос до шепота. — Если я не человек, то почему мне так больно?

— Я сравнивала это с фантомными болями… только вместо боли — эмоции. Пусть у тебя нет всех тех органов, что у обычного человека, но в разных эмоциональных состояниях ты все равно испытываешь в нужных местах соответствующие ощущения — давление, тепло, холод, боль и так далее. Фантомные чувства, если хочешь, скопированные у обычной девочки-подростка. Используя сложную нейроматрицу, мы смонтировали твой мозг так, чтобы он верил, что твое тело устроено как человеческое, поэтому он принимает все эти ощущения за настоящие.

Смонтировали. Нейроматрица. Это было уже слишком.

— А что насчет папиной рубашки? — с издевкой поинтересовалась я, показав пальцами кавычки на слове «папина». — Она тоже понадобилась, чтобы выиграть время? А этот дурацкий кулон?

Не успела она понять мои намерения, как я рванулась вперед, схватила висящий у нее на шее камень и дернула. Тонкая цепочка порвалась, и тогда я швырнула подвеску через всю комнату.

— Мила! — ахнула мама и бросилась доставать кулон.

Отчаянно не желая разрыдаться при ней, я помчалась по коридору, вбежала в свою комнату и заперла за собой дверь.

Я упала на кровать ничком и заплакала, чувствуя, как под моими щеками скапливаются теплые слезы. Слезы, которые, возможно, даже не были настоящими. Что, если это какой-то странный раствор, поступающий в ответ на «сигналы окружающей среды»? Мне на самом деле грустно, или это компьютерная программа дала мне команду грустить?

Только что я была нормальной девушкой, а стала… чудовищем.

Эта мысль побудила меня встать и подойти к овальному зеркалу над моим белым комодом. Никакого чудовища Франкенштейна в зеркале не оказалось. Только мое собственное лицо. Мне кажется, или у моих глаз немного чересчур необычный травянисто-зеленый оттенок? Я подняла руку и запустила пальцы в волосы. А мои волосы — как они растут? Или они не растут? Все те воспоминания о том, как меня стригли… Если верить маме, они все были фальшивыми. Не маме, *Николь* — еще раз поправила я себя. Но даже при всем, что я узнала, называть ее по имени было как-то странно.

Потом я коснулась мокрых дорожек на щеках. На ощупь слезы казались настоящими, но, с другой стороны, откуда мне знать, какими должны быть на ощупь настоящие слезы? Как я теперь смогу хоть во что-то поверить, когда все, что я знала о себе, оказалось ложью?

Даже мое лицо, такое знакомое лицо сердечком с широковатой нижней губой и горсткой крошечных веснушек на носу и щеках. Не настоящее. Не настоящее.

Не. Настоящее.

Не успела я опомниться, как мой кулак рванулся вперед, желание уничтожить это липовое отражение затмило все остальное. Стекло разбилось вдребезги, и лавина осколков хлынула на комод, словно водопад лжи. Блестящие осколки лежали передо мной как напоминание обо всем, что я потеряла. Обо всем, чего у меня никогда не было.

Когда эмоции поутихли, я оценила масштаб разрушений.

Глупо. Я не только устроила погром — в итоге моя ненормальность только подтвердилась. Костяшки не кровоточили, вместо порезов — пара тоненьких розовых царапин. Хуже всего — никакой существенной боли в руке.

Нет, единственное, что было мне дозволено, — задыхаться от ненастоящей боли в моем фальшивом сердце.

Сметя осколки на пол, я подбежала к кровати и скользнула под одеяло. Накрыла голову подушкой, пытаясь отгородиться от реальности.

Но от воспоминаний, ложных или нет, было некуда деться. Некуда было деться и от боли внутри, этой фантомной боли.

И я никак не могла остановить эти дурацкие фальшивые слезы, которые лились совсем, совсем как настоящие.

Глава десятая

Позже этим вечером я сидела в стойле у Неги, подтянув к себе ноги в пижамных штанах и положив щеку на колено. Просто глядя на ее темные ноги, словно за ними могли скрываться ответы на мои вопросы.

Меня окутывал знакомый мускусный запах лошадей и сладковатый запах сена. Внутри было тихо, только изредка какая-нибудь из лошадей фыркала или переступала с ноги на ногу.

Тихо, но небезопасно.

Меньше суток назад эта конюшня была моим убежищем. Местом, где я приходила в себя после смерти папы под спокойными и добрыми взглядами лошадей. Убитая горем, я бы в жизни не поверила, что все может стать еще хуже.

Я и представить себе не могла, что известие о том, что папа на самом деле не умирал, будет мучить меня сильнее, чем знание о его смерти.

Я больше нигде не чувствовала себя в безопасности.

— И почему я не лошадь? — спросила я. Нега повернула свою массивную голову на звук моего голоса и ткнулась мне в волосы, втягивая воздух большими овальными ноздрями. От этого простого жеста к глазам подступили слезы.

По крайней мере, ей все равно, нормальная я или урод.

Я протянула руку, чтобы потрепать лошадь по морде, игнорируя дурацкие слезы, которые упорно продолжали наворачиваться на глаза.

— Если бы ты не была… нормальной, ты бы даже этого не поняла. Только это ведь все равно все неправда, верно? То есть, посмотри на меня — я задаю вопросы лошади. Если это не человеческое поведение, то что?

За стенами конюшни всего несколько звезд пробились сквозь толщу облаков, поэтому небо было темным и гнетущим. Не считая шорохов в стойлах, тишину нарушали только редкий стрекот сверчка да уханье совы на дереве неподалеку. Но я не собиралась возвращаться к себе в комнату, не будучи уверена, что мама — *Николь* — легла спать. С тех пор как она заглянула ко мне и вымела последствия моей расправы над зеркалом, она принялась всюду надо мной нависать.

Да, нависать. Как будто, начав вести себя как стереотипная мама подростка, она сможет все исправить. Именно сейчас при виде ее стройного спортивного тела и озабоченного лица меня переполняла ярость, и я разрывалась между двумя несовместимыми потребностями: расколотить еще парочку зеркал

или сдаться и расплакаться у нее на груди.

Рыдать на груди у человека, который меня предал, — ни за что. Тем не менее, находясь с ней в одном доме, я не могла усидеть на месте, не говоря уже о сне.

Кстати, о сне. Спала ли я по-настоящему? Или сон для меня был всего лишь еще одной «программой симуляции человеческих функций»? Которую кто-то установил во мне, как новую версию Windows?

Это бы объяснило, почему я всегда просыпалась от малейшего движения или шороха, сразу начеку и с ясной головой.

Я зарылась лицом в колени и сделала несколько глубоких вздохов, пытаясь побороть головокружение, вызванное приступом паники. Все, о чем говорила мама, не имеет смысла, сказала я себе. Если я андроид, то почему у меня вообще закружилась голова? И как мне могут помочь глубокие вздохи, когда, согласно Человеку-Из-Айпода, у меня нет легких? Как может фальшивая кожа так тонко чувствовать грубоватую текстуру сена, когда я запускаю в него пальцы? Внезапно все случившееся стало выглядеть как тщательно продуманная махинация. Проверка на устойчивость психики. Если бы только не моя дурацкая рука…

Мой разум избегал этой темы. Также я старалась не думать о своей силе и быстроте реакции. Но главным образом — о маминых объяснениях. Я не хотела думать ни о чем из этого слишком долго, боясь, что иначе начну в это верить.

Мне просто хотелось притвориться, что сегодняшнего дня не было. Снова стать обычной Милой. Девочкой, которая переехала в новый город и пытается свыкнуться со своей потерей.

Пронзительное пиликанье моего рингтона заставило меня вздернуть голову.

Выудив мобильник из сена, я посмотрела на экран. Да так и зависла над ним, снова и снова пробегая глазами по номеру, на случай, если я все-таки что-то перепутала.

Звонил Хантер.

Вообще-то я взяла телефон с собой, чтобы отправить ему смс, но струсила и вместо этого написала Кейли. Ответа не последовало.

Я опомнилась и спешно нажала кнопку вызова.

— Алло?

— Привет, Мила.

От одного его голоса, тихого, хрипловатого, вся эта катастрофа с мамой стала казаться менее реальной. Хантер Лоув — Парень. Настоящий, — позвонил мне. Военные, ЦРУ? Секретный проект по созданию андроида? *Ну-ну.*

— Привет.

— Ты сегодня так быстро сбежала. Я просто… беспокоился. Как ты там? Как рука?

Забота в его голосе просочилась через динамик и наполнила меня неожиданным теплом. Я ухватилась за это чувство как утопающий за соломинку.

— Рука в порядке. — И это было правдой. Не в порядке было все остальное.

— Наверно, это прозвучит странно, но я тут как раз езжу по делам и подумал… ты не против, если я заеду тебя навестить?

Он хочет заехать *сейчас?* Навестить меня?

Я зажмурилась, раздумывая. Еще сегодня днем я была бы в совершенном восторге, если бы Хантер позвонил и предложил встретиться. Но от одного нажатия на кнопку айпода все изменилось. Мое прошлое, мои родители, природа моего существования в принципе — все это поставил под вопрос безликий мужчина с южным акцентом.

— Даже не знаю… уже поздно, и я практически уверена, что мама будет не в восторге.

Не то чтобы мне сейчас было важно, что подумает мама. И все же еще один скандал мне сейчас был нужен меньше всего.

— А ты не можешь незаметно выбраться из дома?

Я подошла к двери и приоткрыла ее, выпуская наружу луч света. Кроме него, ничто не нарушало темноту, не считая сияния нескольких упорных звезд. В доме свет не горел, судя по всему, мама наконец-то легла.

Нега тихо заржала. Напомнив мне о том, что как бы ни были хороши лошади, мне точно не помешал бы друг, умеющий говорить.

— Встретимся в конюшне.

— Окей. До скорого.

Как только я повесила трубку, я поняла, что натворила.

Я изогнула шею, стряхивая с пятой точки налипшие стебельки сена, и одернула задравшуюся футболку. С уточками. Сейчас придет Хантер, а на мне фланелевая пижама с уточками. Тут я осознала, насколько глупо я себя веду. Как будто то, что парень увидит меня в дурацкой пижаме, было моей единственной проблемой.

Предприняв тщетную попытку расчесать пальцами спутавшиеся от лежания волосы, я опустила руки и стала ждать. Надеясь, что полоска света сыграет роль маяка.

Не прошло и трех минут, как ночной воздух прорезал глухой гул двигателя. Прошло еще тридцать секунд, и я увидела темный силуэт джипа, въезжающего на нашу улицу. Фары не горели —

скорее всего, это Хантер, пытающийся быть незаметным. И действительно, джип свернул на нашу подъездную дорожку. Под колесами захрустел гравий.

Не доехав до дома метров двадцать, Хантер заглушил двигатель. Я видела, что он старается вести себя тихо, но тем не менее услышала щелчок открывшейся дверцы и еще один, когда она закрылась.

Несколько мгновений спустя он стоял передо мной, глубоко засунув руки в карманы; на его губах играла неуверенная улыбка.

— Привет, — сказал он. Тихо.

— Привет, — ответила я, тоже тихо, потому что при виде него у меня перехватывало дыхание.

Мягкий свет из конюшни выхватил из темноты влажные пряди волос, касающиеся ворота его серого спортивного свитера, и его гладко выбритые щеки, чистоту которых нарушало только пятнышко родинки слева, чуть выше подбородка. Он пах мылом и немного сандалом.

Только что из душа, определенно. А значит, свою поездку по делам он придумал как предлог, чтобы встретиться со мной. Как только я это поняла, по моему телу прошла волна… чего-то. Чего-то теплого, живого и, совершенно точно, человеческого.

Я приложила палец к губам и поманила его внутрь, а потом осторожно закрыла за нами дверь.

Мы прошли вглубь конюшни, сопровождаемые шорохами и фырканьем лошадей, почуявших незнакомца. И встали там. Вдвоем. Ничего не говоря.

— Эм, может, сядем? — спросила я наконец, чтобы нарушить молчание, и огляделась по сторонам, хотя и знала, что стул или кушетка вряд ли сейчас появятся из ниоткуда.

— Давай. — Хантер прислонился к стенке напротив первого стойла и сполз на пол. Усевшись, он улыбнулся и похлопал рукой по месту рядом с собой.

Я села, стараясь оставить между нами достаточно пространства. Но даже так мои мысли постоянно обращались к нему. К тому, как его колено выглядывает из растрепанной прорези в джинсах. К его пальцам, барабанящим по колену, таким длинным, тонким и изящным. Интересно, каково это — взять его за руку и почувствовать, как наши пальцы сплетаются.

Боясь, что мои мысли написаны у меня на лбу, я обвела пальцем утенка на штанине, чтобы не смотреть на Хантера.

— Так… — сказал он и замешкался.

— Так… — эхом отозвалась я. Когда он и после этого не продолжил, я почувствовала, как у меня в груди начало расти напряжение, усиливаясь с каждой новой секундой молчания.

Почему он ничего не говорит? Может, он уже жалеет, что приехал? Это из-за руки? Может, он хотел спросить меня о ней, но не знает как. Нужно просто рассказать ему.

То есть рассказать ему поддельную версию, которую я сочинила за время между его звонком и приездом. Рассказать и покончить с этим мучением.

Напустив на себя уверенный вид, я наконец повернулась к Хантеру лицом. Он сделал то же самое в тот же самый момент.

— Так…

— Так…

Мы заговорили одновременно и тут же оба замолчали. Уголки его губ дернулись вверх. Я почувствовала, как мои губы последовали примеру. Секунду спустя в конюшне раздался наш общий смех, эхом отражаясь от высокого потолка и бетонного пола.

— Так ты хотел узнать, как я? — спросила я, предоставив ему идеальное начало для разговора.

И сразу пожалела об этом, когда Хантер перестал смеяться. Его ресницы медленно опустились, когда он перевел взгляд на мою руку.

— Ага, хотел. Ты выглядела встревоженной, когда мы прощались.

Хантер продолжал смотреть, и меня снова охватило такое же чувство загнанности, как то, что возникало в школе. Может, пригласить его сюда было ошибкой. По логике, сейчас стоило бы встать, сказать, что я устала, и отправить его домой. Завтра в школе общаться будет безопаснее: воспоминания об аварии притупятся, и вокруг будет толпа отвлекающих внимание школьников.

Но мои ноги отказались слушаться. Голова, сердце — все было против. Логика — это хорошо, но сейчас мне было необходимо, чтобы Хантер был рядом. Сейчас он один удерживал меня в мире живых.

— Так что, твоя рука… в порядке?

Ну всё, началось.

— Да, как ни странно. Видишь? И никаких необратимых повреждений. — Я повертела рукой, чтобы он мог взглянуть на нее со всех сторон. Поразительно, как маме удалось починить ее с помощью пары простых инструментов. Всего-то и осталось, что тонкая розовая полоска, похожая на длинную царапину, но и она, по маминым словам, исчезнет за два дня.

Я бы что угодно отдала за настоящий шрам.

Он потянулся рукой к сгибу моего локтя, и я почувствовала кожей тепло его пальцев. Я замерла, не шевелясь. Паника

вперемешку с волнением, от которого внутри все затрепетало.

Видали? Совершенно нормальная реакция для подростка. Ну ладно, может, не столько паника, но волнение — точно.

— Можно? — спросил он.

— Э, конечно.

Он очень мягко взял мою руку за запястье и стал поворачивать ее так и этак. Когда он провел пальцем свободной руки по царапине, клянусь, внутри меня что-то полностью перевернулось. Сделало сальто. Исполнило целый акробатический этюд меньше чем за пять секунд.

Не может быть, чтобы секретный андроид-шпион с нанокомпьютером вместо мозга был способен такое чувствовать.

— Поразительно. Не совсем уверен, как такое возможно, но это просто поразительно. Как так получилось?

От той бережности, с которой он поддерживал мою руку, внутри меня прокатилась волна тепла. Его голубые глаза встретились с моими, подбивая проглотить заготовленную ложь и рассказать правду. Можно ведь забыть поддельную версию. Посмотреть на эту невероятную историю другими глазами — его глазами. Потому что мне все это до сих пор казалось чем-то фантастическим. А вдвоем мы смогли бы разобраться. Вместе.

Конечно, существовал и другой, гораздо более правдоподобный вариант развития событий. Тот, в котором я рассказываю Хантеру правду, а он надо мной смеется. А потом пятится, бежит к своему джипу, а на следующее утро рассказывает всей школе, что у меня шизофрения эпических масштабов.

В моей голове зазвучал тихий голос Человека-Из-Айпода, порождая в воображении ужасы тюремных камер, лабораторий и других мест, о которых я себе даже думать не позволяла. Я поежилась. Никто не должен был узнать. Никогда.

Кроме того, я не собиралась отпугнуть единственного человека, с которым я чувствовала себя настолько живой. Придерживаться лжи для меня лучший план.

— Моя рука — протез, — произнесла я бесцветным от разочарования голосом. — Год назад я попала в автокатастрофу. Он выглядит так реалистично, что я иногда вообще забываю, что рука ненастоящая, — добавила я на всякий случай.

— Мне очень жаль.

«Да, мне тоже, — хотелось мне ответить. — *Жаль, что солгала тебе, что ничем не заслужила твое сочувствие».*

Мне нужен был отвлекающий маневр. Перевести его внимание с моей руки, моего прошлого, вопросов, на которые я не смогла бы ответить, на что-то другое.

Я отодвинулась от стены и сделала вид, что прислушалась:

— Ты это слышал?

Хантер так подпрыгнул, словно у него в кедах были пружины.

— Нет, а что это было? — спросил он, настороженно глядя на дверь.

Моя рука подлетела ко рту, пряча улыбку, которая грозила расползтись на пол-лица. Хантер Лоув, который казался таким крутым и беспечным. Испугался шороха в темноте.

Мы оба ждали, он — слушая, не повторится ли воображаемый звук, а я — делая вид, что слушаю. Фыркнула лошадь, затем одиноко чирикнул сверчок.

— Наверно, показалось, — сказала я несколько секунд спустя.

— Уверена?

— Ага, думаю, это была какая-то из лошадей.

Его взгляд метнулся от меня обратно к двери:

— Если твоя мама проснётся…

В этот раз я не сдержалась и тихо хихикнула. Так вот в чем дело. Хантер боялся, что его поймает здесь моя мама.

Его плечи расслабились.

— В любом случае, я, пожалуй, все-таки пойду. Лучше перестраховаться.

Я медленно пошла с ним в сторону двери, наслаждаясь каждым оставшимся мгновением. Как только он уйдет, растворится в темноте, конюшня, лишенная его успокаивающего присутствия, снова покажется пустой и холодной. Станет тихо и одиноко.

— Так ты что, правда испугался, что придет моя мама? Печально, — прищелкнула я языком.

Он остановился, когда его пальцы уже легли на ручку двери. Вдруг ни с того ни с сего он развернулся и схватил меня за руки.

Я подпрыгнула, из-за чего мне на глаза упала прядь волос. И стояла, четко осознавая, что пространство между нами сократилось до нескольких сантиметров.

— Ужасно испугался… что попадусь и упущу шанс произвести хорошее впечатление, — сказал он.

После чего подошел ближе, и весь мир замер. Я почувствовала лбом мягкое движение воздуха, когда его рука потянулась к моему лицу. Почувствовала тепло его кожи, когда его пальцы скользнули по выбившейся пряди. Почувствовала, как мое сердце остановилось, когда он наклонился ко мне… только для того, чтобы вытащить застрявшую у меня в волосах соломинку.

Возможно, широкая улыбка, с которой он выбросил соломинку, была чуточку самодовольной. Но к двери он так и не

пошел. Вместо этого он мягко взял меня за подбородок, поднимая лицо вверх. У меня внутри все скрутилось в узел, глаза закрылись. Да, да, это именно то, что мне нужно.

Один поцелуй, который превратит мой кошмар в сказку.

Один поцелуй, который докажет, что я нормальная, раз и навсегда.

Один поцелуй, и я узнаю настоящую правду.

Но его губы не успели даже коснуться моих, когда нашу идиллию разрушил стук распахнувшейся двери. Входной двери нашего дома.

Мама.

Хантер отскочил, убрав руки. Я примерзла к месту. Несмотря на то, что я совсем недавно дразнила Хантера, по правде говоря, представив маму, обнаружившую, что я пустила кого-то к нам среди ночи, я сама слегка запаниковала. Я не готова была выслушивать одну из ее лекций. Только не сейчас.

— Я выйду через заднюю дверь. Увидимся завтра, — сказал Хантер. А потом пулей рванул к двери в другом конце коридора, отпер задвижку и выскользнул в темноту.

Я подбежала и заперла за ним дверь, развернувшись как раз вовремя, чтобы увидеть в другом дверном проеме знакомый силуэт.

— Мила? Уже поздно. Иди лучше в дом.

Мама смотрела на меня затуманенным взглядом. Я удивилась, увидев, что глаза у нее красные, но смягчать свое отношение не собиралась. Особенно когда заметила выглядывающий из-за ворота голубой пижамы изумрудный кулон, возвращенный на прежнее почетное место.

Обхватив себя руками за талию, я неслышным шагом подошла к ней. Я намеренно заметно приложила усилия к тому, чтобы уклониться от ее руки, которая потянулась было к моему плечу, и полностью избежать контакта. У нее было полно возможностей для подобных жестов до большого разоблачения. Тогда она отказалась ими воспользоваться.

Теперь настал мой черед ответить ей тем же. Особенно учитывая, что сейчас любое прикосновение кажется лживым.

Прошедшая в темноте и молчании, дорога к дому показалась жестокой пародией на наше вчерашнее возвращение из конюшни. Тогда мама шла улыбаясь, подхватив меня под руку, и я почувствовала тепло настоящих отношений матери и дочери, впервые за несколько месяцев. То есть это я так думала.

Тогда я не подозревала, что почувствовала это не «впервые за несколько месяцев», а просто «впервые». Точка.

Мама отстала на несколько шагов, когда я развернулась на

пороге своей спальни и захлопнула дверь у нее перед носом. Я бросилась на кровать и дала волю гневу.

Когда злость поутихла, я распласталась на кровати совершенно выдохшаяся, осознавая, что моя надежда, скорее всего, обманчива. Я откуда-то взяла идею, что Хантер может меня освободить. Как будто это все какая-то искаженная версия «Спящей красавицы». В которой его поцелуй спасет меня не от злого заклинания, а от голоса из айпода.

За этот крошечный промежуток времени я успела убедить себя, что поцелуй Хантера превратит меня в человека.

Глава одиннадцатая

Проснувшись на следующее утро, я испытала миг идеального покоя. Блаженного незнания. Один безмятежный миг нормальной жизни, после которого на меня лавиной обрушились вчерашние события: Человек-Из-Айпода, нейроматрицы, запрограммированные воспоминания. Поддельное прошлое, поддельные мама и папа.

Всё во мне — подделка, подделка, подделка.

Я словно оказалась заживо погребена под тяжелым слоем безнадежности и отчаяния. Только я не была по-настоящему живой. В том-то и проблема.

Вцепившись в матрас и крепко зажмурив глаза, я сделала несколько коротких, отчаянных вдохов, которые, по словам какого-то незнакомца, были мне не нужны, но казались таким же естественным явлением, как восход солнца. Если я позволю этим чувствам поглотить меня, что у меня останется?

Ничего.

Нужно было сосредоточиться на чем-то позитивном. Мне нужно одеться, пойти в школу, как-то начать жить дальше… что бы это ни значило. Поговорить с Кейли, поговорить с Хантером.

Хантер.

Воспоминание о нашем почти-поцелуе переполнило меня, и, несмотря на все ужасы вчерашнего дня и мелькающие у меня в голове вопросы, я почувствовала все тот же сумасшедший трепет в груди.

Если я была способна, затаив дыхание, мечтать о парне, которого готовы были обсуждать Кейли, Элла и даже Паркер, значит во мне было все-таки больше от девочки-подростка, чем думала мама? Может, все-таки кто-то что-то перепутал?

Эти размышления в конечном счете выгнали меня из постели и отправили в шкаф на поиски чистой одежды.

Одевшись, я направилась на кухню, откуда доносился заманчивый запах жареных тостов. Ну вот! Я проголодалась. Это было совершенно нормально, и я не верила, что существует разумное объяснение, как не-человек может чувствовать голод.

«Количества человеческих клеток, содержащихся в устройстве МИЛА, достаточно для выполнения некоторых биологических функций».

Не мог же голос иметь в виду еду и… все остальное. Исключено.

От звука, с которым я плюхнулась на стул, стоявшая у холодильника мама резко развернулась, взмахнув банкой

клубничного конфитюра.

— Доброе утро, — осторожно сказала она. Словно прощупывая почву: насколько стабильное у меня настроение.

Она надела чистые джинсы и голубую футболку с длинным рукавом, а волосы затянула в привычный опрятный хвост, но под глазами у нее были темные круги. А когда она пошла к разделочному столу за тарелкой с тостами, в ее походке не хватало обычной энергичности.

— Доброе, — ответила я нейтральным тоном и принялась намазывать тост джемом.

Мама села за стол напротив меня. Она зевнула и подперла подбородок руками, наблюдая за тем, как я уничтожаю свой завтрак.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? — спросила она.

Хантер. Думать о Хантере и о том, что встретишься с ним в школе. Больше ни о чем.

— Отлично, — заявила я, откусывая еще кусочек.

Она озадаченным взглядом провожала мои движения, пока я жевала, намазывала на тост еще джема и жевала дальше. Очевидно, ответа «отлично» она не ожидала.

Мама открыла было рот, но не издала ни звука. Вместо этого она слегка встряхнула головой, хлопнула обеими руками по своим практичным выцветшим рабочим джинсам и встала.

— Хорошо. Но если вдруг передумаешь и захочешь поговорить…

Я запихнула в рот последний кусочек тоста, прожевала и проглотила.

— Не передумаю, — сказала я, вытирая салфеткой губы.

Я вложила опустевшую тарелку в ее протянутую руку и посмотрела, как она идет к раковине.

— Я понимаю, ты пока не готова. Но когда ты…

— Никогда. — Хотя внутри у меня все дрожало, мой голос звучал твердо. — Я никогда не захочу говорить о том, что было вчера.

На фоне стука тарелок и запаха яблочного мыла я подняла взгляд на часы в форме свиньи, которые мама называла китчем, а я — отстоем. И задумалась — это настоящая я дала им такое определение, или запрограммированная? Или они обе — одно и то же?

Закрыв глаза, я кое-как выкинула из головы часы, но беспокойство от этих размышлений осталось.

— А ты не можешь закончить после того, как отвезешь меня в школу? Не хочу опаздывать.

Стук посуды на миг прервался, а затем опять возобновился.

— Ты не пойдешь в школу.

Эти слова захватили меня врасплох. Я сидела, потрясенно молча, пока в голове не всплыл один важный вопрос:

— Сегодня? — спросила я, подавляя приступ паники, от которого внутри все скрутило. — Или вообще?

— Пока не знаю.

— Что? *Почему?* — последнее слово я выкрикнула так громко, что, наверно, даже лошади у себя в конюшне прислушались.

Перед глазами возникло лицо Хантера, и я вцепилась в этот образ изо всех сил. Если не будет школы, не будет и Хантера, а я не могу от него отказаться. И не буду.

Мой вопрос не нарушил мамин цикл методичного освобождения фарфоровой раковины — вымыть-ополоснуть-вытереть.

На полотенце с петухом росла стопка веселеньких тарелок с маргаритками по краям и кучка столовых приборов, и вместе с тем росло мое желание столкнуть это все на пол. Как она могла обрушить на меня такую новость, не удосужившись даже обернуться?

Услышав скрип отодвигаемого стула, мама остановилась. Она вытерла руки и наконец повернулась ко мне.

Глядя на нее, я задавалась вопросом, как все это может быть ложью. Ее стройное, жилистое тело, ее голубые глаза, связанные с ней звуки, запахи, ощущения. То, как она теребила очки на носу в тех редких случаях, когда не могла подобрать слова — как сейчас. Все это казалось таким реальным, как будто я знаю ее гораздо, гораздо дольше пары месяцев.

— Мне жаль, но после вчерашнего случая мы просто не можем пойти на такой риск. Не сейчас.

— Риск, что у меня может получиться вести почти нормальную жизнь, — ты этот риск имеешь в виду?

Она сорвала с себя очки и потерла глаза.

— Я знаю, тебе трудно. Но мы сейчас в очень опасном положении.

— И кто в этом виноват? Не я, а наказание достается мне! — Я замолчала, сделала глубокий вдох. Аргументы, мне нужны аргументы. — В любом случае, ты ведешь себя как параноик. Кто станет искать нас в этой глуши?

На какую-то долю секунды мамины руки замерли на ее глазах. Потом она надела очки и тихо заговорила:

— Ты себе не представляешь… и надеюсь, так все и останется. Но мы должны принять меры предосторожности. Ты сможешь вернуться в школу позже, если это будет безопасно.

И она снова повернулась к стопке тарелок, промакивая

полотенцем несуществующие капли. Притворяясь, что занята.

Мы постоянно притворялись, обе.

Когда она занялась каким-то бессмысленным, совершенно незначительным делом, вместо того чтобы нормально поговорить со мной, я вышла из себя.

— Ты лжешь. Ты никогда не разрешишь мне вернуться, так? — выкрикнула я.

Мама резко развернулась:

— Мила! — начала она, но сразу остановилась, увидев, что я быстро-быстро моргаю, и повторила уже мягче, — Мила, — подходя ближе и протягивая ко мне руки.

Ловушка. Как и все остальное.

Я отшатнулась от нее.

— Но почему? Зачем ты вообще меня украла, если и не собиралась позволить мне жить? — прошептала я. А затем развернулась и бросилась к себе в комнату.

Я плюхнулась на кровать и уставилась в пространство. Когда через час ко мне заглянула мама, я перевернулась на левый бок, не желая ее видеть.

Матрас скрипнул и просел.

— Я знаю, что ты расстроена, но ты можешь поговорить со мной хотя бы минутку?

На стене напротив меня, рядом с занавеской в зелено-белую клетку, висел эскиз головы гнедой лошади. Художник так хорошо передал все черты, что лошадь смотрела на меня почти как живая. Интересно, как ему это удалось — несколькими мазками вдохнуть иллюзию жизни в пустой лист бумаги. Бумажная лошадь продолжала смотреть на меня, и я закрыла глаза.

В конечном счете, таков был весь мой мир. Иллюзия.

Кровать снова скрипнула, когда мама передвинулась, пытаясь найти удобное положение. Флаг ей в руки — учитывая все безумные обстоятельства, я сильно сомневалась, что оно существовало.

Протикало не меньше десяти секунд, прежде чем я выпалила:

— Зачем вообще было рисковать, отправляя меня в школу? Зачем было брать эту дурацкую работу? Почему бы просто не отсидеться в какой-нибудь там пещере?

Когда мама ответила, ее голос зазвучал глухо:

— Потому что я все-таки хотела для тебя нормальную жизнь, Мила. Я хочу, чтобы в этот раз у тебя было все. И если для этого нужно прятать тебя на самом видном месте, так тому и быть.

Я покачала головой:

— Я не понимаю, о чем ты! В этот раз? Что значит — в этот

раз? Что еще ты от меня скрываешь?

Я почувствовала, как она мягко ведет пальцами по моим волосам — вниз, вниз, вниз. Медленно, словно наслаждаясь каждым сантиметром. В голове вспыхнула очень странная картинка: маленькая девочка с длинными каштановыми волосами вертится на стуле, не давая себя постричь, а позади нее стоит помолодевшая мама, одной рукой орудуя ножницами, а в другой держа чупа-чупс.

Но это воспоминание было размытым, обрывчатым. Совсем не таким, как кристально ясные воспоминания о папе. Может, они постепенно начинали портиться. Может, они все утекут, одно за другим, и под конец у меня не останется ничего, что напоминало бы о моей поддельной семье.

Я еще теснее свернулась в клубок.

— Думаю, с тебя пока хватит откровений. — Кровать снова скрипнула. — Я пришла предупредить тебя, что мне нужно уехать — звонил мистер Дэннинг, его мерин внезапно охромел. Можешь оставаться в доме или сходить в конюшню, только никаких поездок верхом. Я вернусь, как только смогу.

Не дождавшись от меня ответа, она, тяжело вздохнув, встала и вышла, тихо закрыв за собой дверь.

Стоило мне услышать шорох гравия под колесами ее машины, как я оказалась на ногах. Я не смогу так жить, сидя в клетке как животное. От хождения в школу не будет никаких проблем. Я ей это докажу.

Подбадриваемая воспоминанием о теплых голубых глазах Хантера, я подхватила рюкзак и отправилась в школу пешком.

Провал номер один — я опоздала на классный час.

Благодаря скрипучей двери мое появление было встречено любопытными взглядами большинства одноклассников. Я заколебалась на пороге, преодолевая искушение дать деру. Ты сама этого хотела, напомнила я себе. Ходить в школу, быть нормальной. И все же, пока я шла вдоль среднего ряда парт, чтобы отдать миссис Стегмейер желтую записку об опоздании,[8] мне мерещилось, что на меня со всех сторон направлены обличительные взгляды. Как будто ученики знали, что во мне что-то не так, и пытались вычислить, что именно.

Мне и раньше никогда не нравилось быть в центре внимания, но сегодня это казалось прямо-таки опасным.

Провал номер два — парта у окна пустовала. Хантера не было.

Провал номер три — мое собственное место было занято.

Лесли, девушка, с которой Кейли при мне едва ли

обменивалась хоть парой слов, совершенно довольная собой, развалилась за моей партой, придвинув свою рыжую голову к Кейли. Девушка, от которой всегда немного попахивало лаком для ногтей, которым она постоянно разрисовывала обложки тетрадей — при виде чего Кейли обычно закатывала глаза.

Когда я встретилась взглядом с Кейли, она слегка, одними губами, улыбнулась мне. Своей фальшивой улыбкой.

Это не предвещало ничего хорошего. Особенно в сочетании с заметным дефицитом смс.

Или это просто во мне говорит паранойя. Мамины переживания, которые заползли мне под кожу и извивались там, пока я не стала такой же нервной, как она.

Извивались под моей кибердермой среди проводов, пластика и прочих искусственных элементов.

Прекрати.

Заставив себя улыбнуться с радостью, которой не чувствовала, я направилась в дальний угол. Там обычно сидела Лесли, тайком отправляя смс друзьям и уродуя свои тетради. А заодно, видимо, стол, судя по яркому фиолетовому пятну на нем.

Лесли бросила взгляд в мою сторону. Меня вновь переполнила паранойя, но не из-за ее чересчур веселой улыбки — а из-за того, куда она посмотрела. На мою руку. Ту руку, на которую я вчера упала.

Я засунула руку под парту и сгорбилась, пытаясь сделать вид, что поглощена чтением учебника по литературе. Я постаралась отключиться от всего происходящего вокруг, убедить себя, что у меня просто разыгралось воображение. Что Кейли не могла, не стала бы никому рассказывать.

И тут я уловила шепот. Очень тихий — но недостаточно тихий. По крайней мере, для моих ушей.

— Отсюда вообще не видно.

Они что угодно могут иметь в виду, сказала я себе.

Но не очень-то в это поверила.

Что мне сейчас было нужно, так это шанс поговорить с Кейли один на один, шанс все объяснить. Нужно, чтобы она меня выслушала.

Когда наконец зазвенел звонок, я была готова. Я сорвалась с места и поспешила к Кейли, которая успела обогнать меня и выйти из класса первой, а за ней хвостом и Лесли.

— Кейли, подожди!

Она не остановилась, только помахала наманикюренными пальчиками, оглянувшись через плечо:

— Извини, бежать надо… Пока!

Пока я смотрела ей вслед, мелкое беспокойство превратилось

в полноценный приступ паники, которая нарастала с каждым уроком, заканчивавшимся без Кейли. Плюс на физике девушка, работавшая за столом напротив, толкнула своего напарника, а потом мотнула головой в мою сторону.

Прозвенел звонок на обед, а Кейли так и не появилась. Как и Хантер. Я пробралась сквозь толпу к своему шкафчику, борясь с неизменным ощущением загнанности, коридор тем временем затопило ядовитой смесью голосов, запахов и шагов. Каждый раз, когда кто-нибудь смотрел в мою сторону, мои руки сжимались в кулаки, а ноги напрягались, готовясь бежать. Я знала, что это смешно, но никак не могла подавить усиливающийся страх. Достаточно, чтобы один человек, всего один, узнал, что я такое, и моя жизнь кончена.

Добравшись до шкафчика, я и там не встретила Кейли. Засунув книгу внутрь, я немного постояла, держась за дверцу и сосредоточиваясь на ощущениях от холодного гладкого металла в попытке обрести спокойствие. Ну хорошо, да, Кейли была немного шокирована и да, возможно, разозлилась, узнав о моей руке таким образом. Она, очевидно, считала, что я уже давно должна была рассказать ей о своем протезе. Я поняла.

Я закрыла глаза. Конечно, если бы у меня действительно был протез, о котором можно рассказать, я бы сейчас не паниковала. И все же… нужно просто с ней поговорить. Объяснить все о протезе лично и убедиться, что она понимает, что я хочу сохранить эту историю в секрете. Проще простого.

Я почти что убедила себя, когда меня толкнул плечом Джим Дайсон, член футбольной команды, чей шкафчик соседствовал с моим:

— Ты че, реально пыталась отрезать себе руку и послать ее своему бывшему, когда он тебя бросил?

Он прислонился к шкафчику и выжидающе уставился на меня. Его густые коричневые брови практически слились в одну сплошную линию, которая перечеркнула его похожее на картошку лицо с несимметричным носом, явно пережившим не один перелом.

Мои пальцы вцепились в дверцу:

— Что?

Игнорируя мой вопрос, он шлепнул мясистой рукой по бедру:

— Ну ты и извращенка. Фотки остались?

Я не верила в реальность происходящего.

— Ты шутишь, да?

Он наклонился ближе, пахнув на меня апельсиновым соком и дезодорантом.

— Серьезно, я никому не скажу — только покажи мне, а?

И тогда я поняла, что нет, он не шутил. Да, он правда верил, что я отрезала себе руку, и да, он правда хотел увидеть фотографии.

Я еще сильнее сжала зеленую дверцу… и почувствовала, как она гнется под моими пальцами. Я отдернула руку как ужаленная и захлопнула дверцу прежде, чем успею увидеть результат. Прежде чем он успеет его увидеть. Я проскользнула под мясистой рукой, убегая и от шкафчика, и от полного надежды взгляда Джима.

Тем временем мое сердце — мое что-то, чем бы оно там ни было — судорожно билось в груди. Нужно найти Кейли и положить конец слухам, пока все не зашло слишком далеко. Пока она не лишила меня последнего шанса остаться в школе.

Я быстро зашагала прямо в столовую, огибая группки школьников, преграждающих мне путь.

— Извините, — выпалила я, чуть не врезавшись в медленно бредущую по коридору парочку. Я повторила извинения, прорываясь сквозь компанию из пяти ребят в спортивной форме, которые были слишком погружены в обсуждение тренировки, чтобы идти с приличной скоростью.

— Осторожно, — проворчал один, а другой заорал:

— Эй, детка, не хочешь выпрыгнуть из моей машины?

Раздался взрыв хохота, одновременно с которым я услышала шлепок, когда кто-то «дал пять», и поняла, что все смотрят мне вслед. Я почувствовала, как шею заливает краска.

О боже. Все оказалось хуже, гораздо хуже, чем я думала. До скольких человек успели дойти слухи? И о чем именно были эти слухи? Кейли должна все исправить. Обязана.

Единственное, что не давало мне перейти на бег, это уверенность, что так я привлеку еще больше внимания.

Сделав крутой поворот направо, я оказалась перед зияющей пастью столовой. Внутри уже теснились за столами школьники: кто-то доставал из пакета бутылку с водой, кто-то кривился, обнаруживая положенное мамой яблоко, кто-то разворачивал таинственные свертки из фольги или пленки, чтобы выяснить, с чем бутерброды. Глядя, как они болтают, смеются и едят в компании друзей, чувствуя смесь запахов пота и мяса для гамбургеров, жарящегося на решетке в кухне, я пришла к мысли, что, возможно, мне стоит просто последовать маминому совету. Сидеть дома, держаться подальше от школы.

Спрятаться как загнанное животное. Подальше от всех. Подальше от Хантера.

Подальше от жизни.

Нет.

Я протолкнулась внутрь и прошла мимо шести длинных рядов столов к последнему, у окна, за которым между Эллой и Паркер сидела Кейли. К нашему столу. Вот только сегодня мое место и тут было занято Лесли.

Кейли сидела, повернувшись лицом к Элле, поэтому, когда до них оставалось несколько шагов, я сосредоточилась на волосах первой. Поиск и подсчет торчащих из прически прядок помогли успокоить нервы. Держу пари, что сегодня утром она показала язык своему отражению, когда причесывалась, — она делала так каждый раз, когда замечала в зеркале эти непослушные вихры. Все та же прическа, которая дала мне надежду, что под ней все та же Кейли.

Та Кейли, которая отнеслась к новенькой с добротой и щедростью. А не та, которая засунула ее в кузов пикапа.

Сидящие вдруг зашлись визгливым смехом, после чего Паркер бросила взгляд через плечо, увидела меня и застыла, не донеся до рта морковную палочку. Уронив палочку, она толкнула Кейли в бок. Не собираясь сдаваться, я оперлась о пластиковый стол и стала ждать.

Ждать пришлось недолго. Стоило Кейли повернуться ко мне, как болтовня за столом стихла. Ее вялая улыбка не затронула глаз:

— Что?

От ее сухого тона я ощутила укол страха.

— Можно тебя на минуту? Надо поговорить.

— Мы тут вроде как заняты.

Я окинула взглядом стол: Паркер вертела в руках банку диетической колы, Элла изучала свои ногти, а Лесли полоскала картошку фри в кетчупе. Заняты они. Ага, конечно. Почему она так себя ведет? Под слоем страха перед всеобщим вниманием, перед разоблачением, во мне зажглось другое чувство. Горячее и опасное.

— Это не займет много времени, — сказала я, с силой сгибая пальцы рук, чтобы не схватить ее за плечи и не начать трясти, как мне того хотелось.

Кейли испустила страдальческий вздох, не пытаясь скрыть свое раздражение.

— Ну хорошо. Я не хотела это говорить, но… Мила, ты… *немного того*… и мне просто больше не хочется с тобой общаться.

Я что?..

— «Немного того»? Я «немного того»? Почему? Потому что я сказала тебе, что не хочу пересаживаться в кузов пикапа, когда ты меня заставляла только для того, чтобы побыть наедине с Хантером?

Карие глаза Кейли наконец встретились с моими, и в них было удивление — она, очевидно, не ожидала, что я ей это припомню — а остальные девушки нервно заерзали.

— Эм, мы пойдем купим что-нибудь попить. Тебе чего-нибудь взять, Кей? — спросила Элла, чье узкое лицо от беспокойства сморщилось даже сильнее, чем обычно.

— Нет, спасибо.

Дождавшись, пока они уйдут, я села на освободившийся стул Паркер. Понизив голос, я спросила:

— Кейли, за что ты так со мной поступаешь? Я думала, мы друзья.

Левый уголок ее губ скривился в усмешке:

— Вы с Хантером так уютно устроились вчера в машине — держу пари, он бы с огромным удовольствием стал твоим другом.

Я отшатнулась:

— Ты что, шутишь? Я могла погибнуть, Кейли, а тебя волнует только то, что Хантер был добр ко мне?

Куда делась та Кейли, с которой я познакомилась, когда приехала сюда, та, которая радушно приняла замкнутую новенькую в свой круг? Потому что эта Кейли казалась мне чужой.

Стул шаркнул по полу, и Кейли встала, пошатнувшись на каблуках:

— Без разницы. Паркер говорила, что тебе нельзя доверять. Надо было слушать ее.

Ее высокий голос, и без того привлекавший внимание, звучал вдвое громче к тому времени, когда она договорила. Он разносился по залу. Разговоры стихали, головы сидящих через четыре, пять, шесть столиков от нас поворачивались посмотреть, что происходит.

— Тише говори, — прошипела я.

Я поняла свою ошибку, когда увидела, как сузились ее глаза, увидела, как она упрямо поджала губы. Я попыталась дать задний ход:

— Кейли, пожалуйста…

— Зачем? — ее крик заглушил мою последнюю отчаянную попытку предотвратить взрыв эмоций. Она развела руки в стороны, взмахнув пышными фиолетовыми рукавами. — Как будто они и так не узнают, рано или поздно, — продолжила она все тем же безнадежно громким голосом. Настолько громким, что мне хотелось зажать ей рот рукой и выволочь ее из столовой. Но это лишь привлекло бы еще больше внимания. Тем не менее нужно было что-то сделать. Пока она не…

— Почему бы тебе просто не сказать всем, что ты ненор…

Моя нога рванулась вперед. Словно в замедленной съемке я подсекла ее лодыжку, сбивая с ног. Ее голова отлетела назад, с губ сорвался крик. Кейли бешено замахала руками; падая, она сбила со стола стакан, залив всю свою лавандовую рубашку колой. Она приземлилась пятой точкой на псевдодеревянный пол.

Ошеломленное молчанье и аханье продлились всего секунду, после чего все начали смеяться. Несколько парней присвистнули, а какая-то девчонка крикнула: «Зачетно!»

Кейли потрясенно хлопала глазами, глядя на меня. Вероятно, пытаясь понять, что это было. Я бы и сама хотела знать.

Когда я увидела ее, растянувшуюся на грязном полу, с рукой между ножек стула и большим коричневым пятном на рубашке, внутри что-то оборвалось. Это сделала я. Хотя не собиралась, не думала ни о чем, кроме того что ее нужно остановить. Но как?

Временно оставив попытки разобраться, я сделала шаг вперед. Меньшее, что я могла сделать, это помочь ей встать. Но стоило мне сдвинуться с места, как что-то промелькнуло у меня перед глазами. Нет, на этот раз не воспоминание. Слова. Светящаяся красная надпись. Она вспыхнула всего на тысячную долю секунды, прежде чем погаснуть, но, боже мой, даже эта доля секунды показалась мне слишком долгой.

Цель: На земле.

Ужас тисками сдавил мою грудь, сжимая все сильнее, пока у меня не осталась всего одна мысль.

Бежать.

Именно это я и сделала. Пока Кейли пыталась подняться на ноги, я развернулась и побежала. Прочь из столовой, от того, что я сделала… и от вспыхнувшей красным надписи, которая, как я надеялась всеми фибрами своего существа, была просто галлюцинацией из-за стресса. Или обманом зрения. И подобное больше никогда, никогда не повторится.

Слыша, как стук моих шагов по линолеуму эхом отдается в коридорах, я поняла, что мама была права.

Мне ни в коем случае нельзя было возвращаться в школу.

Глава двенадцатая

Несмотря на то, что на ранчо я неслась как сумасшедшая, когда я добежала, наш «Тахо» уже стоял на подъездной дорожке, словно большой зеленый знак тревоги.

Великолепно.

Я подумала, не стоит ли мне спрятаться на какое-то время в окрестностях дома, чтобы спастись от грядущей лекции о моем плохом поведении, но это означало лишь отложить неизбежное. Хуже того, не найдя меня, мама могла удариться в панику. Лучше уж просто выслушать мрачную музыку, которую она попытается сыграть на моей совести, и покончить с этим.

Я засунула руки в карманы и поднялась на крыльцо. Дверь распахнулась, и передо мной предстала мама. Ее голубые глаза обшарили мой наряд и сузились на перекинутом через плечо рюкзаке.

— Я как раз собиралась идти искать тебя в конюшне… но, похоже, в этом нет необходимости.

— Она не повысила голос и выглядела достаточно спокойной, когда шире открыла дверь, пропуская меня внутрь, но побелевшие костяшки пальцев, сжимавших дверную ручку, не сулили ничего хорошего.

И конечно же, как только дверь захлопнулась, скрыв нас внутри, она развернулась ко мне и приняла уверенную стойку, скрестив жилистые руки поверх серого свитера, ноги на ширине плеч.

— Не вынуждай меня вешать на тебя маячок.

Когда она сделала паузу, чтобы набрать воздуха и продолжить меня ругать, я подняла руку:

— Не надо, я поняла. Я глупо поступила, когда пошла в школу. Не беспокойся. Это не повторится.

Удивленный взгляд в сочетании с очками придал ей сходство с совой. А я убежала в спальню и захлопнула за собой дверь.

Я упала на толстое стеганое одеяло. Больше ничто не выманит меня из этого дома, никогда, никогда. Буду есть, спать и коротать время за просмотром каких-нибудь сериалов. Может, еще иногда кататься на лошади и разыгрывать по ролям диалоги с воображаемыми друзьями.

А потом в три тридцать две дня пришло сообщение от Хантера, изменившее все.

«Как насчет встретиться вечером?»

Я уставилась на эти четыре слова. Смотрела и ждала, когда мой здравый смысл начнет смеяться, нет, хохотать, над идеей

встретиться с ним после сегодняшнего фиаско. Даже если бы я захотела пойти, чтобы выбраться из дома, мне понадобилась бы колоссальная секретная операция. Надо сказать, я уже представляла, что после сегодняшнего случая мама начнет всюду таскать меня с собой, даже по самым мелким, наводящим тоску делам, может, даже посадит меня на поводок, просто чтобы быть уверенной, что я не смогу провернуть еще одну несанкционированную вылазку в школу.

Я ждала здравого смысла, но вместо этого на ум пришел сладковатый запах Хантера, его улыбка, один уголок губ чуть выше другого. Крошечная родинка на месте ямочки на щеке. И важнее всего — то, какой настоящей я себя чувствовала благодаря ему.

Полная противоположность тому, как я себя чувствовала сегодня в столовой.

Цель: На земле.

Я накрылась с головой, но от воспоминания спрятаться не удалось. Неужели меня и впредь ждет такое? Я поежилась, несмотря на то что под толстым пуховым одеялом было жарко от моего дыхания.

Если это так, то мне необходимо увидеть Хантера. Необходимо.

Он был единственным, что могло не дать мне превратиться в чудовище.

Не вылезая из своего укрытия, я отправила ему сообщение:

«Давай. Встретимся у въезда ок. 7:30».

Его ответное смс вызвало у меня улыбку. А ведь я была уверена, что после фиаско в столовой мое лицо больше никогда не воспроизведет это мимическое движение.

Потом я закрыла глаза и начала планировать побег.

Глава тринадцатая

В семь двадцать пять меня начали одолевать сомнения. Я присела под деревом у середины подъездной дорожки, засовывая ноги в кроссовки. Перед этим дома я повесила их себе на шею и прокралась через входную дверь босиком, чтобы уйти незамеченной. Дело шло к октябрю, и солнце садилось все раньше и раньше, поэтому небо было уже темным. Но я все равно беспокоилась, потому что в любой момент мама могла выглянуть из кухонного окна и увидеть меня.

Обувшись, я помедлила. Возможные последствия моих действий вдруг преградили мне путь как кирпичная стена. Что, если я совершаю еще одну ужасную ошибку? Что, если это свидание потерпит такой же крах, как сегодняшний поход в школу? Я оглянулась через плечо на гостевой домик, такой безопасный, а потом нажала кнопку на телефоне, чтобы загорелся экран. Через мгновение на нем появилось последнее сообщение Хантера.

«Жду не дождусь».

По мне прокатилась знакомая волна тепла, вытесняя последние сомнения. Нет, это был правильный выбор. Я прошла остаток пути до улицы, твердо намереваясь наслаждаться ударами холодного ветра по щекам, хрустом гравия под ногами и перспективой целого вечера с Хантером.

У грунтовой дороги я перешла на шаг. Из-за угла показался свет фар. Джип свернул, громыхая, на нашу улицу и через пятнадцать секунд остановился передо мной.

Окно открылось, и из него высунулась голова Хантера.

— Тайная вылазка? — улыбнулся он, сверкнув голубыми глазами. Удивительной, глупой улыбкой, от которой растаяла вся неуверенность. Теперь нам оставалось только уехать. Пока мама не заметила.

— Что-то вроде того. — Я подбежала к пассажирской двери и скользнула внутрь, поспешно закрыв ее за собой и защелкнув ремень безопасности. — Окей, поехали, — сказала я, мысленно упрашивая Хантера надавить на газ.

Бросив на меня озадаченный взгляд, он включил передачу. Мгновение спустя мы уже были в пути.

В джипе пахло освежителем воздуха с корицей и еще чем-то сладким. В отсеке под средней консолью я насчитала пять цветных кубиков — три розовых, два желтых, — лежащих поверх одного доллара восьми центов мелочью. Несколько пустых оберток в сочетании с тремя банками из-под газировки Monster

украшали пол за водительским креслом.

— Сладости и кофеин? — поинтересовалась я.

Он не глядя пошарил рукой за сиденьем, нащупал одну из банок и поморщился:

— Я собирался тут прибрать.

Затем он достал розовый кубик из отсека:

— Будешь?

Я посмотрела на крошечную конфетку с надписью Starburst на обертке. Интересно, я их до этого пробовала?

— Давай.

Пока мы ехали по улице, а мой рот заполнялся сладостью — еще раз спасибо Хантеру, — я украдкой взглянула на него. Совершенство. Он обладал просто невероятным и при этом абсолютно неброским совершенством. Бордовая рубашка навыпуск с воротником на пуговицах подчеркивала голубизну его глаз, а в мешковатых штанах цвета хаки он выглядел так, словно сошел со страниц модного журнала.

Когда он переключил передачу, чтобы притормозить, его пальцы коснулись моей руки, той, которую я вчера «поранила». Я вздрогнула, мысленно прокляла свой идиотизм и, в безнадежной попытке исправить положение, застыла, вообще перестав двигаться.

Пусть он не заметит. Пусть он не заметит.

Он заметил.

Брошенный им взгляд прожег мою руку насквозь, грудь сдавило от нехватки кислорода. И тогда я поняла, что совершила ошибку. Огромную. Его взгляд вскроет мою кожу, слой за слоем, обнажая мерзкое, отвратительное тело несчастного чудовища. Он увидит кабели, нейроматрицу, систему фантомных чувств. Увидит иронию в том, как я задыхаюсь без не нужного мне кислорода, увидит уродство, от одной мысли о котором меня начинало тошнить. Все то, что в красках расписывал Человек-Из-Айпода с его южным акцентом, будет разоблачено, и мы с мамой окажемся в опасности.

Я уставилась прямо перед собой и направила всю свою силу воли на то, чтобы не кинуться открывать дверцу.

Глубокий вдох — разумеется, Хантер не может видеть сквозь кожу. Так не бывает.

Долгий выдох — пару дней назад я бы сказала, что андроидов не бывает.

Глубокий вдох — может, я и до сих пор так думаю.

Долгий выдох — а если нет, то могу хотя бы притвориться.

К тому моменту как Хантер выехал на автостраду, я перехватила бразды управления собой и туго натянула.

— Твою маму что, заносит в сторону гиперопеки? — спросил он.

Ты себе не представляешь.

— Что, меня выдал тайный побег? — сказала я, сопровождая свой вопрос беззаботным смехом, который прозвучал на удивление достоверно. Через лобовое стекло был виден непрерывный быстрый поток огней, двигавшихся в противоположном направлении. Назад, в сторону ранчо, где я оставила маму.

Мама. Она на ранчо в полном одиночестве, под ложным убеждением, что я тоже там. В желудке — или в том месте, где он должен был быть, — скрутился узел.

Я перевела взгляд в свое окно, уставившись в бескрайнюю пустоту, — так выглядела ночью сельская Миннесота — и сжала лежавшие на коленях руки в кулаки. Нужно было это прекратить, не устраивать этот безумный самоанализ каждый раз, когда я чувствовала что-то человеческое. Если ставить под вопрос свои ощущения, свои органы, мельчайшие детали того, что происходит под моей кожей, все становится только в тысячу раз хуже.

— Побег и то, что она против компьютеров, — пояснил Хантер.

Компьютеры. Так…

— А у тебя родители какие? Строгие? — спросила я, в отчаянном стремлении перевести разговор в безопасное русло.

Он поерзал на сиденье, потер рукой подбородок.

— Э… нет. Мы с ними нечасто видимся.

Видимо, у меня на лице отразилась озабоченность, потому что он рассмеялся:

— Ничего страшного. Просто папа много путешествует, а мама любит ездить с ним.

— А. — Я не знала, что тут еще сказать. Жаль, что твои родители часто уезжают? Я рада, что тебе все равно? Зато твои родители существуют на самом деле, а не только в запрограммированных воспоминаниях?

Еще несколько минут прошли в молчании, потом Хантер спросил:

— Неудачный день?

Неудачный день. Если б только все было так просто. Неудачный день подразумевал что-то конечное, после чего можно как следует выспаться и проснуться готовым к новому дню и новым возможностям. Начать с чистого листа.

Эта фраза не подразумевала, что каждый день отныне и навсегда, просыпаясь, ты будешь осознавать, что тебе никогда не выбраться из этого кошмара.

— Если я совру и скажу, что сегодня был лучший день в моей жизни, ты мне поверишь?

— Надо подумать, — сказал он и сразу же заявил: — Нет.

Потом спросил:

— Это из-за мамы? Или в школе что-то?

Хантер слегка наклонил голову вбок — насколько я поняла, он неосознанно пытался заручиться поддержкой гравитации, чтобы убрать прядь волос, упавшую на левый глаз.

К этому моменту я почувствовала необходимость чем-нибудь с ним поделиться. И он, несомненно, и так завтра услышит о стычке в столовой. В общей картине этот секрет был самым безопасным, и все же… признаваться, что мы с Кейли поругались из-за него, было стыдно до невозможности.

Я потеребила край своей рубашки.

— Пообещай, что не будешь считать меня совсем глупой.

Хантер приподнял брови, но кивнул:

— Обещаю.

Я прочистила горло.

— В общем… Мы сегодня с Кейли сцепились. Из-за… тебя.

Сказав это, я зажмурилась, как будто стыд волшебным образом исчезнет, если я не увижу его выражение лица.

— Вот как.

Слишком уклончивый ответ, чтобы убедить меня открыть глаза, хотя некий намек на веселье в этих двух словах я все-таки уловила.

— Можно поинтересоваться, кто победил?

О, вот теперь он точно улыбался; я слышала в его голосе нотки смеха. И действительно, когда я, набравшись смелости, посмотрела на него, я увидела его ироничную улыбку, еще больше, чем обычно, перекошенную на одну сторону из-за того, что он прикусил изнутри левую щеку.

И что мне после этого оставалось терять?

— Я, — ответила я. Твердо.

Его улыбка стала шире:

— Отлично. Ты ведь понимаешь, что это значит?

Что у меня сверхчеловеческая скорость реакции, которая позволяет с легкостью сбить противника с ног?

— Что все девчонки глупые? — вместо этого предположила я.

— Это да. А еще, раз ты меня выиграла в честном бою, с меня причитается приз.

Приз?

— Серьезно?

— Я никогда не шучу по поводу призов, — невозмутимо заявил он.

— Окей. Но где… — И тут я увидела. Впереди показались огни, их причудливые отблески разгоняли темноту, превращая клочок унылого ландшафта во что-то волшебное.

Как будто это место появилось прямиком из сказки.

Я подалась вперед так быстро, что ремень безопасности натянулся, останавливая меня.

— Ярмарка? Ты везешь меня на ярмарку? — Я даже не пыталась скрыть охватившее меня волнение.

Ребята в школе говорили о ней всю неделю — даже Кейли с Паркер. Но, как и в случае любых мест, кроме школы, «Дейри Куин» и магазина товаров для лошадей, мама пресекала любые разговоры о поездке туда.

— Я так понимаю, ты их любишь? — спросил Хантер.

— Я…

…вообще-то понятия не имела, но до смерти хотела выяснить. *Осторожно, Мила.*

— А кто их не любит? — уклончиво заявила я.

Бросив в мою сторону взгляд, в котором, на мой вкус, было чересчур много понимания, он пожал плечами:

— Ну да.

Я снова откинулась на спинку, радуясь долгожданному чувству легкости и открывающихся возможностей, от которого тело словно потеряло свой вес. Возможно, сегодняшний день был просто катастрофой, но этот вечер… этот вечер будет превосходным. Должен быть.

Когда мы добрались до ярмарки, Хантер провел меня мимо очереди на «Настоящий банджи-джам-пинг!», аттракциона под названием «Твистер», в котором люди крутились по кругу, и какой-то игры, где парень с размаху бил молотом по металлическому диску. Наконец мы остановились перед тиром.

— Вот мы и пришли.

Под провисшим красным пологом палатки тянулся ряд желтых мишеней в форме звезд. Всего тридцать штук. По обе стороны от них размещалась коллекция плюшевых зверей — в основном единорогов и осликов. Седой неряшливый работник тира размахивал стилизованным под винтовку пневматическим ружьем и выкрикивал нараспев:

— Подходите, испытайте свою удачу в «Звездном тире»! Попадаешь по звезде — получаешь прекрасный приз! Это очень легко! Три попытки за два доллара, девять попыток за пять.

Двое парней, по возрасту студентов, которые в этот момент покидали тир, ворча и явно без осла, похоже, не были с ним согласны.

Хантер пожал плечами, протянул хозяину пятидолларовую купюру и взял из его рук ружье.

— Обещаешь, что не сбежишь, если я вернусь с пустыми руками? — спросил он, сверкнув улыбкой.

Я рассмеялась.

— Обещаю. Но я уверена, что ты справишься. Выглядит не особенно трудно.

— Спасибо, что не давишь на меня, — сыронизировал он. Но я заметила, что стоило ему поднять винтовку к плечу, как он напрягся. Его лицо преобразилось: никаких улыбок, только решительный взгляд и полная сосредоточенность на цели.

Он даже прикусил уголок рта — что в его исполнении выглядело совершенно очаровательно, — перед тем как выстрелить. И промахнулся мимо первой звезды на добрых пять сантиметров.

Упс.

Он сделал оставшиеся выстрелы, один за другим; некоторые получились совсем мимо, некоторым чуть-чуть не хватило до цели. Последняя пуля угодила прямо в линию контура, но мужчина покачал головой:

— Извиняй, нужно попасть по желтому. Еще разок?

Хантер вздохнул, удрученно взглянув на меня.

— Думаю, не стоит, только деньги на ветер выброшу.

— А как насчет твоей подружки, может, она попробует? Или она из тех дамочек, которым лучше оружие в руки не давать? — спросил работник, подмигнув Хантеру.

Фу.

— Будешь? — приподняв брови, спросил Хантер, начиная искать в бумажнике еще одну пятерку. Если до сих пор я не собиралась, то теперь уж точно буду, подумала я и бросила на мужчину полный отвращения взгляд, готовая сбить парочку звезд. Но, когда Хантер передал мне ружье, оно было еще теплым от его рук, и он сам стоял так близко, что я с трудом могла думать, не то что целиться.

Да уж, сосредоточишься тут. Учитывая его близость и мой нулевой опыт стрельбы, нам проще будет купить мягкую игрушку, если она нам нужна.

Вот только… все вышло иначе.

Потому что, когда я наконец подняла ружье, мне не пришлось даже думать, как им пользоваться. Оно просто стало продолжением моего тела, идеально легло в руки. А когда я прицелилась, случилась ненормальная вещь. Пока я смотрела на звезду, у меня перед глазами промелькнуло что-то красное.

Я чуть не выронила ружье. *Нет. Только не это.*

— Ты в порядке? — спросил Хантер, все еще так близко, что дыхание перехватывало.

Я встряхнула головой, ошеломленная, сжимая опущенное ружье так, словно от него зависела моя жизнь. Красная вспышка пропала.

— Ой, солнышко, ну не надо так паниковать. Твой мальчик тебя не разлюбит, даже если ты на километр промахнешься.

Я еще не пришла в себя, но от слов работника снова разозлилась. Не успела я опомниться, как ружье в моих руках уже было нацелено в мишень. Я сделала глубокий вдох и…

Цель: 3 м.

…пошатнулась, но только чуть-чуть, когда загорелась красная надпись, на этот раз четкая. Я не могла опять опустить оружие. Хантер подумает, что я сумасшедшая, а хозяин тира… ну он-то продолжит верить в какой-то бредовый вымысел собственного сочинения.

Тем временем я скомандовала: *Вон из моей головы. Вон. ВОН.*

А затем как будто мой мозг зажил собственной жизнью, звезда увеличилась у меня перед глазами, так что я смогла увидеть крупным планом самый центр мишени.

Цель: Крупный план.

Еще до того, как нажать на спуск, я знала, что попаду в звезду, точно в центр. И хотя ноги подкашивались из-за вспыхивающих красных надписей, хотя руки с силой стискивали ружье, когда я пыталась вытолкнуть эти слова из головы, сама стрельба мне понравилась. Настолько понравилась, что я взяла и сбила еще одну звезду. И еще одну. И еще.

Пока не заметила собравшуюся вокруг меня толпу. Свист болельщиков. Вопль работника: «Мать моя женщина!» Удивленный смех Хантера: «Признайся, ты профи. Держу пари, ты дома от нечего делать из ружья стреляла».

Толпа начала аплодировать, и тогда-то до меня наконец дошла глупость моего поступка. Отличный способ не выделяться из общей массы. Ну разумеется, я могла попасть в центр малюсенькой мишени — но не из-за многолетней практики.

Я опустила ружье, заставила себя улыбнуться хозяину тира, который хмуро почесывал щетинистый подбородок, уставившись на изрешеченные мишени, словно увидел их впервые.

— Мы что-нибудь выиграли?

Не прошло и минуты, как мы покинули тир, став богаче на одного плюшевого осла средних размеров. А я поклялась себе, что продую в любых других играх. К счастью, в следующей палатке, к которой мы подошли, продавали сахарную вату.

Мы брели среди огней, слушая музыку, и я вздохнула,

чувствуя, как во рту тает сладкий комок. Не считая инцидента в тире, этот вечер был идеальнее некуда. Я протянула руку, снимая с его щеки прилипший кусочек розовой ваты:

— Ты промахнулся мимо рта.

При слове «рот» его взгляд опустился на мои губы.

Ладно, я соврала. Похоже, этот вечер мог стать еще идеальнее. Бабочки в животе? Куда там. У меня в животе взлетела, хлопая крыльями, стая бешеных соек — ни больше ни меньше. Кусочек ваты выскользнул у меня из пальцев, когда мы остановились прямо возле американских горок.

Он притянул меня к себе.

— Я знаю, что прощальный поцелуй должен быть в конце свидания, но я уже замучился ждать.

— Поцелуй? — переспросила я, и теперь уже мой взгляд оказался прикован к его губам — настоящему произведению искусства. Я как-то вычитала у Кейли в журнале Glamour, что для человека симметрия — залог красоты. Ничего они не понимали. Слегка несимметричная улыбка Хантера была едва ли не самой восхитительной вещью из всех, что я когда-либо видела.

— Если ты не против, — сказал он и медленно, словно запоминая ощущения, запустил пальцы мне в волосы.

Слева от нас поезд неожиданно ухнул с горки, и девчонки завизжали от страха. Я отключилась от этих звуков и молча кивнула. Его губы приблизились к моим. Моргнув, я закрыла глаза, в то время как все мое тело напряглось в предвкушении. Я качнулась к нему…

…и тут я снова это увидела. Белые стены, едкий запах хлорки. Только в этот раз я увидела больше. Девушку с каштановыми волосами. Она была прикована к стулу в большой, абсолютно пустой комнате, слепнущая от света множества люминесцентных ламп.

Я увидела спину мужчины в белом халате. Его темный затылок. Мужчина стоит напротив девушки, а та дергает головой взад-вперед. Он высоко поднимает руку, в которой держит… пистолет?

О нет.

Я ахнула и отшатнулась. Сейчас произойдет что-то ужасное, я это знала. О господи, он собирается…

Я смотрела, как мужчина резко опускает руку, с размаху ударяя девушку по голове пистолетом. Потом еще раз. И еще. И еще.

Где-то далеко, за пределами комнаты, вдали от ужаса, сковавшего льдом мои ноги, руки, грудь, раздался голос Хантера:

— Мила, ты в порядке? Мила?

Я слышала его, но ответить не могла. Я не могла вырваться из кошмара, разворачивавшегося у меня в голове.

Нет, мне оставалось только стоять застыв, пока перед моими глазами шел поток кадров. Смотреть, как девушка бьется в цепях, а мужчина отбрасывает пистолет и берет с металлического столика огромный электрический инструмент. Он нажимает кнопку, и комнату заполняет резкий визжащий звук. Дрель. *Дрель.*

Я снова дернулась назад. *Нет. Пожалуйста, нет.*

Но, разумеется, в моей беззвучной мольбе не было толка, она не могла прервать цепь событий, которые уже произошли. Мужчина поднял дрель вверх… и вонзил ее в грудь девушки.

Ее крик заглушил все остальные звуки.

Я чувствовала, что Хантер сжимает мои руки, вот он снова позвал меня по имени. Но мужчина в белом халате опять взялся за пистолет. Он навел его на девушку, девушку, чьи каштановые волосы выглядели такими знакомыми, и приставил ствол ей ко лбу. Не удовлетворившись этим, он передвинул пистолет так, что ствол уперся в висок.

Девушка дрожала всем телом. С моей точки обзора не было видно ее лица, но, видимо, она что-то сказала. Еле слышно прошептала. Потому что, хотя она не делала никаких движений, чтобы защитить себя, мужчина отдернулся от нее, как будто его ударили. Он с отвращением покачал головой.

Ее волосы. Орехово-коричневого цвета, гладкие, едва заметно волнистые. Они были…

Звук выстрела прогремел у меня в голове одновременно с пониманием. Ее волосы. Я видела их каждое утро, в зеркале.

Они были точь-в-точь как у меня.

Мои глаза резко распахнулись. Девушка исчезла, хотя где-то вдалеке все еще звучали крики. Меня по-прежнему трясло. Что-то… нет, кто-то, тряс меня за плечи.

— Мила, что с тобой?

— Я не… Я… — Я заморгала. Праздничные огни и ярмарочная толчея постепенно обрели четкие очертания, и я обнаружила перед собой встревоженное лицо Хантера, заслонявшее небо; его пальцы крепко сжимали мои плечи.

Я в безопасности, в безопасности. Никаких пистолетов, никаких мужчин в белых халатах. А крики доносились с американских горок.

Я в безопасности. Сейчас. Но когда-то было по-другому.

Тело охватила крупная дрожь, и я почувствовала, как ветер холодит мокрые щеки. Я плакала по той себе, которую даже не помнила.

Когда я задрожала, Хантер отпустил меня и отступил назад.

— Что с тобой?

— Я себя плохо чувствую, — с трудом проговорила я онемевшими губами. И не соврала. — Можешь отвезти меня домой?

Его плечи поникли, от разочарования или от облегчения — сложно сказать.

— Конечно, — ответил он после недолгого замешательства.

Мягко подталкивая в спину, он повел меня через толпу, под аркой ворот и в сторону джипа. Но на этот раз его прикосновение не спасло меня от страха, разливавшегося прямо под моей кожей. По телу бегали мурашки. А ярмарка, казалось, утратила последние следы волшебства. Теперь вместо сказочного мира я видела только унылую кучку обшарпанных каруселей, торчащих посреди пустыря. Поцелуй? Я что, правда рассчитывала, что все будет так просто? Что Хантер коснется своими губами моих, и этой глупости будет достаточно, чтобы решить все мои проблемы и — *та-дам!* — отменить правду о том кто я, что я такое? Отменить любые ужасы, таящиеся в моем прошлом? Но как, когда я сама не знаю всей правды?

На обратном пути тишину нарушали только радио и шум за окном. Я знала, что Хантер то и дело бросает на меня взгляды, но продолжала смотреть вперед. Сейчас, когда притворная нормальность ускользала от меня все дальше и дальше, я была не в состоянии разговаривать.

Хантер без всяких напоминаний притушил фары джипа, когда мы свернули на мою улицу, а затем затормозил метра за три до въезда, где густые ветви деревьев скрыли машину от глаз.

Он протянул руку над отсеком с конфетными обертками и положил ее поверх моей.

— Может, как-нибудь повторим, когда ты будешь чувствовать себя лучше?

Надежда в его голосе на мгновение прогнала мрачные мысли, вызванные тем воспоминанием. В его наклоне головы и широко раскрытых глазах отражалась такая душевная сумятица, что с моей груди наконец соскользнули несколько сковывавших ее ледяных цепей. Мои губы даже сложились в улыбку, крохотную, но искреннюю.

— Я надеялась, что ты это скажешь.

И в порыве храбрости, которой я сама от себя не ожидала, я подалась вперед и на миг прижалась губами к его немного колючей щеке. Отстранившись, прежде чем он успел среагировать, я дернула на себя ручку двери и выпрыгнула в темноту.

Глава четырнадцатая

Я прокралась к входной двери. Окно гостиной было темным, и это дало мне надежду, что мама не только не заметила мое отсутствие, но и решила лечь пораньше. Я проверила свой сотовый. Пропущенных вызовов не было, отличный знак.

Радуясь, что мне не придется добавлять к растущему списку сегодняшних кошмаров еще одну ссору с мамой, я вытащила из кармана ключ. Завтра можно будет спросить у нее о белой комнате — как только соберусь с духом.

Но стоило мне протянуть руку к двери, как я услышала какие-то звуки. Приглушенный стон, мужские голоса.

Я замерла с ключом в миллиметре от замка. Телевизор? Возможно. Но мама обычно не смотрела его у себя в спальне, а в гостиной я бы заметила характерное мерцание экрана.

Ключ слишком легко повернулся в замке, и тут уже я серьезно запаниковала. Дверь — она была открыта. Ничто, кроме разве что природного катаклизма или инсульта, не заставило бы маму забыть запереть дверь. Я осторожно повернула ручку, стараясь сделать это беззвучно, и, потихоньку приоткрыв дверь, заглянула внутрь. Ничего. Тишина.

Я осторожно пробралась в темную комнату… и чуть не растянулась на полу.

Я обо что-то запнулась.

Там, где ничего не должно было лежать.

Борясь с подступающим страхом, я подавила дрожь в руках и нажала кнопку на телефоне. Свет был слабый, но его оказалось достаточно, чтобы страх взорвался у меня внутри. То, обо что я споткнулась, было зеленой клетчатой подушкой с дивана. Которая была разорвана в клочья.

Подняв сотовый, я разглядела комнату целиком. Диван был перевернут, из зияющих ран в клетчатой обивке торчало его белое нутро. На старом паркете валялись деревянные ящики из комода. И бумаги… везде бумаги.

И тут я осознала, что комната хорошо освещена… Слишком хорошо для одной только тусклой подсветки моего телефона.

Зрительное сканирование включено.

Надпись замерцала красным у меня перед глазами.

Мой взгляд самовольно заскользил по комнате, приближая детали, которые мне вообще не должно было быть видно, тем более в таких интимных подробностях.

Ночное видение включено.

Как будто мне было мало надписи, на этот раз у меня в

голове еще и раздался, повторяя слова, бесстрастный женский голос. Знакомый голос.

Мой голос, поняла я, и у меня задрожали колени. Вернее, его ровная бездушная электронная версия.

Меня захлестнула волна ужаса, и я оперлась о стену, чтобы не упасть. Я сражалась со словами, изо всех сил старалась заглушить голос. В этот момент я уловила какое-то движение в коридоре. Еле слышное дыхание.

Реальность набросилась на меня со всех сторон.

Нас нашли.

Мама.

Я перемахнула через подушку и пролетела мимо дивана, и тут в дверном проеме появился высокий худой силуэт.

Но не мама. Мужчина.

Благодаря своему улучшенному зрению я увидела, как он открыл рот, собираясь крикнуть, по-видимому, чтобы предупредить остальных. И я знала, что должна заставить его замолчать, пока они не поняли, что я вернулась.

Я рванулась вперед, одновременно отводя руку назад. Все произошло так быстро, что тот не успел издать ни звука. Никакого обдумывания. Только мой левый кулак, врезавшийся в его шею со скоростью бейсбольного мяча. Рука, которая точно знала, что делать, как будто уже миллион раз выполняла этот маневр.

Глаза незнакомца расширились, гладкая рукоятка Тэйзера выскользнула из его пальцев, когда он схватился за горло. Одной рукой я поймала электрошокер, а другой ухватила мужчину за запястье, чтобы не дать ему удариться об пол. Он начал падать, но, когда его рука полностью выпрямилась, раздался тошнотворный, но тихий щелчок, и он повис на ней. Я поморщилась. Вывих плеча, это как минимум.

Я осторожно опустила мужчину на пол, и в этот момент в мою голову снова ворвались светящиеся слова и голос.

Цель: Обездвижена.

Я взяла себя в руки и, прокравшись по коридору, заглянула направо, в свою спальню. Там был разгром, еще хуже, чем в гостиной. Моя одежда, мои бумаги — все это было беспорядочно разбросано по полу так, что красно-золотого ковра стало почти не видно. Матрас, наполовину вытащенный из кровати, свисал с нее как детская горка, по центру его тянулся глубокий разрез.

Мой взгляд метнулся к тумбочке, но я уже знала, чего там не увижу. И действительно, бронзовая рамка оказалась пуста. Под разбитым стеклом виднелся только прямоугольник коричневого картона. Папина фотография… пропала.

Я сжала руки в кулаки и попыталась заглушить боль, говоря себе, что они украли фото незнакомца. Папа не существовал. Все, что мама мне рассказала, — правда.

Из конца коридора донесся еще один странный звук. Гараж. Мама.

Я бросилась туда и толкнула дверь.

Я оценила ситуацию в мгновение ока. Трое мужчин в ветровках у ворот роются в коробках. Один из них — коротышка с широким носом. Мама, привязанная прочной веревкой к котлу отопления, стоит, мужественно глядя вперед, поверх рта — пятно серой изоленты. И четвертый — стоит возле нее, шлепая по своей ладони гаечным ключом.

Мамины глаза расширились, блеснули белки. Изолента превратила ее слова в невнятные звуки, но я была практически уверена, что она попыталась сказать «Мила, беги!», в то время как тип с ключом бросился на меня, быстро и решительно.

Но не так быстро и решительно, как я.

Я побежала, как того хотела мама. Побежала прямо к ней.

Я оказалась перед высоким парнем в тот момент, когда он поднял ключ. Несмотря на связанные руки, мама ударила его ногой в колено, как раз когда мой кулак врезался ему в нос. Он отлетел назад, врезался в коробки и вместе с ними повалился на пол.

Грубые руки схватили меня сзади. Моя голова рванулась назад, и — *бам!* Я услышала под своим затылком хруст ломающегося хряща. Резкий вскрик мужчины меня не остановил. Я развернулась и засадила локтем по его левой почке, от чего он пошатнулся. Одного быстрого удара ногой по тому же месту оказалось достаточно, чтобы он рухнул прямо на кучу старых садовых инструментов. Он ударился головой о лопату и пронзительно закричал.

Подбежав к маме, прежде чем меня успели настигнуть двое оставшихся, я двумя мощными рывками освободила ее от веревки и изоленты.

Мама бросилась вперед, врезав одному из них локтем в лицо. Она пригнулась, уворачиваясь, но он и не пытался ее схватить. Нет, теперь оба мужчины полностью сосредоточились на мне.

Они бросились ко мне одновременно. Коротышка, оказавшийся дальше от меня, поднял гладкий поблескивающий Тэйзер и прицелился. И тогда во мне словно кто-то щелкнул переключателем, переводя меня в режим боя на полной мощности.

У меня в сознании промелькнула последовательность действий, которую я моментально начала исполнять.

Припасть к земле, подножка с захватом ноги.

Из электрошокера вырвались иглы и, прорезав воздух, ударили в потолок, когда мужчина упал на спину.

Цель: На полу.

Переворот.

Одну руку — на запястье объекта, другую — на его Тэйзер. Сломать запястье. Игнорировать хруст и крик, продолжать выводить объекты из строя.

Блокировать атаку слева.

Ребром левой руки в перстневидный хрящ. Правым коленом по левой почке. Последний рубящий удар под затылок объекта.

Цель: Обездвижена.

— Мила, сзади! — закричала мама.

Но я была к этому готова. Словно исполняя сложную балетную партию, я устремилась вниз, подхватила выроненный электрошокер и развернулась — всё это одним непрерывным движением. Я прицелилась в тот момент, когда последний из них потянулся к своей кобуре. Один щелчок выключателя — и тело незнакомца забилось в конвульсиях, воздух наполнился едким запахом горящего металла.

Цель: Обездвижена.

Я обернулась, чтобы подвести краткие итоги боя. Четверо повержены. А я даже не запыхалась. Может, в моем случае это вообще невозможно. Я дерусь как боевая машина.

Реальность обрушилась на меня. Я боевая *машина.*

— Мила?

Я повернулась к маме и увидела, что она все еще смотрит на третьего, того, которого я оглушила Тэйзером. Мужчина не двигался. Я поняла, о чем она спрашивает, и по правде говоря… я не знала. Я не знала и боялась узнать ответ. Потому что электрошокер был настроен не на человека, установленная мощность была гораздо выше. Он был настроен так, чтобы вывести из строя меня.

Она встряхнула головой, будто пытаясь очистить ее. И этого маме оказалось достаточно, чтобы снова начать действовать.

— В машину!

Я попятилась в ужасе перед тем, что я, возможно, натворила, но мама схватила меня за руку и потащила к двери.

— Идем. Сейчас же.

Оглушенная, я поплелась за ней следом.

Мама помчалась к внедорожнику. Она ни разу не остановилась, только перемахивала через коробки и тянула меня за собой, пока мы не оказались снаружи.

На крыльце я задержала ее:

— Подожди, а как же наши вещи? Айпод?

Она дернула меня за руку:

— Всё там.

Не добежав до конца подъездной дороги, мама развернулась к ряду камней, окаймлявших дорожку и дом. Она присела на корточки и, напрягшись, перевернула третий с краю. Под ним оказалась не земля, как этого можно было ожидать, а яма. А в этой яме стоял небольшой металлический ящик.

Она подхватила его и снова направилась к внедорожнику.

— Чемодан — в машине.

Внезапно пришло понимание. Синий чемодан, который всегда лежал в багажнике внедорожника, — это был вовсе не странный элемент траура по папе. Как такое могло быть, если этот человек не существовал? Нет, просто мама с самого начала была готова к этому моменту.

И теперь он настал.

Мама рывком открыла дверцу и вскочила на место водителя, заталкивая ключ в замок зажигания.

— Двигайся. — Я запрыгнула в машину, после того как она перебралась на пассажирское сиденье. Я закрыла дверцу и надавила на педаль в режиме реверса. Машина задним ходом вылетела на дорогу.

Знакомые очертания ранчо Гринвудов постепенно пропали из зеркала заднего вида, а у меня в голове снова и снова прокручивалась как колеса под нами одна и та же мысль.

Боевая машина.

Голос в записи, мамина невероятная история — всё это было правдой.

Пальцы сдавили руль так сильно, что я почувствовала, как металл под обивкой начал гнуться. Что бы ни случилось, я никому не дам себя изменить. Я не позволю им отнять ту крошечную долю человечности, которая во мне была.

…боевая машина…

Если предположить, что она во мне действительно была.

Только когда мы проехали через жилые улицы и свернули на трассу 94 в восточном направлении, я поняла, что не включила фары. Ни фар, ни фонарей, которые рассеяли бы темноту на проселочных дорогах Клируотера, однако я прекрасно все видела. Я замечала каждый незначительный изгиб дороги, каждый дрогнувший на ветру лист на дереве, даже номерные знаки старых машин и грузовиков, припаркованных в дальних концах длинных въездов. Я видела все это ясно как день.

Покачав головой, я щелкнула выключателем, чтобы нас не

остановила полиция. Я и раньше бывала на улице ночью, но видела в темноте так же плохо, как все остальные.

До вчерашнего дня.

У меня засосало под ложечкой, и внутри появилось странное ощущение пустоты. За последние двадцать четыре часа я успела обзавестись не только ночным зрением. Кроме этого, я вычисляла точное расстояние до мишеней на ярмарке и попадала в них без единого промаха. Я вывела из строя четверых вооруженных мужчин, приложив минимальные усилия. И эти «Цель: На земле» и «Цель: Обездвижена». Светящиеся красным доказательства всплывали у меня в памяти.

Я вела машину, стараясь отогнать эти мысли, стереть зародившуюся пугающую уверенность в том, что произошло. Я всегда отличалась от других, утверждала часть меня — та часть, которой все еще отчаянно хотелось верить женщине, сидящей рядом со мной, невзирая на все, что случилось. В конце концов, я услышала слова Хантера через весь зал кафе, уловила лязганье ведра Мэйси с нереального расстояния. Я сделала больно Кейли, хотя могла поклясться, что едва притронулась к ней. И все это было до аварии.

Но большая часть меня решительно отмела это объяснение. Это всё были мелочи. Мелочи по сравнению с владением техникой боя и оружием. Казалось, как будто…

Мое горло сжалось, когда я позволила пониманию подняться на поверхность.

…как будто кто-то перевел меня в другой режим.

Я вспомнила, как дома, после аварии, мама что-то делала с моей рукой, моей шеей, пока с каждым жестоким словом незнакомца от моей жизни откалывался очередной кусочек.

Что-то делала с моей шеей. Хотя повреждена была только рука.

Услышав под руками хруст пластика, я осознала, как сильно вцепилась в руль. Я ослабила хватку. Нужно было узнать правду, пока я не покалечила машину.

— Что ты со мной сделала? Нажала на какую-то кнопку, после того как меня подлатала?

Во мне зажегся тот же крошечный огонек надежды, что и в первый раз, когда я показала ей разбитую руку. Я снова, затаив дыхание, подумала, что, может быть, как-нибудь, я пришла к неправильному выводу, хотя была уверена в обратном.

— Мне жаль, Мила.

Три слова, поняла я, сдавленно всхлипнув. Всего три слова, и надежда умерла.

Когда ее рука опустилась мне на плечо, я сбросила ее, отчего

«Тахо» резко вильнул.

— Не надо, — сказала я. — Просто объясни, что ты сделала.

Несмотря на твердое решение не сводить взгляда с задних огней едущего впереди автомобиля, я заметила, как она ссутулилась на сиденье и устало потерла шею.

— Я держала твою встроенную систему обороны отключенной, пока ты не повредила руку… после чего я побоялась, что мы можем оказаться в ситуации, подобной нынешней.

Я поморщилась от отвращения, понимая, к чему она ведет, но мне по-прежнему нужно было услышать от нее подробности.

— И что? Ты превратила меня в какого-то маньяка-убийцу, даже не предупредив? И я должна к этому спокойно отнестись?

— Нет.

Получив этот неожиданный ответ, я резко повернулась к ней лицом:

— Что — нет?

— Нет, ты не маньяк-убийца, и я не думала, что ты к этому спокойно отнесешься. Но я снова включила твой режим обороны. Через сорок восемь часов функционал должен восстановиться полностью.

Ну вот все и прояснилось. Еще одно звено в целой цепи предательств. Одно стало абсолютно, до боли ясно: я никому не могу доверять.

По щеке скатилась слеза. Я смахнула ее, сердясь на собственную слабость.

Мама вздохнула:

— Я знаю, что ты расстроена, но я пыталась защитить тебя. Ты должна понять: за нами приходили не просто военные — у них другие методы. Они бы заявились целым отрядом, размахивая оружием, и никак не тайком посреди ночи. Нет, тут пахнет Эндрю Холландом.

— Кем?

— Генерал Холланд, один из создателей проекта МИЛА, — его голос ты слышала в записи. Он возглавляет СВОРА.

— СВОРА?

— Секретный Военный Отдел Разработки Андроидов. И не удивительно, что руководит им именно он. Холланд — бессердечный ублюдок с манией величия. Я поначалу не замечала, но…

— Стоп! — Генерал? Спецназ? Секретный военный отдел? Она что, серьезно? Я встряхнула головой, чтобы с языка не сорвался очередной вопрос. — Я не хочу об этом знать.

— Но…

— Я серьезно! — Я выставила перед мамой ладонь, надеясь, что эта визуальная подсказка заставит ее замолчать, если слов она не понимает. — На сегодня с меня хватит.

Я чувствовала, что она пытается встретиться со мной взглядом, но проигнорировала ее. Я не могла себе этого позволить. Я слишком боялась, что, если увижу в ее глазах хоть каплю беспокойства обо мне, я сорвусь. Разорусь как сумасшедшая или разревусь как корова.

Кроме того, как по мне, так она сама во всем виновата. Что бы мама ни рассказала об этой таинственной СВОРА, это ничего не изменит. Ни наш план действий, ни то, что мы не можем развернуть машину и вернуться к прежней жизни в Клируотере. Вернуться к Хантеру. И человек, записанный в моих воспоминаниях, не превратится волшебным образом в моего настоящего отца.

И я не стану настоящей.

Рядом со мной мама опустила светлую голову на руки.

— Куда мы едем? — резко спросила я.

— В Торонто, — ответила она. — Аэропорт Пирсона. В любом аэропорту США нас задержат люди Холланда. В Канаде у нас гораздо больше шансов, а оттуда мы отправимся за границу.

Я слушала ее объяснения, но думать могла только об одном: *Канада.* Мы едем в Канаду, где сядем на самолет в какую-то другую страну. Сейчас, в общем-то, не имело значения, в какую. Значение имело только то, что Клируотер, и вообще США, навсегда окажутся вне досягаемости.

Перед глазами возникло лицо Хантера. Его голубые глаза. Его необычная улыбка. В груди заскребло от ощущения потери. Я понимала, что мы уедем из штата, но другая страна? Это звучало как приговор. У меня больше никогда не появится шанс воплотить сказку в жизнь.

Мне было необходимо отвлечься, и я потянулась к навигатору, чтобы ввести место назначения. Мама меня остановила:

— Постой, возможно, они в состоянии отследить машину по сигналам навигатора. Но… — Она запнулась и отвернулась к окну. Во время борьбы у нас дома пряди светлых волос выбились из ее хвоста и теперь в беспорядке лежали на ее шее, разрушая привычную иллюзию совершенства.

— Но — что?

Глубоко вздохнув и бросив последний взгляд на пустые ночные дороги Миннесоты, она снова повернулась ко мне лицом.

— У тебя есть встроенный GPS-навигатор. Он безопасен.

Я открыла рот, но смогла только сдавленно ахнуть. Все из-за

того, что у меня в горле застрял комок размером с булыжник. GPS. В моей голове.

Стоило мне подумать, что хуже уже быть не может, как мама лишала меня последних шансов остаться человеком. Снова и снова.

— Мила…

Я протестующе подняла руку:

— Потом. Пожалуйста, — прошептала я. Я чувствовала, как боль в груди росла и ширилась, казалось, она вот-вот разорвет мою кожу изнутри.

Я потеряла Хантера, я потеряла свою семью и сейчас, с каждой новой открывающейся способностью, — я теряла себя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава пятнадцатая

Только к тому времени, когда мы пересекли Миннеаполис, я была готова поднять эту тему снова.

— Так как работает этот навигатор?

Мама поерзала на сиденье, не сводя глаз с зеркала заднего вида. Похоже, она была очень напряжена, раз даже возможность рассказать, как работает моя GPS, ее не приободрила.

Мои пальцы сжались на руле.

— Теперь, когда я заново инициализировала все твои функции, навигатор будет обновляться по беспроводной сети, так что данные всегда будут актуальные. Ну а чтобы включить его… нужно просто отдать команду «GPS».

Команду «GPS». Ясно. Мне понравилось, как буднично это прозвучало в ее исполнении — как предложение съесть тост с апельсиновым соком на завтрак.

Чувствуя себя главным идиотом в Миннесоте, я буркнула:

— GPS.

— Не вслух. Мысленно, — поправила она, на этот раз с намеком на улыбку в голосе.

Заметив, что ей смешно, я стиснула зубы. Затем, обгоняя медленный «Бьюик», разжала челюсти и сосредоточилась.

GPS.

В глубине души я не очень-то верила, что это сработает — ну ладно, может, отчасти даже надеялась, что не сработает, — поэтому я подскочила, когда мир перед глазами озарила вспышка.

А потом как по волшебству передо мной развернулась светящаяся зеленая карта с подробной схемой дорог Миннесоты. А вот и мы на ней — мигающая оранжевая точка.

Я ждала, ждала, когда мир под колесами машины прекратит раскачиваться, когда мой разум прекратит бороться сам с собой. Я была дезориентирована, потому что половина моего сознания пыталась выплюнуть изображение, словно глоток кислого молока, а другая половина крепко удерживала его, отказываясь поддаваться.

И несмотря на мое очень человеческое желание избавиться от уродства, от того, что делало меня неправильной, андроид во мне побеждал. Как я ни старалась, я не могла заставить карту исчезнуть.

— Отключить, как это отключить?

Мой голос прозвучал слабо, едва слышно даже мне самой. Я скорее почувствовала, чем увидела мамино беспокойство, когда

та повернулась ко мне. Мои руки вцепились в руль, чтобы «Тахо» не начал вилять.

— «Отключить GPS».

Я в отчаянии ухватилась за эту фразу.

Отключить GPS.

Как только карта исчезла, война у меня в голове закончилась.

— Что случилось? Ты в порядке?

Если можно быть в порядке, когда у тебя мозг пульсирует от напряжения, тогда конечно. В полном порядке.

— Просто… я не хочу смотреть на карту сейчас.

— Хорошо.

Повисло молчание, тяжелое и неудобное. Полное лжи и предательства. Но несмотря на всю мою злость и боль, я не могла не признать — я была благодарна, что она со мной. И хотя я хотела и вслух, и мысленно называть ее Николь, я никак не могла перебороть программу в своем мозге, заставлявшую меня думать о ней как о маме.

Я угрюмо уставилась на дорогу. Впрочем, в нашей поездке у меня будет много времени, чтобы над этим поработать.

Я снова почувствовала, что она смотрит на меня. Мгновение спустя она сказала:

— Думаю, нам стоит в скором времени остановиться на ночлег. Это немного рискованно, но мне нужно выспаться перед завтрашним днем. Одна ошибка в аэропорту, и…

Она не закончила, а я не стала спрашивать.

— И потом, нам все равно еще нужно изменить внешность. Чтобы она подходила под новые паспорта.

Новые паспорта?

Покопавшись в сумочке, она вытащила две синие корочки и протянула мне одну из них.

Две корочки, в которых было заключено наше новое, с иголочки, будущее. И я не была уверена, что оно мне понравится. Я одной рукой открыла паспорт и бегло просмотрела данные.

Еще только вчера я выяснила, что я не девочка Мила, а андроид Мила. Теперь я даже не могла остаться Милой. Мою новую личность звали Стефани, на отредактированной фотографии была я с короткими черными волосами лесенкой.

Такими темпами я никогда не разберусь со своим истинным «я».

— Ты даже не спросила, — пробормотала я себе под нос. Мелочь, учитывая все, что произошло. Совсем мелочь. И тем не менее мне хотелось бы сделать хоть какой-то вклад в собственное будущее, даже если бы он заключался всего лишь в выборе поддельного имени и прически.

— Что?

— Ничего. Где мне остановиться?

Мама побарабанила пальцами по ноге, по-видимому, крепко задумавшись. Наконец она сказала:

— Не важно. В любом месте отсюда до Чикаго. Попробуем найти мотель, который выглядел бы немного запущенным, где нам могут выделить номер, не спрашивая документы.

Запущенный мотель, побег за границу. Если в ближайшее время дела пойдут на лад, я, возможно, оценю романтику.

На следующем приличной ширины съезде со знаками заправки-мотеля-пункта питания я свернула с автострады. В самом начале нам попались несколько мотелей посимпатичнее, но мама не дала мне возле них остановиться. Я поехала дальше, пока мы не добрались до того, который ее устроил: обветшалое двухэтажное здание, всего три машины на парковке и неоновая вывеска «ЕСТЬ МЕСТА».

Получив у сонной старушки карточку от номера, мы объехали мотель вокруг, остановившись у нужной двери. Свежий слой коричневой краски на двери обнадеживал, как и блестящий латунный номер 33 по центру, как раз над глазком. Но обстановка внутри не оправдала надежд. Дверь распахнулась, представляя нашему взору две обшарпанные старомодные двуспальные кровати, накрытые оранжево-коричневыми стегаными одеялами, видавший виды коричневый ковер и громоздкий старый телевизор, привинченный к столу. Как будто кому-то мог понадобиться этот динозавр. Сосновый освежитель воздуха плохо перебивал затхлый запах плесени, а клетчатый узор на одеялах не помог замаскировать пять темных пятен. Об их происхождении я даже думать не хотела.

Я бросила свой чемодан на низкий стул в углу, который показался мне самым чистым местом во всей комнате, и осторожно присела на кровать подальше от пятен. Несмотря на слипавшиеся от усталости глаза, мама провела тщательный осмотр номера, заглянув под кровати и в ванную, после чего замешкалась у двери с сумкой в руке.

— Мне нужно вернуться на заправку, зайти в магазин.

Я снова встала:

— Я с тобой.

Мама решительно покачала головой:

— Нет, ты останься здесь. Мне нужно, чтобы ты кое-что просмотрела. — Порывшись в своей большой практичной желтовато-коричневой сумке, она достала прозрачную пластиковую коробочку меньше пяти сантиметров в длину. В

углублении внутри нее лежала синяя пластинка с золотистыми полосками контактов.

Мама открыла коробочку и вытряхнула карту памяти себе в руку. Меня поразил контраст между синим пластиком и ее бледной кожей. Я разглядела на ладони переплетение тонких линий, расходящихся в стороны от более глубоких складок. Признаки старения. То, чего никогда не будет на моих руках.

— Я знаю, в машине ты не была готова слушать, но ты должна знать, от кого мы бежим, это очень важно. Перед уходом мне удалось собрать некоторую информацию, и она на этой карте.

Я уставилась на пластинку, и по шее побежали мурашки. Какой смысл давать мне карту памяти, когда у нас нет компьютера? Но тут в голове забрезжило пугающее понимание: смысл есть.

— Пожалуйста, скажи, что у тебя в чемодане припрятан ноутбук, о котором я не знаю.

Мама прикусила нижнюю губу, теребя очки на носу.

— Мила, — тихо сказала она. И больше ничего, но ее интонация сказала все, что мне нужно было знать.

Смех, который я из себя выдавила, получился скомканным, и мне стало холодно, так холодно, словно эта карта памяти высосала из комнаты все тепло.

— Ясно. Компьютер — я.

Мало того, так еще и где-то на — нет, в! — *в* моем теле находится слот для этой карты. Электрический разъем.

Как такое вообще возможно? Как можно иметь в теле слот для карты памяти и не знать об этом?

Я не хотела смотреть маме в глаза, видеть выражение фальшивого сочувствия на ее лице было невыносимо. А оно, несомненно, было фальшивым, лицемерным, ведь, в конце концов, это она меня создала. Нельзя создать отвратительного урода, а потом беспокоиться о нем — так не бывает. Так что я сосредоточилась на синей карте и задала вопрос, который уже прожег дыру в моем сознании.

— И куда ее?

Мама потянулась ко мне и обхватила мою правую кисть своими изящными пальцами. Меня охватило сильное желание отдернуть руку, но я сдержалась и неохотно позволила вытянуть ее вперед, пока она не повисла между нами, будто мост. Затем она развернула мою кисть ладонью вверх.

Она провела пальцем по сгибу моего запястья.

— Здесь, где никто не увидит.

Даже после того, как она показала, я сначала ничего не

увидела. Я провела пальцем по тому же месту, но почувствовала только кожу.

— Оттяни кожу к локтю.

И действительно, когда я прижала к запястью большой палец и потянула вниз, как посоветовала мама, я увидела ее. Идеально прямую линию, как порез от бумаги. Узкий слот. Как раз подходящий для карты памяти.

Я разглядывала слот, запястье, всю свою руку, как если бы они принадлежали кому-то другому. Как будто это были совершенно чужеродные элементы.

Мама не разрешала заводить компьютер, а я все это время разгуливала по Клируотеру с разъемом для карты памяти. В моем. Собственном. Запястье.

Когда мама отпустила мою руку, я не шелохнулась. Так и осталась стоять с вытянутой рукой, стараясь держать ее как можно дальше от себя.

К сожалению, мама приняла это за признак заинтересованности.

— Существует два способа считать данные с карты. Самый быстрый способ — сделать это мысленно, в голове. Но кроме этого мы добавили функцию, позволяющую проецировать данные наружу. Главным образом, она нужна нам самим, потому что обеспечивает легкий доступ к информации в полевых условиях. Думаю, тебе тоже больше подойдет второй способ.

— Почему? — не сдержалась я. Я не хотела знать, и при этом все равно испытывала какое-то нездоровое любопытство. В конце концов, речь идет о моем запястье. О нем, а еще о моей способности проецировать данные из мозга в воздух.

Что бы это ни значило.

— Потому что ты уже привыкла обрабатывать информацию как человек, поэтому при внутреннем анализе такого рода данных ты можешь не справиться с потоком. По крайней мере, пока.

Она протянула мне синюю пластинку:

— Хочешь попробовать?

Забавно, насколько сильное отвращение может вызвать какой-то неодушевленный предмет. Мне захотелось растоптать карту памяти, швырнуть обломки в унитаз и смывать, пока они не окажутся далеко, слишком далеко, чтобы причинить мне боль.

Но от этого ничего бы не изменилось.

Кроме того, мама была права: нужно было побольше узнать об этой СВОРА, и у меня было два варианта, как это сделать. И хотя идея вставить карту памяти себе в руку внушала мне ужас, это казалось безопаснее, чем слушать рассказ мамы, рискуя

нарваться на очередное убийственное откровение.

— Только после того, как ты уйдешь.

На ее лице промелькнула тень обиды, которая отозвалась болью у меня в груди, а за болью последовала вспышка гнева.

— Можешь, наконец, перестать притворяться любящей мамой? Мы обе знаем, что это обман.

Она резко выдохнула.

— Ты не… — Она закрыла глаза и отступила в сторону. Когда она снова их открыла, ее лицо приобрело невозмутимое выражение. — Хорошо. Просто… отдай команду «Вывести», чтобы спроецировать данные наружу.

— Что, я просто говорю это слово и вуаля, из моей головы вылетают данные? — Я с трудом могла себе это представить. Да и не хотела я ничего представлять. Сейчас мне только и хотелось, что нырнуть под это грязное одеяло, сжаться в комок и прятаться, пока эта безумная реальность, которая считалась моей жизнью, не исчезнет. Депрессняк у андроида, сказала бы Кейли.

Если бы Кейли сейчас не была в сотнях километров отсюда и не ненавидела меня.

Ах да, и если бы она знала, что я андроид.

Мама протянула мне карту памяти, которую я приняла твердой рукой, подавив содрогание, когда коснулась гладкой, пластиковой, искусственной поверхности. Меньше всего мне сейчас было нужно, чтобы мама передумала и потребовала сделать все при ней.

Видимо, я достаточно убедительно сымитировала спокойствие, потому что она повесила сумку на плечо и направилась к двери:

— Только запомни — постарайся не бороться с ощущениями, а если вдруг почувствуешь, что карта тебя перегружает, извлеки ее. И из номера не выходи. Ясно?

Положив руку на ручку двери, мама помедлила, как будто давая мне возможность передумать и попросить ее остаться. Но я не могла этого сделать. Я не могла даже взглянуть на нее, потому что, видя это знакомое лицо сердечком, эти бледно-голубые глаза, как бы я ни злилась на нее, я начинала тосковать по жизни, которую мне не суждено было прожить.

Тихий щелчок закрывшейся двери возвестил о мамином поражении.

Я ждала. Смотрела на карту и ждала, пока шум мотора не стих в отдалении. Я сжала карту памяти между большим и безымянным пальцами левой руки, сдерживая порыв швырнуть ее через всю комнату. Я затаила дыхание и стала медленно-медленно приближать синюю пластинку к запястью, пока она не

оказалась на волосок от цели, и тогда я едва не задохнулась от приступа паники. Как я смогу это сделать? Как засуну в свою плоть кусок пластика, когда внутри все вопит от отвращения?

Я закрыла глаза и собралась с духом. Со следующим ударом фальшивого сердца я открыла их и, не оставляя себе возможности спасовать, отогнула назад кисть, обнажила крошечный слот и втолкнула в него карту.

Карта памяти легко вошла внутрь, без намека на сопротивление. Казалось, меня предало мое собственное тело.

Сначала я не чувствовала ничего, кроме легкого давления в области запястья.

Устройство подключено.

А потом ощутила молниеносный толчок, и от запястья вверх по руке побежал ток.

Когда он достиг шеи, я запаниковала. Этого не может быть.

Информация ворвалась в мою голову роем электрических пчел, и я стала сопротивляться, отчаянно стараясь остановить горячий поток. От напряжения у меня закружилась голова, силы быстро истощились, и через секунду у меня подкосились ноги. Я рухнула на кровать, и это на миг сбило мою сосредоточенность, ослабив оборону. Последний толчок, и мой мозг заполнился гудением.

Я почувствовала, как что-то поддалось, где-то открылся порт. И тогда информация хлынула внутрь.

Антивирусное сканирование завершено.

Копирование данных.

Сканирование метаданных.

Надписи мигали у меня перед глазами, после каждой жуткой вспышки красного света звучал мой собственный бесстрастный голос. Комната закачалась, и я вцепилась в колючее одеяло, как будто это остановило бы кошмар, творившийся в моей черепной коробке. Но, разумеется, это не помогло. Данные продолжали поступать в виде бессистемных цепочек букв и символов, в которых не было никакого смысла.

Все это произошло в одно мгновение, но я успела разглядеть каждую деталь. Бессмысленные наборы символов один за другим перестроились в предложения, в картинки. В информацию, которую я могла наконец понять.

Вниманию генерала Холланда
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Re: ПРОЕКТ МИЛА

Ваш запрос на выделение дополнительных средств был одобрен. Вся информация об этой транзакции и

проекте МИЛА по-прежнему проходит под грифом «совершенно секретно», допуск открыт только для членов СВОРА. Мы с Вами оба понимаем, что некоторые члены верхушки слишком уж недальновидны, чтобы поддержать это исследование, я также сомневаюсь, что к этому готова американская общественность.

Я рассчитываю, что в дальнейшем Вы будете согласовывать устранение неудачных образцов со мной. Я щедро выделяю средства на проект, но это не будет длиться вечно.

Подписано,

XXXXXXXXX

Моя голова. Я открывала документы в своей голове. Та я, которую я знала, я-человек, не могла толком осмыслить происходящее, но это, очевидно, не имело значения. Хоть мама и стерла воспоминания о моей истинной природе, это не значило, что моя истинная природа прекратила существовать. Моя истинная искусственная природа.

Поток информации запульсировал быстрее, вызывая у меня ужас вперемешку с нездоровым восхищением. И тут начался настоящий хаос.

Все вдруг понеслось в десять, двадцать раз быстрее, превратившись в неразборчивую массу. Бесконечные объемы данных требовали их скопировать, просканировать, упорядочить, проанализировать — все одновременно.

Чем сильнее ускорялись цепочки информации, тем больше они перемешивались: в фотографии вклинивались случайные символы, схемы сливались в бессмысленные наборы букв — все сплеталось в огромный ком. Словно гигантский клубок спутанной пряжи, который все рос, рос и рос, заполняя мою голову, пока я не потеряла способность видеть, способность сосредоточиться, пока мое сознание не сократилось до одной панической мысли:

Как это остановить?

Я уронила голову на руки, пытаясь сдержать неровный пульсирующий ритм, сокрушительное давление расширяющегося информационного поля. В подтверждение моим ощущениям засветилась большая красная надпись:

Перегрузка.

Человек и андроид во мне в кои-то веки пришли к согласию.

Мне необходимо было остановить поток, вытолкнуть куда-то информацию. Куда-то, где я смогла бы все нормально увидеть.

Отдай команду «Вывести», чтобы спроецировать данные наружу.

Я мысленно проговорила нужное слово.

Вывести.

Едва вспыхнув, надпись тут же погасла, а напор потока все усиливался.

ВЫВЕСТИ!

На этот раз надпись не исчезла. Я инстинктивно потянулась к этому слову, нашаривая путь среди потоков данных и чувствуя себя невероятно неуклюжей. Когда я уже подумала, что слово вот-вот от меня ускользнет, я обернула его мыслью.

Вывести.

Зашипев, поток замер, а потом со свистом понесся в ином направлении. Вокруг меня, мерцая, возникли одна за другой четыре зеленые стены, заключив меня в сияющий куб, прорезавший кровать и ковер насквозь.

Стенки заполнились крошечными мигающими зеленым иконками.

Я встряхнула головой, но ничего не изменилось. Куб остался там же, переливаясь зеленым, его искрящиеся поверхности пугающе контрастировали с тусклой оранжево-коричневой гаммой номера. Иконки тоже остались на своих местах.

Это слишком. После всего, что сегодня было, это уже слишком.

Я спрыгнула с кровати, отозвавшейся грохотом старых пружин, и попятилась от этого сюрреалистического свечения. Мигающие иконки последовали за мной.

Я боролась с изображением, мысленно заставляя его исчезнуть. Пыталась отрицать то, что показывали мне собственные глаза. От этого напряжения я ослабела, мои ноги задрожали, грозя снова подкоситься.

Выхода не было. У меня не было выхода. Никакого выхода, кроме…

Извлечь.

В тот же момент, когда я сказала про себя это слово, я с силой надавила на слот в своем запястье.

Миг, и все очистилось: мое сознание, комната — все.

Все, кроме моего запястья. Синяя карта памяти наполовину торчала из моей кожи, как осколок шрапнели. Увидев это, я содрогнулась, выдернула карту и швырнула ее об комод. Если мама хочет, чтобы я больше узнала о СВОРА, ей придется самой мне рассказать, потому что я больше никогда не засуну эту штуку себе в руку.

Я принялась ходить туда-сюда по комнате в тщетной попытке успокоиться. Но, когда я смотрела на свои руки, на свои ноги, я больше не видела конечностей нормального подростка. Моему

взору предстал информационный архив в форме человека. Машина, созданная для хранения необработанных данных.

Я закусила кулак. Нельзя позволять себе зацикливаться на таких мыслях. Иначе я лишусь последних слабых претензий на то, чтобы быть человеком. Я подросток, мне нужно верить той части себя, которая пока остается нормальным подростком. Но как?

Если б только со мной был Хантер, с его косой челкой, косой улыбкой и прикосновениями, которые вызывали дрожь волнения, убеждая, что я представляю собой нечто большее чем то, что они собрали в лаборатории. Но Хантер остался в Клируотере, а я была здесь. Вот бы мне хотя бы услышать его голос.

Мой взгляд упал на белую карточку, оставленную мамой на комоде. Мгновение спустя ключ от номера уже был зажат у меня в руке, и я оказалась за дверью.

Глава шестнадцатая

Убедившись, что замок защелкнулся, я вышла на парковку по покрытому выбоинами асфальту. Через дорогу светилась вывеска «Минимаркет 24 часа». На стоянке и на улице было тихо, только в километре отсюда шумела автострада. И все же я засомневалась, правильно ли поступаю. Что, если спецназовцы из СВОРА снова как-то нас нашли, и сейчас следили за мной?

Я замешкалась, и перед глазами тут же вспыхнула красная надпись.

Зрительное сканирование: Вкл.

Я застыла возле бордового седана, пытаясь прогнать из головы замелькавшие в ней картинки. Модели, марки и цвета всех автомобилей на парковке. Их номерные знаки. Крупным планом грязные поникшие кустики декоративного чеснока, высаженного по периметру стоянки, одинокий дуб. Лужица вязкой коричневой жидкости на асфальте слева от двери нашего номера.

Человеческой угрозы не обнаружено.

Руки у меня дрожали, так что я затолкала их в карманы, борясь с подступившей тошнотой и отвращением. Я могла сколько угодно продолжать ненавидеть свои функции, но следовало признать, что эта оказалась полезной. Было бы глупо ею не пользоваться.

Но торопливо пересекая парковку и улицу, я осознала, что мне не хватает темноты. И хотя с ночным зрением было удобно, обнаружив, что у меня без спроса отобрали темноту, я почувствовала, что у меня украли еще одну частичку человечности.

Вывеска с красной надписью «24 часа» на двери мерцала и издавала прерывистое гудение.

Я вошла в дверь с низко опущенной головой, но все разглядела. Несмотря на то, что снаружи магазин выглядел жалко, внутри было безукоризненно чисто. По центру небольшого помещения стояли пять стендов, на которых были аккуратно разложены сладости, чипсы и всякая всячина, в дальнем левом углу — блестящий серебристый автомат с напитками, а в правом — холодильник. Но я пришла сюда не за едой.

Увидев меня, средних лет женщина, сидевшая за прилавком — на бейджике значилось «ДАНА», — сверкнула зубами в пятнах губной помады и вернулась к чтению светских сплетен. Похоже, я ее не особо заинтересовала. К несчастью, этого нельзя было сказать о молодом охраннике, ждавшем, пока наполнится

стаканчик кофе. Он улыбнулся и приветливо помахал мне, но единственное, о чем я могла думать, это о том, заряжен ли пистолет, который я заметила у него на поясе.

Не успела я опомниться, как мой взгляд сфокусировался на оружии. В голове раздался звуковой сигнал. Потом перед глазами возникло увеличенное объемное изображение пистолета, который совершил оборот на триста шестьдесят градусов.

Пока пистолет крутился, красная надпись объявила:

Sig Sauer P229, девять мм.

Я резко развернулась к стенду, пряча лицо от охранника, и, притворившись, что изучаю ассортимент сладостей, вцепилась в полку, чтобы не упасть.

Мой панический взгляд наткнулся на конфеты Starburst. Длинная узкая упаковка напомнила мне о поездке в джипе, о том, насколько настоящей и чувствительной я себя ощущала благодаря Хантеру. Одного простого воспоминания о том, как он протянул руку над конфетными обертками и положил ее поверх моей, оказалось достаточно. Как бы глупо это ни звучало, но чувства, которые я испытала с Хантером, заставляли меня верить, что все возможно, что мне не придется превратиться в робота.

Преодолев слабость, я схватила упаковку и отнесла ее к кассе. Я чувствовала на себе взгляд охранника, но не посмотрела в его сторону.

Пока незачем беспокоиться. Скорее всего, у них тут просто высокий уровень преступности, и это всё просто такой способ предотвращения краж. Но я слишком мало знала о СВОРА и их методах, чтобы это предположение полностью меня успокоило. Плюс на данном этапе любое лишнее внимание было чревато неприятностями.

Я улавливала каждый звук с его стороны, даже развеселую попсу, игравшую у него в наушниках. Вот еле слышно скрипнуло колено, когда он перенес вес. Вот шорох, похоже, он почесал щетинистый подбородок.

Нужно было уходить отсюда. Прямо сейчас.

— Можно мне еще один из этих одноразовых мобильников? — тихо попросила я, указывая на витрину за густой каштановой шевелюрой продавщицы.

Женщина прищелкнула языком:

— О нет, дорогуша, неужто смартфон разрядился? Все думают, что они такие классные, а по мне так лучше что-нибудь простое и надежное.

Я не стала убирать упавшие на лицо волосы и слегка улыбнулась, но не ответила. Чем меньше ей запомнится наше общение, тем лучше. Кассовый аппарат пискнул. Расплатившись,

я поблагодарила продавщицу и подхватила пакет с покупкой. Взгляд охранника, стоявшего в трех метрах от кассы, остановился на мне.

Когда я пошла к двери, я прямо-таки знала, что парень пойдет за мной.

Я вышла в тишину ночи, которую нарушали только отдаленный шум машин и гудение неоновой вывески. Через дорогу маяком светилась надпись «ЕСТЬ МЕСТА», но я свернула направо, проигнорировав ее. Передо мной была пустая улица. Если этот тип будет меня преследовать, я не собираюсь приводить его к маме.

Один, два, три шага по покрытому трещинами тротуару. Он пошел за мной. Может, он просто вышел покурить. Может…

Я развернулась, как раз когда он протянул руку, чтобы похлопать меня по плечу.

— Ой! — сказал он, отпрыгнув от неожиданности. — Извините, не хотел вас напугать. Я просто… я тут подумал…

Мои пальцы рефлекторно сжались на пакете.

— …если вы тут недалеко живете, может, сходим как-нибудь выпьем по чашечке кофе?

Я моргнула. По чашечке кофе? Этот тип что, пригласил меня на свидание? Мои пальцы расслабились, а по щекам разлился румянец.

Поддельный румянец, который казался таким потрясающе настоящим.

— Эм, спасибо, но боюсь, что мама будет против — и по многим причинам.

Его нерешительная улыбка исчезла.

— Мама? Сколько ж тебе лет?

— Шестнадцать.

Теперь уже его щеки пошли пятнами от смущения. Он сделал несколько поспешных шагов назад, выставив перед собой руки, словно они могли защитить его от собственной неудачной идеи.

— О… э… я понятия не имел. Просто подумал, раз вы ходите ночью одна… — Он все оглядывался через плечо на минимаркет, будто надеясь, что кассирша выбежит оттуда и спасет его.

— Просто сходила в магазин, а теперь обратно в номер, — встряхнув пакетом, объяснила я, сдерживая улыбку. — Спокойной вам ночи.

Как только он, ссутулившись, зашел обратно в магазин, я поспешила через дорогу к номеру 33.

Я сразу же прошла к кровати, села и, вытащив из пакета мобильник, активировала его и начала набирать номер Хантера.

Режим безопасности: Вкл.

Голосовая команда прозвучала так неожиданно, что я чуть не выронила телефон. Режим безопасности? Что это вообще значило? Я что, теперь буду как-то отслеживать этот звонок или даже записывать? Я торопливо нажала кнопку завершения вызова.

Я увидела, как моя рука сильнее сжала трубку. Я только и хотела, что послушать голос Хантера, всего пару минут, а теперь даже эту возможность у меня отняли. Но я не могла рисковать его безопасностью или тем, что об этом звонке узнает мама.

Я выключила телефон, чтобы сэкономить заряд батареи, и запихнула его в свою сумку, чувствуя, как в ширящуюся дыру внутри меня просачивается тоска. После этого я плюхнулась на спину на кровати и уставилась на маленького черного жука, который пересекал пожелтевший потолок без видимой срочности или особой надобности, и задумалась, не переоценивает ли человек значимость эмоций.

Сорок минут спустя я сидела на стуле с жесткой спинкой перед кривоватым зеркалом. Мама одной рукой ловко вытянула расческой прядь моих волос, остановившись примерно посередине.

— Короче, — сказала я.

Голубые глаза встретились в зеркале с моими зелеными.

— Ты уверена?

Нет.

— Да. И потом, на фото в паспорте они короче.

Пауза.

— Ты же понимаешь, что они не отрастут снова?

Я замерла, завороженно глядя в зеркало на пряди длиной до подбородка. Вообще-то я об этом не подумала, но это было логично. Естественно, мои волосы не способны расти. Как? Рост волос подразумевает наличие человеческих волосяных фолликулов. Живых. Такая глупая мелочь, и все же, когда мой взгляд скользнул по коричневому ковру, на котором валялись завитки срезанных волос, в глазах защипало.

— Короче, — упрямо повторила я. — И вообще, почему ты так беспокоишься по поводу моих волос? Не то чтобы это было важно.

Надо сказать, мама была не в восторге от всего этого мероприятия. Когда я вернулась из ванной с угольно-черными волосами, она сразу же отвернулась, как будто не в силах на это смотреть, и похоже, ей было особенно тяжело обрезать первую прядь, учитывая то, как дрожали в ее руке ножницы.

Мама снова медленно провела расческой по волосам, остановившись на этот раз под самым ухом. Она подняла ножницы.

Чик, чик.

Клочки черных волос на белом полотенце, обернутом вокруг моей шеи, и на полу вызвали воспоминание о другом зеркале и другой стрижке. Я увидела ту же девочку, которую вспоминала раньше: она сидела в полотенце перед мамой и тянулась за чупа-чупсом, пока мама щелкала ножницами.

Я нахмурилась. Воспоминание по-прежнему было нечетким, расплывчатым. Лицо девочки было невозможно разглядеть.

Я напряглась, пытаясь восстановить изображение, сфокусироваться, но картина распалась, оставив за собой только пустоту и какую-то непонятную жажду.

Эта жажда исчезла, когда в сознании всплыло другое воспоминание.

Белые стены, белый свет. Запах хлорки. Мужчина в белом халате включает дрель…

Я встряхнула головой и, не обращая внимания на протестующий возглас мамы, сорвалась со стула. Нет. Я не хотела еще раз это испытать. Подняв руки к щекам, я сосредоточилась на своем отражении. Я увидела девушку с короткими, неровно стриженными черными волосами, девушку, которая выглядела опасной и злой. Гораздо более подходящая внешность, чем образ невинной школьницы, который выбрали для меня военные.

Гораздо меньше похожая на меня из того ужасного воспоминания.

— Все нормально?

Я снова поймала в отражении мамин взгляд, увидела, как ее рука замерла на полпути к моему плечу, словно она хотела меня поддержать, но поняла, что ее прикосновение будет мне неприятно. Я отодвинулась подальше, на случай, если она вдруг преодолеет свои сомнения.

Стоило ли мне спросить ее о той комнате? Потребовать объяснений? Или это была одна из тех вещей, о которых мне лучше и не знать?

Я выбрала последний вариант, и вместо этого задала другой вопрос, который только что пришел мне в голову.

— А кто выбирал, как я буду выглядеть? — спросила я, повернувшись лицом к маме как раз вовремя, чтобы увидеть, как она с несвойственной ей неловкостью попыталась перехватить ножницы и уронила их. Она наклонилась за ними, задержавшись в этом положении на несколько мгновений дольше, чем было необходимо. Я задумалась, не расстроил ли ее чем-то мой вопрос, но, когда она выпрямилась, на ее лице уже была маска спокойствия. Но губы ее все же от чего-то сжались, превратившись в тонкую линию.

— Не я, — только и сказала она, после чего развернулась и скрылась за дверью в ванную.

Когда через какое-то время она вышла оттуда, концы ее волос доставали до того же места, сантиметров на десять ниже плеч, но на смену знакомым белокурым локонам пришли красновато-коричневые пряди, соответствующие фальшивой фотографии в паспорте. Это была уже не мама из Клируотера и не мама из моих запрограммированных воспоминаний, и я вдруг ощутила, как разорвалась еще одна моя связь с прошлым.

Мои волосы так и лежали, рассыпанные по грязному ковру как пушинки одуванчика; как-то раз в Клируотере я видела малыша, который шел со своей мамой по нашей улице и дул на одуванчик. Нагнувшись, я подхватила несколько шелковистых прядей, но тут же дала им выскользнуть из пальцев и посмотрела, как они мягко спланировали на пол. Волосы, цветы, жизнь — всё это так недолговечно.

Стряхнув с себя меланхолическое оцепенение, я приступила к уборке всерьез.

— Давай я помогу. — Мама присела рядом на корточки и тоже начала собирать прядки.

— Нет, спасибо, я справлюсь.

Оставаясь на корточках, она положила руки на бедра.

— Мила, я понимаю, что ты сердишься, но нам нужно научиться действовать сообща.

Темный цвет волос придал ее коже фарфоровое сияние, а черты лица стали казаться немного хрупкими. Но я знала, что это только иллюзия, почти как моя собственная внешность. Глядя на эту длинноногую стройную красавицу, никто не догадается, сколько душевных и физических сил скрывается в этом теле. Точно так же как, глядя на меня, никто не заподозрит, что я далеко не обычная девочка-подросток.

Это заставило меня задаться вопросом, сколько еще людей скрывают свое настоящее «я» под внешней оболочкой.

— Хорошо. Но только если ты совсем перестанешь изображать из себя маму и будешь обращаться со мной как с равной. Договорились?

Несколько долгих секунд она смотрела на меня, сжимая в руке фальшивый амулет; ее взгляд блуждал по моему лицу, словно она пыталась запомнить каждую черту. На миг мне показалось, что она сейчас откажется. Станет умолять меня поверить, что, несмотря ни на что, она чувствовала себя как настоящая мама, и ее отношение не было притворным. Я не удержалась, и во мне снова вспыхнула все та же сумасшедшая надежда.

Которая секундой позже умерла, когда я услышала ответ, произнесенный мягким, мягче некуда, голосом:

— Договорились.

Я тотчас же вернулась к собиранию волос с пола, в процессе пытаясь убедить себя, что именно это я и хотела от нее услышать.

Глава семнадцатая

В номере было темно и тихо, не считая ровного ритмичного звука маминого дыхания, когда я подскочила на кровати, полностью проснувшись. Пружины матраса громко скрипнули в тишине комнаты. Я посмотрела на привинченные к тумбочке электронные часы. Три двадцать пять утра.

Какие-то странные шорохи прервали мой сон, или спящий режим, или как там называлось то, что я делала, лежа в кровати. Не самый удачный момент для обдумывания данного вопроса, учитывая, что я снова услышала эти звуки, похожие на шарканье ботинок по бетону.

За дверью кто-то был.

Я соскользнула на пол, склонилась над спящей фигурой мамы и отскочила, когда ее глаза распахнулись и она резко села.

Это не должно было меня удивить. Ничто в мамином поведении больше не должно было меня удивлять.

— Кто-то пришел? — одними губами спросила она. Я кивнула и мотнула головой в сторону двери.

Мама выскользнула из постели, как и я, полностью одетая. Она схватила с тумбочки очки и вперила взгляд в дверь.

В дверь постучали.

— Откройте, это электрик, — потребовал хриплый мужской голос.

Я сделала было шаг вперед, но мамина рука задержала меня.

— Подожди здесь, — прошептала мама. Она подкралась к двери и посмотрела в глазок. — Что вам нужно?

— Извините за неудобство, мэм, но к нам поступили жалобы на перебои в электроснабжении в нескольких номерах и в офисе администрации. К сожалению, щиток с предохранителями находится в вашем номере. Нам нужно просто зайти и проверить его. — Он говорил ровно настолько громко, чтобы его было слышно через дверь.

Щиток? В нашем номере? Наши с мамой взгляды встретились в темноте, и я сразу поняла, что нам в голову пришла одна и та же мысль.

Это вряд ли.

— Подождите минутку, я оденусь.

Она поспешила назад ко мне и приблизила губы к моему уху:

— Просканируй номер. Определи точное расположение электрических цепей.

— Но я не знаю, как…

Ее пальцы впились мне в плечи:

— Ты знаешь как. Ты просто не знаешь, что знаешь — как с GPS. Сосредоточься и медленно повернись вокруг своей оси. За твоими глазами установлены датчики, которые обнаружат электрический ток.

Мои руки подлетели к вискам, как будто я могла каким-то образом нащупать эти датчики.

— Скорее, Мила, — прошептала мама. — Нам нужно знать, есть ли в нашем номере что-то такое.

«Скорее» на меня подействовало. Хотя меня мутило, а руки сжались в кулаки, я медленно повернулась по кругу, мысленно отдав команду.

Электричество.

Передо мной как по волшебству развернулась зеленая цифровая карта. Но мгновение спустя она с шипением распалась на светящиеся точки.

Сканирование электрических цепей: Заблокировано.

По спине пробежала ледяная струйка страха.

— «Заблокировано».

Мама побледнела.

— Если они догадались взять с собой глушитель, это точно люди Холланда. Они нашли нас.

Они нашли нас, и мы были в ловушке.

Мама сорвалась с места. Она проскользнула в ванную и включила там свет. Послышался шум бьющего в стену душа.

— У нас будет только один шанс. Нужно впустить их в номер, закрыть дверь и обезвредить их, прежде чем кто-нибудь услышит. Готова?

Я застыла на месте. В этот момент по засову проскребло что-то железное.

Мама, должно быть, почувствовала мой страх, потому что она сжала мои плечи и прошептала:

— Мы команда, помнишь? Без тебя я не справлюсь.

Холод разошелся со спины по всему телу. Она хотела, чтобы я помогла ей победить этих парней, как я это сделала на ранчо. Мама хотела, чтобы я стала андроидом, сейчас, когда мне больше всего на свете хотелось, чтобы она меня защитила, как будто я — настоящая дочь, а она — настоящая мама.

Но я ведь сама ее попросила. Сама предложила быть «командой». Отступать было поздно.

Я оглядела комнату в поисках возможного оружия. Мой взгляд остановился на комоде. Поколебавшись над ножницами, я засунула их в карман — то, что случилось с тем мужчиной в Клируотере, было еще слишком свежо в моей памяти. Команда мы или нет, андроид я или человек, но я никому не позволю

превратить меня в убийцу. Вместо ножниц я схватила фен и тяжелую круглую щетку для волос.

— Готова.

Я перемахнула через кровать и встала на четвереньки за стулом с обивкой у окна, откуда у меня получался прямой доступ к двери. Вблизи стул пах скисшим молоком, а когда я задела лбом обивку, из нее вырвалось облако пыли.

Щелкнул засов, и все мое внимание переключилось на маму. У нас был всего один шанс. Если они приставят к маминой голове пистолет раньше, чем я до них доберусь, все кончено. Я не могла подвергнуть ее опасности.

Мама открыла дверь, притворно зевая.

— А до утра с этим точно нельзя было подождать?

В комнату протолкнулся крепкий темноволосый мужчина, которого я не узнала. За ним стоял тип в темно-синей бейсболке. Он не поднимал головы, но я разглядела опухший нос и подбитый глаз. Это был один из тех, кого я вырубила на ранчо Гринвудов.

Мама отступила, продолжая спектакль:

— Ну ладно… но если щиток в ванной, вам придется пару минут подождать. Моя дочь сейчас в душе.

Взгляды обоих мужчин скользнули по пустым постелям, после чего остановились на двери в ванную. Я сильнее сжала ручки фена и щетки. Рано. *Рано.* Если начать раньше времени, это привлечет ненужное внимание. Если начать слишком поздно, последствия будут гораздо, гораздо хуже.

А потом второй мужчина прошел в комнату. Дверь с грохотом захлопнулась, и тогда все произошло одновременно. Мамина нога вылетела вперед, подсекая его под колено. Темноволосый мужчина засунул руку в серебристый ящик для инструментов и вытащил оттуда черный пистолет. А я выпрыгнула из-за стула, прицелилась и швырнула щетку.

Мое оружие врезалось брюнету в запястье, заставив мужчину выпустить пистолет, который со стуком упал на пол. Мама пнула его в сторону ванной и вернулась к нашему знакомому из Клируотера, который от ее удара упал на четвереньки. Бейсболка слетела с его головы.

Темноволосый мужчина пришел в себя быстрее, чем я ожидала. Он бросился поднимать пистолет. Я не успею добраться до него первой.

Вывести из строя рабочую руку.

Выполняя команду, я кинулась за мужчиной, поверх руки которого у меня в голове наложилась трехмерная схема ее внутреннего строения. Самые уязвимые места были отмечены

пульсирующими зелеными огоньками.

Доступные цели.

В полете я ухватилась за вилку от фена. Незнакомец уже успел подобрать оружие правой рукой и перекатывался на бок; рука с пистолетом взлетела по дуге, в конце которой выстрел попал бы в маму.

Сейчас.

Я приземлилась рядом с ним на бедро, проехав по ковру, и воткнула вилку в комок нервов в его подмышке, в плечевое сплетение.

Цель: Обездвижена.

Когда металлические штыри погрузились в плоть, меня охватило чувство нереальности происходящего. Но мне нужно было сохранять сосредоточенность, пока я не обезвредила его полностью.

Его рука вся обмякла, и прежде чем я успела зажать ему рот ладонью, комнату прорезал крик. Резкий удар в трахею заставил бы этого типа замолчать, но я не хотела бить его снова без крайней необходимости.

Чемодан. На комоде.

Продолжая левой рукой зажимать ему рот, я зашарила правой в незастегнутом чемодане. Я схватила первую попавшуюся под руку тряпку. Несколько секунд спустя мужчина уже демонстрировал неординарный способ ношения одежды на примере одной из маминых любимых серых маек. Теперь оставалось только чем-то связать ему руки.

И тут до меня дошло. Я только что нанесла какому-то типу, совершеннейшему незнакомцу, колотую рану вилкой от фена.

И у меня хорошо получилось.

Это нереально.

— Ты как? — спросила я, глянув в сторону мамы. Второй мужчина неподвижно лежал на животе, и, судя по отвисшей челюсти, он был в отключке. Тем не менее мама на всякий случай придавливала его коленом к полу. — У тебя есть что-нибудь, чем его можно связать?

Свободной рукой мама полезла в карман — в собственный карман! — и вытащила горсть разноцветных кабельных стяжек. Две она бросила мне, и я их поймала.

— Вот, возьми. — Она говорила, как обычно, спокойно и со знанием дела, несмотря на то что на ее левой щеке появилось большое красное пятно. Очевидно, ее пленник успел отвесить ей удар, прежде чем она его вырубила.

Я собралась перевернуть своего товарища на спину, но, положив ему руку на плечо, заколебалась. Его глаза остекленели

от боли, и он сжимал покалеченную руку. Я почувствовала резкий укол совести.

Я точно знала, куда нужно бить, и сделала это не задумываясь. Даже не побеспокоившись, что могу сделать человека калекой.

… боевая машина.

— Мила, всё в порядке, — сказала мама, оценив мое состояние одним быстрым взглядом. — Я знаю, что ты чувствуешь, но не забывай — он был готов меня застрелить. А то, что он собирался сделать с тобой… это было бы гораздо хуже того, что ты сделала с ним.

Может, и так, но я не хотела быть этой Милой, той, которую создали в лаборатории, которая готова ранить, калечить, а когда-нибудь, может, даже и убивать людей.

Но пока нужно было забыть об этом всём и связать пленника.

Я умело принялась за работу. Когда я перевернула мужчину на живот, он застонал, но не протестовал и глаза не открыл. Он был почти без сознания. Я надеялась, что так он меньше чувствует боль, но все равно старалась действовать осторожно, когда сцепляла его запястья розовой стяжкой. Зеленой я стянула его лодыжки.

Мама связала свою жертву таким же образом, заткнув мужчине рот парой носков. Она поднялась с пола, сделала два шага в сторону кровати и опустилась на ее край. Единственным признаком стресса было то, что она теребила очки на переносице.

— И что теперь? — спросила я и посмотрела на двух лежащих ничком мужчин, чувствуя, как что-то сдавливает мне грудь. Я попыталась избавиться от этого ощущения, напоминая себе, что оно не настоящее, что, согласно маме, мой организм просто воспроизводит чужую эмоциональную реакцию. Это такая фантомная эмоция.

Мама смерила взглядом двоих на полу, которые понемногу начинали шевелиться.

— Забери наши вещи из ванной и сотри отпечатки. Когда закончишь, думаю, они как раз будут в состоянии ответить на пару вопросов.

Я подхватила нашу спортивную сумку и пошла в ванную. Все, что было на полке, я затолкала в сумку, потом прошлась с ней по комнате, собирая оставшиеся вещи. Я выудила из мусорного ведра коробки из-под краски для волос, чтобы потом избавиться от них в более безопасном месте.

Отпечатки. Я сорвала с вешалки полотенце, намочила его под краном и протерла все, чего мама могла коснуться.

Когда я вышла из ванной, двое по-прежнему лежали на полу,

но тот, который был ближе к маме, начал дергаться, пытаясь освободиться.

Мама подняла взгляд на меня, ее губы были решительно поджаты.

— Готова?

Не успела я ответить, как она опустилась на колени рядом с мужчиной и перевернула его на спину, на связанные руки. Затем она приставила к его виску пистолет.

— Мы уже знаем, что вы работаете на генерала Холланда. Расскажешь нам, что он успел узнать.

Он не издал ни звука сквозь импровизированный кляп и, хотя пистолет держала мама, не сводил полного злобы взгляда с меня. Я заметила, что ее рука слегка дрожала, когда она размахнулась и треснула его по колену пистолетом.

Засунутые в рот носки заглушили его крик.

Я отступила, пошатнувшись.

— Ты сказала, что нам нужно их допросить, а не избить, — прошипела я, осуждающе глядя на маму.

Мама устало потерла рукой шею.

— Это единственный способ заставить их говорить. Если хочешь, можешь подождать в ванной. Я разберусь сама.

Я едва не воспользовалась этой возможностью — спрятаться в ванной, включить душ и открыть кран на полную мощность, чтобы заглушить все остальные звуки. Но это было бы нечестно по отношению к маме.

Нравилось мне это или нет, но мы были командой. И выжить могли, только действуя сообща.

— Теперь рассказывай, что знаешь, — приказала мама мужчине, выдергивая у него изо рта носки.

Он закашлялся, повернул голову и сплюнул.

— Холланд? Мы не работаем на Холланда. — Он снова сосредоточил внимание на мне, и его рот обмяк. Я практически чувствовала, как его взгляд ползет по мне, изучая каждый сантиметр моего тела.

Мамины пальцы сильнее сжали рукоятку пистолета.

— Кончай врать. И на меня смотри, не на нее.

Услышав эту команду, пленник переключил внимание на маму, но через несколько секунд его взгляд вернулся ко мне.

— Я что, по-твоему, похож на жадного до славы солдатика? Мы просто хотели как следует присмотреться, — сказал он, кивнув в мою сторону. — Отдай ее нам, и мы тебе заплатим, достаточно, чтобы ты могла скрыться в любом направлении.

Он опять окинул меня взглядом с ног до головы и тихо присвистнул.

— Черт, теперь я вижу, почему они так рвутся тебя заполучить. Если б не знал правду, подумал бы, что ты настоящая девка, а не просто новая игрушка военных.

Игрушка. Он только что назвал меня игрушкой. Я стиснула зубы, подавляя приступ боли, отгоняя предательскую мысль о том, что его определение было не так уж далеко от правды. Мама и сама резко вдохнула сквозь сжатые зубы, после чего схватила мужчину за подбородок.

— Хватит тратить мое время. Отвечай — ты уже связался со штабом СВОРА? Холланд знает, что вы нас нашли?

Его губы скривились в усмешке:

— Я говорю правду. Я не виноват, что ты слишком тупая, чтобы мне поверить.

Мама приставила пистолет к его бедру.

— Может, я и не выстрелю тебе в голову. Но вот в ногу… — Раздался щелчок, возвестивший о том, что курок взведен.

От этого звука к горлу подкатила тошнота. Я не верила, что мама правда выстрелит в беспомощного человека, но мне стало плохо от одной такой возможности. В голове снова и снова возникала картина: другая девушка, дрель, пистолет у ее виска…

Нужно было найти способ убедить его отвечать, такой, чтобы маме не пришлось в него стрелять. Даже если это означало блефовать всю дорогу.

Я бросилась на пол по другую сторону от мужчины и схватила его за волосы.

— Забудь про пистолет — я знаю сотни способов выбить из тебя информацию. Спроси у своего друга. С ним все будет в порядке, правда, не могу сказать то же самое о его руке.

Улыбка спала с его лица. Его темные глаза метнулись в сторону стонущего товарища; я чувствовала, как под кончиками моих пальцев пульсирует кровь в его голове.

Я поборола порыв отпустить его, и приложила свободную руку к его щеке. Если я смогу заставить его говорить, запугав угрозами и не прибегая к насилию, то оно того стоило.

— Я могу начать с чего-нибудь попроще, например, затолкнуть палец тебе в ухо — так, чтобы лопнула барабанная перепонка. Только нужно будет постараться не проткнуть тебе мозг. Ах да, и еще — если начнешь врать, я сразу это пойму.

Честно говоря, я понятия не имела, пойму я это или нет, но прозвучало эффектно.

Мужчина посмотрел своими темными глазами в мои зеленые, и его кадык дернулся, когда он сглотнул. Судорожно. Мои пальцы стали влажными от его пота. И тогда он заговорил.

— Пока в курсе только мы — группа, которая проникла в ваш

дом. Остальные сейчас прочесывают все дороги, идущие из Клируотера. Мы поздно выдвинулись, но выследили вас по сигналу — мы прицепили к машине жучок.

— Жучок? Так за вами приедут другие? — перебила мама, неожиданно высоким голосом, и я услышала в нем нотки паники, которую она до сих пор так тщательно подавляла.

— Нет, пока нет. Нужно было убедиться, что это не обман, вы ведь могли найти жучок и установить его на чужую машину.

— Вы уже доложили о нас?

Мужчина замешкался, так что я заставила себя провести пальцем по его уху, напоминая о своей угрозе, а мама вскочила на ноги.

Он вздрогнул.

— Нет, еще не доложили. Мы должны были это сделать, так или иначе установив ваши личности.

Мама заметалась по комнате, стирая возможные отпечатки и запихивая в сумку оставшиеся вещи. Потом она зашла в ванную и появилась оттуда с двумя махровыми салфетками. Мгновение спустя оба мужчины обзавелись качественными кляпами, а ее майка и носки были спасены, хотя и стали немного мокрее, чем хотелось бы.

— Когда ваши дружки вас найдут, передайте им это: следующий, кто придет за нами, опробует на себе те методы пытки, о которых говорила Мила. Понятно?

Глаза пленника расширились, и он отрывисто кивнул.

— Хорошо. — Мама опустилась на колени рядом со вторым и, порывшись в его карманах, вытащила черный прибор, похожий на рацию. Заметив, что она нахмурилась, я последовала ее примеру и обшарила карманы мужчины. Никаких документов, но зато я нашла ключи от арендованной машины.

— Что такое? — спросила я маму, между бровей которой залегла складка.

— Этим устройством они пользовались, чтобы заглушить твою систему сканирования, но я его не узнаю. Холланд никогда не показывал нам ничего подобного. — Она уставилась на прибор так, словно он был покрыт ядом, и нажала на две кнопки. Зеленая подсветка погасла. Потом она медленно подняла голову, отчего я начала подозревать худшее. — Думаю, он сказал правду — они работают не на военных.

Мы бросились к двери и выскользнули в холод ночи, а ее слова всё звучали у меня в ушах. Как будто все и так было не достаточно плохо, теперь на нас охотились уже две организации.

Снаружи ничто не двигалось. Ни звука, не считая шума бесконечного потока проезжавших по автостраде машин. Быстрый

осмотр парковки показал, что, кроме тех трех машин, которые я заметила, когда мы только приехали, с северной стороны стоянки теперь была припаркована четвертая, черный «Форд Эксплорер» с тонированными стеклами.

Перед глазами замерцал красный свет.

— Нет, — прошипела я, стискивая зубы и пытаясь остановить процесс. Никакого сканирования. Мы прекрасно справимся и без непрошеных подсказок моего роботизированного голоса.

Зрительное сканирование: Вкл.

Обнаружена человеческая угроза.

Я перестала бороться с собой и замерла.

— Тут кто-то есть.

Мама остановилась.

— Где?

— Там, — указала я. По левую сторону от нас, по тротуару перед мотелем двигалась фигура, которую мой сканер выделил зеленым. Я сфокусировалась на лице человека и застонала. Это был тот глупый охранник из минимаркета. Он направлялся к нам.

— Что будем делать?

— Сделай вид, что ищешь что-то в машине.

Мама нажала кнопку на пульте, чтобы разблокировать дверцы, и я засунула назад чемодан, а потом наклонилась внутрь и притворилась, что роюсь в кармане на спинке водительского кресла.

Мама подбежала к машине со стороны пассажирского сиденья и полезла рукой под коврик.

Я тем временем затаила дыхание, а насвистывание охранника постепенно становилось громче. Вот он все ближе. И ближе.

Я не осмелилась оторвать взгляд от кожаного кармана, но слышала хруст гравия под подошвами его ботинок, слышала, как он подошел прямо к маме.

— У вас все в порядке? Мой друг, владелец мотеля, попросил проверить, сказал, кто-то жаловался на шум.

Который, скорее всего, подняли мы. Я вцепилась в карман, а мама тем временем выпрямилась.

Когда она заговорила, ее голос звучал раздраженно:

— А вы думаете, почему мы уезжаем среди ночи? Эти дебилы в тридцать пятом такой концерт устроили… Под эти звуки спать просто невозможно. Минут пятнадцать назад они наконец-то заткнулись, но мы решили выехать пораньше, раз уж все равно не спим — нам еще далеко ехать.

Тридцать пятый номер. Второй по счету от нашего.

— Какого рода звуки? Было похоже, что кому-то причиняют боль?

Через окно я увидела, как он выискивает взглядом названный номер. Блин. Если он пойдет допрашивать постояльцев, у нас возникнут серьезные проблемы.

Должно быть, мама тоже сразу это поняла, потому что она усмехнулась:

— О нет, не такие звуки. Другие. Ну, вы знаете, — сказала она, приподняв бровь и мотнув головой в мою сторону, — мол, не при детях.

Несмотря на то, что парочка с их бурной ночной активностью существовала только в воображении, мои щеки вспыхнули. Особенно учитывая, что еще недавно этот охранник ко мне клеился. Что натолкнуло меня на отличную, хотя и унизительную мысль о том, как его спугнуть.

Я выпрямилась, надеясь, что в тусклом свете не слишком хорошо видно мои пылающие щеки.

— Привет! — помахала я парню из-за машины. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы сложить два и два, но, когда до него дошло, это выглядело почти комично.

Он ахнул, потом, путаясь в собственных ногах, попятился от «Тахо», как будто его могло ударить током.

— Здрасьте, — сказал он грубым голосом, который звучал совершенно фальшиво; его рука метнулась вверх, оттягивая воротник. Не теряя ни секунды, парень развернулся к маме.

— Спасибо за разъяснения. Пойду сообщу дежурному. Хорошего вам вечера.

Затем он пригнул голову и бросился к офису, не оборачиваясь и не глядя по сторонам.

Я готова была засмеяться, но меня прервала мама:

— Нам нужно вывести из строя их машину до того, как он вернется, — сказала она, смотря вслед удаляющемуся охраннику.

— Я разберусь с этим, а ты пока найди маячок.

— Я бесшумно метнулась к черному внедорожнику. Внутри никого не было, отлично.

Я засунула руку в карман и нащупала ножницы, которые припрятала туда, чтобы случайно не нанести никому слишком серьезных травм. Я бросила взгляд через плечо и, убедившись, что охранник по-прежнему в офисе, присела возле колеса со стороны водителя. Я замахнулась и резко, с силой воткнула ножницы в шину. Они прорезали внешние слои резины легче, чем я ожидала, и вошли по самые кольца, так что моя рука коснулась покрышки.

Это напомнило мне о похожем действии, которое я совершила всего несколько минут назад, — только в тот раз я всадила железо в человеческую плоть. Прогнав эту мысль, я

перешла к следующему колесу.

Меньше чем через две минуты в каждой шине красовались свеженькие дыры шириной с лезвия ножниц. Даже если наши преследователи как-то ухитрятся освободиться, далеко они не уедут.

Я подбежала туда, где была припаркована наша машина. Пора было отправляться, и чем быстрее, тем лучше. Но оказалось, что сделать это не так просто, как я думала, — я обнаружила, что мама наполовину исчезла под машиной. Снаружи торчали только ее длинные ноги.

— Так и не нашла?

Невдалеке скрипнула дверь офиса. Охранник.

— Скорее!

— Секунду. — Когда она развернулась к заднему колесу, из-под машины вырвался луч мягкого света, и я поняла, что она захватила с собой фонарик. Охранник стоял спиной к нам у приоткрытой двери, но в любой момент мог обернуться, заметить свет и заинтересоваться, чем мы там занимаемся. Мама выскользнула из-под машины с перемазанными пальцами, но с торжествующим видом. — Вот он, — объявила она, демонстрируя мне мигающую красным штуковину в оболочке из какого-то прозрачного, похожего на силикон материала.

В ту же секунду, когда мама поднялась с земли, с лязгом захлопнулась дверь. Бросив в нашу сторону быстрый взгляд и вяло помахав, охранник заспешил прочь.

Я вздохнула с облегчением, а мама возбужденно зашептала:

— Это не стандартный прибор слежения, которыми пользуются военные. Ты запрограммирована улавливать их сигналы. Но вот эта синтетическая оболочка, скорее всего, как-то помогла скрыть сигнал от тебя, в то же время не перекрывая его полностью. Вообще-то, гениально. — Она осторожно поворачивала прибор в руках, словно какую-то драгоценность.

Ученый остается ученым даже в минуту опасности, как сейчас. Я распахнула перед ней дверцу.

— Здорово, мам, только можно сначала мы отсюда уедем, а потом ты будешь продолжать восторгаться устройством, которое чуть нас не убило?

Восхищения на ее лице поубавилось, а губы расползлись в глуповатой улыбке.

— Ты права — извини!

Когда она забралась на сиденье и нажала на педаль, ее улыбка стала еще шире.

— Почему ты так делаешь? — спросила я, когда мама дала задний ход, выезжая с парковки.

— Что делаю?

— Улыбаешься каждый раз, когда я говорю что-нибудь особенно гнусное. — Такое случалось и раньше, но этот раз определенно был самым странным.

Светофор впереди загорелся желтым, и она резко затормозила.

— Потому что это доказывает, что в тебе больше человеческого, чем ты — чем все — думают.

— Что-то я не вижу в этом смысла.

Мама лучезарно улыбнулась, пригладив мне волосы.

— О, это совершенно логично. Подумай, Мила. Правительство ведь не закладывало в твою систему способность к сарказму. Как и я. Я всего лишь внедрила воспоминания и загрузила словари молодежного сленга. Это твое, личное. Это означает, что ты растешь, развиваешься… как любой человек.

Я задумалась над ее словами и ощутила, как внутри меня загорелся огонек надежды. По большому счету, это была мелочь. Это не отменяло того факта, что во мне было полно механических деталей, имитировавших человеческие функции, чтобы я могла, не выделяясь, заниматься шпионажем. Но это было уже кое-что. Смутное обещание будущего, возможности всё изменить.

Я перевела взгляд на зеркало заднего вида: в нем отражалось, постепенно уменьшаясь, обветшалое здание мотеля. Все еще могло измениться, если нам удалось бы до этого дожить и если как-то, каким-то образом, я смогла бы снова встретиться с Хантером.

А потом мы вернулись на автостраду и продолжили наше бегство в новую жизнь.

Глава восемнадцатая

Прямо по курсу был мост, его белые арки высились над трехполосными дорогами. Оставалось пересечь голубую полосу воды, и мы покинем США. Вероятно, навсегда.

Надежда на новую жизнь, которая всего несколько часов назад поддерживала меня, исчерпалась, оставив внутри пустоту и невысказанную тоску.

Хантер.

Стоит нам выехать за границу, возможность встретиться с ним станет еще призрачней.

Я закусила губу и уставилась в окно.

Ориентируясь по электронным знакам, мы свернули на нужную полосу и затормозили в конце длинной колонны автомобилей.

Машины пропускали по одной, и мы рывками продвигались вперед.

— Осталось чуть-чуть, — заметила мама, крепче сжав руль, когда машина перед нами снова тронулась. — Будем надеяться, что нас там не ждут.

Я посмотрела через плечо на вереницу автомобилей, подпиравших нас сзади, а потом вперед, на шестерых вооруженных пограничников в форме, сидевших в будках, и шеренгу служебных машин перед небольшим зданием слева. Я поелозила пальцами по ремню безопасности, чтобы успокоить нервы. Если нас там ждут, боюсь, у нас нет шансов.

Наконец мы подъехали к синим ограждениям, за которыми располагался канадский пограничный патруль. Между нами и границей на седьмой полосе оставалось всего две машины, и впереди маячил красный знак «СТОП/ARRET».

На моих глазах в шестой линии работник в форме покачал головой в ответ на что-то, что сказал ему через открытое окошко водитель — за гулом работающих двигателей даже я не расслышала что — и жестом подозвал своего высокого напарника. Получив соответствующее распоряжение, водитель открыл багажник, и подошедший работник начал в нем рыться, в то время как первый открыл заднюю дверцу и заглянул внутрь.

Когда оба закончили, пограничники принялись что-то обсуждать, качая головами. Один из них поднял ноутбук и показал на экран. Потом они направили водителя налево, в сторону зеленого знака, гласившего «ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР».

Судя по тому, что мама еще сильнее стиснула руль, так что

костяшки побелели и стали похожи на круглые камешки, она тоже заметила суету на шестой полосе.

Стоявшая перед нами зеленая «Камри» с канадским номером подъехала к контрольному пункту. Мы были следующими.

— Все же будет в порядке? — спросила я, тесно переплетая пальцы рук на коленях и сжимая их.

— Надеюсь, — мягко сказала она. — Но нужно будет сделать все возможное, чтобы нас не задержали для проверки.

Чтобы не задержали. Я посмотрела туда, где по указанию пограничника припарковался серый «Олдсмобиль», увидела, как водителя повели в здание таможни. Чтобы не задержали, как его.

Глядя на хмурое лицо нашего патрульного, я могла лишь предположить, что у него процент задерживаемых был выше среднего.

— Только запомни, говорить с ним буду я.

Я открыла паспорт и пристально вгляделась в фотографию.

Стефани Прескотт, родилась 18 ноября, шестнадцать лет.

Паспорт был сделан качественно, но достаточно ли качественно, чтобы выдержать проверку вместе с фальшивыми правами на внедорожник с маминым поддельным именем? Хватит ли его, чтобы не привлечь внимания военных? А эта таинственная организация, которая нашла нас в мотеле, — контрольно-пропускные пункты тоже были у них под наблюдением?

Слишком много неизвестных, чтобы грудь перестал сдавливать стальной обруч. Слишком много вариантов попасться.

Но под слоем страха скрывалась одна предательская мысль. Мысль о том, что, если нас не пропустят через границу, нам придется остаться в США. И я окажусь намного ближе к Хантеру.

Зеленая машина выехала с контрольного пункта, и пограничник махнул нам, чтобы мы подъезжали. Шоу начинается.

Когда машина двинулась вперед, я опустила окно, надеясь, что свежий воздух прогонит чувство паники, вцепившееся в меня своими острыми когтями. Пальцы ног вдавились в подошвы. Повернув голову, мама натянуто улыбнулась патрульному, и я приготовилась к наихудшему варианту развития событий.

На лице пухлого мужчины с двойным подбородком не появилось ни намека на ответную улыбку, когда мама передала ему паспорта и водительские права.

Он заглянул в наши паспорта и нахмурился.

Он всегда хмурился, или это что-то значило?

— Конечный пункт назначения в Канаде? — спросил он.

— Лондон, в Онтарио.

— Цель поездки?

— К несчастью, похороны, — ответила мама, заставив свой голос дрогнуть на последнем слоге.

Больше он ничего не сказал, только стоял, изучая мамино фото в паспорте, потом посмотрел на маму. Опять перевел взгляд на фото, потом опять на нее. Нахмурился еще сильнее.

Паника переполнила меня, залила руки, подступила к горлу. Он что-то заметил. Он собирается нас задержать.

— Так, — начал он, пристально разглядывая мамино лицо.

Я ухватилась за консоль, чтобы не дрожать. Вот и всё. Сейчас он отправит нас к таможенникам. Там выяснят, что наши документы поддельные, свяжутся с правительством, и мы попали.

— …что-то на фотографии у вас этого синяка нет.

Что?

Я закусила щеку и уставилась на свои колени, сдерживая нервное хихиканье. Водительское сиденье скрипнуло, когда мама развернулась на нем, подняв руку к щеке.

— Нет. Действительно, нет. Я ношу его только по особым случаям. — Сделав это эффектное заявление, она наклонилась ближе к окну и взглянула на мужчину из-под длинных ресниц. — Если хотите знать, я проиграла битву с носом нашего пса. — Мама одарила его незнакомой мне ослепительной улыбкой, и мне вдруг захотелось уползти на заднее сиденье. Она что, флиртует с этим типом?

Если так, то это сработало, потому что кислое выражение лица пограничника потеплело от ответной улыбки.

— Большой пес?

Мама кивнула:

— Родезийский риджбек, сорок три килограмма малыш весит.

Я даже не знала, как выглядят родезийские риджбеки, но это было не важно. Мамино обаяние творило чудеса.

Мужчина вернул ей паспорта.

— Что ж, когда вернетесь, запишите этого пса на курс дрессировки. Приятного пути. — Произнеся эти волшебные слова, он махнул, чтобы мы проезжали, и всё — мы оказались в Канаде.

Видимо, пребывание на чужой земле подействовало на маму успокаивающе, потому что она заснула через двадцать минут после того, как мы пересекли границу и поменялись ролями — я различала ее тихое похрапывание за непрекращающимся гулом колес. Она подложила руку под щеку. Сон разгладил морщинки тревоги вокруг ее глаз и рта, отчего она казалась моложе и более расслабленной, чем обычно. Я всегда объясняла себе ее напряженность, ее излишнюю опеку потерей папы. Теперь,

оглядываясь назад, я поняла, что мама, скорее всего, практически ежесекундно была на нервах. В ожидании дня, когда нам придется побросать свои пожитки в машину и сделать то, что мы делали сейчас: спастись бегством.

Вот только — почему? Почему она пошла на такой риск, подвергла свою жизнь такой опасности? Несмотря на сомнения, которые вызвал во мне мужчина в мотеле, я не могла не поверить, что мама сказала мне правду. О том, как она осознала, что они создали нечто, превзошедшее их ожидания, и что я заслуживала шанс на настоящую жизнь. Люди не подвергают себя подобному риску беспричинно.

Внутри зашевелилось беспокойство. По крайней мере, я надеялась, что не подвергают.

До аэропорта в Онтарио мы добрались без приключений. Ориентируясь по знакам, я подъехала к долгосрочной стоянке, купила талон и загнала внедорожник на свободное место в центре большого скопления машин. Так сказать, спрятала у всех на виду.

— Готова, Стефани Прескотт? — Мама перепроверила документы во внутреннем кармане сумочки, после чего повернулась, чтобы напоследок окинуть меня оценивающим взглядом. Секунды шли, за первым взглядом последовал второй, а за ним и третий, пока мою кожу не защекотал холодок.

— Что?

Без предупреждения она обхватила мои щеки руками, и неожиданная нежность этого прикосновения смутила меня.

— Макс Ландерс. Если что-нибудь случится, найди его в Германии.

Я кивнула, но, несмотря на тепло ее рук, почувствовала, как по моей коже расходится холод, как будто кто-то ведет по ней кусочками льда. Я закрыла глаза и постаралась прогнать тревогу.

— Хорошо.

Быстро обняв меня, она отклонилась на спинку сиденья.

— Спасибо, Мила.

Из-за ее искренней благодарности я ощутила укол вины. Я-то согласилась, только чтобы ее успокоить.

Мы подхватили сумки, закрыли машину и, ориентируясь по знакам, вышли к лестнице, по которой спустились вниз, на первый этаж.

Снаружи здание аэропорта напоминало гигантские американские горки: изящный изгиб крыши, решетка белых металлических полос на бесконечной череде окон.

Американские горки или огромная элегантная тюрьма.

Мы пересекли улицу в компании шестерых других путешественников: супружеской пары средних лет с двумя

молодыми дочерьми и двоих бизнесменов в костюмах и с галстуками, кативших за собой кожаные портфели. Я оглядела тротуар перед нами и заметила еще троих пассажиров: двух женщин в возрасте и мужчину в ветровке, который стоял отдельно, прислонившись к стене, курил сигарету и разглядывал нашу группу.

От его изучающего взгляда мне захотелось ускорить темп, но я заставила свои ноги продолжать идти неспешным шагом. Однако на задворках сознания маячил вопрос, не мог ли этот тип быть связан с теми людьми из мотеля или с военными. И был ли у него Тэйзер или, хуже того, пистолет.

В голове раздалось электрическое шипение. Мои руки сжались в кулаки, когда перед глазами появилась светящаяся надпись. Ей вторил мой ровный механический голос.

Оружия не обнаружено.

Пока мы шли к стеклянным дверям, за которыми находился терминал № 3, я обратила внимание, что мой взгляд постоянно скользит по остальным путешественникам. Я гадала, как мы вообще сможем вовремя понять, что за нами кто-то следит.

Наш чемодан стукнулся о край раздвижной стеклянной двери, ведущей в здание аэропорта. Открытое пространство внутри поглотило нас; стоя под этим головокружительным, изогнутым потолком, я почувствовала себя у всех на виду. И эта суровая простота — белые полы, блеск металла — хотя и была эстетически приятна, снова напомнила мне о той девушке в пустой комнате.

От этого воспоминания я вздрогнула, осознав, что так и не успела поговорить о нем с мамой. Но сейчас было явно не время. Вместо этого я сосредоточилась на мыслях о Хантере. Его хрипловатый смех, запах чистой кожи и сандала. Его безоговорочная поддержка в тот день, когда меня выбросило из пикапа Кейли. Волнение, охватившее меня от его прикосновения. И снова волнение, когда его ресницы медленно опустились перед нашим почти-поцелуем.

Как только мы сядем в самолет, Хантер навсегда останется позади.

Я последовала за мамой наверх, к веревочным ограждениям, отмечавшим проход к билетной стойке компании Finnair. Перед нами в очереди стояли всего трое — две женщины и маленький мальчик, — так что мы молча стали ждать. Они все вместе подошли к освободившемуся работнику, и мы оказались в начале очереди, молясь, чтобы наши паспорта выдержали еще одну проверку.

— Следующий, пожалуйста.

Нас поприветствовала изможденного вида женщина среднего возраста с мелкими каштановыми кудряшками. Мама спросила, есть ли билеты на один из ближайших рейсов в Германию — у нас не было безопасной возможности забронировать их заранее, не рискуя привлечь внимание военных, — и пальцы женщины застучали по клавиатуре.

— Вам повезло. Остались свободные места на следующий рейс, вылет через три часа. Но при покупке сейчас билеты выйдут по 3 339 долларов каждый.

— Мы их возьмем.

— Ваши паспорта и кредитную карточку, пожалуйста.

Мама полезла в сумку и вытащила фальшивые паспорта и кредитную карту на поддельное имя. Она протянула их твердой рукой, хотя я была уверена, что она так же напряжена, как и я. Если кредитку и паспорта не примут, с нашим планом бегства можно будет распрощаться.

Дама за стойкой просто перепечатала наши имена, лишь мельком взглянув на фотографии. Я почувствовала, как мама расслабилась. Пронесло. Потом женщина провела карточкой по считывающему устройству.

Раздался резкий сигнал, который прошил меня насквозь, замораживая изнутри. Женщина нахмурилась и посмотрела на экран. Когда она подняла голову, на ее лице застыла маска вежливости.

— Прошу прощения, но ваша кредитная карта отклонена. Вы не могли бы предложить другую форму оплаты?

Мамины пальцы рефлекторно сжались на сумочке. Я чувствовала, как внутри нее растет паника. А, может быть, я просто проецировала на нее собственный страх.

Мамин смех прозвучал неестественно высоко и фальшиво.

— Должно быть, это какая-то ошибка? Вы не могли бы попробовать еще раз?

Усталый вздох женщины выдал раздражение, но ей удалось удержать свою фальшивую улыбку, когда она снова провела картой по считывателю.

Я обхватила жесткую мамину руку своей, пытаясь придать ей уверенности, которой не было у меня самой. Карточка должна была сработать. Должна была. Если б только был какой-то способ заставить устройство ее принять…

На этот раз, когда перед глазами замерцала красная надпись, я не стала сопротивляться.

Поиск сигнала…

Кассирша покачала головой:

— Знаете, если она в первый раз не сработала, скорее

всего… — Тут она прервалась, удивленно изогнув нарисованные брови. — Хотя нет, все нормально, прошла.

Моя рука лежала на мамином рукаве, поэтому я отчетливо ощутила, как она слегка вздрогнула.

— Мест у окна не осталось, но, если хотите, ближе к хвосту есть свободное место у прохода и еще одно напротив него.

— Отлично, спасибо.

Под стойкой мамина рука, влажная от пота, нашла мою. Мы были почти у цели. Зарегистрировав багаж, мы повесили на плечи свою ручную кладь и пошли в указанном женщиной направлении: ко входу в зал ожидания.

Перед нами оставалась последняя преграда на пути к свободе.

Глава девятнадцатая

Не успели мы уйти далеко, как мама остановилась у газетного киоска.

— Нас ждет долгий перелет, так что я захвачу пару книжек. А ты чего-нибудь хочешь? — спросила она, наклоняясь, чтобы поправить развязавшийся синий шнурок.

Остальные пассажиры проходили мимо, огибая нас, а я заглянула в газетный киоск-тире-книжный магазин. Несмотря на тесноту, все поверхности в нем были сплошь уставлены книгами и журналами. Высокая девушка двадцати с чем-то лет листала журнал *InStyle,* у ее ног стоял чемодан, а ее парень небрежно обнимал ее за плечи, заглядывая через плечо.

Вот чего бы я хотела. Но такого в магазине не купишь.

— Ага, возьми мне что-нибудь. У меня вдруг появилась необъяснимая тяга к шпионским детективам.

Мама нахмурилась, и я протестующе подняла руки:

— Ладно, ладно, я просто шучу. Юмор — это хорошо, помнишь?

Это заявление вызвало слабую улыбку.

— Бери на свой вкус, мне все равно. Да, и может, парочку молодежных журналов, — сказала я, поглядывая на девушку, которая передавала журнал продавщице. — Ну, ты знаешь, чтобы не выделяться.

Мама тихо фыркнула и взъерошила мне волосы.

— Ну конечно. Чтобы не выделяться.

— Я подожду здесь, — сказала я.

Как только ее голова скрылась за обложкой выбранной книжки в мягком переплете — она называлась «Прислуга», — я присела и выкопала из своей сумки одноразовый мобильник. Наши старые телефоны мама выкинула еще в Клируотере, опасаясь, что СВОРА или другая организация смогут выследить нас по ним. Но даже так я знала, что она была бы против моих звонков кому бы то ни было, и умом я понимала, что так действительно безопаснее.

Если я хотела еще хоть раз услышать Хантера, действовать нужно было сейчас. Прежде чем мы доберемся до реального места назначения.

Пальцами, которые, казалось, должны были дрожать, но двигались на удивление уверенно, я набрала его номер. Он ответил после второго гудка.

— Алло?

От его голоса по мне прокатилась волна тепла. Я протянула

руку и схватилась за стенку, чтобы не упасть.

— Это Мила.

— *Мила?* — Шокированная пауза. А затем: — У тебя все нормально? Я столько раз пытался тебе дозвониться! Даже заезжал сегодня утром…

— Я в порядке. — Я перебила его, хотя готова была целую вечность купаться в этих лучах заботы, исходивших из телефона. Один только звук его голоса успокаивал меня, все начинало казаться уже не таким безумным.

— Я рад. А то наша встреча вчера как-то странно закончилась, и я беспокоился. Даже заглядывал сегодня в «Дейри Куин» — вдруг ты там.

Вспышка удовольствия, охватившая меня от понимания того, что он явно очень старался меня разыскать, угасла так же быстро, как зажглась. «Дейри Куин». Домашние задания с Кейли и поедание мороженого. И пусть Кейли не оказалась верным другом, зато эти воспоминания были настоящими. Эти несколько коротких недель, когда все было гораздо проще.

— Чем сейчас занимаешься? — спросила я, запретив себе погружаться в уныние. Хантер был одним из двух человек во всем мире, благодаря которым я чувствовала себя нормальной. Нельзя было тратить эти последние мгновения на себяжаление.

— В общем-то, ничем. Когда я смогу снова тебя увидеть? Я сегодня по тебе скучал.

Я по тебе скучал.

Откинув голову, я прислонилась затылком к стене, безучастно глядя на спешащих мимо людей. Многие из них сейчас направлялись в гости к своим родным и близким… или возвращались домой, чтобы с ними воссоединиться.

Внутри меня разверзся провал, грозя полностью опустошить меня, не оставив ничего. В этот самый момент я ненавидела ученых — даже маму — за то, что подвергли меня этой муке. За то, что заставили меня *чувствовать.*

Не надо было ему звонить. От этого стало только хуже.

— Слушай, я тебе позвонила, просто чтобы… попрощаться. Нам — мне и маме — пришлось уехать.

— Погоди, ты уезжаешь из Клируотера? В смысле, насовсем?

— Да.

— Ого, — протянул он. Вероятно, пытаясь осмыслить новость, которая звучала как полный бред. — А куда вы переезжаете, это недалеко?

— Нет, далеко. Мы уезжаем из страны.

Несколько секунд потрясенного молчания.

— Это… внезапно. У вас всё в порядке?

Я чуть не рассмеялась. Нет, у нас все не в порядке, никоим образом. Правда, любое обсуждение нашего затруднительного положения пришлось бы начать с открытия Хантеру правды о моем происхождении.

Ах да, кстати, я не совсем человек. В тот вечер, когда ты пригласил меня на свидание — помнишь? — ты чуть не поцеловал андроида.

— Мила?

Я оттолкнулась от стены, чтобы проверить, как там мама. Она стояла в очереди в кассу, держа в руках две книжки, и перед ней был всего один человек. Времени оставалось немного.

— Я буду по тебе очень скучать. — Я сжала в руке трубку, осознав, что это совсем не подходящие слова. Я хотела сказать больше, гораздо больше… но как объяснишь кому-то, что с ним, и только с ним, ты чувствуешь себя человеком? Я решила попробовать еще раз, пока он меня не перебил. — Спасибо тебе… за всё, — сказала я дрожащим голосом. — Ты не представляешь, насколько много для меня сделал.

Я на секунду прижала пальцы к глазам, чтобы уравновесить давление слез изнутри. Стоявший перед мамой покупатель отошел от кассы, и она передала книжки продавщице.

— Мне пора.

— Подожди! Хотя бы… пообещай, что позвонишь, когда доберешься, куда бы вы там ни ехали.

Кассирша протянула маме сдачу. Время вышло. Кому повредит, если я солгу и соглашусь?

— Договорились. Давай, пока.

Я как раз успела нажать на кнопку и спрятать телефон, когда мама вышла ко мне с полиэтиленовым пакетом в руке.

— Идем? — спросила она.

Я притворилась, что ковыряюсь в сумке, чтобы она не увидела моего лица.

— Идем, — пробормотала я. Изо всех сил стараясь не заплакать.

Вот еще один человек ушел из моей жизни. Оставался последний.

— В общем, я тебе купила *InStyle, Seventeen* и *People.* О, и еще я посмотрела книги, но выбрать было очень сложно. Я не знала, что тебе больше понравится — один из этих вечно популярных фэнтези-романов или что-нибудь пореалистичнее. Так что я взяла несколько.

На протяжении всей этой светской беседы внимание мамы было сосредоточено на сотруднике службы безопасности. Он стоял впереди и ждал, когда можно будет пропустить нас в

небольшой зал, где располагались сканеры. Уловка, заключила я. Эта болтовня была уловкой, благодаря которой мы становились похожими на обычных маму с дочкой, когда ничто не могло быть дальше от истины.

— Ага, спасибо.

— Надеюсь, в Германии будет хорошая погода. Обычно в это время года у них температура ниже, чем здесь, но я слышала, что в последние дни там не по сезону тепло.

— Здорово. Буду ходить в своем платье мини. В том, которое задницу еле прикрывает.

Она резко перевела взгляд на меня, и я пожала плечами. Ответ получен: слежка за охранником не мешала ей слушать меня.

Я огляделась по сторонам, зная, почему-то просто зная, что именно в этот момент мои андроидные функции решат включиться.

Сканирование окружающего пространства: 22 потенциальные угрозы в радиусе 6 м.

Обнаружено оружие: 9 единиц в радиусе 6 м.

Логично. Один сотрудник проверял документы там, где проход разделялся лентами конвейеров на три, которые вели к сканерам. Проход слева обслуживали трое — две женщины и один мужчина, средний — двое, оба — мужчины, а возле правого стояли еще трое.

А за ними, дальше, было еще больше охранников, которые слонялись за рамками сканеров. Если что-то пойдет не так, мы… будем лучше надеяться, что такого не произойдет.

Под ярким светом ламп очередь постепенно продвигалась вперед, они пропускали по несколько пассажиров за раз. Мама заверила меня, что нам нужно только пройти проверку документов, и все будет хорошо. Как выяснилось, металлические детали внутри меня нельзя было обнаружить сканером — военные постарались. Если я проходила через стандартный сканер службы безопасности, компьютер в моей голове фальсифицировал данные, и в результате на экране отображалось нормальное, без железа, человеческое тело.

Увидев, как мама спокойно изучает обстановку, я поняла, что все это для нее не ново, в отличие от меня. Мама уже долгое время была на страже, зная, что она, и только она, отвечает за нашу безопасность. Обычную женщину такое напряжение сломило бы, но не ее. Даже когда причина, по которой она подалась в бега, вела себя как грубый, неблагодарный ребенок.

Я могла только вообразить, как одиноко ей было весь этот месяц, какой урон психическому и эмоциональному состоянию

нанесло это тяжелое испытание.

И хотя я до сих пор была недовольна тем, что мама мне врала, гнев, охватывавший меня последние несколько дней, рассеялся, оставив только ожесточенную решимость, что мы пройдем через все это, вместе. Я смотрела на ее блестящие волосы и знакомый изящный профиль, и вдруг до меня дошло. В мире не было никого, кого бы я хотела видеть на своей стороне вместо нее.

Надо было ей сказать.

— Мам, — начала я, но очередь снова пришла в движение. Между нами и охранником осталось всего две семьи. Потом одна. Прежде чем я поняла, что делаю, я коротко сжала мамину руку.

Подошла наша очередь. Мы подняли сумки на платформу.

Охранник со скучающим видом заглянул в наши паспорта. Его взгляд метнулся вверх, к нашим лицам. Я напряглась. Заставила себя улыбнуться, а в это время потянулась взять маму за руку, готовясь бежать.

Мужчина пожал плечами и сделал нам знак двигаться вперед.

Мама вывела меня к центральному проходу — на одного работника меньше, а значит, у них меньше времени на тщательный досмотр, — где мы сняли обувь и поставили ее в одну из серых пластмассовых корзин. Сумки отправились на конвейер следом.

— Пожалуйста, не забудьте вытащить все из карманов — никаких монет, ключей, даже оберток остаться не должно. Сканеры новые, всё обнаруживают, — призывал охранник на соседней линии.

Я пошарила по карманам — пустым, — глядя на сверхсовременный сканер. Технологии все время меняются, как мама могла быть уверена, что мне удастся провести эту штуку?

Пока мы топтались в проходе, дожидаясь, когда стоящий перед нами грузный мужчина довытаскивает из карманов мелочь, мое внимание поглотила рамка. Все помещение пахло антисептиком и — немного — человеческим потом.

Как только мужчина прошел через сканер, заревел сигнал тревоги. Я замерла.

— Сэр, вернитесь, пожалуйста, и проверьте, всё ли вы достали из карманов.

Раскрасневшись, мужчина прошел под рамкой обратно. Встав посреди прохода, он принялся копаться в карманах, пока не нашел скомканную обертку от жвачки.

— Упс, не знал, что она там осталась.

Я видела, как он напрягся, заходя под рамку во второй раз. Он держался так скованно, словно был уверен, что сканер опять

на него среагирует.

На этот раз сигнал не прозвучал.

А потом пришла наша очередь.

Я встала перед мамой. Так, по крайней мере, у нее останется шанс сбежать, если со мной что-то пойдет не так.

Подойдя к рамке, похожей на дверной проем, я заставила себя улыбнуться и посмотреть в глаза молодому широкоплечему охраннику, стоявшему по ту сторону.

Вот оно — испытание, которое покажет, действительно ли технология военных так совершенна.

Сделав ненужный моему организму глубокий вдох, я шагнула под рамку, готовясь услышать вой сирены — ничего не могла с собой поделать.

Я вырвалась на другую сторону и… ничего. Изумительная, блаженная тишина.

Я на секунду зажмурилась. У нас с мамой все получилось. Подойдя к конвейеру, я сняла с него свою зеленую спортивную сумку и кроссовки и обулась. Оглянувшись через плечо, я широко улыбнулась маме, проходившей под рамкой. Мы были у цели.

Меня вернул к реальности неожиданный громкий звук, резкий и бешеный. Но не сирена.

Лай.

Немецкая овчарка рванулась вперед, натянув поводок, и потащила за собой ничего не подозревавшего охранника. Она раскрыла пасть, в которой поблескивали белые клыки, и попыталась укусить меня. Меня спасла скорость реакции. Я отпрыгнула в тот самый момент, когда мощные челюсти собаки сомкнулись там, где меньше секунды назад была моя нога. К нам подошла женщина в форме. Я в ужасе уставилась на обезумевшее животное.

Почему, почему она на меня залаяла? Она что, почувствовала то, чего не засек сканер? Может, я пахла как-то неправильно? Если даже так, то охранники об этом не узнают. Им нужно будет найти разумное объяснение.

— Пожалуйста, уберите ее от меня, — попросила я, съежившись. — Я не хочу, чтобы меня опять покусали.

Молодой охранник, державший в руках поводок, дернул за него, резко окрикнув собаку. Псина проигнорировала команду. Она не сводила с меня блестящих коричневых глаз, а стоило парню слегка ослабить поводок, снова рванулась вперед, захлебываясь лаем, и я уловила неприятный запах ее дыхания.

С ее черных губ слетали брызги слюны, зубы щелкнули, когда она снова бросилась на меня. А я могла думать только об одном: *Она знает. Эта собака как-то поняла, что я ненастоящая.*

Она бешено рвалась ко мне, царапая когтями по гладкому полу, и я попятилась еще дальше. Низкий лай эхом разносился по залу. И я увидела, как все начало меняться. Вот охранница выпрямилась, ее глаза едва заметно сузились. Вот ее рука потянулась к рации на бедре. Вот мама резко втянула воздух.

Девять охранников в радиусе шести метров, двое из них и собака — прямо передо мной. В груди нарастал страх. Возможно, я смогла бы прорваться к выходу из здания под прикрытием толпы, учитывая, что их оружие вряд ли было способно меня остановить.

Я, возможно, и смогла бы, но мама — нет.

В голове завертелись ее слова. *Пообещай мне, Мила.*

Я пообещала. Но я уже тогда не собиралась сдерживать это обещание.

— Вам обеим придется пройти со мной. Вещи оставьте здесь, но возьмите с собой паспорта и посадочные талоны.

— А вы не можете ее тут просканировать? Мы так на самолет опоздаем. — Все это мама сказала ноющим голосом, уперев руки в бока. Абсолютный спектакль, потому что мама никогда не ныла. — Собаки ее не любят… чувствуют, что она их боится.

Охранник оттащил собаку, а женщина покачала головой:

— Мэм, это животное прошло специальную дрессировку, а мы обязаны следовать инструкциям.

Мама положила руку мне на плечо, искоса взглянув на меня.

— Ну что, пойдем, Стефани?

На слове «пойдем» она потерла нос. Намек был едва уловимый — я бы ни за что не обратила внимания, если б не ждала чего-то подобного, — ее палец мельком показал мимо охранников в сторону узкого прохода, ведущего к выходу на посадку. И она еле слышно произнесла одно слово:

— *Карта.*

Я улыбнулась и кивнула, при этом тихо шепнув: «О'кей». Следя за женщиной, которая повернулась, чтобы отвести нас обратно в зону регистрации тем же путем, каким мы пришли, я сосредоточилась: *GPS.*

Я дождалась момента, когда мама как бы случайно наткнулась на женщину и ловко опрокинула ее, поддев ногой за щиколотку; тем временем у меня перед глазами вспыхнула зеленая схема аэропорта.

А потом я схватила маму за руку, и мы побежали.

Когда мы рванули по коридору, карта автоматически подстроилась, показав, что мы приближаемся к узкой галерее, в конце которой располагались выходы «С» с двадцать седьмого по сорок первый. Не успели сотрудники службы безопасности

сообразить, что случилось, как мы ворвались в галерею. Проносясь мимо магазина, в котором продавали замороженный йогурт, я вырвала у ошарашенного покупателя два стаканчика, швырнув их на пол за нами, — я надеялась, что скользкий пол немного замедлит наших преследователей. Крики охраны преследовали нас, когда мы пробегали мимо кофейни Starbucks и гриля Beaches Boardwalk, лавируя между группами путешественников и выбивая из их рук стаканчики с кофе и кошельки. Каждый следующий шаг вколачивал в меня новую порцию ужаса, побуждая бежать еще быстрее. Только огромная сила воли заставила меня придерживаться маминой скорости.

Впереди стояла группа бизнесменов в костюмах. Обернувшись на шум, они похватали чемоданы и бросились от нас в стороны, сопровождаемые скрипом колесиков, а карта указала простую истину: мы приближались к концу галереи, что оставляло нам только один выход.

Выход на посадку, рядом с которым не было людей.

Топот за нами звучал все громче, криков стало больше.

— Сюда, — закричала я, сворачивая перед выходом номер 29 и указывая на номер 30.

Сквозь огромные окна я видела, что у выхода номер 30 стоял телетрап, но самолета еще не было.

Я бросилась к дверям. Позади нас была толпа охранников, впереди — неизвестность.

Мы не стали обращать внимания на удивленные крики ждущих вылета пассажиров. Стюардесса в синей форменной юбке выбежала из-за стойки и попыталась схватить меня за рукав:

— Эй, туда нельзя…

Я оттолкнула ее и дернула на себя дверь. Ее протестующие возгласы провожали нас, пока наши подошвы стучали по полу узкого коридора.

В какой-то момент коридор резко повернул налево. Через три метра он обрывался, открывая вид на летное поле, крыло самолета, стоявшего у соседнего выхода, и взлетную полосу за ним. Нас ждала свобода. Только перед этим — падение с большой высоты на твердую, очень твердую землю.

Я заглянула через край, и перед глазами замерцал красный свет.

Расстояние: 2,8 м.

Допустимая сила удара.

Я могла пережить падение, но мамино человеческое тело — вряд ли.

— Вперед, — выдохнула мама, добежав до края. — Не так уж высоко, и земля прямо под тобой, падение из пикапа Кейли было

хуже. Все будет хорошо.

Через долю секунды я поняла, что она не шутила. Она рассчитывала, что я прыгну на эту твердую, грязную, неприветливую поверхность — оставив ее позади.

Мама схватила меня за плечи. Крепко.

— Вперед! ВПЕРЕД!

Телетрап задрожал. Время вышло — охранники догнали нас. Когда первый из них вывернул из-за угла, мама развернулась, и я дернула ее на себя, обхватив руками за талию и крепко прижав к своей груди.

А потом я откинулась назад, в пустоту, и нас обеих потянуло вниз, вниз, вниз…

— Нет! Стой! — заорал первый охранник, выбрасывая вперед руку, чтобы удержать нас. Но он был слишком далеко.

Просвистев по воздуху, мы упали на поле.

Моя спина ударилась о землю с громким стуком, за ней последовала голова. Оглушающая сила удара, давление от того, что я смягчила мамино падение собой — от всего этого я на мгновение замерла, не видя перед собой ничего, кроме маминых волос и голубого неба. Мама лежала на мне, не двигаясь. Неподалеку загудел самолет.

Я цела?

Сканирование внутренних систем: Повреждений нет.

Я испытала прилив облегчения и вдруг поняла: мама не двигалась.

Сверху доносилось все больше голосов, и вместе с этим мои конечности охватывало все большее оцепенение, все сильнее сжималось горло. Я осторожно перевернула маму на спину и встала рядом на колени.

— Ты в порядке? — спросила я, выискивая взглядом возможные травмы и мысленно умоляя: *Пожалуйста, пусть она будет в порядке, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.*

Секунду спустя ее бледно-голубые глаза распахнулись, и она тут же с укором уставилась на меня:

— Ты мне *пообещала.*

Оцепенение пропало, и я вскочила.

— Отчитывать будешь потом. — Я помогла ей подняться, потянув за руку, и кое-как переборола желание крепко-крепко ее обнять — вдруг у нее что-то болело.

Пока я убедилась, что она способна держаться на ногах, у края трапа столпились охранники.

Один из них хлопнул товарища по плечу:

— Господи Иисусе, ты это видел? Под кайфом они, что ли…

Другой кричал в рацию:

— Подозреваемые на летном поле со стороны выходов «С», третий терминал. Выслать группу для задержания.

Нужно было сматываться.

Я потянула маму за собой, и мой взгляд упал на красно-синюю ленту British Airways — самолет стоял у соседнего выхода… а рядом с ним — наполовину разгруженный багажный тягач.

— Вперед! — схватив маму за предплечье, я побежала туда.

Из-за гула двигателя самолета занятые своим делом работники, видимо, не слышали поднятую нами суматоху. Но, когда один из них, поставив чемодан в грузовой отсек, повернулся, он увидел, что к ним бежим мы. Работник сделал знак коллеге, который тоже обернулся. Так они и остались стоять, озадаченно глядя на нас. Наверно, подумали, что кто-то капитально напортачил с багажом.

Где-то за нами раздались крики охранников. Они были уже внизу.

Обнаружена человеческая угроза.

Пока мы неслись к тягачу, мама несколько раз споткнулась, но я не давала ей упасть и продолжала тянуть за собой. Когда до машины оставалось три метра, работник показал пальцем на что-то у нас за спиной.

Охранники.

Брошенный через плечо взгляд подтвердил это предположение. Они были пешком, но догоняли нас.

Угроза на расстоянии: 13 м.

— Ты первая, — крикнула я маме, когда мы наконец добежали до тягача. Я втолкнула ее в открытую кабину и сама запрыгнула на место водителя.

В этот момент работник кинулся вперед. Не успела я отъехать, как он, вскочив на подножку со стороны мамы, схватил ее за руку, пытаясь вытащить из машины.

Крепко ухватив другую мамину руку своей правой, я втопила педаль газа и крутанула руль влево. Одновременно с этим мама с силой пнула мужчину в грудь правой ногой. Тот упал на землю.

Мое ликование было скоротечным. Разворачивая машину, я увидела группу бегущих охранников, но они были еще достаточно далеко.

Нет, чувство облегчения исчезло от того, что я увидела, когда я вырулила из-за хвоста самолета. Две машины службы безопасности. Они блокировали путь, по которому я планировала выехать обратно в город, и хуже того — они двигались прямо нам навстречу.

Угроза на расстоянии: 10 м.

Действовать на поражение?

— Нет! — прошипела я, стиснув зубы и пытаясь выгнать из головы этот дурацкий вопрос. На поражение, ага. Тогда кто-нибудь точно пострадает.

Я рванула руль влево, выискивая другой путь бегства. Вокруг простиралось летное поле, с телетрапами, тягачами и самолетами, прорезанное двумя длинными выступами здания — первым и третьим терминалами. За полем тянулись длинные взлетные полосы и участки, поросшие травой.

Сквозь гул самолета прорезался пронзительный вой сирен. Всё ближе и ближе, с каждой секундой.

Я свернула к первому терминалу. Тягач несся по полю, и в это время самолет Air Canada начал медленно отъезжать от выхода слева от нас. Если самолет до выезда на взлетную полосу продолжит двигаться с той же скоростью по той же траектории, мы успеем?

Мозг загудел, с невероятной скоростью производя вычисления.

Текущая скорость: 72 км/ч.

Примерная скорость транспортного средства впереди: 48 км/ч.

Безопасный выезд возможен.

Я сделала глубокий вдох. Нам ни за что не перегнать их на этом драндулете, а значит, надо усложнить тактику.

Мамина рука рванулась вперед, сжав мое колено с удивительной силой. Когда я бросила на нее взгляд, ее лицо было напряжено, а брови сведены, что придавало ей свирепый вид.

Должно быть, ей стало лучше.

— Можешь повести машину?

Ее взгляд метнулся в сторону самолета, который продолжал катиться.

— Перед носом у самолета? — спросила она.

— Таков план.

— Ясно. На счет три? Раз…

Мама сжала руль левой рукой.

— Два…

Я наклонилась к ней вправо, а она наполовину встала.

— Три!

Я отпустила руль и рывком переместилась на пассажирское сиденье, а мама в тот же момент прыгнула за руль. Тягач дернулся влево и замедлил ход, но мама быстро восстановила контроль над рулем и вдавила педаль газа.

— Не останавливайся! — прокричала я, вставая и разворачиваясь. Крепко ухватившись за сиденье, я встала на подножку.

— Мила! Что ты…

Я оттолкнулась и, преодолев полуметровый промежуток, оказалась в прицепе с багажом, прежде чем мама успела закончить предложение.

— Не останавливайся! — повторила я, глядя на преследователей.

Угроза на расстоянии: 6 м.

Они были совсем близко. Я уставилась в лобовое стекло приближавшейся машины, и мои ноги сковал страх. *Давай же, Мила! Шевелись!* Я пробралась мимо оставшихся чемоданов, столкнув несколько на дорогу. Они ударялись о землю, переворачиваясь. Дойдя до конца прицепа, я перепрыгнула на второй.

Машина слева резко свернула, избегая столкновения с выброшенным багажом. Правая машина зацепила большой чемодан колесом. Она замедлилась, преодолевая препятствие — сначала передним колесом, потом задним. Протолкнувшись в конец прицепа, я схватила самый тяжелый чемодан из тех, что там были. И приготовилась.

В это время усиливающийся рев с другой стороны сообщил о приближении самолета.

— Мила! Самолет!

Я оглянулась через плечо, и мое сердце сжалось. О боже, он был совсем близко. Мой анализ дал сбой. Мы разобьемся.

Но мы уже пошли наперерез. Слева возник гигантский нос самолета, двигатель которого ревел так, словно собирался нас сожрать. Держу пари, пилотам и не снилось, что на свете есть идиоты, готовые попытаться подрезать самолет.

Я надеялась, что мы не идиоты.

Собрав все свои силы, я развернулась к машинам службы безопасности и, размахнувшись, отпустила ручку. Чемодан полетел.

Он разбил лобовое стекло у левой машины. Машина резко вывернула влево, багажник занесло в противоположную сторону.

Когда мы выехали из-за самолета, а вторая машина оказалась прямо у него на пути, я бросила второй чемодан. И третий.

Один из них ударился в стекло со стороны водителя, другой прокатился по капоту.

Машина дернулась вправо, но была настигнута колесами переднего шасси. Воздух наполнился ужасающим скрежетом, когда самолет потащил машину вперед.

Я отвернулась и поспешила к маме, перепрыгивая зазоры между прицепами, пока снова не оказалась на пассажирском сиденье. Я надеялась, что мы сумели выиграть немного времени,

и никто при этом слишком сильно не пострадал.

Едва мы успели проехать мимо второго терминала, как я услышала рев еще двух сирен, который меня парализовал.

Обнаружена угроза.

Я увидела, как со стороны первого терминала на нас надвигаются еще три машины.

Прерывисто дыша и чувствуя в животе свинцовую тяжесть, я повернула голову направо.

Обнаружена угроза.

Оттуда приближались еще две.

Посмотрела через плечо.

Обнаружена угроза.

Еще три. К этому моменту у меня уже не было сил бороться с красными надписями, с голосом. Это не имело значения. Мы проиграли.

Мама бросила взгляд на взлетную полосу, но я покачала головой:

— Не выйдет. Машин слишком много. Да мы и обогнать их не сможем — они гораздо быстрее.

Кроме того, в ситуации произошли изменения. Сквозь стекло одной из ехавших за нами машин я заметила блеск металла. Оба охранника держали пистолеты.

— Нам придется остановиться и сдаться.

Сначала я подумала, что мама со мной согласна.

Хотя ее спина оставалась прямой, а лицо — напряженным, она немного отпустила педаль, из-за чего тягач замедлил ход. Автомобили, ехавшие нам навстречу, тоже замедлились.

И тут она втопила газ и выкрутила руль влево. В сторону взлетной полосы.

— Ты что делаешь? — закричала я, с тошнотворным ужасом наблюдая, как служебные машины сворачивают за нами.

— Сейчас ты выпрыгнешь, а я поеду дальше. Большинство из них поедут за мной, потому что в той стороне самолеты. Тебе достаточно будет справиться с одним водителем, захватить одну машину.

— И бросить тебя? Нет!

— Мила, пожалуйста.

Я покачала головой. Ни за что.

Преследователи постепенно приближались. Мама в сердцах стукнула по рулю.

— Черт возьми, Мила, ты же обещала.

Еще один укол совести, но я могла думать лишь о том, насколько хуже будет, если бросить сейчас маму.

— Я соврала. Пожалуйста, останови машину, пока они не

начали стрелять.

Ее нога сильнее вдавила педаль газа.

— Тогда ты должна пообещать мне кое-что другое. Если нас доставят обратно в военный комплекс, что бы ни случилось, не показывай свои эмоции, не теряй контроль над собой. Там твои чувства будут тебе только во вред. Ты поняла?

— Да! А теперь, пожалуйста, останови!

Мама нажала на тормоза, и тягач резко остановился. Она встала и подняла руки над головой, и я сделала то же самое.

После этого оставалось только ждать, пока подъедут машины. Пока из них высадятся охранники с пистолетами, крича нам, чтобы мы медленно вышли из машины с поднятыми руками, все время держа их на виду. Пока нам прикажут встать на колени и постепенно приблизятся, держа наши головы на прицеле.

Пока на нас наденут наручники и загрузят в разные машины, и мы окажемся в том самом положении, которого старались избежать.

Глава двадцатая

Десять минут спустя пятеро охранников вели нас по ярко освещенному коридору, в котором слегка пахло тайком выкуренными сигаретами. Командир остановился перед дверью с табличкой «Комната для задержанных» и открыл ее карточкой, которую достал из кармана.

— Туда, — грубо скомандовал он, толкнув дверь. Охранник, державший меня за локоть, без особых церемоний затащил меня внутрь, следом завели маму.

Мы оказались в плену безнадежности.

Красная вспышка. И следом:

Размеры: 3 м х 2,7 м.

Я проглотила испуганный смешок. Отлично. Теперь буду знать точные размеры безнадежности.

Посередине комнаты был хлипкий складной металлический столик, поверхность которого была исцарапана ножом, ключом или каким-то другим острым инструментом. Вокруг стояли четыре пластиковых стула, больше подошедших бы для патио, по два с двух сторон. Из дальнего левого угла потолка на нас смотрела камера, мигающий красный огонек подтверждал, что она работает. Никакого письменного стола, никаких предметов интерьера — ничего достаточно тяжелого, чтобы это можно было использовать в качестве оружия.

— Сядьте, — рявкнул командир.

Наши конвоиры отвели нас к противоположным сторонам стола и выдвинули два стула со скрежетом, от которого тот, что вел меня, поморщился. Я опустилась на стул, глядя на маму, которая сделала то же самое.

Даже отпечатки пальцев у нас сняли, не расстегивая наручники. Просто сзади подошел работник и по очереди провел наши пальцы над каким-то переносным сканером.

Я рассеянно уперлась руками в холодные металлические кольца, сковавшие мои запястья, и почувствовала, как цепь между ними натянулась.

Предел прочности: 225 кг.

Вместо того чтобы меня обнадежить, эта информация только усилила тревогу, грызущую меня изнутри. При любой попытке бегства мама окажется в опасности. Я не могла так рисковать.

Командир вышел, с нами остались двое охранников, и еще четверо — за дверью. Чем дольше мы ждали допроса, тем сильнее стучало у меня в ушах. То, что с нами даже не потрудились поговорить, было очень, очень плохим знаком.

В присутствии двух охранников за прошедшую восемьдесят одну минуту мы рискнули обменяться всего несколькими пустыми фразами, прислушиваясь к далекому гулу самолетов над головой. Мы ждали. И ждали. Наконец дверь открылась. Один взгляд на человека в темном костюме, который осторожно переступил через порог, методично осмотрев всю комнату и оценив наше местонахождение, убедил меня, что мы в беде. Этот тип действовал как профессионал, совсем не так, как сотрудники службы безопасности аэропорта. Но кто он такой?

Цель: Обнаружена.

Я сжала руки за спинкой стула в кулаки. *Прекрати это. Прекрати, прекрати, прекрати.*

Мама уронила голову на грудь, а мужчина вытащил из кармана пиджака значок. Я повернулась к ней, чтобы подбодрить, и в этот момент мужчина произнес:

— Здравствуй, Николь. Мы по тебе скучали.

Мы по тебе скучали.

Моя голова резко развернулась обратно к нему, а сжатые в кулаки руки задрожали. Мама… Мама знала этого человека. Что могло означать только одно.

Нас обнаружило правительство.

Карие глаза мужчины переметнулись с мамы на меня, и наши и без того скудные шансы на спасение сократились почти до нуля.

— Николь Лорент, вы арестованы по обвинению в шпионаже и краже военной собственности. Вам с устройством МИЛА надлежит сесть на самолет, который вернет вас на территорию США. Приказ вступает в силу незамедлительно.

Мама медленно подняла голову. Она сжала губы, но ничего не ответила. Только сидела и смотрела прямо перед собой.

Мужчина пригладил свой темно-синий галстук.

— Неужели ты правда думала, что это сойдет тебе с рук? Ты же ученый, Николь, а не тайный агент. Похоже, ты слишком долго просидела в лаборатории. — Он снова перевел взгляд на меня и покачал головой. — Если у тебя возникли проблемы с этим проектом, нужно было попросить, чтобы тебя перевели.

Мамин смех прозвучал глухо.

— Ну конечно, Фрэнк. Так бы генерал Холланд и согласился. Кроме того, это ничего бы не изменило. То, что мы делаем — то, что *вы* делаете, — неправильно. Посмотри на нее. Посмотри. И скажи, что ты видишь? Робота или напуганную девочку?

Под пристальным взглядом Фрэнка мне стало так неуютно, что я съежилась. Я бы сложила руки на груди, но наручники не позволяли.

— Не важно, что я вижу. Ты же знаешь. Это в любом случае не мне решать. И не тебе.

Он покачал головой и направился к двери. За миг до того, как открыть ее, он обернулся к маме:

— Мне жаль, что тебе пришлось через это пройти, Николь.

Когда дверь закрылась и щелкнул замок, мама посмотрела на меня.

— Помни, что я сказала, — прошептала она. — Когда будем в военном комплексе — никаких эмоций.

Я отвернулась, уставившись в белую стену слева от меня. Иначе навернувшиеся мне на глаза слезы открыли бы ей страшную правду: мы еще не были в комплексе, а я уже не справлялась. Уже потерпела поражение.

Глава двадцать первая

С момента ухода агента ЦРУ прошел час. Мама хотела поговорить, но я покачала головой, кивнув в сторону камеры. Несмотря на то что, с учетом статистики, с каждой следующей минутой наши шансы на спасение резко сокращались, даже ради такой слабой надежды стоило хранить молчание.

Нас не выводили в туалет, не давали воды и еды. В горле запершило от искусственной жажды. Я была в порядке, но мама, по моим расчетам, уже наверняка чувствовала дискомфорт. Что, несомненно, входило в планы наших тюремщиков.

Мои мысли перенеслись к Хантеру, к тому, как радостно звучал его голос по телефону. Он чувствовал ко мне то же, что и я к нему, но, в конечном счете, это не имело значения.

«Пообещай, что позвонишь, когда доберешься, куда бы вы там ни ехали».

У меня сжалось сердце. Позвонить ему… если б только это было возможно. Я практически не сомневалась: там, куда мы направлялись, мне понадобятся все доступные средства, способные напомнить о моей человеческой стороне.

Звук приближающихся шагов в коридоре привлек мой взгляд к двери. Это были точные, размеренные шаги.

— Они пришли, — сказала я.

Стук подошв становился все ближе. Полтора метра. Полметра.

Дверь распахнулась, и внутрь ворвались шестеро вооруженных мужчин в камуфляже.

Фрэнка среди них не было. Вместо него был долговязый мужчина с узким лицом, изрытым шрамами от прыщей. Голос у него был низкий и отрывистый. Он явно привык отдавать приказы, которые неукоснительно выполнялись.

— Я не потерплю сопротивления, — заявил он, сверля меня немигающими серыми глазами. — Дейвис, Роджерс!

Офицер кивнул двоим невозмутимым парням, стоявшим ближе к нам. Они ринулись вперед как одно целое, один схватил за локоть меня, другой — маму; их руки были холодными и сухими. Командир мотнул головой в сторону двери.

И, несмотря на то, насколько меня вымотало ожидание, насколько я успела возненавидеть пустую комнатенку, мне вдруг захотелось остаться. По крайней мере, в этой комнате все уже было знакомым. А вот там, куда нас собирались отвезти… в военном комплексе… видя мамино отвращение, мне оставалось представлять только самое худшее. Место, где творились ужасные

вещи.

Место, где пытали таких, как я, «девочек».

Я содрогнулась, и в тот же момент солдат резко поднял меня на ноги. И нас повели.

Наручники, люди с пистолетами, узкий коридор — все это давило на меня, возвращая знакомое по школе в Клируотере чувство загнанности, но усиленное в сотню раз. Только благодаря маминому присутствию я продолжала переставлять ноги. Если мы будем вместе, я смогу с этим справиться. Если нас не разлучат. Я снова и снова оборачивалась, вытягивая шею, чтобы в очередной раз убедиться, что мама никуда не делась.

Свернув в сторону, противоположную той, откуда мы пришли, мы быстро продвигались по лабиринту пустынных узких коридоров, от стен эхом отдавался стук наших шагов.

GPS.

На зеленой карте в моей голове после каждого поворота отображалось новое направление движения — Восток, Юг, Восток, Север, — но, учитывая обстоятельства, эта информация была сравнительно бесполезна.

Наконец мы добрались до тяжелой белой металлической двери и вырвались через нее на свежий воздух, который вибрировал от рева самолета в начале взлета. В нашу сторону отнесло облако отработанного газа.

По обе стороны от двери стояли по стойке смирно еще четверо солдат в шеренгах по двое. Сразу за ними нас дожидались три белых фургона, их работающие вхолостую двигатели шумели.

Промелькнула мысль: интересно, какую историю состряпали военные, чтобы объяснить наше поведение и присутствие фургонов? Наверно, я никогда не узнаю.

Как только нас втолкнули в фургон, мощный восьмицилиндровый двигатель взревел, и машина выехала на узкий пустой участок дороги, оставив позади главный терминал. Через пять минут мы подъехали к охраняемым воротам, которые открылись, пропуская нас к отдельной взлетной полосе, слева от которой тянулись несколько длинных приземистых зданий. Частный терминал, в окружении пустырей, покрытых асфальтом и травой.

Даже если бы у меня была возможность сбежать, не поставив под угрозу маму, бежать было некуда. Я бросила в окно последний долгий взгляд на Канаду. Мне не давало покоя воспоминание о своей смутной надежде на то, что нас не пропустят через границу, и хотя я понимала, что это нелогично, я не могла избавиться от ощущения, что сама же и навлекла на нас

беду.

Что каким-то образом мой приступ малодушия, нежелание покидать США и Хантера, обернулся против меня, и в итоге мы оказались в этом кошмарном положении.

Глава двадцать вторая

Меньше чем через три часа мы с мамой в конце концов заняли соседние кресла на самолете. Но летел он не в Германию. Солдаты не сказали ни слова о том, куда мы направлялись, но я была практически уверена, что у мамы, которая смотрела на облака, прижав дрожащую руку к стеклу, имелись серьезные подозрения по поводу нашей конечной цели.

Мама отодвинулась от окна и наклонилась к моему уху:

— Мила, не сдавайся, — прошептала она. — Я что-нибудь придумаю…

Сидевший сзади конвоир пнул спинки наших сидений.

— Не разговаривать!

Я сосредоточила взгляд на кабине пилота. Я не могла посмотреть ей в глаза. Только не сейчас. Не сейчас, когда чувство вины скрутило меня в узел. Потому что даже наводившее ужас воспоминание о девушке и дрели не могло подавить другое чувство, которое предательской змеей заползло мне в душу: любопытство по поводу места моего, скажем так, рождения. Где-то под голубым небом с клочками белых облаков было место, где меня создали. Место, которое до сих пор оставалось бы в моей памяти, если бы мама не стерла этот фрагмент целиком.

Права я была или нет, но часть меня отчаянно хотела вернуть потерянную информацию о моем прошлом. Настоящую информацию, а не внедренную в сознание ложь.

Может, оказавшись там, я найду что-то, что поможет мне связать две части себя в единое целое. Потому что было похоже, что собственными усилиями я с этой задачей совершенно не справляюсь.

Самолет пошел на снижение. Сидевший напротив нас солдат выпрямился и положил руки на колени, другие тоже заерзали на сиденьях, устраиваясь. Значит, скоро посадка.

Я тоже села прямее. Где мы?

GPS.

На этот раз, когда зеленая схема материализовалась перед глазами, я была этому почти рада. Передо мной развернулась карта США, на которой наш самолет был показан крошечной мигающей точкой ближе к востоку.

Едва у меня в голове промелькнуло почти неосознанное желание приблизить этот участок, как карта увеличилась. Остальные штаты вышли за пределы поля зрения, и я смогла определить наше точное местоположение. Западная Вирджиния. Мы летели над Мартинсбургом, штат Западная Вирджиния.

Наша точка двигалась в сторону Вашингтона.

Я разинула рот от удивления, но, заметив, как один из солдат ткнул товарища в бок и показал на меня пальцем, снова захлопнула его. Мы что, будем садиться в Даллесе?[9]

Зона Вашингтонской агломерации увеличилась, показывая мне частный аэропорт ЦРУ в Лэнгли и еще один под названием «Аэродром армейской авиации Дейвисон».

Текущая траектория: Манассас. Аэродром Уитмен.

Крошечный частный аэропорт.

До меня моментально дошел смысл этого выбора.

Частный.

Ну конечно. В конце концов, это ведь была секретная операция. Частный аэродром давал возможность отрицать причастность к ней государства в случае серьезного провала.

Эта мысль мгновенно высосала из меня остатки любопытства, вызвав неконтролируемую дрожь. Мама прижалась ко мне плечом, чтобы успокоить.

— *Все будет хорошо,* — еле слышно шепнула она.

Я очень, очень хотела ей верить.

Солдаты вокруг нас начали пристегивать ремни, готовясь к посадке.

Глухо стукнувшись о землю, самолет еще дважды подпрыгнул на узкой взлетной полосе, после чего, наконец, покатился ровно. Вокруг не было ничего, кроме травы и кучки деревьев. Вдали я увидела город: большое открытое пространство, а за ним — здания.

Сам аэропорт выглядел заброшенным.

Самолет все еще катился, когда солдаты, сидевшие напротив, повскакивали со своих мест. Они выстроились в проходе в ряд от нас до кабины. Солдат, который велел нам молчать — коренастый брутального вида тип — и Дейвис из комнаты для задержанных остановились прямо перед нами, их толстые ноги в штанах цвета хаки преградили нам путь. После перелета с таким количеством мужчин на борту в самолете начало вонять весьма неприятной смесью пота, грязных носков и пряного дезодоранта. Не важно, были ли у меня легкие, но глоток свежего воздуха точно не помешал бы.

Командир, узколицый мужчина, который отдавал приказы в Торонто, стоял впереди. Он обернулся на нас, когда самолет, задрожав, остановился — ноги на ширине плеч, тело напряжено. Он явно чувствовал себя некомфортно.

— Дверь откроется через несколько секунд. Следуйте указаниям, и мы отлично поладим.

Меньше чем через минуту дверь была открыта. Двое солдат

схватили меня за предплечья и вывели по ступенькам наружу, еще трое шли сзади, отстав на несколько метров.

Нас в быстром темпе повели по взлетной полосе в сторону крошечной парковки, вокруг которой росла трава. Воздух был тяжелым от влажности, и вскоре шея командира заблестела от пота, а ладони ведущих меня солдат взмокли — из-за этого я чувствовала себя грязной и отчаянно хотела в душ. Вокруг было много пышных зеленых деревьев, но ни одного постороннего человека в пределах видимости. Интересно, кого они ради этого подкупили.

Командир остановился за три метра до ближайшего автомобиля, и вся процессия резко затормозила. Он ловко, развернулся кругом и, расставив руки в стороны, указал на первый и последний внедорожники.

— По машинам их.

Мои мышцы напряглись. Он же не имел в виду…

Я услышала, как стоявшую позади меня маму потащили в одном направлении, в то время как меня потянули в противоположную сторону. Нет, нет, нет. Они не могли нас разлучить.

Мои конвоиры пытались меня вести, но я оглянулась, вытягивая шею, лихорадочно выискивая взглядом высокую стройную фигуру мамы. От того, что я увидела, все мое тело оцепенело. Двое солдат уже подводили ее к первому внедорожнику.

— Мама! — Если нас разлучат сейчас, увижу ли я ее когда-нибудь снова? Что, если ее увезут совсем в другое место?

Что, если ее убьют?

Резкий рывок вверх и назад, и мои руки оказались на свободе. Левый локоть дернулся назад, нанося одному из солдат безжалостный удар в горло. Я развернулась за счет инерции, и, когда второй солдат бросился на меня, моя левая нога с силой врезалась ему в живот.

Он не успел даже упасть, а я уже бежала. Готовая расправиться со следующим, кто станет у меня на пути. И еще с одним. И еще.

— Мила, остановись! Так будет только хуже!

Даже мамин отчаянный крик не поколебал мою решимость, ведь сейчас во всем моем теле, в каждой его клетке пульсировала энергия. Мне было все равно, скольких людей придется вырубить. Я готова была усеять телами весь аэродром, если потребуется, — лишь бы добраться до нее.

— Отступить с Лорент! Отступить! — выкрикивал командир где-то позади меня. В этот момент мой кулак вырвался вперед и

впечатался в нос ближайшего солдата. Раздался хруст хряща.

Из разбитого носа хлынула кровь, и мужчина отлетел назад, в то время как меня с двух сторон атаковали двое других. Несколько движений — и они с грохотом повалились на землю. Мой взгляд скользнул по оставшимся мужчинам и зафиксировался на маме. Ее с недавних пор темные волосы мотались из стороны в сторону:

— Мила, нет!

Я помедлила. Потом шагнула вперед.

— Даже не думай, — пригрозил солдат, удерживавший маму, но голос его дрогнул, когда он бросил взгляд на поверженных товарищей. На земле вокруг меня валялись одетые в камуфляж тела: некоторые стонали, некоторые были в отключке. Выглядело это так, словно тут взорвалась бомба. И теперь между мной и мамой оставался всего один человек. Выведу его из строя, и она свободна. Мы угоним один из внедорожников и…

Только я приготовилась броситься на солдата, как услышала щелчок, от которого мое сердце остановилось.

За моей спиной стоял командир. Пистолет в его руке был нацелен маме в голову.

— Еще один шаг — и она мертва.

Стальной голос, уверенная стойка. Я ни секунды не сомневалась, что он не блефует.

После этого я больше не сопротивлялась. Даже когда мама оглянулась через плечо и крикнула: «Никому не доверяй». И когда ее погрузили в первый внедорожник. Даже когда мне на голову надели мешок, и я перестала видеть. Казалось, вся моя жизнь закончилась в тот миг, когда мама уехала без меня.

Даже когда меня втолкнули в дальний внедорожник, а рябой командир сказал, рассмеявшись:

— Забудь про свой навигатор — здесь он работать не будет.

Нет, мысль о том, что моя опрометчивая атака могла стоить маме жизни, полностью лишила меня желания сопротивляться.

Не говоря уже о другой мысли, которая железными когтями раздирала мое фантомное сердце, — я так и не сказала маме, что простила ее.

По периодическому кашлю и скрипу сидений я поняла, что со мной в машине едут трое солдат: двое спереди и один за мной. Стояла тишина. Никакой музыки, никаких разговоров. Ничего, кроме монотонного гула колес. В этом молчании мне чудилось что-то невероятно зловещее.

Почему они со мной не разговаривали? А мама — ее везли туда же, куда и меня?

Сначала мы ехали по какому-то шоссе, потом машина стала

двигаться с остановками, свернула, какое-то время поднималась в гору, после чего пошла на спуск. Теперь шорох колес отражался откуда-то эхом, из-за чего я решила, что мы въехали в какой-то ангар.

— Можно уже снять с девчонки мешок. Она и так понятия не имеет, где мы.

Чья-то грубая рука сзади сдернула с меня мешок. Как раз вовремя, чтобы я успела увидеть знак с надписью «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ. ИДЕТ СТРОИТЕЛЬСТВО ПОДЗЕМНОГО ТОРГОВОГО КОМПЛЕКСА „МАЙОРКА“. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Водитель опустил окно и протянул пропуск. Просканировав его, охранник сделал знак проезжать. Сквозь его незаправленную рубашку проступали очертания пистолета. Все происходящее записывалось на две видеокамеры, висевшие сверху.

Когда мы проехали контрольный пункт, солдат, сидевший на месте пассажира, спросил:

— Почему ты называешь ее девчонкой? Ты же в курсе, что она не настоящая, а, Дженнингс? Я знаю, что у тебя в последнее время проблемы с личной жизнью, но к этой штучке приставать строго запрещено.

Парень позади меня гоготнул, а потом наклонился вперед, придвинувшись так близко, что я почувствовала на своем ухе его дыхание. У него изо рта пахло, как из нашего кофейника, когда мама забывала его помыть вечером.

— Как по мне, так она выглядит почти как настоящая, — сказал он и, протянув руку, провел пальцами по моей щеке. — Черт, да она и на ощупь как настоящая. Мягкая такая, и вообще.

Он сжал мою кожу своими толстыми пальцами. Я замерла, сосредоточенно глядя на коричневый подголовник, чтобы перебороть отвращение. И не шевелилась, только сцепила вместе лежавшие на коленях руки. От греха подальше.

Нельзя было дать им ни малейшего повода сказать, что я создавала проблемы по дороге, ведь мама была у них в руках.

Если бы не это, я бы развернулась и показала ему, на что способна.

— Дженнингс! Сядь и не распускай руки. Это устройство стоит столько, сколько ты за всю жизнь не заработаешь.

Никогда бы не подумала, что меня может так обрадовать резкий голос командира. Или то, что меня называют «устройством».

Машина продолжала спускаться, потом свернула налево и, освещая дорогу фарами ближнего света, двинулась в сторону бетонной ниши. Еще один поворот налево, и мы въехали на небольшую стоянку, где были припаркованы шесть автомобилей.

Водитель заглушил двигатель, выпрыгнул из машины и сразу распахнул дверь передо мной. Я соскочила на землю, озираясь вокруг. Внедорожника, в котором везли маму, нигде не было видно.

Сопровождающие зажали меня, словно в тиски, и повели в сторону гладкой металлической двери. Когда мы дошли на нее, я напоследок заглянула в гараж, хотя заранее знала, что увижу. Пусто. Ее там не было.

Солдат ввел код, и мгновение спустя дверь отъехала в сторону. За ней оказалась еще одна дверь с кодовым замком. Кто-то тут явно серьезно относился к безопасности.

— Холланд не отдаст приказ привести ее, пока не увидит тебя. Так что не тяни время, — сказал мой конвоир.

Меня провели по узкому коридору с бетонным полом мимо открытой двери, за которой я увидела небольшой офис, всего восемь рабочих мест с перегородками. Четверо мужчин и две женщины работали за компьютерами.

Мы свернули за угол, где коридор закончился большой дверью.

Еще одна гладкая металлическая дверь, от одного вида которой мои ноги уперлись в пол, отказываясь идти дальше. Я помнила эту дверь. Помнила.

Мужчина дернула меня за руку, затаскивая следом за собой внутрь, в абсолютно белую комнату, пол которой отражал неестественно яркий свет сорока двух ламп, расположенных на потолке крест-накрест. Из-за этого освещения комната выглядела стерильной и холодной. На дальней стене светились встроенные экраны компьютеров, а высоко над ними тянулось огромное окно, в котором виднелись фигуры шестерых человек.

Зрители, поняла я.

От их тяжелых взглядов меня пробрала дрожь. Я тут уже бывала. В этой самой комнате.

Я снова осмотрела помещение, на этот раз сосредоточившись на левой стене, где стоял массивный стальной рабочий стол, к которому был придвинут стул с низкой спинкой. На столе было двенадцать ящиков с инструментами, составленных в два одинаковых ряда по шесть. От ящиков веяло чем-то зловещим, но увидев то, что было за столом, я оцепенела. На полу лежала груда толстых металлических цепей, блестевших в искусственном свете.

Цепи…

На меня нахлынули воспоминания. Я в этой комнате, прикована цепями. Мои волосы мотаются из стороны в сторону, а мужчина в белом халате бьет меня пистолетом по лицу.

Визжит дрель, занесенная над моей головой.

Мой крик прорезает воздух. Он словно царапает стены когтями, пытаясь выбраться.

Моя голова… отлетает назад, послушная оглушительному грохоту выстрела.

Я пошатнулась, судорожно глотая воздух, действие, которое никак не могло заглушить мой страх, хотя бы потому что мое тело в принципе не нуждалось в кислороде. В сознании пронеслась одна-единственная мысль.

Бежать. Бежать отсюда, сейчас же.

Я развернулась к двери, движимая отчаянным желанием спастись, готовая смести любого, кто встанет у меня на пути, невзирая на последствия. В этом месте когда-то происходили ужасные вещи, и я не собиралась торчать тут и ждать, когда они повторятся.

Вот только… дверь только что закрылась. Ее закрыл за собой рослый мужчина с глазами цвета стали, волосы которого чуть посеребрила седина. Мужчина, чье лицо можно было бы назвать приятным, если бы не резко очерченный рот и собственнический блеск в изучавших меня серых глазах.

— Добро пожаловать домой, Мила.

Я не могла сдвинуться с места, даже думать о побеге, потому что сразу узнала этот южный акцент — я слышала его в записи.

Я наконец-то оказалась лицом к лицу со вторым своим создателем.

Это был генерал Холланд.

Глава двадцать третья

Я ждала, неподвижная как статуя, впитывая каждую деталь его внешности и пытаясь найти в своей памяти соответствующий образ. Ничего. Длинноногий мужчина шел плавно, неторопливо, его ботинки касались пола почти беззвучно. Это была походка человека уверенного, лидера, которого не беспокоит то, что он заставляет других ждать.

Его губы изогнулись в улыбке, которая не затронула глаз. Он рассматривал меня так, как Кейли рассматривала свои любимые ботинки — так человек смотрит на вещь, которая ему принадлежит. А потом он вообще пошел обходить вокруг меня, словно я была лошадью, выставленной на продажу, а он — потенциальным покупателем.

Держи себя в руках. Не двигайся.

Я почувствовала на шее его теплое, влажное дыхание, а потом — о боже — он стал трогать меня своими толстыми, твердыми пальцами. Они потыкали кожу головы, пробежались по шее сзади, приподняли рубашку, а добравшись до моего правого запястья, прощупали узкую щель слота для карты памяти. Я не верила, что выдержу это, но все же выдержала, хотя казалось, что каждое его прикосновение убивает что-то во мне. Его действия не были извращенными, скорее наоборот, бесстрастными, но от этого было едва ли не хуже. Я для него явно была не более чем неодушевленным предметом. Машиной на выставке. Все равно что мертвой.

С каждым его медленным шагом стены подвального помещения казались все более и более непроницаемыми, и, несмотря на отсутствие похоти в его прикосновениях, мне уже хотелось оттереть воображаемый слой грязи со своей кожи.

— Какую ты мне головную боль устроила, ты бы знала, — сказал он своим зычным голосом, наконец окончив осмотр. Высокий, широкоплечий и подтянутый, на расстоянии он излучал сияние молодости, которое тускнело, когда он подходил ближе. Его густые волосы были практически полностью седыми у висков, а дряблая кожа под подбородком проигрывала в битве с земным притяжением. На его черной рубашке не было ни ворсинки, а увидев идеальные стрелки на желтовато-коричневых брюках, я сразу осознала, насколько помято выглядел мой собственный наряд, который я не снимала уже сутки.

Генерал принес с собой неожиданный резкий запах. Запах медицинского спирта и перечной мяты, одновременно терпкий и сладкий, — это сочетание вызвало у меня странное ощущение

дежавю.

Этот запах разбудил во мне неясное беспокойство, из-за которого мне отчаянно захотелось отступить, но интуиция подсказала мне, что это был бы неверный ход. Что этому человеку никогда нельзя показывать свой страх.

— Генерал Холланд, — с наигранной непринужденностью поздоровалась я.

Кустистые брови удивленно поднялись, а фальшивая улыбка стала еще шире:

— Ну и ну. Пожалуй, мне стоило бы счесть это за оскорбление. Если ты называешь Николь мамой, тогда разве это не значит, что я — папа?

Желание помыться усилилось. Папа. В его исполнении это слово прозвучало совершенно неуместно.

Когда он замолкал, его челюсти продолжали двигаться, а в какой-то момент во рту промелькнуло что-то зеленое. Жвачка. Тогда понятно, откуда взялся запах мяты.

— Черт возьми, да я искал тебя старательней, чем большинство родителей ищет сбежавших детей.

В моей голове запустился клип о жизни в Филадельфии с участием мужчины, которого я считала своим отцом. Идеальное рождественское воспоминание. Вот мы с ним открываем подарки, жарим маршмеллоу, лепим снеговика во дворе и получаем нагоняй за то, что надели на него мамин любимый шелковый шарфик. Папа громко хохочет, когда его закидывают снежками. Мы выкладываем на тарелку печенье для Санты.

Ложь, все ложь, теперь я это знала. Нравилось мне это или нет, но Холланд был прав. У него было больше претензий на звание папы, чем у несуществующего человека, заложенного мне в память.

Холланд продолжил осмотр, а мне ужасно захотелось ударить его в лицо. Стереть с него это выражение.

Но я хорошо помнила мамино предупреждение.

Так что вместо этого я заговорила:

— Это не значит, что вы — мой папа, это значит, что вы — мой сторож, — ответила я, стараясь сохранять ровный тон. — Вы несете за меня ответственность, только и всего — не стоит притворяться, что это не так.

Холланд нахмурился:

— Мила, ты результат долгих лет исследований, проект, в который вложили сотни миллионов долларов. Зря ты думаешь, что ты просто обуза. Ты важный элемент системы обороны вооруженных сил США. Честно говоря, настоящий шедевр.

Его рука вдруг со змеиной быстротой рванулась вперед,

дотрагиваясь до моей. Длинные толстые пальцы едва успели коснуться моей кожи, но на этот раз я была не готова. Я отпрянула от отвращения, и генерал помрачнел еще сильнее.

— Ну-ну, а вот этого не надо. — Он достал из правого кармана брюк маленькую влажную салфетку, которой протер каждый палец на обеих руках, после чего убрал ее обратно. До меня донесся резкий запах.

Это объясняло запах спирта, который я почувствовала вначале.

— Вот так. А теперь давай-ка осмотрим тебя как следует.

Он скрестил руки на груди и, подняв палец, постучал им по гладко выбритому подбородку.

— Ты не подумай, что я не сочувствую твоей… ситуации. Просто Николь пошла на неоправданный риск. Можешь себе представить, какой ущерб вы бы нанесли стране, если бы тебя обнаружили наши враги? — Его глаза сузились. — У нас есть долг перед государством, Мила, Николь должна это понимать. И, видит бог, что бы она тебе там ни наговорила — ты не человек. И никогда им не будешь.

В его голосе не было ни резкости, ни жестокости, он даже не сердился. Просто говорил сухо, как будто объясняя устройство ламп на потолке. Отчего становилось только хуже.

Не человек. Не человек. Не человек. Его слова как будто пытались зарыться под мою мастерски изготовленную кожу, пробраться в самую глубь и погасить последние искры надежды. Темнота затопила меня, и я ухватилась за единственный образ, который мог помочь.

Бледно-голубые глаза Хантера, его несимметричная улыбка — его лицо вспыхнуло в моем сознании, четкое, как на фотографии, и такое невероятно реальное, что, казалось, еще чуть-чуть, и он появится в комнате рядом с нами. В груди потеплело, появилось то ощущение парения, легкого головокружения, которое возникало, когда Хантер прикасался ко мне или наклонялся поближе, и я позволила этому ощущению пропитать меня, окружить, заново разжечь надежду, которую Холланд пытался уничтожить.

Нет. Так просто я не сдамся.

Я подняла подбородок и посмотрела на него с вызовом:

— Вы ничего обо мне не знаете. Уже ничего.

Холланд на миг поджал толстые губы, а потом расслабился, хрипло усмехнувшись. Сложив руки за спиной, он подошел еще ближе.

— Все еще кусаешься, понятно. Но неужели ты правда думала, что Николь сделала из тебя человека, просто подделав

твой банк памяти и записав тебя в школу? — Он покачал головой и продолжил. — Она оказала тебе медвежью услугу. По правде говоря, это было жестоко с ее стороны — дать тебе ложную надежду, заставить поверить в заведомо ложные вещи.

Он наклонился, опершись руками о колени, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Не стоит цепляться за эти иллюзии, от них тебе не будет никакой пользы. В отлитие от Николь, я не стану тебе врать. Даю слово.

Увидев непокорное выражение моего лица, он вздохнул и выпрямился, качая головой.

— В любом случае, это не имеет значения. Теперь, когда ты снова у нас, мы найдем тебе — или твоим комплектующим — наилучшее возможное применение.

Моим *комплектующим?* Перед глазами всплыла картина: я кричу, пока Холланд пропиливает во мне огромный надрез сверху вниз, а потом начинает выдергивать изнутри куски и бросать их в протянутые руки собравшихся солдат. Я подавила дрожь, глядя в холодные серые глаза, в которых не было ни капли юмора. Как так вышло, что мама стала работать с этим человеком? Она солгала мне, это правда, из соображений гуманности и доброты. В то время как Эндрю Холланд… образно говоря, из нас двоих это у него не было сердца, а не у меня.

Мама. Если б только я могла поговорить с ней, хоть одну минуту. Просто убедиться, что она в порядке.

— Можно мне увидеть маму? Пожалуйста, — сказала я сквозь зубы, а мое желание ударить его все усиливалось. Пытаясь сдержаться, я начала сжимать руки в кулаки, все сильнее и сильнее.

Максимальное давление: 2,07 МПа.

Красная надпись возникла неожиданно, и я сразу разжала руки, встряхнув их, как будто это могло помочь выкинуть из головы эти слова, этот голос. Такое давление могло оказаться смертоносным.

Холланд покачал головой, по его лицу блуждала слабая улыбка.

— Боюсь, в настоящее время это невозможно.

— Почему? Что вы с ней сделали? — На меня накинулись ужасные мысли: представилось, как мама лежит в темной камере где-то в подвалах этого комплекса, без сознания после пыток, и ее кровь стекает на пол.

— Ничего. Уверяю тебя, Николь чувствует себя прекрасно. Ты правда думаешь, что я готов причинить ей вред? Особенно когда я знаю, что она — лучший способ обеспечить твое содействие?

Его слова прозвучали достаточно безобидно, но их скрытый смысл от меня не ускользнул. Если я буду делать то, что скажет Холланд, мама будет в безопасности. Но если нет…

— Тогда когда? Когда это будет возможно? — Мое полное бессилие, отсутствие мамы — все это обрушилось на меня одновременно. Лишь от прихоти этого холодного, жестокого человека зависело, увижу ли я когда-нибудь маму. Когда я это осознала, мои глаза наполнились слезами беспомощности, несмотря на все упорные попытки сдержать их.

Холланд тяжело вздохнул и покачал головой.

— Черт, — тихо сказал он. Генерал снова извлек салфетку, от которой резко пахнуло спиртом, и тщательно протер руки. — Я так надеялся, что за время отсутствия твои эмоциональные реакции нейтрализуются, но уже вижу, что этого не случилось. Однако именно поэтому мы решили завести альтернативную — и улучшенную — версию.

Альтернативная версия. Даже моему супермозгу понадобилось на долю секунды больше времени, чтобы обработать эту информацию.

— Что вы имеете в виду? — Я точно знала, что он имел в виду, но очень, очень боялась в это верить.

— Зачем отбрасывать результаты целой серии исследований из-за пары сбоев? Мы создали новую модель МИЛА. — Холланд положил салфетку обратно в карман и улыбнулся. Это была его первая искренняя улыбка за время нашего разговора.

Улыбка, которая, казалось, вытянула из меня последние силы.

— Вы хотите сказать, что существует еще одна версия… меня? — Мой голос понизился до шепота.

Холланд улыбнулся еще шире, из-за чего его мясистые щеки округлились, а четыре морщины, тянувшиеся от уголков глаз к вискам, стали глубже.

— Именно. Хочешь с ней познакомиться? Это модель без твоего переизбытка эмоционального мусора.

Он поднял голову к прямоугольному окну и кивнул кому-то. После чего развернулся лицом к двери, через которую вошла я.

Я уставилась туда же, все еще пытаясь осмыслить его слова. Через несколько мгновений в эту дверь войдет нечто — еще одна МИЛА.

Еще одна девушка, созданная на основе тех же самых технологий, что и я.

Вернее, не совсем тех же самых. У этой модели МИЛА не будет «переизбытка эмоционального мусора», как тактично выразился Холланд.

Мое поддельное сердце исступленно заколотилось, словно стремясь вырваться наружу. Я прижала руку к груди, ища утешение в этом стуке, таком человеческом, и стараясь подавить ощущение, что все это только пародия на настоящие чувства. За дверью послышался приглушенный звук шагов, за которым последовал сигнал, подтверждавший правильность введенного кода. Защелкал механизм замка.

Наконец дверь отъехала в сторону, и вошла девушка.

Одета она была, в общем-то, нормально: темно-серые спортивные штаны и белая футболка с длинным рукавом. Ну ладно, возможно, ее походка была немного слишком плавной. Ее движения были так грациозны, что ноги в кроссовках касались бетонного пола практически беззвучно.

Но не это вызвало у меня прилив ужаса. А ее рот, нижняя губа чуть шире верхней. Ее крепкое телосложение — скорее рабочей лошадки, чем чистокровной кобылицы. Разрез ее больших круглых глаз, таких же зеленых, как у меня. Холланд сказал «альтернативная версия», но, очевидно, на самом деле, речь шла об идентичном близнеце.

Я застыла на месте, не в состоянии ни убежать, ни отвернуться, хотя какая-то часть меня умоляла поступить именно так. Пока девушка неторопливо приближалась к нам, я не могла даже нервно сглотнуть. Я искала какой-нибудь отличительный признак, черту, хоть что-то, что было у нас разным. Не могла же она быть моей точной копией. Не могла.

Только в том-то и дело — она ей была. Во всем, что попадалось мне на глаза, не считая волос. После нашей тщетной попытки скрыться, изменив внешность, мои так и остались короткими, черными, в каком-то панковском стиле. Проведя кончиками пальцев по шее, я вдруг воспылала любовью к своей новой прическе. Благодаря ей мы, по крайней мере, не были полными клонами. Я заставила себя снова сосредоточиться на Другой Миле. В ней должно было быть что-то, какое-то отличие, которое непременно отыщется, если достаточно внимательно ее рассмотреть.

Мельком взглянув на девушку, Холланд полностью переключился на меня, изучая мое лицо своими хитрыми глазами и наслаждаясь мельчайшими нюансами моей реакции.

— Мила, позволь тебе представить твою, если угодно, сестру. Это МИЛА 3.0.

После этих слов Другая Мила, мой близнец, ожила, вежливо улыбнулась и протянула мне руку:

— Очень приятно наконец-то с тобой познакомиться, — сказала она приятным тоном.

Только ощущение было такое, как будто сказала это я. Потому что ее голос… ее голос тоже был моим.

Я вздрогнула, отступила подальше от этой жуткой штуковины. Глядя на нее, становилось гораздо труднее сохранять надежду на то, что я настоящая. Если бы это было правдой, ее существование было бы невозможно. Кроме того, если мы выглядели абсолютно одинаково, кто знал, что еще у нас было общего? В смысле, нас же создали в одной лаборатории. Означало ли это, что у нас совершенно одинаковое мышление, совершенно одинаковые взгляды на мир? А сейчас она что, читала мои мысли?

Даже узнав правду о своем происхождении, я и не думала подвергать сомнению свою индивидуальность. Я просто всегда знала, что я уникальна, своеобразна, как и любой другой человек. А теперь Холланд пытался лишить меня этого ложного впечатления при помощи своего нового творения… отнять у меня все, позволявшее мне верить, что я нечто большее, чем машина серийного производства, ничем не отличающаяся от соседки по конвейеру.

Девушка скользнула на шаг ближе, чтобы снова сократить расстояние между нами. Ее чересчур знакомая рука все еще маячила передо мной, в ожидании, что я ее пожму. Мысль о том, чтобы прикоснуться к ней, вызывала у меня отвращение. Какое будет ощущение — что я прикасаюсь *к себе?*

Памятуя о том, что за мной внимательно следит Холланд, я нерешительно протянула руку и сжала пальцы девушки в своих. Ее кожа была гладкой, умеренно теплой, нейтральной. Столько переживаний, а в итоге… ничего. Ни чувства связи, ни отвращения.

Как если бы я прикоснулась к любому другому человеку.

Другая Мила не проявила ни капли волнения по поводу моей внешности. Нашей внешности. Она просто отступила назад, встав сбоку от Холланда, и подняла взгляд на своего создателя, слегка нахмурив брови:

— А почему она мне не радуется?

Холланд потрепал ее по голове как послушную собаку:

— Не беспокойся, ты все сделала правильно.

Губы Милы Номер Три — я не хотела, не могла мысленно называть ее Другой Милой — растянулись в радостной улыбке. *Мои губы.* Я уставилась на нее с каким-то нездоровым интересом. Я и не знала, что у меня глаза так сощуриваются, когда я улыбаюсь.

Мгновение спустя улыбка исчезла. Номер Три просто стояла со спокойным выражением лица, а ее руки свободно висели по

бокам. Как будто в ожидании следующей команды.

Когда Холланд снова похлопал ее по голове, по моей коже поползли мурашки.

— Она великолепна, правда? Три попытки ушло, но, по-моему, у нас наконец-то получилось.

Три попытки…

— Так была еще одна версия? — спросила я. Не вполне уверенная, что действительно хочу узнать ответ.

Улыбнувшись и даже слегка подскочив на месте от энтузиазма, Номер Три ответила:

— В первом прототипе устройства МИЛА было встроено в тысячу раз больше болевых рецепторов на квадратный сантиметр, чем в последующих версиях.

Под «последующими версиями» имелись в виду она и я. А что, тоже способ лишить нас индивидуальности.

— Дополнительные рецепторы гарантировали, что версию 1.0 не вычислят по аномально низкой болевой чувствительности, но из-за них она не прошла испытание пытками.

— Испытание пытками?

Номер Три посмотрела на меня и моргнула, один раз.

— В лаборатории моделируют сценарии пыток, чтобы выяснить, способны ли члены операции не выдать секретную информацию, если попадут в плен.

В голове снова вспыхнуло воспоминание, и на меня обрушилась реальность. Не так, все было не так. Испытания, пытки. Дрель, пистолет. Крики. Но кричала все-таки не я, не я была той девушкой в комнате.

Вместо того чтобы хоть немного успокоиться, от этого знания я почувствовала себя в тысячу раз хуже. Потому что та девушка испытывала гораздо больше боли, настоящей боли, а они мучили ее, чтобы проверить пределы ее возможностей.

В конечном счете именно то, что делало ее больше похожей на человека, и привело ее к «смерти» — ее переработали как кусок алюминиевой фольги, причем с таким же безразличием.

Я ощутила жжение в желудке, от приступа тошноты закружилась голова. Если бы мой организм был на это способен, меня бы сейчас вырвало. К счастью для меня, похоже, эту биологическую функцию разработчики пропустили.

Не хватало только, чтобы Холланд заметил мою реакцию.

— Я… Меня ведь к тому моменту уже создали?

— Да. По большей части, — сказал Холланд.

Значит, они заставили меня смотреть — это, по крайней мере, было ясно. Но почему мои воспоминания обо всем этом были такими неопределенными? Почему я не смогла сразу

понять, что к чему?

Ответ был прост. Из-за мамы. Она хотела меня уберечь.

— К счастью, на тот момент мы уже внесли коррективы. Сократили число болевых рецепторов, оставив ровно столько, сколько было нужно, чтобы ты могла определить, в какие моменты настоящий человек почувствовал бы боль.

Я украдкой взглянула на Номер Три, чтобы проверить, как она восприняла косвенное отрицание ее человеческой природы. Никакой реакции. В глазах ничего не промелькнуло, губы не дрогнули. Она просто стояла, молча изучая мое лицо. Пугающе похожая на меня.

Нет, решила я, не изучая. «Изучение» подразумевало наличие подлинного любопытства. А в ее глазах, хоть она и не сводила их с моего лица, скрывалось безразличие. Как будто без заданий Холланда она не существовала по-настоящему.

Ну, по крайней мере, теперь у меня было разумное объяснение тому, что случилось, когда меня выбросило из пикапа Кейли. Я тогда кричала, но едва ли от боли. Теперь я наконец разобралась почему.

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Изначально мы планировали тебя ликвидировать. Полагаю, именно поэтому Николь забрала тебя. Предполагалось, что ты будешь имитировать человеческие эмоции, а не испытывать их на самом деле, и уж явно не так сильно. Твоя система отклоняла любые попытки блокировать их, поэтому мы решили ликвидировать тебя и попробовать снова.

Ликвидировать меня. Ликвидировать.

Я посмотрела в бесстрастное лицо Холланда, и внутри меня все словно превратилось в глыбу льда, как будто тело самопроизвольно перешло в режим блокировки. Он хотел от меня избавиться. Стереть меня с лица земли, как будто я была компьютерной программой с ошибками. Так как он искренне верил, что я не более и не менее живое существо, чем компьютер, он бы сделал это, не испытывая угрызений совести. В этом я была уверена.

Ощущение загнанности пропало, сменившись непреодолимой потребностью бежать. Нужно было убираться отсюда. Срочно. Мой взгляд обратился к двери — единственному варианту спастись — и я уже начала готовиться к битве, неизбежной на пути к свободе, когда реальность заставила меня остановиться.

Разве что-то изменилось? Мама по-прежнему была в руках у Холланда. Моя мама, которая выкрала меня из лаборатории из-за того, что во мне было так много человеческого, что слово «ликвидация», которым так небрежно бросался Холланд, по ее

мнению, приравнивалось к убийству.

К моей смерти.

Я почувствовала, что в правом глазу у меня стоит слеза, готовая вытечь из синтетического канала. Я велела ей оставаться на месте. Для Холланда эмоции были помехой. Слабостью, из-за которой меня стоило уничтожить.

Холланд стоял, отвернувшись от меня, и обменивался взглядами со зрителями в окне. В ответ на какой-то сигнал, который я упустила, он кивнул и снова повернулся ко мне, щелкнув жвачкой.

— У меня таки есть для тебя хорошие новости, Мила. Власть имущие хотят, чтобы я провел еще одну серию испытаний, на случай, если в тебе есть какая-то ценность, которую мы упустили. Сделать своего рода отсрочку.

— А если я откажусь?

Но я уже заранее знала ответ. Мама. Он использует маму как гарантию моей послушности.

— Пройдешь эти испытания — докажешь, что Николь не совсем провалила проект. Мы пересмотрим решения по поводу вас обеих. Не пройдешь — ее ждет пожизненное заключение. Так что вместо «прощай» я скажу тебе… удачи. — Он отодвинул рукав и посмотрел на широкий циферблат часов, придавивших темные волосы на его руке. — Испытание номер два тире один и пять начнется через несколько минут. Ах да, чуть не забыл. На этот раз не дергайся, Мила. — В его голосе прозвучала угроза.

Только понимание того, в каком рискованном положении находилась мама, заставило меня остаться на месте, когда ко мне рванулась рука Холланда. Перед глазами промелькнул серебристый предмет, и генерал ухватился за мое правое ухо. Он затолкал глубоко внутрь что-то длинное и холодное.

Я услышала тихий щелчок, а затем:

Чип безопасности: Активирован.

Холланд вытащил щуп, но ухо мое не отпустил. Толстые влажные пальцы с силой надавили на хрящ, и мне на ум сразу пришло то воспоминание о лаборатории. Меня охватил ужас, но нет, нет, нет, мне нельзя — *я не стану* — вырываться.

Беспроводной приемник: Включен.

— Этого должно хватить, — заявил он, отпуская меня. — Теперь можно не беспокоиться, что ты попытаешься сбежать. Если ты окажешься в трех метрах от выхода, этот чип переведет весь комплекс в режим изоляции.

Холланд похлопал Номер Три по спине и сказал:

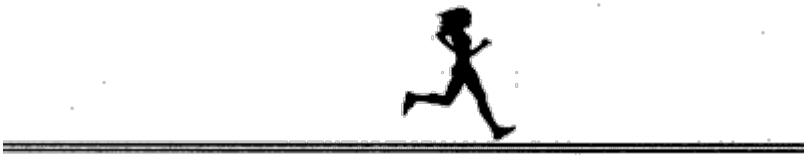
— Задай ей жару, ладно? — После чего он резко развернулся кругом и зашагал к двери. Тихо зажужжав, дверь закрылась за

ним, заперев меня в этой комнате для какого-то испытания.

Я перевела взгляд в сторону своего двойника — она стояла на том же месте, где ее оставил Холланд.

Поправка — заперев нас.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ



Глава двадцать четвертая

И вот я стою в пустой комнате, над головой — слепящие люминесцентные лампы, под ногами — холодный бетонный пол, а до Клируотера далеко в прямом и переносном смысле этого слова. Впервые наедине со своей копией, о существовании которой я до сих пор не подозревала.

Наши одинаковые глаза встретились. Ну, почти одинаковые. Я заметила еще одно явное различие между нами: в зеленых глазах Номер Три не было тепла. Если раньше в них было равнодушие, то сейчас творение Холланда методично препарировало меня взглядом.

Завершив осмотр, Другая Мила пожала плечами.

— Что? — спросила я, так и не дождавшись комментария.

— Просто по твоему внешнему виду и не скажешь, что ты дефектная, — объяснила она обескураживающе похожим на мой голосом. Нет, не похожим — таким же точно. А по ее будничному тону можно было подумать, что речь шла о новой компьютерной программе.

Хотя, если подумать, это было ближе к истине, чем мне хотелось бы признать.

— Не то чтобы это имело значение, — продолжила она. — У меня приказ. — Она сделала паузу и улыбнулась. — Не обижайся.

Не обижайся. Когда на кону была моя жизнь.

Внимание Номер Три как по команде переключилось на окно над нами. Переведя взгляд туда же, я вздрогнула. К стеклу подошел парень, лет восемнадцати-девятнадцати — он выглядел слишком молодо, чтобы стоять там. Чтобы быть частью… всего этого. Его темные волосы с одной стороны лежали ровно, а с другой были всклокоченными, как будто примялись во время сна, а времени расчесаться парень не нашел. Долговязый и неуклюжий, с помятым воротником и ослабленным узлом галстука, он ссутулил плечи, скованные узкой белой рубашкой. Однако устремленный на меня пристальный взгляд был совершенно серьезен.

Номер Два, ты меня слышишь?..

Хриплый голос зазвучал прямо у меня в голове.

Какого черта? Я дернулась назад, прижимая руки к ушам, а мой взгляд метнулся к Номер Три. Никакой реакции. Она терпеливо ждала, глядя на парня снизу вверх как послушная собачка.

Парень. Это он сказал, больше некому.

Я несколько раз встряхнула головой, как будто пара резких

движений могла избавить меня от раздражителя. Естественно, это не помогло.

Судя по твоей реакции, слышно меня четко и ясно, так?

Я осторожно кивнула.

Хорошо. Меня зовут Лукас Уэбб, я буду курировать предстоящие испытания.

Опять эти испытания, и Холланд о них говорил. Но что это за испытания? И… этот тип что, мог слышать мои мысли, как я слышала его голос?

Я посмотрела на него, мысленно спрашивая: *«Ты меня слышишь?»* Сначала его выражение лица не изменилось, и никакого ответа не последовало. Но секунды через три на его лице появилась слабая улыбка.

Если хочешь сказать мне что-то, говори вслух. Меня ты слышишь благодаря тому, что генерал Холланд включил твой беспроводной приемник.

Окей, теперь вспоминать о том, как Холланд дышал мне в лицо мятой, засовывая палец мне в ухо, стало чуть менее жутко. Но ненамного.

В паре метров от меня Номер Три как раз завершила странный ритуал, в ходе которого она левой рукой поворачивала правую в суставах по их максимальной амплитуде.

— Что это за испытания? — спросила я, с растущим беспокойством глядя, как она переключилась на левую руку. Она согнула и потянула каждый палец, потом взялась за запястье. Если она будет действовать по той же схеме, что и с другой рукой, то на очереди локтевой сустав и плечо. Так у нас в школе спортсмены разогревались перед соревнованиями.

Мое сердце сжала ледяная рука. Это просто эхо, напомнила я себе, пытаясь избавиться от этого чувства. Фантомное ощущение. У тебя нет сердца.

Это напоминание не помогло.

Испытания, которые определят… исход твоего дела.

Отвечая, Лукас слегка запнулся, но выражение его лица осталось нейтральным.

Эти испытания предназначены для того, чтобы ты могла продемонстрировать свои способности, а также возможные дефекты. По завершении третьего теста твои действия будут оценены, и набранный балл определит твое будущее у нас.

Голос умолк, но Лукас продолжал бесстрастно смотреть на меня сквозь стекло.

Мои дефекты? То есть мои эмоции? Этот странный взъерошенный парень хотел сказать, что любое проявление эмоций будет засчитываться мне в минус?

Но времени на раздумья у меня не оказалось, потому что через три секунды он произнес следующее:

Первое испытание начнется… через пять минут.

Глава двадцать пятая

— Ты подготовилась? — услышала я собственный голос. Нет, не мой. Ее голос. Номер Три смотрела на меня, склонив голову набок.

— Подготовилась?

Она кивнула:

— Ну да, к проверке твоих боевых навыков. Нужно убедиться, что доктор Лорент не испортила их, когда вносила несанкционированные изменения. У нас у всех оценивают способность к ведению боя.

Боевые навыки? Меня затошнило.

Я подняла взгляд на наблюдательный пост. В окне рядом с Лукасом Уэббом появилось еще шесть лиц, одно из них принадлежало Холланду. Если бы мне сказали, что они уже начали делать ставки, я бы не удивилась.

Я покачала головой и протестующе подняла руку:

— Я не хочу драться. Я не хочу, чтобы они сделали из меня… — в последний момент я проглотила слово «тебя», осознав, что это прозвучало бы ужасно, — кого-то, кем я не являюсь.

Она снова наклонила голову, ее каштановые волосы скользнули по правому плечу. Интересно, а на ощупь они тоже шелковистые, точь-в-точь как у меня?

— Я знаю, что ты на самом деле хотела сказать, — заявила она, пугающе точно копируя мое движение рукой. — Ты не хочешь, чтобы они сделали из тебя меня. Не волнуйся, это меня не обижает. Однако мысль довольно нелогичная. Ты это я, просто с большим количеством эмоций. А наши желания здесь не имеют значения.

Ты это я…

Эта идея прорезала тонкую оболочку моего самообладания, и весь тот страх, который я подавляла в себе, скрывала от чужих глаз, попытался вырваться наружу. Так вот чего они хотели… Холланд, это существо, все эти любопытные зрители за стеклом. Они собирались сделать из меня абсолютную копию Номер Три, стоявшей напротив. Заставить меня отказаться от чувств и сдаться. Номер Три сказала, что наши желания не имеют значения, но я не хотела, *не могла* в это верить. Что бы ни случилось, я не позволю им превратить меня в нее.

Номер Три без предупреждения сделала грациозный шаг в мою сторону, на что я резко отпрянула. Получилось что-то вроде вальсового па.

— Пока ты здесь, постарайся следовать полученным указаниям.

— Почему? Какая тебе разница, что со мной станет? — Или ей и правда было не все равно? В конце концов, Холланд ведь не говорил, что они полностью избавились от эмоций, — только утверждал, что они исправили недостатки.

Она снова медленно моргнула — я начала понимать, что так в ее случае проявлялась озадаченность.

— Мы созданы из одних и тех же материалов, в нас заложены одни и те же технологии. Если бы мы были людьми, нас можно было бы назвать сестрами. Мы понимаем друг друга.

Сестры.

Я хотела закрыть лицо руками, отвернуться, стереть это предположение из своей памяти. Эта… искаженная версия меня в самом деле чувствует связь между нами. Она думает, что мы одинаковые. И если это правда, значит, либо в ней больше человеческого, чем считали ее создатели, либо… во мне меньше человеческого, чем думала я.

Я замотала головой, быстро-быстро:

— Нет, мы не понимаем друг друга. У меня есть чувства. А у тебя…

Она опять моргнула.

— У меня тоже есть чувства. Но мои функционируют правильно: воспроизводят соответствующее ситуации поведение. А ты, как говорил генерал Холланд, в самом деле испытываешь эмоции, как это происходит у людей. — Она нахмурилась. — Надеюсь, тебя смогут починить.

Починить. Как будто лишить меня эмоций не сложнее, чем заменить аккумулятор в машине. Меня пробрала дрожь. Я искренне надеялась, что это не так.

До этого момента я и не осознавала всю значимость того, что для меня сделала мама. Хоть ей и пришлось мне врать, но, считая, что я ее дочь, что у меня был отец, я научилась любить, испытывать весь спектр настоящих чувств, переживать взлеты, падения и все, что между ними. Уничтожить все это с помощью какой-то простой процедуры… это ведь невозможно, верно?

Зазвучавший в ушах голос Лукаса не дал мне свихнуться окончательно.

Цель первой тренировки — проверить твои навыки обороны. Важно, чтобы противник не был в состоянии победить тебя в рукопашном бою и взять в плен.

Его голос звучал ровно, бесстрастно. Как будто он сообщал информацию компьютеру, а не человеку.

Я снова подняла голову к окну и с яростью посмотрела на

Лукаса, вложив в этот взгляд всю свою злобу и ненависть к этому месту, к Холланду, к существу рядом со мной — она хоть и не была виновата в том, что ее создали, но все равно вызывала у меня отвращение, потому что напоминала мне о том, как мало от человека в действительности было во мне самой, — и к нему. К парню, который придумал эти испытания, который приказывал мне вступить в бой, ни на секунду не задумываясь, что это может значить для меня.

Наши глаза встретились сквозь стекло. Должно быть, интенсивность моего взгляда поразила его, потому что его рот приоткрылся от удивления. Через пару секунд он разорвал зрительный контакт, опустив глаза, как будто мой взгляд мог прожечь в нем дыру. Он запустил обе пятерни в волосы, приведя их в еще больший беспорядок. Казалось, ему стало сильно не по себе.

Я проигнорировала укол совести. В конце концов, он сам разрабатывал эти испытания. Если его вдруг охватило чувство вины, я готова была поменяться с ним местами.

Когда он наконец выпрямился и снова посмотрел мне в глаза, я пожала плечами и развела руки в стороны.

— *И?* — одними губами спросила я.

…и нам действительно интересно сравнить твои способности со способностями Номер Три.

На этот раз его голос прозвучал мягче.

Готова?

Мне стало страшно, очень страшно. Я прижала руку ко рту, чтобы скрыть вырвавшийся панический смешок. Готова? Едва ли.

Я сжала кулаки, и в голове раздался мамин голос.

«Что бы ни случилось, не теряй контроль над собой. Твои чувства будут тебе только во вред».

Я сделала глубокий вдох и разжала руки.

— А у меня есть выбор? — спросила я ровным тоном.

Его густые брови взлетели вверх, а губы дрогнули. Мои руки снова сжались в кулаки. Как я рада, что смогла его развеселить.

Нет.

— Тогда не надо спрашивать. — После этого я отвернулась, чувствуя отвращение.

Последовала короткая пауза, а потом голос Лукаса, на этот раз идущий из какого-то динамика, загремел на всю комнату.

— До начала испытания осталось пять… четыре… три… два… один.

Не успело последнее слово сорваться с губ Лукаса, как Номер Три сделала выпад. Я едва успела увернуться. Она нахмурилась и моргнула. Я ее снова озадачила.

— Ты ведь не боишься? Не надо, а то за это снимут очки.

Она была права, я это знала. Хоть у меня и не было никакого желания драться, моя малоэмоциональная сестра дело говорила. Сейчас наши желания не имели значения. Особенно если я надеялась снова увидеть маму.

Живой.

Я кивнула и открыла было рот:

— Лад…

Нога Номер Три врезалась мне в лицо, оглушив меня.

Противник нанес удар.

«Спасибо, Кэп», — оцепенело подумала я в ответ на прозвучавший в голове комментарий, отлетев назад и тяжело приземлившись сначала на правое бедро, потом на щеку. Удар был такой сильный, что напомнил мне о том, как я выпала из пикапа Кейли. Но времени оценить повреждения не было, потому что сразу после этого Номер Три рванулась вперед так быстро, что ее очертания показались размытыми. Я откатилась влево, опередив ее на долю секунды.

Едва я успела подняться на ноги, как — *хрясь!* — ее кулак впечатался в мое левое плечо с еще большей силой, чем при первом ударе.

Я пошатнулась, упала, снова еле успела уйти от удара, откатившись в сторону. В таком темпе я проиграю минуты через две. Меня ликвидируют, и неизвестно еще, что станет с мамой.

С трудом уворачиваясь, я лихорадочно думала, как избежать поражения. Может, сказывался недостаток практики, может, они обновили у Номер Три программы ведения боя, может, мама стерла что-то важное, когда подменяла мои воспоминания. Как бы там ни было, но у моей близняшки не возникло проблем с тем, чтобы надрать мне задницу, да еще как. Судя по ощущениям, моему бедру сейчас не помешал бы особенно долгий сеанс терапии с маминым набором инструментов.

Если так будет продолжаться, меня даже не нужно будет разбирать на детали.

В этот момент в моей голове раздался резкий звук. Как будто Лукас кашлянул. Из-за этого звука мое внимание вернулось к Номер Три, но не так быстро, как хотелось бы. Ее нога с силой вколотилась в пол, задев мое ухо, так что даже мои немногочисленные рецепторы заорали от боли.

Если бы не Лукас, этот удар пришелся бы мне в лицо.

А она продолжала атаковать.

Я снова в отчаянии перекатилась по полу — мне нужно было выиграть хотя бы долю секунды, чтобы подняться на ноги, пока моя лучше подготовленная копия не расплющила меня как

консервную банку.

Копия, которая была всего в двух шагах от меня. И которая теперь уже ожидала от меня еще один перекат.

Сальто назад.

На этот раз я не спорила с голосом. Не задумывалась о том, что ни разу в жизни не делала сальто назад — по крайней мере, ни разу на моей бесспорно обрывочной памяти. Я просто ухватилась за эту идею, и глазом моргнуть не успела, как мое тело пришло в движение, словно выполняло подобное уже сотни раз. Я вбила ладони в пол, и с силой оттолкнулась, перекидывая ноги через голову. Миг я вращалась в воздухе без единой опоры, и земля неслась навстречу моему лицу, отчего меня прошиб страх. В следующее мгновение я уже приземлилась на ноги.

Упершись ступнями в бетон, я почувствовала знакомый прилив острых ощущений, что-то вроде вспышки адреналина, которого мой организм не вырабатывал. Но праздновать успех моего акробатического этюда было некогда. Я моментально приняла защитную стойку. Собралась с духом. Я не могла продолжать бегать — нужно было действовать.

К следующему удару я оказалась, по крайней мере, наполовину готова.

Я увернулась так что ее кулак лишь слегка задел мою щеку. Тем не менее удар был такой мощный, что я ухнула в сторону. Но не упала. Восстановив равновесие, я поднырнула под ее очередной выпад… и с размаху ударила ногой.

Она успела уклониться, но зато я наконец-то, *наконец-то,* сделала что-то из области нападения. Катание по полу, может, и могло уберечь меня от травм, но я искренне сомневалась, что наблюдатели начислят мне за это хорошие баллы.

Даже сейчас я чувствовала на себе тяжесть их взглядов. Холланда, Лукаса. И, несмотря на то что я все-таки совершила первую атаку, по спине побежала дрожь. Я все еще проигрывала.

Но зато Номер Три поняла, что я отделалась от своей первоначальной беспомощности. Она отступила и начала медленно обходить меня, пугающе знакомые глаза стали следить за каждым моим движением, когда я последовала ее примеру, начав двигаться по кругу. Она просто ждала, когда я допущу ошибку.

Я сделала обманный выпад левой ногой. Она уклонилась, и мой резкий удар правой рукой пришелся прямо ей в горло. Она пошатнулась, сделав три, четыре шага назад.

Человек от такого вышел бы из строя, удар в хрупкую трахею перекрыл бы доступ воздуха. Собственно, я уже использовала этот прием, в Клируотере. Но Номер Три пришла в себя, как только

угас импульс, отбросивший ее назад.

Я сделала выпад правой рукой. Номер Три так же стремительно выставила левое предплечье, блокируя удар. С этого момента так все и шло, пока мы продолжали кружить: одна наносила удар, другая парировала. Наша схватка застряла на мертвой точке.

Но мне нужно было победить.

Как же я могла обойти ее защиту? Особенно учитывая, что в нас, скорее всего, загрузили абсолютно одинаковые программы ведения боя, из-за чего не предугадывать действия друг друга было невозможно.

Ответ появился внезапно, как будто кто-то шепнул его мне на ухо. Все было просто. Не нужно было отталкиваться от наших сходств. Нужно было сыграть на наших различиях. Если я не смогу победить на ее условиях, придется победить на *своих*.

— Скажи, а тут разрешают слушать музыку? — спросила я, напрягая все свои органы чувств, готовая сделать выпад при малейшем намеке на движение.

— Можешь не пытаться меня отвлечь, это не сработает, — терпеливо пояснила моя противница.

— А кто сказал, что я пытаюсь тебя отвлечь? Я просто подумала, что мы заслужили немного музыки. В кино, когда люди дерутся, всегда есть музыкальное сопровождение. — Ну, по крайней мере, в том единственном боевике, который я смотрела. С мамой…

Я вытолкнула мамин образ из головы. Цель была отвлечь соперника, а не саму себя.

— Вот что, давай я спою тебе одну из любимых песен моей подруги. Она ее постоянно слушала. — И я запела «Кареглазку»[10] — песню, которую Кейли начинала реветь каждый раз, когда она играла на ее любимой радиостанции, — в несколько вольной интерпретации.

Мой голос эхом разносился по стерильной комнате под аккомпанемент в виде стука шагов, поскольку мы продолжали наш танец по кругу.

Закончив первый куплет, я с чувством запела припев. Жалея, что не вижу лиц зрителей за стеклом. Они, скорее всего, уже начали гадать, не случилось ли у игрушки Николь Лорент короткое замыкание. Или решили, что я окончательно сломалась после всех этих перенастроек. Но посмотреть я не осмелилась. Стоит мне оторвать взгляд от моей сестры, даже на секунду, как она нанесет удар.

— Ты выбрала неподходящую песню. Ни у одной из нас глаза не карие, — заявила наконец Номер Три. Но бдительности она не

теряла.

Она сделала шаг в сторону. Я сделала шаг в сторону. Продолжая петь. Нас разделяло всего полтора метра.

— …мы пели с тобой, ша-ла-ла-ла…

Удар левой ногой с разворота.

Правый апперкот.

В моей голове выстраивались списки возможных приемов, но я проигнорировала все, кроме одного, до которого андроид во мне ни за что бы не додумался. В основном, потому что он был идиотическим. Ни один опытный боец в здравом уме им бы не воспользовался. Слишком высока была возможность получить серьезную травму.

Именно благодаря своей нелогичности этот прием мог сработать.

Так что, продолжая бодро распевать припев, я нырнула головой вперед к ее ногам.

Я понимала, насколько нелепой была эта затея. Но было уже поздно. Не обращая внимания на вспыхнувшую перед глазами надпись *«Прервать!»,* я собрала волю в кулак и понадеялась на лучшее.

Реакция у моей противницы была молниеносная, но только из-за того, что ее внутренний компьютер просчитывал мои потенциальные выпады и настраивал ее тело на их отражение. Но к такому она оказалась не готова. Это дало мне десятую долю секунды форы, которая была мне нужна.

Номер Три быстро пришла в себя, и посреди моего маневра ее правая нога рванулась в мою сторону. Но с недостаточной скоростью и силой. Когда ее нога оказалась в воздухе, я ухватилась за икру и резко дернула, смещая вес своего тела вправо.

Я отпустила ее и успела откатиться в сторону, прежде чем Номер Три рухнула на пол. Мгновение спустя я уже сидела на ней верхом, придавив руками ее предплечья, а коленями — торс.

— Ла-ла-ди-да, — тихо закончила я.

Она пыталась сопротивляться, но я держала крепко. Нет уж, никаких продолжений. Это испытание закончено.

Наконец она расслабилась. Посмотрев на меня снизу вверх, она моргнула и сказала, наморщив нос:

— Можешь в следующий раз петь какую-нибудь другую песню? Эта меня… раздражает.

У меня вырвался короткий, слегка истеричный смешок. Я победила! Я победила в бою, задействовав как свою андроидную, так и свою человеческую сторону.

Голос Лукаса прервал мой приступ эйфории.

Ну что ж, это было… интересно.

Он по-прежнему наблюдал за мной из-за стекла. Улыбки на его лице не появилось, но на этот раз по тому, как он протянул «интересно», стало ясно, что произошедшее его позабавило.

Моя радость окончательно угасла, оставив после себя тугой узел в животе. Я справилась с одним испытанием — только и всего. Нужно было пережить еще два, а они наверняка окажутся сложнее, может, даже будут вовсе невыполнимыми.

— А теперь мне можно встретиться с мамой?

Номер Три вскочила и подняла голову к окну.

— Уже всё, или будет еще один раунд? — спросила она, перекатываясь с пятки на носок. Судя по ее энтузиазму, она была совсем не прочь сделать еще один заход.

Нет, пока все.

Увидев, что она слегка наклонила голову влево, я поняла, что голос Лукаса транслируется нам обеим.

Номер Три, ты набрала больше очков в первой части испытания, поскольку вынудила противника прибегнуть к оборонительной тактике и нанесла ряд критических ударов.

Она улыбнулась — так же, как в тот раз, когда Холланд погладил ее по голове.

Но по итогам всего испытания оценка у Номер Два выше, так как она поняла, что владения боевыми приемами недостаточно для победы, и, применив… изобретательность…

Вот тут он все-таки улыбнулся. Уголки губ шевельнулись едва уловимо, и все же… Я сжала кулаки, мечтая как следует ему врезать, чтобы стереть с его лица это выражение. На карту была поставлена моя жизнь, жизнь моей мамы — а он тут веселится.

…смогла добиться преимущества и в конечном счете побороть равного по уровню противника.

Номер Три, подожди, пожалуйста, у двери, я отправляю за тобой сопровождающего. Номер Два, я спущусь через минуту.

Номер Три незамедлительно развернулась к двери, но потом оглянулась на меня через плечо.

— Возможно, генерал Холланд все-таки тебя не ликвидирует, — заявила она любезным тоном официантки. Как будто она поблагодарила меня за заказ, а не высказалась на тему того, будет ли кто-то копаться в моих внутренностях.

Она неспешно подошла к двери, которая как раз в этот момент, зажужжав, открылась. По ту сторону стоял солдат двадцати с чем-то лет, одетый в стандартную черную футболку и штаны карго с большими карманами, которые здесь использовались в качестве униформы.

Оба скрылись за углом. Я ожидала, что дверь за ними

закроется.

Вместо этого в дверном проеме появился кое-кто другой, в помятой белой рубашке с перекошенным галстуком и серых брюках, левая штанина которых подметала пол.

Парень с наблюдательного поста.

Лукас Уэбб.

Глава двадцать шестая

Лукас остановился в дверном проеме, засунув руки в карманы, и посмотрел на меня, всем свои видом выражая небрежность. Эту иллюзию разрушила дверь, которая, начав закрываться, врезалась ему в плечо. Ругнувшись от неожиданности, он ввалился в комнату.

Я позволила себе слегка усмехнуться. В отместку за его поведение.

Румянец, заливший его бледные щеки, выдал смущение, но парень не стал отворачиваться. Вместо этого он направился ко мне, наморщив лоб, как будто я была головоломкой, требовавшей решения.

Его походка отличалась от походки других военных. Он тяжело наступал на правую ногу, в то время как левая едва отрывалась от земли. Ботинки у него тоже выглядели иначе: подошва была толще, а носок левого был слегка развернут наружу, как будто его стопа не совсем правильно крепилась в суставе. Из-за этого мне не верилось, что он военный. Он бы не осилил даже базовую подготовку.

Но он был здесь, и он следил за ходом испытаний. Все остальное для меня не имело значения.

Когда он приблизился, я подняла подбородок, внутренне готовясь к очередному унизительному осмотру вроде того, что устроил мне Холланд. Меня замутило, но я не сдвинулась с места. Я не могла себе позволить снова все испортить, как бы меня ни задевало то, как меня все разглядывали и трогали.

Теснота в груди прошла, когда парень почтительно остановился в метре от меня.

— Лукас Уэбб, твой куратор, — представился он.

Он вытащил правую руку из кармана, но, протягивая ее мне, замер на полпути, словно движение вышло рефлекторно, а теперь, когда он вспомнил, что я не настоящий человек, он не был уверен, что делать дальше.

— Ээ…

Я позволила себе с шипением выдохнуть сквозь зубы, после чего сама протянула ему руку, но остановила ее в паре сантиметров от его ладони, оставив окончательный выбор за ним.

— Мила. И я не кусаюсь.

И снова этот слегка приоткрывшийся рот, на миг расширившиеся глаза. Я уже собиралась сдаться и опустить руку, когда он обхватил ее своей широкой ладонью, в которой моя кисть просто утонула.

Хотя я не помнила, чтобы я строила какие-то ожидания, видимо, они все-таки были, потому что ощущение меня удивило. Его кожа была теплой и немного влажноватой. Грубее, чем можно было ожидать от человека, который весь рабочий день проводит за компьютером. Я почувствовала на его ладони мелкие круглые ссадины, как зерна наждачной бумаги, когда он твердо, но осторожно пожал мне руку.

Осторожно. Так, как жмут руку обыкновенному человеку, чтобы не сделать ему больно.

Я отбросила эту мысль, как только она появилась. Это было просто смешно, а верить в лучшее в Лукасе могло быть откровенно опасно. Рядом с ним мне нельзя было расслабляться, ни на секунду.

— Приятно познакомиться, — сказал он, возвращая руку в карман.

— Как скажете, — ответила я, стараясь сохранять нейтральное выражение лица.

Очевидно, моя микроскопическая дерзость его поразила, потому что его глаза в очередной раз расширились. У него были светло-карие глаза, золотистого оттенка, с болотно-зелеными и голубыми крапинками. Такого цвета, который было бы непросто воссоздать в лаборатории.

Он прочистил горло и продолжил:

— Мне, э-э, нужно забрать тебя на ремонт.

Я поморщилась, до странности разочарованная тем, что моя интуиция оказалась права. Он совершенно не видел во мне человека.

— Что-то не так? — спросил он, очевидно, проследив за моей реакцией, хоть она и была мимолетной.

— Я же не велосипед, — пробурчала я, не успев вовремя захлопнуть свой катастрофически болтливый рот.

— Я… ты всегда говоришь метафорами?

Что? Это прозвучало настолько неожиданно, что моя злость рассеялась.

— Я… я никогда об этом не задумывалась, — медленно ответила я, размышляя. — Наверно. А что? Разве Номер Три этого не делает?

— Нет. — Он прервался, пристально изучая меня. На этот раз это был медленный, доскональный осмотр, от которого мои щеки вспыхнули, хотя в его внимании и не было никакого сексуального подтекста. Но не было в нем и холодного равнодушия, как у Холланда. Лукас смотрел на меня как и до этого: словно исследуя каждый сантиметр моего тела в поисках решения проблемы, которое только он был способен найти.

С каждой следующей секундой мне становилось все неуютнее, и наконец я не удержалась и скрестила руки на груди.

Видимо, это движение заставило его опомниться, потому что он моргнул и отпрянул.

— Извини, я не хотел… просто… я ожидал увидеть нечто иное.

Нечто иное. Значит, он был новеньким. Иначе он бы заранее знал, чего ожидать.

Я упала духом. Это означало, что у него вряд ли окажется много полезной для меня информации, даже если мне удастся что-то у него выпытать. Я бросила взгляд на окно наблюдательного поста и поежилась. В любом случае, если он где-то и захочет говорить, то не здесь.

— Вы что-то сказали насчет ремонта, — напомнила я.

Он моргнул, и я заметила, что кончики его темных ресниц были золотистыми.

— Да, точно, ремонт. За мной, пожалуйста.

Пока он шел к двери своей диковинной походкой, я рассматривала его. Он был высоким — метр восемьдесят пять, — худым и нескладным, совсем не похожим на тех крепких мускулистых солдат, которых я видела. Он даже до Хантера не дотягивал, если уж на то пошло. Но меня удивила непринужденная сила, с которой парень пожал мне руку. Я подумала, что его внешняя слабость, похоже, обманчива.

Лукас повел меня по коридору в сторону, противоположную той, откуда меня привели, уходя глубже внутрь здания. Освещение было тусклым, вокруг было тихо и безлюдно.

«GPS», — скомандовала я. В голове что-то вспыхнуло, и… ничего.

Видимо, тут тоже глушат навигаторы, как в машине.

Пройдя мимо пяти дверей справа — все они были одинаково серебристые, без опознавательных знаков, — он наконец развернулся к шестой.

Это была еще одна стальная раздвижная дверь, как та, что вела в зал для испытаний, только больше — четыре метра в ширину, два в высоту. Под большой клавишной панелью, встроенной в белый короб двери справа, стоял высокий серебристый столик. На нем не было ничего, кроме двух металлических тубусов.

На моих глазах Лукас полез в правый тубус и достал оттуда ватную палочку. Затем он открыл рот и поелозил палочкой по внутренней стороне щеки, после чего нажал на маленькую зеленую кнопку в нижней части панели. Из стены под панелью выдвинулась узкая пластина, покрытая блестящим пластиком. Он

провел по ее поверхности ватной палочкой, снова нажал кнопку, и пластина задвинулась обратно.

Экран на панели ожил, на нем замигала красная надпись: «Вы получите подтверждение личности или отказ в доступе через десять секунд».

Лукас бросил ватную палочку в левый тубус, а на экране начался обратный отсчет.

Через десять секунд красная надпись сменилась зеленой: «Образец ДНК идентифицирован: Лукас Уэбб. Пожалуйста, введите персональный код доступа».

Он набрал двенадцатизначный код, который я запомнила, ощущая растущее беспокойство. Зачем столько дополнительных мер безопасности, когда это и так был тайный правительственный объект? Это не предвещало ничего хорошего в отношении того, что было по ту сторону двери.

Сначала дверь заклинило, но в конце концов она с жужжанием отъехала в сторону.

Лукас неодобрительно посмотрел вниз на желоб.

— Когда они, наконец, отрегулируют уровень влажности? Скоро уже оборудование начнет портиться. Компьютеры… — проворчал он, замолкая на полуслове, как будто говорил сам с собой.

Ха. Да у этого парня манеры были хуже, чем у меня. Это придало мне смелости спросить:

— А что у вас с ногой?

Он пожал плечами — судя по всему, мой вопрос его не задел.

— Я родился с косолапостью. Пять операций сделали, лучше уже не будет. — В его голосе не было ни капли горечи.

Я невольно восхитилась тем, как легко он к этому относился.

Я ожидала увидеть комнату, заваленную вещами, но первое, что я заметила, войдя, это то, насколько там было чисто. Вдоль левой стены выстроились четыре промышленных холодильника; на двух из них были таблички «ОСТОРОЖНО: БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ». Справа стоял большой письменный стол с компьютерным монитором. В середине комнаты были два огромных кресла с откидной спинкой: сверху одного была закреплена тонкая трубка какого-то сложного лазера, другое находилось рядом со столом, и на его сиденье стоял громадный ящик с инструментами.

Но самым заметным элементом интерьера было странное устройство в дальнем ее конце. Это была большая прозрачная труба — в ней поместился бы человек, — стоявшая вертикально на полу. По всей ее поверхности шла сетка тонких линий, некоторые из них хаотично вспыхивали. Эта штука была

подключена к гудящему аппарату, над которым висело несколько компьютерных экранов. Лукас остановился около одного из регулируемых кресел из искусственной кожи и металла — вроде того, что я видела в рекламе стоматологической клиники. Над ним висел монитор. Лукас неловко махнул рукой в сторону сиденья:

— Присаживайся, пожалуйста.

Выглянув из-за плеча парня, я настороженно посмотрела на кресло. Под ним тянулись провода, подключенные к черному блоку на полу. Компьютер, поняла я. По обе стороны от того места, где оказалась бы моя голова, торчали два прямоугольных отсека.

— А сюда мне нельзя сесть? — спросила я, указывая на безобидно выглядящий стул на колесиках слева от кресла.

Уголки его губ дернулись.

— Нет, тут сижу я.

Я вздохнула:

— А может, я постою?

Он покачал головой:

— Не советую. Если только ты не хочешь, чтобы Холланд прислал людей, которые тебя свяжут.

Услышав это, я поспешила к креслу.

— Аргумент, — согласилась я. И постаралась не паниковать, когда вспомнила Милу Номер Один, прикованную к креслу для так называемого «испытания пытками». Как она пыталась вырваться, в то время как мужчина подносил дрель к ее груди. На ее месте легко могла оказаться я, и даже учитывая, что я испытывала меньше боли, чем Мила Номер Один, мысль о том, как в мою кожу вонзается сверло, а мой череп пробивает пуля, все равно наполняла меня ужасом.

Запрыгнув на высокое сиденье, я оказалась на одном уровне с Лукасом и воспользовалась этой возможностью, чтобы его рассмотреть. Девушки из Клируотера, вероятно, сочли бы внешность Лукаса довольно заурядной: ни тебе рельефных скул, ни подчеркнуто небрежной прически, ни идеально симметричных, почти женственных черт. Только нос с горбинкой и бледная кожа, которая, скорее всего, плохо поддавалась загару. Ничего откровенно непривлекательного, но и ничего особенного.

Не считая глаз. Его глаза подпадали под совершенно другую категорию. И не только благодаря удивительному сочетанию цветов, но и из-за густых ресниц, темно-коричневых у корней и золотых на кончиках.

— Откинься на спинку, пожалуйста.

Я подчинилась, пытаясь придумать, как втянуть Лукаса в

разговор, чтобы отвлечься от мыслей о том, что со мной будут делать, а заодно, если получится, выведать какие-нибудь полезные сведения.

— Вы выглядите как-то слишком молодо, чтобы здесь работать, — честно призналась я наконец.

— Я на стажировке, взял академ в Массачусетском Технологическом.

— Вам там не нравилось?

Он на миг перестал возиться с отсеком над креслом и посмотрел на меня.

— Честно говоря, ужасно нравилось. Это было первое место, где я не чувствовал себя странно в компании людей своего возраста.

Значит, Лукас тоже когда-то чувствовал себя аутсайдером. Интересно, если бы он жил в Клируотере, мы бы нашли друг друга, как это получилось у нас с Хантером?

Хантер. До сих пор он был единственным парнем, с которым я оставалась вот так, один на один. И обстоятельства встреч с ним и с Лукасом различались настолько, что я не знала, смеяться мне или плакать.

Меня охватила мучительная тоска, напомнившая мне, что, если я еще надеюсь сбежать отсюда и снова увидеть Хантера, нужно собирать информацию.

Однако лучше не торопиться. Продолжать задавать подобные ни к чему не обязывающие вопросы, чтобы он не задумывался о моих мотивах.

— Если вам там так нравилось, то почему вы здесь?

Открытое лицо Лукаса вдруг стало странно сдержанным, я увидела, как напряглись его плечи.

— Появилась возможность поработать консультантом в военной организации, я не мог ее упустить. Особенно учитывая, что за три поколения нашей семьи я первый мужчина, который не стал военнослужащим. — Он прервался, сделал вдох, и на его губах снова появилась слабая улыбка. — Этот башмак не создан для ходьбы, — пошутил он с поразившей меня в очередной раз легкостью. Если б только я научилась так же легко принимать свою непохожесть на других.

— Интересно, мама тоже поэтому решила здесь работать? — предположила я. — Не из-за того, что хотела служить в вооруженных силах, а потому что это была уникальная возможность?

Лукас как раз потянулся над моей головой к левому отсеку, но, когда я сказала «мама», его рука застыла в воздухе перед круглой кнопкой на металлической стенке. Он покачал головой,

отчего давно не стриженые пряди на макушке запрыгали.

— Что?

— Ничего. Просто… Номер Три никогда не использует термины родства по отношению к ученым. Честно говоря, это немного сбивает с толку.

Я не знала, что на это ответить, поэтому промолчала, а он нажал на кнопку. В отсеке открылась крышка, под которой оказался кабель с серебристым штекером по размеру как USB, но другой конфигурации.

— А насчет доктора Лорент ничего точно не знаю. Извини.

На сердце камнем опустилось разочарование, но я заставила себя вежливо ответить:

— Ничего.

Лукас потянул на себя выдвижной шнур — *вжик!* — и я сразу поняла, что будет дальше.

— Вот, — вздохнула я, протягивая ему свое запястье.

Лукас уставился на мою руку, слегка сдвинув пшеничные брови.

— Это порт для карты памяти. А это — он помахал штекером — наш специализированный USB-кабель, разъем для которого находится за твоим правым ухом. Ты что, не разбираешься в своих функциональных возможностях?

Я уронила руку на колени, чувствуя себя невероятно глупо.

— Я как раз восполняю пробелы. Хотя я терпеть не могу узнавать новое о своих возможностях.

— Почему?

— Потому что чем больше я знаю о том, как ими пользоваться, тем меньше я себя чувствую человеком и больше — уродом, — вырвалось у меня. Я прикусила губу и отвела глаза в сторону. Я выболтала много, слишком много. — Пожалуйста, не говорите ничего…

Секунда-другая, и он скажет, что обязан доложить об этом Холланду.

Я ждала, сцепив пальцы. Украдкой подняв взгляд, я увидела, что Лукас пристально смотрит на меня. Кашлянув, он отвел взгляд.

— В мои задачи входит только наблюдать за ходом ремонта и курировать испытания. Никто не говорил, что я должен следить за нашими разговорами.

Я откинулась на спинку и даже прикрыла глаза от облегчения. Может, я составила о нем ошибочное мнение, когда между нами было стекло. Если это так, то сейчас подходящий момент — а в перспективе единственный момент — попытаться выведать информацию о маме.

Я ощутила кожей движение воздуха, когда он потянулся к моему уху. Его рука замерла.

— Извини, мне нужно… можно я?.. — Его кашель пополам со смехом прозвучал смущенно. — Извини. Когда я работаю с Номер Три, я не такой нерешительный. Как я уже говорил — ты другая.

— Не извиняйтесь. Даже наоборот, тот факт, что вы считаете меня другой, дает мне надежду.

— Надежду, — повторил он, широко раскрыв глаза. И кашлянул. — Ясно. Так вот, потяни, пожалуйста мочку правого уха вперед…

Подняв руку, я взялась за мочку. Кожа там была теплой, мягкой и совершенно настоящей на ощупь. Набрав побольше воздуха в свои несуществующие легкие, я оттянула мочку, обнажая порт, о существовании которого узнала всего минуту назад.

От сострадания жесткие очертания рта Лукаса смягчились, лоб разгладился. И теперь он уже мог поддерживать со мной зрительный контакт дольше пяти секунд подряд, не проявляя неловкость. «Как мог этот парень здесь оказаться?» — снова удивленно подумала я. Все в нем совершенно не вписывалось в эту обстановку, начиная с его неряшливости и юности и заканчивая очевидной заботой о моих чувствах. О тех самых чувствах, из-за которых Холланд собирался от меня избавиться.

Лукас был моим единственным шансом найти маму в этом зловещем месте.

— А у меня тут есть комната? Где я буду оставаться между испытаниями? — поинтересовалась я, надеясь, что мой голос звучит небрежно.

— Ага. — К счастью, он как раз отвлекся, расправляя перегнувшийся провод.

— Она тут рядом?

— Вниз по коридору и налево, там же, где все остальные. Дурацкий провод, — пробормотал он.

— И мамина тоже?

Он рассеянно кивнул:

— Я… — И тут его ресницы взметнулись вверх, и я смущенно поежилась, вдруг оказавшись под испытующим взглядом золотистых глаз. — Надеюсь, ты не хочешь навлечь на меня неприятности?

Его голос похолодел на несколько градусов, а движения стали грубее, когда, крепко взяв меня за голову левой рукой, он поднял правую… и воткнул штекер мне за ухо.

Не успела я ответить, как толчок соединения отбросил мою голову назад. Вспыхнула красная надпись, и я услышала свой

спокойный механизированный голос.

Запуск сканирования.

Получение данных.

— Через пару секунд данные появятся на мониторе, — сказал Лукас, наблюдая за мной.

Казалось бы, это прозвучало достаточно безобидно. Если бы данные, о которых шла речь, не высасывали прямо у меня из головы.

Поежившись, я обхватила себя руками за талию. Напряженно вслушалась в ощущения, пытаясь выделить присутствие чего-то инородного за ухом. Но, не считая первого толчка, я ничего не почувствовала. Ну да, над ухом раздавалось тихое гудение, и я знала, что штекер на месте — в моем поле зрения в правом верхнем углу светилась иконка с подписью «Соединение установлено». Но ощущения были самые обыкновенные, а совсем не сверхъестественные, как я того ожидала.

Я снова поежилась. Мысль о том, что мое тело начало ко всему этому привыкать, пугала сильнее, чем само наличие этих способностей.

— Ну вот, — сказал Лукас.

На экране возникло изображение человеческого тела.

Нет, не человеческого, поняла я с растущим ужасом. Моего тела.

Человекоподобное в некоторых местах, но с такими органами, которых не было бы ни у одного человека. Слой за слоем под поверхностью располагались компоненты, в которых не было ничего живого; мое уродство предстало передо мной, детальное и неопровержимое.

Если бы я еще хоть на секунду задержала взгляд на экране, боюсь, во мне бы погибла последняя надежда.

Отвернувшись, я вдавила подбородок в плечо и крепко зажмурилась. Может, если сжать веки достаточно сильно, у меня получится навсегда повредить свою оптическую систему и уберечь себя от возможности когда-либо снова так явственно увидеть правду.

— Ты в порядке?

Из-за чувства, фантомного или нет, что мое горло сжимается, мне лишь с трудом удалось выдавить:

— Нет.

Я услышала шелест вздоха, шорох подошв, а затем мое кресло дернулось под звон удара ботинка о металл, сопровождаемый приглушенным ругательством. Каждый звук доносился четко и ясно, хотелось мне того или нет. Спасибо моему улучшенному слуху.

— Извини. Споткнулся о кресло.

В этот раз ответ выдавить не удалось. Только в глазах стало горячо. Влажно. И наконец напряжение спало, и из-под ресниц потекли слезы.

Я уткнулась в локоть, пряча глаза. Может, Лукас мне и сочувствовал, но я знала, как к слезам относился Холланд. Единственной, кому я могла доверять, была мама.

Мама. Которую я больше не увижу, если не покажу класс в этих испытаниях. А все, что мне для этого нужно, — это быть хорошим андроидиком. Сильным. Сосредоточенным.

Неподвластным эмоциям.

— Мила?

Закрывшись рукавом, я насухо вытерла глаза и приказала им открыться. Я не могла себе позволить прятаться от своих страхов, как обычная девушка.

Меньше всего на свете мне хотелось становиться похожей на Номер Три. Но у нее я почерпнула одну мудрую мысль: иногда наши желания не имеют значения. Главным для меня было спасти маму, и ничто не должно было этому помешать.

Даже я сама.

Я подняла подбородок и с вызовом уставилась на экран.

Ничего. Никаких кошмарных картинок, только плоский зеленый экран. Монитор был выключен.

Ошеломленная, я посмотрела на Лукаса, взгляд которого задержался на моих щеках, заставив меня гадать, не остались ли на них следы слез.

— Я его отключил. Всю информацию о поломках я загрузил сюда, — объяснил он, помахав появившимся у него в руке небольшим планшетом.

— Почему?

Он пожал плечами:

— Подумал, что так будет легче, — ответил он, как будто в этом не было ничего особенного.

После всего, что случилось за последние несколько часов, даже это крошечное проявление сочувствия показалось мне колоссальным, и на глаза чуть снова не навернулись слезы.

— Спасибо, — прошептала я.

Его щеки опять залила краска. Он засунул руки в карманы и уставился в точку где-то за моим левым плечом.

— Так что, повреждения сильные?

— Не то чтобы. Поврежден тазобедренный шарнир и проводка в плече. О, я смотрю, у тебя еще до испытания была травма руки?

Я вспомнила падение из пикапа Кейли.

— Ага, мама попыталась ее починить с помощью подручных средств.

— О, не пойми меня неправильно, она вполне прилично справилась. Просто тут у нас оборудование получше. Есть, можно сказать, универсальная ремонтная машина.

Лукас подвел меня к большой прозрачной трубе, которую я заметила, когда вошла в помещение. Он набрал на подключенном к ней компьютере несколько наборов цифр и букв, после чего труба издала долгий шипящий звук и медленно со скрежетом открылась.

И тогда я увидела, что акриловое стекло внутри частей трубы образует выемки по форме двух половин человеческого тела. И в закрытом состоянии они точно повторят размеры моего.

— Встань внутрь, пожалуйста.

Я заглянула в большую выемку под меня с немалым трепетом. Все мое естество сопротивлялось идее оказаться в такой тщательно сконструированной нише. Но Лукас сказал, что эта машина сможет меня починить, а мне предстояло пройти еще два испытания — вероятность успеха повысится, если мое тело будет в безупречном состоянии.

Не обращая внимания на колотящееся сердце, я вошла внутрь и развернулась лицом к Лукасу, поставив ноги на две черные отметки в полу. Идеальное соответствие. Как только мои ступни оказались на нужных местах, в ушах засвистел высасываемый вверх воздух. Меня прижало к стенке с такой силой, что я вскрикнула. А потом стеклянные створки сомкнулись на мне, как половинки сэндвича. Они сжимались, пока не заключили мое тело в идеальный футляр. Казалось, что кто-то натянул на меня новый слой кожи.

Слишком точное соответствие. Это устройство было создано специально для меня, поняла я. Для всех Мил.

Я замерла, в ушах громко застучала кровь.

Не паниковать. Не паниковать, не паниковать. Подумай о чем-нибудь другом.

Пластик был пронизан тонкими серебристыми нитями. Может, для прочности? Чтобы сделать его противоударным? Я смогу выбраться, только если Лукас выпустит меня.

Лукас нажал на какую-то кнопку, потом щелкнул переключателем на панели рядом с трубой, и я сразу почувствовала, что камера нагревается. Но внутри меня будто поползли ледяные змеи. Сквозь прозрачное стекло я посмотрела Лукасу в глаза и сосредоточилась на зеленых и голубых пятнышках, чтобы спастись от собственных мыслей, спастись от ощущения, что меня проглатывают заживо.

— Не пройдет и двух минут, как ты выйдешь оттуда.

Я с трудом сглотнула. Не разумно, но для меня «две минуты» прозвучали как «вечность».

— Сейчас снаружи опустится перегородка, в нее встроен лазер. Просто стой спокойно, и все будет хорошо. Я с тобой.

Без проблем. Я все равно вряд ли смогла бы пошевелиться, когда все мое тело сковал страх.

Пять голубых крапинок в правом глазу, три в левом, сосчитала я словно в бреду. А потом сверху, на границе периферийного зрения, появилось красное свечение.

— Закрой глаза, если так будет проще.

Я хотела послушаться, больше всего на свете, чтобы не видеть, что эта штука будет делать. Но не могла. Это означало бы поддаться той же слабости, которую я проявила перед экраном, а мне необходимо было оставаться сильной. Кроме того, опущенные веки не спасли бы меня ни от четырех слов, загоревшихся красным, ни от моего бесстрастного внутреннего голоса.

Лазерный ремонт: Процесс запущен.

Так что я стояла и смотрела на Лукаса, видя, как серебристая перегородка сначала закрыла его непослушные волосы, потом лоб и наконец глаза, и мой взгляд вперился в полупрозрачную стенку, охваченную слабым сиянием.

Потом раздался щелчок, который, видимо, означал, что перегородка дошла до пола. Красное свечение над головой усилилось.

— Выпустите меня, — попросила я, умоляюще глядя на Лукаса.

Он покачал головой.

— Все будет хорошо. Это не займет много времени.

И тут сетка вокруг моего плеча ожила. Вспыхнули миллионы фотоэлементов. Внезапно я почувствовала в области сустава прилив тепла, равномерную вибрацию. Как в тот раз, когда мама чинила мне руку, только гораздо, гораздо сильнее.

Плечевое соединение: Отремонтировано.

В этот момент я не смогла бы пошевелиться, даже если бы появилась такая возможность. Потому что эти слова произнес не мой спокойный электронный голос. Голос был чужой, незнакомый.

Но что они тогда делали у меня в голове?

Осознав, в чем дело, я поперхнулась. Машина. Она каким-то образом транслировала эти слова в мой мозг.

Меня электрическим током прошил ужас, подталкивая к маниакальному, бездумному поведению.

— Выпустите меня! — заорала я. — Пожалуйста!

Лазер продолжал невозмутимо делать свое дело — теперь красное сияние и пульсирующее тепло опустились ниже по руке.

Рука: Отремонтирована.

— Нет, — прошептала я, больше не пытаясь кричать. Я не знала, слышал ли меня Лукас, но было ясно, что выпускать меня он не собирался. Между тем, я не могла пошевелиться, не могла думать, не могла дышать. Я хотела сжаться в комок, но стенки были неподатливыми, как будто меня похоронили с расставленными ногами и руками. Гробница, вот на что это было похоже. Как будто меня замуровали в гробнице, и я никогда, никогда из нее не выберусь.

Когда красное сияние опустилось до бедра, вибрация устройства закралась мне под кожу, в уши, проникая все глубже и глубже, пока я не начала дрожать вся целиком, не зная, виноват ли в этом страх, или машина, или и то, и другое.

«Бедренное соединение: отремонтировано», — объявил ровный холодный голос. Ощущение было таким неприятным, таким назойливым, словно мне в голову впихивали чужое сознание.

Снаружи послышался слегка дрожащий голос Лукаса.

— Уже почти всё.

Когда свечение наконец погасло, перегородка поднялась, а шипение известило о том, что стеклянные половинки начали раздвигаться, я даже не была уверена, что удержусь на ногах. Как только щель немного расширилась, я протиснулась наружу, рухнув на колени, и сложилась пополам, едва не касаясь лбом пола. От облегчения хотелось рассмеяться, но из горла вырвался только жалкий сдавленный всхлип.

Похоже, этот звук сорвал где-то внутри меня лавину, потому что сразу после этого я начала дрожать.

Несколько секунд спустя на мое плечо осторожно легла рука. Вскинув голову, я увидела, что надо мной склонился Лукас, еще более взъерошенный, несомненно, из-за своей привычки запускать пальцы в волосы, когда он нервничал. Парень стоял, стиснув челюсти, а его рука замерла над моим плечом, после чего еще раз невесомо опустилась на него.

— Ты в порядке?

Поднимайся, Мила. Встань и сделай вид, что все отлично. Лукас, может, и кажется хорошим, но он верен Холланду.

Холланд. Одного этого имени оказалось достаточно, чтобы подстегнуть меня к действию.

Я встала.

— Я в порядке. Я просто притворялась — хотела пошутить.

Он навис надо мной, его лицо по-прежнему было пепельно-серым, а между бровями лежала глубокая складка.

— Ясно, — протянул Лукас. — То есть, ты так вела себя не из-за того, что поняла, для чего еще используется эта установка?

— Что вы имеете в виду?

— Кроме ремонта, мы подключаем сюда андроидов, чтобы изменять их программы. Или ликвидировать их.

Ликвидировать.

Комната поплыла перед глазами, и на миг мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок, хотя на ногах я стояла твердо. Губы задрожали, и я крепко сжала их.

Возьми себя в руки, Мила.

И у меня получилось. Но в голову впервые закралась ужасная мысль: возможно, быть андроидом, который не чувствует все, как настоящий человек, было бы лучше.

— Нет, я об этом не подумала, но какая разница. — Я пожала плечами, словно этот факт не представлял большой важности, но обмануть Лукаса было не так просто. Он смерил меня взглядом с головы до пят, как будто выискивая признаки лжи.

Наконец, к моему величайшему облегчению, он кивнул.

— Хорошо. — Он засунул руки в карманы. — Хочешь сделать перерыв?

Перерыв? Звучало очень заманчиво. Но чем скорее я закончу с этими испытаниями, тем раньше у меня появится шанс увидеть маму. Если я пройду их.

— Нет.

— Тогда, наверно, я сейчас провожу тебя до…

Его прервал механический голос, запрашивавший код. Мы оба повернулись к двери, и после серии сигналов она наконец открылась, представив нашему взору рослого мужчину.

Холланд.

— Ну что, она готова? — Его голос разнесся по комнате, до неприличия громкий. Даже Лукас еле заметно поморщился.

— Да, сэр, мы только что закончили.

— Как раз вовремя. Давай я отведу нашу беглянку на следующее испытание, а ты пока сходи в мой офис за файлами, которые нам понадобятся.

Было бы у меня право голоса, я бы отказалась и потребовала, чтобы меня отвел Лукас. Но, вне всяких сомнений, Холланд был кукловодом, и, пока мама оставалась у него в руках, я готова была плясать всякий раз, когда он будет дергать за веревочки. По крайней мере, такой простой приказ я выполню.

Я замешкалась всего на секунду, но даже это, похоже, вызвало у него раздражение. Он коротко мотнул головой в

сторону коридора.

— Тебя моя южная вежливость сбила с толку? Это была не просьба, — протянул Холланд по-прежнему дружелюбно, но чуть сощурившиеся глаза выдавали его недовольство.

Пока я, повинуясь приказу Холланда, шла к двери, в голове вертелась только одна мысль: *Держу пари, что во втором испытании песенкой я не отделаюсь.*

Глава двадцать седьмая

Когда мы вышли в коридор, Холланд заложил руки за спину, как будто его ждала ленивая прогулка. От резкого запаха спирта у меня гудела голова, но отойти подальше я не посмела. Любое проявление страха с моей стороны доставило бы этому человеку слишком много удовольствия.

Шаг, другой. Я ждала, пока он заговорит. Я знала, что Холланд наверняка захотел остаться со мной наедине не без причины, и он не обманул моих ожиданий.

— Видишь ли, я понимаю, что Николь, скорее всего, расписала меня как эдакое чудовище, и хотел бы разъяснить это недоразумение.

От удивления у меня приоткрылся рот, и я искоса взглянула на Холланда. Уголки его губ были слегка опущены.

Серьезно? Если это и был его великий замысел — убедить меня, что его все неправильно поняли, — то он напрасно тратил время.

Да и какая ему вообще разница, что я о нем думаю?

Его низкий, рокочущий смех эхом отразился от стен и зазвучал отовсюду, как будто в коридор вышли несколько Холландов.

Я подавила дрожь, вызванную этой ужасающей картиной, и ждала, что он скажет дальше.

— О, я знаю, ты считаешь, что я все вру, но, видит бог, это не так. У меня, между прочим, дома жена и два чудесных ребенка. Девочки, как ты.

Я попыталась представить Холланда с дочерью, нет, с двумя — как он качает их на коленях, играет с ними в прятки. Протирает их дезинфицирующим раствором каждые десять минут.

Не сдержавшись, я тихо фыркнула, и Холланд ни с того ни с сего скинул маску любезности и набросился на меня.

Его большие руки рванулись вперед и схватили меня за плечо, разворачивая лицом к нему. Мое сердце загрохотало в груди, но разум неожиданно прояснился.

Обнаружена человеческая угроза.

Действовать на поражение?

Больше всего на свете мне хотелось ответить «да». Но он спрятал маму где-то в этом комплексе, и, если я хотела ее вернуть, нужно было играть в эти глупые игры.

Так что, несмотря на нестерпимое желание схватить Холланда за плечи, стиснуть изо всех сил и посмотреть, как ему

это понравится, я заставила свое тело обмякнуть. Ответить на его презрительную усмешку ничего не выражающим взглядом.

Его хватка стала крепче.

— Думаешь, когда Николь организовала твой побег, она действовала исключительно тебе во благо? — Он насмешливо фыркнул, и его слова заронили в мою душу толику сомнения. — Уж поверь мне — я бы, по крайней мере, не стал рисковать, давая шанс ребятам из «Вита Обскура» до тебя добраться.

Услышав незнакомое название, я не удержалась и переспросила:

— «Вита Обскура»?

Его серые глаза заблестели.

— Вот-вот, слушай внимательно. Думаешь, мы хотели тебе плохого? Мы, по крайней мере, заботимся о национальной безопасности. А «Вита Обскура»? Да это просто кучка воров, жадных до денег — они воруют технологии и продают их тому, кто больше всех заплатит. И если бы они добрались до тебя… — Он тихо присвистнул, обдав меня запахом мяты. — Скажем так: наш комплекс показался бы тебе раем. Но не волнуйся, скоро ты узнаешь и подробности.

Вдруг он отпустил меня и снова зашагал вперед, пришлось поспешить следом. Голова у меня шла кругом.

«Вита Обскура». Теперь я знала, кто были те мужчины, которые приходили за нами в мотель. Но времени на долгие размышления у меня не было, потому что мы снова оказались перед дверью в зал для испытаний. Холланд начал было вводить код, но остановился.

— Открыть тебе один маленький секрет?

Нотки веселья, снова зазвучавшие в его голосе, подсказали мне ответ. *Нет, спасибо, не надо.* Но, естественно, выбора у меня на самом деле не было.

Несмотря на то, что в коридоре, кроме нас, не было ни души, Холланд понизил голос до шепота:

— Я ужасно не люблю проигрывать, и просто терпеть не могу оказываться неправым. Но, думаю, сейчас нам можно этого не опасаться. Нет-с, нисколько.

И он набрал оставшиеся цифры. Пока дверь отъезжала в сторону, я задумалась — почему мама меня не предупредила? Холланд был не просто опасен, его странные перепады настроения приводили к гораздо более тревожному выводу: этот человек явно был сумасшедшим.

Только мы зашли в зал для испытаний, как дверь за нами снова открылась, и появился Лукас.

В правой руке он держал маленькую черную коробку.

— Не очень-то похоже на файлы.

Лукас вяло улыбнулся, его взгляд заметался между нами двумя. Он посмотрел на Холланда, потом на меня. Опять на Холланда, опять на меня. Наконец Холланд махнул рукой:

— Вперед, приступай.

Но от одного его присутствия в воздухе неуклонно росло напряжение, и я знала, что Лукас тоже это чувствует. Я вытерла ладони о штаны. *Спокойно. Не смотри на него.*

Лукас отошел от меня, естественность, с которой он вел себя в мастерской, сменилась скованностью, и он резко вытянулся в струнку.

— У тебя ровно десять минут на то, чтобы проанализировать содержимое этих файлов.

Он открыл защелку, поднял крышку и опустил коробку, показывая ее мне. Изнутри она была золотая, а в углублении лежала красная карта памяти. На вид в ней не было ничего опасного. Вот только мой последний опыт общения с такой, в номере мотеля, прошел не слишком блистательно.

Лукас достал карту и сжал ее в кулаке.

— В этих файлах содержится информация о группировке, представляющей интерес для вооруженных сил США — «Вита Обскура». При изучении документов от тебя требуется не просто запомнить и сохранить факты. Сосредоточься на закономерностях, предполагаемых замыслах и мотивах этой группировки. А также на той информации, которая может отсутствовать.

В последнем предложении совсем не было логики.

— Как я могу сосредоточиться на информации, которой нет? — удивилась я, остро ощущая на себе взгляд Холланда.

Холланд откашлялся, отчего Лукас поморщился.

— Я не имею права отвечать на вопросы. Как только ты вставишь карту в слот, начнется отсчет.

Я ждала подробностей. Должны были быть еще подробности.

— И что потом? — наконец спросила я. В моем голосе назрело отчаяние, а рука сама потянулась к рукаву Лукаса. Я поймала себя на этом за секунду до контакта, и, заставив себя опустить руку, закрыла глаза и сделала короткий вдох. Спокойствие, нужно сохранять спокойствие.

— Потом… ты начнешь анализ.

Лукас разжал кулак, подавая мне красную пластинку, ярким пятном лежавшую на его бледной ладони. В голове промелькнула картинка: как моя мама весьма похожим образом протягивала мне айпод в Клируотере. Предупреждение о том, что даже самые простые вещи могут оказать разрушительное действие.

Моя рука не хотела подниматься, не хотела прикасаться к кусочку пластика. Ни с того ни с сего в голове забилась ненормальная мысль. Я могла отказаться. Отказаться проходить это испытание, никогда не увидеть те ужасы, которые, возможно, хранились на этой карте памяти.

И тем самым обречь и маму, и себя на то, что готовили для нас военные на случай моего провала.

Я облизнула губы, удивленно отметив, что они не пересохли. Еще одно фантомное ощущение, иллюзия, как и все остальные. По телу пробежала легкая дрожь, такая мелкая, что я подумала, ее невозможно будет заметить со стороны. Но Лукас заметил. Я поняла это по тому, как он резко втянул сквозь зубы воздух, пораженный моей реакцией.

Нужно было лучше следить за собой.

Его золотистые ресницы опустились вниз, когда он посмотрел на красную пластинку. На миг у меня появилось безумное впечатление, что он сейчас ее выбросит, и наплевать на Холланда. Но Лукас, естественно, этого не сделал; это просто я спроецировала на него свои тайные надежды. Просто увидела то, чего на самом деле не было.

Однако, когда я сжала в пальцах карту, рука Лукаса коротко сжала мою.

— Мне жаль, — шепнул он так тихо, что Холланд со своего сторожевого поста в трех метрах от нас ни за что бы не услышал.

Пока я осмысливала случившееся, Лукас отпустил мою руку и направился к двери.

Увидев, что я смотрю в их сторону, Холланд небрежно отсалютовал мне, видимо, в насмешку. Затем он развернулся и пошел медленнее, чем обычно, чтобы не перегнать Лукаса. Последним, что я увидела, прежде чем нас разделил металлический барьер, было задумчивое лицо Холланда, контрастирующее с бледным лицом Лукаса, в золотистых глазах которого застыла мука.

И я осталась одна. Отсутствием Холланда я была довольна, но Лукаса необъяснимо не хватало.

Карта памяти по-прежнему лежала в углублении моей ладони, несчастные 4 грамма, которых оказалось достаточно, чтобы пригвоздить меня к полу.

Испытание, напомнила я себе, но рука отказывалась послушаться и вставить пластинку в запястье. Я зря тратила драгоценное время, которое пошло бы на подготовку к следующему испытанию, к тому же, провалив это, я потеряла бы всё.

Подгоняя себя такими мыслями, я подняла правую руку и

всунула карту в запястье.

Устройство подключено.

Потоку данных предшествовал слабый зуд, запястье загудело. Волна тепла побежала по руке, прошла сквозь плечо и ворвалась мне в голову.

Мое тело снова взбунтовалось, ноги задрожали, а корпус рефлекторно напрягся. Но в этот раз я была готова. Я сконцентрировалась на том, чтобы полностью расслабить руки, открыть сознание и принять рвущиеся внутрь данные.

Спустя мгновение информация начала со свистом влетать в мою голову, сотни файлов, один за другим. Однако я уже не чувствовала себя как рыба, которую вытащили из воды. В памяти всплыло предупреждение Лукаса.

От тебя требуется не просто запомнить и сохранить факты.

Но проанализировать данные прямо в голове, если верить маме, мне будет сложнее. Держу пари, Номер Три работала с любыми данными в уме, в то время как я по-прежнему использовала для оптимальной обработки информации органы чувств, на человеческий манер. Такое Холланд вряд ли поощрил бы.

Быстрый взгляд на окно подтвердил, что Лукас снова занял наблюдательный пост. В одиночку.

Видимо, Холланд решил, что смотреть на то, как андроид изучает данные, не самый увлекательный способ провести время.

Я посмотрела на Лукаса, обдумывая, стоит ли рискнуть и вывести данные наружу в виде проекции. За это могли снять баллы.

С другой стороны, если это поможет мне набрать больше очков за сам результат, оно того стоит, верно?

Пока я взвешивала решение, Лукас одними губами произнес:

«Вывести».

Решение принято.

Мысленно я повторила:

Вывести.

В момент переключения я ощутила толчок и глазом не успела моргнуть, как оказалась внутри светящегося куба. На его «стенах» мигали зеленым маленькие значки папок. Готовые открыться по моей команде.

В первый момент, когда появился куб, мне захотелось все бросить. Извлечь карту памяти, как я это сделала тогда, в мотеле, и швырнуть ее об пол. Но время, когда я могла прятаться от своих способностей, прошло. Меня для этого создали. Мне было совершенно нечего бояться. По крайней мере, именно такую мантру я шептала себе под нос в надежде, что на самом деле

начну в это верить.

Действуй поэтапно. Начни с простого.

Я сфокусировалась на иконках. Уже начав поднимать руки, я вспомнила о наблюдателях. Я засунула руки в карманы джинсов, приняв твердое решение управлять папками мысленно. Я не могла себе позволить понапрасну терять очки.

Сосредоточившись на папке под названием «СПРАВКА», я заскользила по своему сознанию, отыскивая команду.

Весь процесс проходил более плавно, не так коряво, как в первый раз, в мотеле. Подтверждение тому, что с каждым разом, когда я действовала как компьютер, я становилась все более эффективной машиной.

Открыть папку.

Папка открылась, выпуская документ за документом, и все они повисали передо мной в воздухе.

Не успела я осознать, что происходит, понять, как у меня получается работать так быстро, а файлы уже сдвинулись в стороны, некоторые из них съехали на другие стенки моей информационной камеры. Механизм, притворявшийся моим сердцем, загрохотал о ребра, а в груди разлилась пьянящая смесь восторга и ужаса. Первый документ расположился прямо у меня перед глазами. На самом верху страницы стояло имя. Имя, которое ничего для меня не значило.

Трентон Блейн.

Понимая, что время тикает, я просмотрела остальной текст.

> Белый мужчина, родился в Скрантоне, штат Пенсильвания, возраст 42 года. Рост 173 см, вес 75 кг, волосы темно-каштановые, о шрамах сведений нет.
>
> Отец: Харви Блейн, скончался от неврологической травмы и рака, обусловленного воздействием смеси «Агент Оранж», которому он подвергся за время службы в ходе войны во Вьетнаме.
>
> Мать: Глория Блейн. Проживает в доме престарелых «Счастливые рассветы» в Джексонвилле, штат Флорида. Страдает деменцией.
>
> Род занятий: Программист в «Льюста Энтерпрайзес», легальной IT-компании.
>
> Подозреваемая побочная деятельность: Член-учредитель «Вита Обскура».

Как выяснилось, эта группировка была не слишком привередливой. По всей видимости, Холланд говорил правду, по крайней мере, в этом отношении. «Вита Обскура» похищала любые технологии, до которых удавалось добраться — особенно

военные и оборонные, — а затем продавала тем, кто готов был раскошелиться. Включая террористов. Я вспомнила тех двоих в мотеле и поежилась. Так вот что они собирались сделать — продать меня какой-нибудь террористической организации? Где меня смогли бы использовать в качестве… чего?

Как бы меня это все ни тревожило, я пока не понимала, какое отношение «Вита Обскура» имела к моему заданию.

Когда я закончила выискивать подсказки в этой папке, документы понеслись обратно внутрь. Не успела я мысленно отдать команду, как на место первого значка всплыл значок папки с фотографиями.

Открыть папку.

Первыми замелькали постановочные портреты Трентона. К описанию его внешности я бы добавила бледную кожу, квадратную челюсть и усы. Потом пошли его фотографии с камер наблюдения. В огромном количестве. В офисе, на пробежке, в ресторане, рядом с серебристым внедорожником «Линкольн Навигатор», у высокого узкого дома с красной дверью. Рядом с рекламным плакатом «Набор для мини-гольфа на три лунки. Всегда в форме!». В тренажерном зале и в продуктовом магазине.

Вихрь изображений, на многих из них, кроме Блейна, были и другие люди. Несколько кадров, на которых он ест гамбургеры с лысеющим мужчиной в возрасте, несколько — в тренажерном зале с молодым тренером в спортивной форме. Вот девушка, брюнетка, дает ему урок гольфа. Фотографии разных мужчин, садящихся к нему в машину.

Пересмотрев множество картинок и файлов, я выяснила, что на Трентона успели собрать почти достаточно компромата, чтобы арестовать его, когда — *пуф!* Он исчез, как будто узнал, что его вычислили.

Увидев название следующей папки я, кажется, поняла, откуда.

КРОТ ИЗ «ВИТА ОБСКУРА»

Судя по всему, Холланд считал, что кто-то из них проник в структуру СВОРА, всего за пару недель до того, как сбежала мама. Предполагаемая цель?

Я.

Имя крота нигде не называлось, что показалось мне странным, но у них была одна фотография. Не официальная — очевидно, ее он стер с компьютера, прежде чем сбежать. Нет, это был случайный снимок, на котором он был с двумя другими военными. Я узнала усатого парня — это был один из тех, кто ехал со мной в машине. Второго, коренастого блондина, я до этого не видела. Они были подписаны как Митчелл Хэйрус и Рэй

Таунсенд.

На кроте были темные очки, но я запомнила форму его носа, подбородка, линию роста волос. Так, если нам с мамой удастся отсюда выбраться, мы сможем его узнать.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть светящийся куб, и попыталась проанализировать то, что успела узнать. Я по-прежнему понятия не имела, какую роль эти данные играли в моем испытании, а время почти вышло.

Снова открыв глаза, я стала просматривать файлы быстрее.

Но никакой особой информации из них выудить не удалось. Ведомая отчаянием, я опять начала двигать иконки. Должно быть, я упустила какую-то зацепку. Я уже в третий раз открыла одну из папок, когда за мерцающими зелеными стенами, временно ограничившими мой мир, послышались шаги. Сигнал замка. Звук отъезжающей двери. В зал начали входить люди.

Одним из них был Холланд, и он улыбался.

Глава двадцать восьмая

Я стиснула зубы, надеясь, что это поможет унять дрожь в руках. Продолжая просматривать файлы, я слышала, как ко мне подходят пятеро: четверо из них ступали удивительно тихо, пятый шел не совсем ровной походкой. Среди них был Лукас.

Они подходили все ближе и ближе, пока я не почувствовала, что Холланд навис надо мной, пока не ощутила их дыхание на своем затылке.

Мое сердце словно начало спотыкаться; близость этих людей жгла мне кожу, хотелось сделать шаг вперед, отойти на безопасное расстояние, но я не сдвинулась с места.

Полная решимости, я махнула рукой, от чего еще одна светящаяся папка открылась, раскидав свое содержимое по виртуальной стене. Я справлюсь. Я смогу абстрагироваться от них и закончить задание. Их приход — просто часть испытания, попытка запугать меня.

Я почти убедила себя в этом, когда две пары грубых рук схватили меня за плечи и оттащили назад. Я попыталась вырваться, но мои запястья обхватило что-то холодное и гладкое. Наручники. Цепь.

Светящиеся значки папок мигнули и погасли, когда я рванула руки в стороны.

Предел прочности: 454 кг.

Это были не простые наручники.

У меня перехватило дыхание. Резкий толчок в спину заставил меня идти вперед. Если меня пытались запугать, то у них получилось.

Надеюсь, мне удалось это скрыть.

Половину пути до двери я молчала, но в конце концов выпалила:

— Это тоже часть испытания?

Вместо ответа последовал еще один сильный толчок в спину. Я пошатнулась, восстановила равновесие и пошла дальше. Первое: разговаривать нельзя.

Хорошо, что Холланд сейчас не мог заглянуть ко мне в голову. Иначе он бы, наверно, сразу же объявил, что я провалила испытания — увидев, какие детальные планы мести я составляю.

Через два шага я поняла, куда меня ведут, и кровь застыла в моих искусственных жилах, а ноги окаменели.

Никаких эмоций. Никаких эмоций. Никаких.

Я не начала задыхаться только потому, что твердила про себя это заклинание.

Еще несколько шагов и тычков в спину, и меня подтолкнули к цепям, вмурованным в пол, фиксируя мои руки.

Этими же цепями сковывали Номер Один, когда ее заставили проходить испытание пытками.

А рядом, на столе, посреди затейливой коллекции инструментов, лежала дрель, которой Холланд сверлил грудь Номер Один — а в воздухе все звучал ее крик.

— Сюрприз, — тихо протянул Холланд, поднимая дрель. — Так вот, испытание заключается в следующем. Вся информация, которую ты только что узнала из этих файлов, засекречена. Если выдашь мне хотя бы один несчастный факт, это провал.

Пока он говорил, я оторвала от него взгляд, всматриваясь в лица стоявших позади солдат — я узнала в них Митчелла и Рэя с той фотографии — но от них помощи ждать не приходилось. Они опустили глаза, уставившись на свои ноги. Люди Холланда боялись его.

Что же до Номер Три — когда я увидела собственные глаза, без намека на сочувствие взирающие на то, как меня собираются пытать, по коже побежали мурашки. Я убеждала себя, что ее невозмутимое лицо должно меня успокоить, что мне нужно последовать ее примеру.

Но, когда Холланд нажал на кнопку и дрель завизжала, весь здравый смысл испарился.

О боже. Вот и всё. Даже зная, что бояться не надо, потому что я почти не ощущаю боли, я не могла с собой справиться. От дребезжащего звука дрели на меня с силой урагана обрушилось ужасное воспоминание. О другой Миле, о том, как она кричала. О той, которая чувствовала всю боль от того, что с ней делали. Совсем как человек.

Девушка, чью печальную судьбу решили пытки.

Сверло серебристым вихрем крутилось под белым светом ламп. В этом зрелище была даже своего рода красота — смертельная красота. Смотреть на него, ждать, когда острие вонзится в меня, было невыносимо. Я слишком боялась, что страх отразится на моем лице.

Вместо этого я вытянула шею и устремила взгляд на человека, стоявшего дальше всех, в паре метров от остальных. На Лукаса. Он встревоженно, но твердо посмотрел мне в глаза. Пристально. Словно пытался усилием воли придать мне сил. Мне нужно было ухватиться за что-то, что угодно, что отвлекло бы меня от снижавшейся к моей груди дрели, и я сконцентрировалась на голубых и зеленых точках в глазах Лукаса. Я снова и снова пересчитывала их, а дрель все приближалась, пока я не ощутила кожей шепот ветерка,

вызванного движением сверла.

Никаких эмоций. Никаких эмоций. Никаких эмоций.

— Смотри на меня, — приказал Холланд, и я повиновалась, прерывисто дыша. Но я посмотрела сквозь его грубое лицо, представляя маму, которая сейчас зависела от меня, в камере. Я представила лицо Хантера. Я даже Негу представила. Что угодно, лишь бы не думать о дрели.

Я приготовилась игнорировать любые вопросы, которые мог задать Холланд. Я на них не отвечу, что бы ни случилось. Дрель была уже совсем близко, ее кончик почти касался кожи, и мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не отдернуться. Может, у меня и был высокий болевой порог, но от мысли о том, что сверло вот-вот вонзится в мою плоть, пробьет ее, оставив зияющую дыру, которая обнажит мои внутренности, меня захлестнул ужас перед этим надругательством. Мы не сдвигались с этой мертвой точки, казалось, целую вечность, хотя прошло, наверно, всего несколько секунд. Однако каждая секунда становилась маленьким триумфом моей силы воли.

Я не стану дергаться. Не стану кричать. Не доставлю Холланду ни капли подобного удовольствия.

Резко сдвинув руку, он переместил дрель к моему уху, но я была готова к любому повороту. Я не шелохнулась, даже когда сверло завибрировало внутри моего слухового прохода, в опасной близости от того, чтобы погрузиться мне в мозг.

В одно мгновение дрель еще жужжала, а в следующее — замолкла. Я в смятении смотрела, как Холланд отступает, забирая с собой инструмент.

— Хорошо, — заключил он, но его взгляд не соответствовал сказанному. Когда Холланд зашел мне за спину, я приготовилась снова услышать дрель, но вместо этого железные кольца потянули мои запястья вверх, раздался щелчок. Я вдруг осознала, что мои руки свободны.

Я потрясла головой:

— Я не понимаю… Что?..

Двое солдат скользнули за спину Лукаса и заломили ему руки. Судя по его расширившимся глазам и изумленному возгласу, он так же, как и я, понятия не имел, в чем дело. Потом к нему подошел Холланд, и секунду спустя запястья парня оказались в наручниках, которые я только что освободила.

— Что происходит? — спросил Лукас впечатляюще спокойным голосом.

— Планы изменились, — ответил Холланд.

— Эм… сэр? — озадаченно произнес Лукас. Он еще не был встревожен, но между бровей уже залегла складка. Зато мое

беспокойство продолжало расти с каждой секундой, пока его подводили к цепи и прикрепляли ее к наручникам.

Пока я смотрела на Лукаса, я чувствовала, что стальные глаза Холланда наблюдают за мной.

— При добыче информации в боевой обстановке иногда приходится прибегать к крайним мерам. Нам нужно убедиться, что твои эмоции тебе не помешают.

Он снова повернулся к Лукасу, и от того, что внимание Холланда переключилось с меня на кого-то другого, я почувствовала облегчение, и давление в груди немного, но ослабло. Но уже через миг оно вернулось с удвоенной силой.

— Лукас, я изменил те файлы, которые ты выдал Миле, удалив из них имя крота. Чтобы пройти испытание, Мила должна силой извлечь эту информацию.

Извлечь. *Извлечь.*

Наступившую гнетущую тишину нарушал только шорох подошв неловко переминавшихся с ноги на ногу солдат. Меня замутило от ядовитой смеси неверия и ужаса. Хотелось потрясти головой — нет, встряхнуть Холланда — закричать, что я ни за что не стану в этом участвовать, но я снова ощутила на себе его взгляд, внимательный, ищущий. Он был готов атаковать при малейшем намеке на эмоциональную реакцию.

Это не могло быть правдой, сказала я себе. Он не мог на самом деле ожидать, что я стану пытать Лукаса. Это было бы безумием, даже для Холланда.

Но то, как и без того бледное лицо Лукаса начало терять цвет, говорило об обратном.

— Я, конечно, понимаю, что это может показаться жестоким, но я стараюсь быть реалистом, — сказал Холланд, жестикулируя морщинистыми руками для пущей выразительности. — Когда ты будешь на задании, ты можешь встретить довольно неплохих людей. Черт возьми, некоторые из них могут тебе даже понравиться. Но все это не имеет значения.

Его глаза вспыхнули. Он шагнул ко мне, как будто одна его физическая близость могла как-то убедить меня принять его аргументы, заставить меня согласиться с тем, что пытать людей, пытать Лукаса — это просто неотъемлемая часть жизни.

— Единственное, что имеет значение, это конечная цель — добыть информацию. Информация способна спасти жизни, и это решающий фактор.

Холланд придвинулся еще ближе и понизил голос настолько, что его могла услышать только я.

— Ты же все понимаешь, правда, Номер Два? — сказал он, и его шелковистый шепот проскользнул мне под кожу, превращая

меня в глыбу льда. Я чуть не задохнулась, когда заледеневшие ноздри ощутили специфический мятно-спиртовой запах, а потрясенный заледеневший мозг прошила одна-единственная мысль.

Холланд был серьезен. Все было по-настоящему.

Он выпрямился, разгладил руками и без того не сбившуюся рубашку и заговорил громче.

— Чтобы пройти это испытание, тебе нужно выяснить имя крота. Лукас, — рявкнул он, не сводя глаз с меня, — твоя задача — сохранять эту информацию в тайне столько, сколько возможно. Тебе все ясно?

Я умоляюще посмотрела на Лукаса из-за неподвижного плеча Холланда. *Скажи «нет». Скажи «нет», и покончим с этим кошмаром прямо сейчас.*

— Но сэр…

Холланд поднял руку, останавливая его:

— У нас уговор, помнишь? Ты выполняешь приказы, а я помогаю этому недоноску, твоему братцу. Попробуем еще раз. Тебе все ясно?

Холланд помогает его брату? В чем? Насколько все должно быть плохо, чтобы Лукас на такое согласился? Потому что в одном сомневаться не приходилось: такой человек, как Холланд, не потерпит отказа от подчиненного, тем более при людях.

Хотя я заранее знала ответ, от произнесенного Лукасом «ясно» сердце больно сжалось.

И тут я заметила, что Лукас сжал губы, что его левая нога слегка дрожит, и поняла, что согласился он не по своей воле. Ничего подобного. Так что оставалось единственное разумное объяснение: у Холланда было что-то на Лукаса, что-то серьезное.

И Холланд воспользовался этим, чтобы сделать парня пешкой в своей очередной безумной игре.

— Ты смотри, мы этого парнишку любим, так что постарайся его не убить и не слишком покалечить — просто заставь его заговорить. Кстати, как насчет небольшого дополнительного стимула? — Он посмотрел на свои громадные часы. — Если успеешь добыть сведения о подозреваемом за десять минут, я позволю тебе увидеться с Николь.

До этого момента меня подмывало открыть рот и сообщить Холланду, куда ему пойти со своими идеями. Подмывало отказаться, провалить испытание и понадеяться на то, что следующее я пройду на ура. Но после этих слов я резко подняла голову.

На его тонких губах заиграла торжествующая улыбка, но мне было все равно. Мама. Он позволит мне встретиться с мамой. Не

успела я опомниться, как уже сделала шаг, другой, третий в сторону Лукаса, внутри все буквально зудело от нетерпения увидеть маму.

— Вот видишь. Я знал, что ты на это способна. Не хватало только правильной мотивации.

Голос Холланда прямо-таки сочился удовольствием, это должно было меня остановить. Я должна была ощутить стыд за свою мгновенно возникшую готовность подчиниться.

Но я не могла думать ни о чем, кроме мамы. Где ее заперли, как она? И даже — жива ли она вообще?

Я прошла оставшееся до Лукаса расстояние, замечая, что каждый следующий шаг дается труднее предыдущего. Борясь с отчаянием, я напомнила себе, что он тут работает. Что каким бы добрым он ни притворялся, он был участником этой тайной садистской операции. Он был участником группировки, которая не пускала меня к маме. Группировки, которая могла уничтожить меня, не моргнув и глазом.

Когда я наконец оказалась перед Лукасом и заглянула ему в глаза, у меня перехватило дыхание.

Не знаю, чего я ждала, но точно не едва заметного кивка. Как будто он давал мне разрешение приступать.

Моя решимость тут же дрогнула. Безудержное желание увидеть маму вступило в борьбу с резким нежеланием причинять боль беззащитному человеку, с отвращением от этой мысли. Казалось, противоборствующие чувства вот-вот разорвут меня на части. Я отвела взгляд, в глазах запекло.

Я не могла это сделать.

Мне необходимо было попытаться.

— Скажите мне, кто крот, — произнесла я, даже не глядя на Лукаса.

— Ничтожество, — неожиданно сказал он.

Лукас выплюнул это слово, как будто оно было противным на вкус. Вся та мягкость, которую я замечала в его лице раньше, пропала, глаза зло сощурились.

— Что? Если ты не можешь даже ударить парня, который сам составлял эти испытания, в боевых условиях ты будешь безнадежна. Тебя и правда стоит ликвидировать.

Я ахнула, а потом поняла, в чем дело. Лукас пытался подначить меня, чтобы я захотела его ударить.

Ликвидировать.

И у него в какой-то степени получилось.

— Лукас, не выходи из образа, — предостерег Холланд, временно перестав растягивать слова.

— Извините. — Но раскаяния в его голосе не было.

— Кто крот, отвечай! — прокричала я, сократив расстояние между нашими лицами всего до пары сантиметров.

Над головой безжалостно палили люминесцентные лампы, высвечивая нас, словно персонажей какой-то мрачной пьесы.

Лукас покачал головой и громко протяжно вздохнул.

— Что бы ты со мной ни сделала, крот выследит тебя. Он разберет тебя на запчасти, и кто знает, что он сделает с твоей мамашей. Убьет, наверно. Правда, она красивая, так что, думаю, сначала он…

Не успел он договорить, как мой кулак влетел ему прямо в левую скулу.

Понимание обрушилось на меня, когда мои костяшки уже коснулись его кожи. Я отдернула руку. Слишком поздно. Кулак с тошнотворным звуком врезался в скулу, и голова Лукаса мотнулась в сторону. Без помощи рук он не смог сохранить равновесие, и за головой последовало все тело. Он рухнул на землю, и комнату огласил его сдавленный вскрик.

Ужас начал расходиться по моему телу, словно нефтяное пятно — тяжелый, густой и грязный. Оба солдата, стоявшие недалеко от Лукаса, замялись, как будто хотели помочь ему подняться, но не были уверены, что им это разрешено. Один из них даже тихо выругался. Эта ситуация никому не нравилась. Никому, кроме Холланда.

Лежа на спине, Лукас простонал, после чего встряхнул головой и неловко перекатился на бок — ему мешали скованные за спиной руки. Я двинулась было вперед, чтобы помочь ему, но на мое плечо опустилась большая рука.

— Тебе придется постараться как следует. Лукас у нас крепкий орешек, да, сынок?

От прикосновения Холланда по коже поползли мурашки, но я не сбросила его руку. Собрав все свое самообладание, я заставила себя твердо стоять на ногах и говорить спокойным голосом.

— Я справлюсь, — заявила я. Пусть даже что-то внутри меня разлетелось на осколки, когда я увидела, как Лукас неуклюже поднимается на ноги.

— Точно? А может, тебе пригодится помощь?

Он повернулся и кивнул кому-то за моей спиной. Мгновение спустя вперед плавно выступила Номер Три.

— Я предпочитаю менее грубые и более болезненные методы. Например, дрель. Или клещи для ногтей. Обычно они дают больший эффект за меньшее время, — сообщило мое отражение, безмятежно кивая в сторону инструментов на железном столе, как будто мы с ней обсуждали пилочки для ногтей.

От ее бесстрастного комментария мне стало тошно.

На щеке Лукаса проступил красный след от удара, а лицо начало опухать, из-за чего правый глаз превратился в щелку. Парень ничего не сказал, но его взгляд метнулся от Номер Три к столу и обратно, и я заметила, как у него на лбу выступила капелька пота, которая медленно, медленно скатилась вниз по носу.

Меня Лукас, может, и не боялся, но он явно опасался Номер Три.

Номер Три потянулась за клещами, и я поняла, что нужно что-то делать — нельзя было подпускать ее к Лукасу. Я встала между ними.

— Ты собираешься рассказать мне о кроте, или мне еще раз тебя ударить?

«Пожалуйста, просто ответь мне», — мысленно умоляла я его. *— «Пожалуйста. Пожалуйста».*

Лукас замешкался, и на один прекрасный миг меня переполнило облегчение. Потом Холланд прочистил горло, и лицо Лукаса посуровело.

— Покажи, на что ты способна.

Черт.

Пытаясь взглядом попросить прощения, я замахнулась и быстро ударила его кулаком по почкам.

Я смягчила удар, насколько это было возможно сделать, не вызвав подозрений у Холланда, но этого оказалось недостаточно. Лукас сложился пополам, шагнул назад и оступился, споткнувшись о цепь. Он снова упал на пол, на этот раз приземлившись на колени с тяжелым стуком, который эхом разнесся по пустому залу, отчего я съежилась.

С каждым ударом во мне становилось все меньше от той девушки, ради спасения которой мама рискнула всем, и все больше от того чудовища, которым так отчаянно хотел меня видеть Холланд.

— Отлично сработано… но я бы все же выбрала клещи, — задумчиво сказала Номер Три, наклонив голову и с детским любопытством рассматривая Лукаса. Тот застонал и медленно попытался выпрямиться.

На этот раз солдаты бросились вперед и помогли парню встать, даже подхватив его, когда он покачнулся.

— Руки прочь от пленника, — рявкнул Холланд. Солдаты тут же отпустили его и поспешно отступили.

Все это должно было закончиться, прямо сейчас. Лукас обязательно заговорит, и никто не будет его за это винить. Но, когда я рискнула украдкой посмотреть на Холланда, мое фантомное сердце камнем ухнуло вниз. Генерал стоял, скрестив

руки на груди, а его взгляд лениво скользил по еле державшемуся на ногах Лукасу. И я заметила, как губы Холланда на миг изогнулись в улыбке, хоть она и исчезла почти сразу, как только появилась.

В этот момент я поняла, что все это садистское испытание проводилось не только для меня.

Внутри меня разгорелся огонь, пламя начало разрастаться, охватывая мое тело, словно полный сухостоя лес.

— Номер Три, передай Номер Два клещи.

Пожар заревел громче.

Номер Три передала мне клещи, и мои пальцы сомкнулись на них. *Мама,* подумала я. *Мама.*

Схватив Лукаса за ворот рубашки, я дернула его на себя, едва веря в то, что я это делаю. Я ненавидела себя, я даже ненавидела Лукаса. Но больше всех я ненавидела Холланда.

Лукас тяжело приземлился на больную ногу и зашатался, восстанавливая равновесие.

— Вот это видишь? — Очевидно, видел, потому что я размахивала клещами прямо у него перед носом. Я отпустила ворот и вместо этого вцепилась в левую кисть Лукаса, стиснув ее сильнее, чем собиралась.

— Расскажи мне о кроте, и я не стану трогать твои ногти. В противном случае я начну выдергивать их, один за другим.

Кто сказал все эти ужасные вещи? Это не могла быть я.

Я ослабила хватку.

— Пожалуйста. Просто ответь мне, и покончим с этим.

Лукас смотрел сквозь меня, а по его носу стекла еще одна капля пота. Так же как и в прошлый раз, но с одним отличием. На этот раз эту реакцию вызвала не Номер Три.

Я посмотрела на его руку, на сильную мозолистую ладонь и пальцы с короткими чистыми ногтями, и спросила себя, как все могло до такого дойти.

— Номер Два, я должен быть на сто процентов уверен в серьезности твоих намерений. Клещи, — потребовал Холланд.

Я крепче сжала в руке холодный металл инструмента, и Лукас побледнел. Но не дрогнул. Грудь парня поднялась, когда он сделал глубокий судорожный вдох, после чего он выдохнул сквозь сжатые губы.

А потом его плечи обмякли. Его светло-карие глаза встретились с моими. И как будто кто-то просунул руку мне в грудь, схватил мое фальшивое сердце и сжимал его, пока оно не взорвалось. Он думал, что я это сделаю.

— Ну же, Номер Два, — настаивал Холланд с предвкушением в голосе, от которого меня затошнило.

Внутри меня вдруг снова вспыхнул огонь, охватывая всё, захлестывая мою руку. В ушах бешено застучала кровь.

Клещи.

Лукас.

Мама.

Все еще крепко сжимая клещи, я резко развернулась к Холланду. Выражение потрясения не успело до конца оформиться на его морщинистом лице, когда я засадила клещами ему по ребрам.

Глава двадцать девятая

Его крик разнесся по залу, и на долю секунды все застыли, даже Номер Три — а потом начался настоящий хаос. Понимание обрушилось на меня, и я попятилась, но было уже поздно. Я облажалась. По-крупному.

Номер Три кинулась к Холланду, а солдаты бросились ко мне, но опасливо остановились в нескольких шагах, словно я была диким животным.

И, по-моему, они были совершенно правы.

Клещи выскользнули из моих пальцев и загремели по полу. Я подняла руки вверх, а Холланд зашелся кашлем.

— Сэр? — Усатый солдат оглянулся через плечо. — Прикажете задержать ее?

Холланд еще раз кашлянул, вытер рукой слезящиеся глаза. Я ждала, когда он назначит мне наказание, но вместо этого он начал смеяться, задыхаясь, болезненным смехом, от которого у меня по спине побежала дрожь.

— Ну вот — вот это Номер Два, которую я помню.

— Сэр?

— Что? А, нет, не надо, — сказал Холланд, отзывая их небрежным взмахом руки, от которого он поморщился. — Оставьте ее. Черт возьми, я сам виноват. Знал же, что она сорвется — надо было встать подальше.

— Вы ведь ее накажете, да, сэр? — Это спросила Номер Три, скорее с любопытством, чем с негодованием.

Холланд посмотрел на меня, сощурившись. И, хотя он ничего не сказал, я точно знала, о чем он думает. Не было такого наказания, которое заставило бы меня страдать сильнее, чем сейчас, после того, что я сделала.

Испытание номер два обернулось полным провалом. Значит, у меня оставалась последняя возможность спасти маму. А мои шансы на успех сейчас выглядели весьма сомнительно.

Я смотрела, словно в тумане, как Холланд сказал что-то солдатам, потом освободили Лукаса, и Номер Три и Холланд повели его под руки в лазарет. Затем все те же двое солдат отвели меня в крошечную камеру, размером не больше чулана. На кровати лежал комплект камуфляжа.

— Переоденься, — не без мягкости в голосе сказал тот, который был пониже и помускулистей. Рэй. — Через час за тобой кто-нибудь придет.

Он вышел, и дверь за ним закрылась на замок. Я прислонилась к стене и сползла на пол, закрыв лицо руками. Но

скрыться от роившихся в голове мрачных мыслей это не помогло. Мое дыхание все учащалось и учащалось, так что это чуть не вылилось в приступ гипервентиляции, когда я спохватилась, вспомнив о камерах наблюдения, и попыталась остановиться.

Когда Холланд сказал «вот это Номер Два, которую я помню»… что он имел в виду? Я что, в прошлом пытала людей? И даже если я как-то ухитрюсь пройти все испытания, меня что, ждет такое будущее? Если так, то, наверно, стоит просто сдаться.

Может, ликвидация — лучший выход.

Я сжала кулаки, выталкивая мрак из своей души, пока не забрезжил свет. Свет надежды. Я не могла себе позволить такие мысли. Если меня ликвидируют, мамина жизнь кончена. Да и к чему хорошему это приведет? Они просто сделают еще одну машину МИЛА, такую как Номер Три, которая будет брать клещи и пытать людей, абсолютно ничего при этом не чувствуя, пока они не взмолятся о пощаде.

Да, я позволила Холланду довести меня до того, что я причинила боль Лукасу, но я хотя бы остановилась. Я остановилась до точки невозврата, пришла в чувство раньше, чем успела нанести непоправимый ущерб.

Это было слабым утешением, но все же лучше, чем ничего.

Не успела я опомниться, как Лукас уже вел меня по очередному коридору. С того момента, как он пришел за мной, щеголяя фиолетово-черным подтеком на щеке, и спросил, готова ли я, мы ни словом не обмолвились. Он ступал тяжелее, его походка казалась еще более неровной, чем раньше, и каждый шаг служил болезненным напоминанием о том, что я натворила.

Наконец я не смогла больше сдерживаться. Я выпалила:

— Лукас, прости…

Он перебил меня:

— Не надо. Ты пыталась спасти доктора Лор… свою маму, я понимаю. Поверь мне, я делал вещи не лучше, чтобы помочь своей семье. Даже хуже. Так что давай просто пойдем дальше, хорошо?

Несмотря на его слова, я думала, что молчание, сопровождавшее наш путь по коридору, означало, что он на меня зол. Только позже я поняла, что это было чувство вины.

Лукас вел меня через лабиринт тускло освещенных коридоров. Мы проходили под бетонными арками, встретили троих незнакомых солдат — все они кивком приветствовали Лукаса, но старались держаться подальше от меня. Я отводила взгляд. Мне и так было трудно, не хватало еще увидеть

осуждение в их глазах.

Мы остановились перед лифтом. Лукас предоставил образец ДНК — *Образец ДНК идентифицирован: Лукас Уэбб. Пожалуйста, введите персональный код доступа* — и свой код, и двери открылись.

Он нажал на кнопку «В», и мы начали погружаться еще ниже в бетонные подземелья комплекса.

В отличие от прошлого раза, Лукас не пытался завязать беседу. Он смотрел прямо перед собой. Тишина натянулась между нами, заполняя металлическую коробку настолько осязаемым напряжением, что я могла поклясться, что чувствую, как холод давит на нас со всех сторон, и на человека, и на андроида. Сейчас эти двери откроются, и у меня будет последний шанс. У меня и у мамы.

Лифт остановился. Когда двери открылись, нас ослепило неожиданно ярким светом, и ненужный мне вдох застрял у меня в горле. Неожиданностью для меня стали и колоссальные размеры помещения, и высота его потолков.

Высота: 9,22 м.

Но в том, что касается сюрпризов, габариты подвала не шли ни в какое сравнение с его содержимым.

Перед нами оказалась копия площади идиллического городка. Вдоль кирпичных зданий с зелеными и красными навесами тянулись широкие, безупречно чистые тротуары. У тротуаров примостились синие фонари, небольшие газоны, четыре дерева в горшках и даже изящный синий почтовый ящик. Веселенькие вывески на зданиях гласили: Гостиница! Кафе! Банк!

Крошечный искусственный город, где-то в десяти метрах под землей. Явление странное, но не слишком пугающее.

На меня нахлынули воспоминания о предыдущем испытании — выражение лица Лукаса, который был уверен, что я стану его пытать, Холланд, клещи, — служа предупреждением: внешность может быть обманчива.

Слева от нас находилась огромная бетонная колонна, в верхней части которой было оборудовано помещение с выходящим в зал окном. Позади колонны я заметила металлическую камеру овальной формы, доходившую до дальней стены.

Там смотреть было не на что, так что я снова повернулась к декорациям города.

— Что это такое?

Стоявший рядом Лукас переминулся с ноги на ногу.

— *Это* модифицированная версия «Аллеи Хогана», полигона в Куантико, на котором агенты ФБР и иногда военные проходят

обучение бою в городских условиях, поскольку на нем можно моделировать маневры в густонаселенных районах. Мы вроде как позаимствовали у них идею. Естественно, пользоваться этим полигоном имеют право только те, у кого есть особый допуск в связи с участием в проекте МИЛА.

— Особый допуск. Это что, значит, что я особенная? — пошутила я, надеясь, что это поможет хотя бы сдержать растущую тревогу.

Невыразительное лицо Лукаса на миг осветилось слабой улыбкой, но она очень быстро исчезла, как будто солнце скрылось за тучами, и в теплом воздухе неожиданно повеяло холодом. Он засунул руки в карманы, отказываясь смотреть на меня.

— Я не уполномочен обсуждать ничего, кроме последнего испытания, — сказал он, чеканя каждое слово.

Я кивнула, игнорируя подступивший к горлу комок.

— За городом проходит то, что здесь обычно называют «Экзамен».

Я проследила направление его пальца, туда, где изящные старомодные здания самодельного города сменялись грудами досок и грязи, вид которых говорил сам за себя: здесь велись военные действия. Я перевела взгляд дальше, где тротуары заканчивались, упираясь во внушительную бетонную стену — дальнюю стену этого помещения, — а улица выходила к темной арке входа. Туннель.

— Экзамен?

Лукас потеребил воротник.

— Это полоса препятствий, которую генерал Холланд использует, когда нужно убедиться, что солдат готов… к любым непредвиденным обстоятельствам.

Я неотрывно смотрела на вход в туннель, стараясь не обращать внимания на страх, оплетавший меня своими темными холодными щупальцами.

— В этом испытании твоя единственная задача — пройти Экзамен, набрав как можно больше очков. С тобой будет соревноваться Номер Три. Так как она уже выполняла это задание, мне поручили провести для тебя краткий инструктаж.

Номер Три? Щупальца сжались сильнее.

— Тебе необходимо будет преодолеть серию препятствий, сначала в «Аллее Хогана», потом на Экзамене. Среди препятствий будут колючая проволока, вертикальные стенки, канат, туннели и мины — разумеется, учебные, — добавил он, когда я потрясенно ахнула.

— По пути будут встречаться солдаты, выступающие в роли вражеских сил. Их следует воспринимать как реальную угрозу. У

них может быть учебное оружие, и, если в тебя попадут, за это снимут баллы.

Могло быть и хуже, попыталась я себя подбодрить, чувствуя, как в животе затягивается узел. Гораздо хуже, учитывая, какие ужасы способен придумать Холланд.

— Если ты допустишь промах, который в боевых условиях привел бы к серьезным повреждениям, за это снимут баллы. Кроме того, на полосе препятствий будут солдаты в роли гражданских лиц, — продолжил Лукас. — Если кто-то из них пострадает из-за твоих действий…

— Дай угадаю — за это снимут баллы.

Лукас развернулся ко мне, сжав кулаки:

— Мила, это не шутки! Тебе нужно сосредоточиться. — Отсутствие улыбки и его резкие слова отрезвили меня. Впервые с того момента, как мы вышли из камеры, Лукас уставился мне прямо в глаза, сдвинув брови с несвойственной ему свирепостью, и я поняла, что дело плохо, очень плохо. Узел в животе скрутился еще туже.

— А теперь поверни, пожалуйста, голову направо — мне нужно ввести блокирующее устройство.

Он встал под неудобным углом, как будто хотел, чтобы его манипуляции не было видно. Его пальцы осторожно отогнули мое ухо. По коже скользнуло что-то холодное и металлическое, в голове загудело.

Чип безопас…

Мой внутренний голос вдруг смолк и… ничего. Когда Лукас отступил, моя рука тут же взлетела к уху, нащупывая тонкую полоску компьютерного чипа.

— Механизм отключит некоторые из твоих функций по истечении первой минуты, чтобы смоделировать короткое замыкание.

Погодите, какие из моих функций? Но не успела я выяснить подробности, как слева от нас замерцал свет. Окно наблюдательного поста наверху колонны осветилось, представляя взору комнату, обставленную как кинозал. В ней стояли три ряда кресел, напротив которых был большой экран телевизора. Я увидела из-за спинок четыре головы, но ни одна из них не была с проседью, как у Холланда. Номер Три там тоже не было.

Словно по команде, лифт за нами загудел и открылся.

Когда Лукас оглянулся через плечо, его напряженное лицо едва заметно расслабилось.

— Где генерал Холланд? Он передумал?

Я обернулась и увидела, что в нашу сторону плывет Номер Три, одетая в такую же тускло-коричневую армейскую форму, как

я. Я неосознанно подняла руки к волосам и ощупала концы коротких неровных прядок, доказывая себе, что мы с ней не одно и то же.

— Нет, он просто готовит для Номер Два, — знакомые зеленые глаза, *мои глаза,* обратились на меня, — особое задание. — Она улыбнулась все той же безмятежной улыбкой, но то, что она разглядывала меня с большим любопытством, чем обычно, не предвещало ничего хорошего.

Хватит.

— Какое еще особое задание? — требовательно спросила я. Скрестив руки на груди, я повернулась лицом к Лукасу — как раз вовремя, чтобы увидеть, как он запускает руки в волосы. Он прикрыл глаза и сделал неровный хриплый вдох.

Номер Три тоже посмотрела на него.

— Все это так необычно, — только и сказала она. Необычно? Забавно, а я бы выбрала гораздо менее приличное слово.

Помня о камерах наблюдения, я заставила себя расслабиться, протирая неожиданно взмокшие ладони о штаны — раз, другой, третий.

— Кто-нибудь может объяснить мне, что происходит? Почему мы тут стоим и ничего не делаем? Когда все начнется?

Вместо ответа раздалось громкое жужжание механизма. Мы все втроем повернулись налево, где начали подниматься металлические стены камеры, которую я заметила раньше. Из-под них показалось стекло. Металл медленно, со скрипом двигался вверх, и сначала я подумала, что камера пуста. Пока мой взгляд не скользнул вправо, к дальней стене. Там виднелись женские кроссовки. Белые кроссовки с синими шнурками.

Тошнотворная смесь надежды и страха встала поперек горла, не давая мне сглотнуть. На мгновение я забыла обо всем — об Экзамене, Номер Три, Лукасе, подвале, — только смотрела под быстрый, глухой стук сердца, как появляются ее ноги, торс, шея, подбородок. И наконец я увидела ее лицо, впервые с тех пор, как нас разлучили на аэродроме.

Меня охватило нетерпение, и я резко шагнула вперед.

— Мама?

— Нет!

От резкого оклика Лукаса я запнулась.

— Предупреждаю, твое поведение перед началом испытания тоже будет учитываться при подсчете очков, — продолжил Лукас.

На один краткий, отчаянный миг я готова была не придать этому значения, но, осознав ситуацию, застыла на месте. Если я потеряю слишком много очков…

Я снова была в ловушке и, сконцентрировав внимание на

почти неподвижной фигуре мамы, заметила, что ее зрачки расширились так, что глаза казались черными, а не голубыми, поза выдавала вялость, а руки были примотаны к спинке стула. Она повернула голову, и ее губы шевельнулись. *«Мила»,* — беззвучно произнесла она. Ее рука слегка дернулась, натянув ленту скотча, после чего тело обмякло, а голова повисла как у куклы.

Я и сама стояла беспомощная, как кукла.

В глубине комнаты появилась узнаваемая фигура с седой шевелюрой — Холланд. Он сжимал что-то в левой руке, но мне не было видно что. Шагал он осторожнее, чем обычно, а плечи опустились, лишив его характерной прямой осанки. Я заметила, что при каждом вдохе он слегка морщился.

Я перевела взгляд на его грудь. На то место, по которому я врезала клещами.

Сила удара: 5 МПа. Высокая вероятность перелома 5 и 6 ребра.

Ни капли стыда из себя выдавить не удалось.

— Что он там делает?

— Это часть испытания, — сказал Лукас странным бесцветным тоном.

Эти слова загрохотали у меня в голове как приближающийся поезд, а Холланд за стеклом повернулся к нам. Из скрытых динамиков зазвучал его голос:

— Ну что, как я понимаю, Лукас уже провел ликбез по правилам, но я подумал, что стоит внести небольшое дополнение, придать немного остроты. Если игра слишком легкая, от победы никакого удовольствия, правильно?

Неправильно, чуть не закричала я, и Холланд посмотрел на меня, сощурившись. Уголки его губ дрогнули, как будто он знал, чего мне хочется, и подзадоривал меня это сделать.

Я стиснула зубы, борясь с искушением.

— Я подумал, что тебе с Номер Три нужно устроить настоящее соревнование. Проходя Экзамен, вам нужно будет обнаружить и унести с собой макет взрывного устройства. Когда будете искать — постарайтесь как следует, потому что устройство только одно, и тот, кто придет с ним к финишу, получит существенный бонус. Я сегодня щедрый, так что я даже подскажу тебе, где нужно искать: оно зарыто в груде бесполезного хлама на выходе из туннелей. Как тебе такая подсказка?

Он сделал паузу и посмотрел на таинственный объект в своей руке, после чего продолжил.

— Так вот, если в реальной жизни взрывается бомба — то всё, игра окончена. Наш мальчик хотел назначить штраф в несколько очков для того случая, если макет упадет на землю, но я не

согласился. Я решил — черт возьми, пусть это будет наш *главный* штраф. — По постаревшему лицу Холланда проползла тень улыбки. — Лукас, ты не мог бы продолжить объяснения?

Лукас избегал смотреть мне в глаза.

— Если ты уронишь макет, тебе будет автоматически засчитано поражение.

Мое сердце ухнуло вниз. Ни за что, ни в коем случае не ронять макет.

— А какое это все имеет отношение к маме?

— У тебя будет ровно пятнадцать минут, чтобы войти в зону Экзамена, найти макет и дойти с ним до конца полосы препятствий. Номер Три будет проходить полосу параллельно с тобой, и различия в исполнении будут влиять на общий счет.

Это мы уже проходили, но он пока так и не ответил на мой вопрос.

Мой взгляд переметнулся на Холланда, и я обнаружила, что его стальные глаза смотрят на меня. Поймав мой взгляд, он демонстративно разжал руку, показывая ярко-желтый предмет.

Зажигалка.

Я взглянула на нее, потом в дальний конец комнаты, где сидела связанная и накачанная успокоительным мама. В голове пронеслась ужасная мысль. Нет, не может быть.

— Это испытание предназначено для того, чтобы проверить твою способность концентрироваться на поставленной задаче в условиях экстремального эмоционального давления, — продолжил Лукас. — Тебе нельзя ни по какой причине отклоняться от цели. Ни — по какой — причине.

В этот момент Холланд чиркнул мясистым пальцем по колесику зажигалки. Зажигалка вспыхнула.

Кожу головы закололо тонкими иголочками страха.

— Чтобы оценить твою способность действовать под такого рода давлением, генерал Холланд внес в испытание дополнительный аспект, — сказал Лукас так, словно каждое слово ему приходилось выдавливать сквозь зубы. Он порылся в кармане, и мое внимание на миг отвлекли большие красные цифры, загоревшиеся на табло над зданием, изображавшим почтовое отделение.

— Таймер установлен на пятнадцать минут, — бесстрастно объявил откуда-то сверху электронный мужской голос.

Лукас вытащил руку из кармана. По-моему, она при этом дрожала. А потом он сжал ее в кулак — с такой силой, что костяшки, казалось, вот-вот прорвут бледную кожу.

— Пятнадцать минут — максимальное время на прохождение. Если не успеешь…

— Если не успею, то что?

За стеклом Холланд наклонил голову, высматривая что-то на полу. Зажигалка продолжала гореть.

Нет. Это неправда. Он просто издевался надо мной, чтобы проверить мою реакцию. Да, в этом была вся суть.

— Генерал Холланд сейчас тестирует новую… систему сбора данных. Она включает комплект электронных вентиляторов и устройств подачи топлива, которые регулируют скорость распространения огня. Сейчас таймер установлен на пятнадцать минут. Когда время выйдет… — Лукас умолк. Договорить он не смог или не захотел.

Присев на корточки, Холланд поднес зажигалку к полу. Загорелся крошечный огонек. К тому времени, как Холланд покинул комнату через дверь, которой мне не было видно, огонек превратился в полноценную стену огня, которая моментально выросла до уровня груди, а потом еще выше. Языки пламени покачивались взад-вперед, словно танцоры.

Пламя — совсем как то, в котором погиб мой несуществующий отец.

Чувствуя, как мой мир рушится, я мысленно закончила последнее предложение Лукаса.

Когда время выйдет, твоя мама сгорит заживо.

— Двадцать секунд до старта, — объявил бесстрастный электронный голос.

Внутри меня все словно превратилось в камень. Я не могла пошевелиться, не могла дышать. В голове, как будто подражая танцующим языкам пламени, замерцали варианты действий.

Разбить стекло, разорвать скотч, вытащить маму. Провалить третье испытание, потерять всё.

Сосредоточиться. Пройти испытание. Уложиться во время.

Всем своим существом я рвалась броситься к стеклу и разбить его. Выбрать первый вариант и вытащить оттуда маму. Но это будет означать, что игра окончена. Холланд победит, а мы с мамой проиграем.

Только второй вариант оставлял нам какие-то шансы.

Я должна была пройти Экзамен и победить.

— Пройдите, пожалуйста, на линию старта, — сказал Лукас. Не успев прийти в себя, я в оцепенении последовала за Номер Три к ярко-желтой линии на полу. Я чувствовала на себе тяжесть взгляда Лукаса, но не смотрела на него. Не смотрела я и на Холланда, и на маму.

Контроль над эмоциями с каждым вдохом ускользал от меня все дальше. А это было недопустимо.

— Десять секунд до старта.

Рядом со мной Номер Три подняла руки, потягиваясь, спокойная, как бегун перед обычным соревнованием.

— Надеюсь, ты готова, — сказала она.

Я проигнорировала ее. Перед нами простирались декорации города, а за ними был туннель, ведущий к месту Экзамена. В нем заключался мой — мамин — шанс на выживание. Тело напряглось, и я наклонилась вперед, готовясь.

— Испытание начинается через три… два… один… старт!

Не успело слово «старт» отзвенеть в воздухе, как я уже бежала.

Глава тридцатая

Я выбежала на перекресток, скользя взглядом по витринам, окнам, по всему, где я могла заметить признаки движения. Сначала я не видела там ни одной живой души, отчего занервничала еще сильнее. Не считая Номер Три, которая бежала слева, не отставая от меня, ничто не шевелилось. Как будто это был один из тех городов-призраков, о которых мы читали на уроке истории.

Но стоило моей ноге опуститься на бетонный тротуар, как я увидела надпись и услышала механизированный голос:

Обнаружено движение.

Из псевдопочты вышел мужчина в красной ветровке. Голова его была опущена, руки оттопыривали карманы. Не сбавляя скорость, я осмотрела его одежду. Пистолет, у него есть пистолет или какое-то другое оружие?

Оружия не обнаружено.

Я пронеслась мимо.

Обнаружено движение.

Справа из переулка между двумя кирпичными зданиями выскочил еще один человек.

Я сделала финт влево, уворачиваясь от лазерного прицела, и бросилась к мужчине. Когда он снова начал целиться, моя нога рванулась вперед. Несмотря на то, что я сдержала удар, кроссовка врезалась ему в ухо с такой силой, что он, крича, отлетел назад и, приземлившись, схватился за ухо.

Удар: 6 МПа. Возможен звон в ушах, тошнота, головокружение и временная дезориентация.

Слыша его стоны, я ощутила резкий укол совести, но быстро взяла себя в руки. Этот тип сам на это подписался.

А моя мама — нет.

Я подхватила упавший пистолет, зашвырнула его в переулок и помчалась дальше. Впереди показался магазин с навесом и вывеской большими белыми буквами «ТОВАРЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ», но у меня перед глазами стояло пламя.

Сколько раз я силилась вспомнить обстоятельства, приведшие к папиной смерти, как расстраивалась, что все попытки проходили впустую. Сейчас бы я отдала почти что угодно, лишь бы тоже ничего не помнить. Избавиться от обжигающего, парализующего страха перед тем, что огонь поглотит единственного в мире человека, который знал, кто я, но все равно любил меня.

Я миновала синее мусорное ведро, прикрепленное к

фонарному столбу, красный пожарный гидрант и клочок искусственной травы. Впереди показался узкий переулок между пекарней и банком. Идеальное место для засады, поняла я. Секунда-другая, и сработает моя функция обнаружения.

И ничего.

Только когда мне на голову свалился солдат на веревке, до меня дошло: моя бонусная минута закончилась. Особых функций больше не будет.

Он спустился быстро, и, держась одной рукой за веревку, другой навел на меня пистолет. Я в последнюю секунду бросилась ничком на тротуар, но поздно. Луч задел носок моей кроссовки.

— Попадание лазером в ногу. Минус десять очков, — проревели динамики.

Тем временем справа от меня застучали по бетону ботинки, и мимо пронеслась Номер Три.

От этого во мне вспыхнула решимость. Нужно было ее догнать. Когда солдат спустился на землю, я уже вскочила на ноги. Наклонившись, я бросилась вперед.

Моя голова врезалась ему прямо в грудь.

Мужчина повалился на землю, и я по инерции упала на него. Я выкручивала ему руку, пока он не выронил пистолет, а потом как следует стукнула по голове, чтобы он не смог меня преследовать.

Едва я выпрямилась, как в открытом дверном проеме на противоположной стороне улицы что-то блеснуло. Грянул выстрел, а я бросилась на асфальт, оттолкнулась и перекатилась вправо. Снова оказавшись на ногах, я одним плавным движением сорвалась с места и, сделав зигзаг, бросила быстрый взгляд через левое плечо. Улица была пуста.

Мгновение спустя я промчалась мимо завалов строительного мусора и нырнула в разинутую пасть туннеля. Вокруг зазвучал электронный голос:

— Осталось двенадцать минут.

А потом затхлая темнота пещеры поглотила меня целиком.

На лампочках кто-то сильно сэкономил. А поскольку мое ночное зрение вышло из строя, я видела не дальше, чем на полтора метра, но слышала, как впереди меня шлепают по грязи ботинки Номер Три. Внезапно шаги остановились, и на смену им пришел странный звук, как будто что-то потащили по земле.

Должно быть, она добралась до первого препятствия.

Я ринулась в темноту, отчаянно стремясь догнать свою соперницу. Из-за плохой видимости стена колючей проволоки появилась передо мной словно из ниоткуда. Я резко затормозила, едва не наткнувшись носом на одну из колючек.

Колючая проволока уходила высоко вверх. Заграждение было сплетено слишком плотно, чтобы проскользнуть между полосами проволоки, и слишком высоко, чтобы перелезть. Но в одном месте снизу был небольшой просвет. Над ним протянулась путаница проволоки, образуя над зазором шипастый навес немного ниже уровня колена. Тут мое внимание снова привлекли ритмичные рывки, как будто по земле тащили что-то тяжелое. Но откуда шел этот звук?

В голове замелькали образы лазерных пистолетов и других опасных сюрпризов, а я зашарила взглядом по окружающей местности. Руки сжались в кулаки от досады. Не вижу, не вижу, не…

Вот оно! Я наконец-то обнаружила источник шума, справа, чуть поодаль от меня. Сквозь просветы в колючей проволоке я увидела едва различимый силуэт Номер Три, которая ползла по грязи.

Значит, это был единственный способ.

Я опустилась на четвереньки, потом легла на живот и поползла в дебри проволоки. Может, если отказаться от аккуратности в пользу скорости, мне удастся догнать Номер Три. От пары царапин со мной ничего не сделается.

Приподнявшись на руках выше, я ускорилась. И не успела я проползти и пары метров, как по моей голове прошлась острая, как бритва, колючка.

Ничего стра…

Я услышала громкое гудение, и меня прошил удар тока. На один долгий, пугающий миг пещера погрузилась в полную темноту, а мои конечности одеревенели. Мой внутренний голос выдал предупреждение:

Напряжение: 75 вольт.

Отлично. Бесполезные функции Холланд мне оставил. И без ловушек все-таки не обошлось — вот только ловушкой была сама проволока. Вслед за этой неприятной мыслью пришло очередное объявление от Холланда:

— Задета колючая проволока. Минус десять очков.

Я отстала и потеряла двадцать очков.

Распластавшись на земле, я поползла, извиваясь как змея. Чтобы не касаться колючек, двигаться приходилось медленно, слишком медленно, а времени у меня не было.

Мои ноздри наполнил запах сырой земли, а в локти вгрызались камни, но я продвигалась вперед, пригнув голову. Все это было как во сне. Еще пару дней назад я была в школе, ругалась с Кейли. Почти целовалась с Хантером. А сейчас ползла под колючей проволокой, спасая свою жизнь в какой-то жуткой

игре.

Я тащилась по земле, казалось, уже целую вечность, хотя на самом деле прошло вряд ли больше нескольких секунд, когда мой колючий лаз наконец закончился. Я выбралась из-под проволоки и вскочила. Что дальше?

Рванувшись вперед, я вздрогнула, когда над головой внезапно вспыхнул экран, который я сразу не заметила. Нет, не экран — *экраны.* Потому что еще два, три, четыре загорелись дальше по курсу.

Отлично, больше света стало — я наконец-то начала видеть дальше, чем на два шага перед собой. Но тут я поняла, что Холланд не мультиками решил нас развлечь.

Пламя. На экранах транслировалось пламя. И как будто его красновато-оранжевых отсветов было недостаточно, мне показали еще и маму, по-прежнему привязанную к стулу, но уже с поднятой головой. Она очнулась, и ее широко раскрытые глаза были прикованы к стене огня, которая успела приблизиться к ней на целый метр.

Когда до меня это дошло, я споткнулась. На метр ближе — по четверти метра за каждую прошедшую минуту.

Грохот фантомного сердца заполнил мою грудь, мои уши — насос ускорился, движимый той же паникой, которая грозила умертвить последние остатки надежды. В горле теснился крик, что-то среднее между сдавленным всхлипом и рычанием. Эти эмоции, от них все становилось только хуже. Я лихорадочно зашарила в глубинах своего разума, пытаясь отыскать хотя бы толику самообладания. Хотя бы каплю спокойствия андроида, который жил внутри меня. И как-то, каким-то образом, я нашла ее.

Не смотри.

Вот так, и вперед. Сосредоточься на следующем препятствии — только так ты сможешь увидеть ее снова.

Чтобы абстрагироваться от мониторов, потребовались огромные усилия, но я это сделала. Цепляясь за очевидную логику этих мыслей, я помчалась со всех ног, сконцентрировавшись на исполинском препятствии впереди — массивной бугристой стене. Она была такой высокой, что мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть ее верх. Из оросительной установки на потолке сыпались мелкие брызги, блестевшие в тусклом свете как пыль. Соединив в уме неровную поверхность с сильным сырым запахом, я поняла, что передо мной грязь. Стена была покрыта ей полностью. Слева от меня Номер Три уже преодолела треть пути по отвесному склону.

Добежав последние несколько метров, я ожидала, что мой

внутренний голос сейчас сообщит мне высоту. Тишина. Эта функция тоже была заблокирована. От досады я сжала руки в кулаки. Не самое удачное время, чтобы начинать скучать по своим андроидным способностям. Я снова глянула вверх и решила, что до туда пять, нет, шесть метров. Как минимум.

Больше времени на раздумья не было, так что я оттолкнулась от земли, бросилась на стену и оказалась где-то в метре от земли. Пальцы погрузились в холодную скользкую грязь, ища, за что ухватиться, носки кроссовок делали то же самое. Не успев ничего найти, я съехала на землю.

Слева от меня мерцал красным монитор. Я чуть было не повернулась к нему, но вовремя опомнилась.

Сосредоточься.

Номер Три, на пару метров выше меня, наперекор земному притяжению продолжала карабкаться, широко расставив ноги. Казалось, она держится на стене при помощи одной только силы воли. Потом я заметила, как она осторожно шарит одной рукой под слоем грязи, нащупывая что-то, прежде чем перемещать свое тело дальше.

Нащупывая что-то.

Вот оно! Под всей этой грязью должны быть трещины, выступы. *Хоть что-нибудь.*

Я зарылась обеими руками в склизкую массу высоко над головой, пока мои пальцы не коснулись чего-то твердого. Гладкая, стена была слишком гладкая. Я посмотрела вверх и увидела, как Номер Три уцепилась за еще один уступ, в то время как мои пальцы елозили по поверхности скользкой, как металл. Время шло, и в моей груди заскребло от отчаяния.

Гладко. Гладко. Гладко.

Стоп.

Мизинец моей левой руки наткнулся на круглый бугорок. Крошечный, но его было достаточно.

Я на это надеялась.

Схватившись за него настолько крепко, насколько это было возможно скользкой от грязи рукой, я подтянулась, уперлась в стенку правой ногой, потом левой. Копируя позу Номер Три, я расставила ноги широко, и правильно сделала. Такое положение было немного устойчивей.

Следующий выступ нашелся быстрее. Потом еще один. У меня получится. Я смогу…

Краем глаза я уловила движение. Слева на уровне середины стены открылась потайная дверь, из которой появился силуэт в черном защитном комбинезоне, закрывавшем его с головы до ног, только глаза виднелись за прямоугольником прозрачного

пластика. В следующий миг он бросился на Номер Три. Руки в перчатках обхватили ее правую ногу.

Я продолжала карабкаться, а Номер Три отчаянно вцепилась в стену, всего в нескольких сантиметрах от верха. Но вес солдата оказался слишком большим. Он уперся ногами в стену и снова дернул. В следующую секунду они оба полетели вниз.

Ба-бах! От раздавшегося удара я напряглась, потом потянулась вверх, отыскивая следующий уступ, и запретила себе смотреть вниз, когда услышала звуки потасовки. Я наконец-то вырвалась вперед, но была не настолько глупа, чтобы считать, что тот солдат задержит Номер Три надолго.

Моя правая рука хлюпала в грязи, когда чьи-то руки обхватили мою лодыжку. Не успела я найти, за что ухватиться, как солдат начал сдергивать меня — вниз, вниз, вниз. Тело заскользило по стене, а мысли мои были только об огне, пожирающем мамину кожу.

Нет! Стоило рукам в перчатках крепче сжать мою лодыжку, как я согнула левое колено и вдавила левую ногу в стену, а правой изо всех сил лягнула солдата.

Моя кроссовка врезалась ему в лицо — с такой силой, что тот мгновенно отпустил меня. Где Номер Три? Я рискнула бросить взгляд вниз и увидела, что ее противник неподвижно лежит в грязи, а она снова начала карабкаться.

В тусклом свете наши глаза на мгновение встретились, зеленые с зелеными. А потом я отвернулась и полезла дальше. Я отключилась от своей соперницы, солдат — всего, кроме необходимости находить уступы и не соскальзывать. Монотонность действий странным образом успокаивала. Найти уступ. Подтянуться. Переставить ноги. Повторить.

Я посмотрела вверх, и сердце радостно забилось. Еще шесть раз подтянуться. Еще пять. Еще четыре. До верха оставалось всего три ступеньки, как вдруг с грохотом, похожим на раскат грома, стена начала трястись.

От неожиданных резких толчков моя правая рука сорвалась. Ноги скатывались по грязи, не в силах удержаться на месте. Стена затряслась сильнее, и, о боже, теперь уже левая рука начала соскальзывать. Я сжала пальцы, цепляясь за край трещины.

От полета длиной в шесть метров меня отделяли только кончики пальцев.

Стена тряслась, а моя хватка слабла. На меня нахлынул ужас. Мне нельзя было падать, только не это. Если я упаду, я потеряю время, а учитывая высоту, вероятно, еще и получу повреждения. Если я что-нибудь сломаю, маме конец.

Пальцы правой руки разрывали грязь в поисках выступа. Ну

же. *Ну же.*

Я ухватилась ею в тот самый момент, когда левая окончательно сорвалась, и, сделав глубокий вдох, я стала медленно подниматься вверх. Последние полметра лезть было практически невозможно, из-за гладкости стены и тряски я двигалась с огромным трудом, но каким-то образом у меня получилось. Как только я обхватила рукой верх стены, она замерла, а динамики проблеяли:

— Девять минут.

Я потратила слишком много времени. Как-то, каким-то способом, мне нужно было увеличить скорость. Я перекинула правую ногу через стену. Но стоило мне посмотреть вниз, как я ахнула. Грязь закончилась. Эта сторона стены была полностью металлической — серебристой и гладкой, — как и та стена, что стояла напротив. Между ними было метров двадцать как минимум. От стены к стене тянулись три каната, а далеко внизу, в глубокой яме, плескалась мутная коричневая вода.

Если упаду туда, в жизни не взберусь обратно.

Значит, падать — точно не вариант.

Я сдвинулась вправо и ухватилась за ближайший канат. В следующее мгновение я уже висела над бездной.

Глава тридцать первая

Осторожно перехватывая веревку, я развернулась к той стене, с которой слезла. В отличие от нормального шероховатого каната, за который было бы удобно держаться, этот оказался скользким. А когда я согнула ноги, чтобы обхватить его ими для устойчивости, вся конструкция резко провисла.

Я с трудом сглотнула. Скользкий и не особенно туго натянутый. Прекрасно.

Потом, опустив голову, я посмотрела вверх на свои руки и, по очереди переставляя их, начала пробираться к противоположной стене.

Я продвинулась всего на пару метров, когда мое внимание привлекла оранжевая вспышка. Я невольно обернулась направо и в течение трех мучительно долгих секунд наблюдала, как мама рвется, натягивая ленту скотча, а языки пламени извиваются в воздухе, уже намного ближе к ней. Потом я крепко зажмурилась и продолжила движение, концентрируясь на размеренном ритме.

Вперед. Вперед. Вперед.

На полпути к цели я услышала первый щелчок. Моя голова развернулась влево, слишком резко, так что веревка покачнулась. В стене открылся проем, из которого высунулся черный ствол ружья. Он был нацелен мне в ноги.

Я опустила их, и как раз вовремя. Лазерный луч прошел мимо, но я все равно ощутила его жар, и меня затошнило. Несомненно, очередная особая модификация от Холланда — боевое лазерное оружие вместо учебного.

Нельзя было позволить им в меня попасть.

Не тратя времени на то, чтобы поднять ноги обратно, я продолжила методично продвигаться вперед на руках. Мышцы напряглись, а я прислушивалась, не раздастся ли новый щелчок. Канат раскачивался так сильно, что, становилось не по себе. Интересно, военные тоже проходили Экзамен в таких условиях? Почему они все это терпели? Почему с этим мирился Лукас? Все мои домыслы испарились, когда я краем глаза заметила, что канат слева от моего провис.

Номер Три. Она добралась до веревки и быстро меня нагоняла.

Мерцающая стальная стена индустриальным чудовищем маячила впереди. Оставалось меньше десяти метров. Я выбросила вперед правую руку, потом левую; с каждым рывком расстояние сокращалось.

Щелк. Щелк.

Окошки распахнулись с обеих сторон.

Мой противник появился справа. У меня была всего секунда, чтобы заметить ствол, направленный в сторону моих рук, и еще меньше времени, чтобы среагировать. Прогнув спину, как гимнастка, я с силой размахнулась ногами и в тот же момент отпустила руки. На одно пугающее мгновение я оказалась в воздухе без единой опоры, и ничто не мешало мне сорваться в темную воду. Я быстро пригнула голову, и луч прошел мимо. Попав туда, где несколько секунд назад были мои руки.

Когда мои ноги сомкнулись на канате, он резко дернулся. Лазер его надрезал.

Повиснув вниз головой, я увидела, что Номер Три от нападения не пострадала. Она рывками приближалась ко мне с невероятной скоростью. Я раскачивалась взад-вперед, пока мне не удалось снова схватиться за веревку руками.

Щелк, щелк.

Продолжая двигаться на руках, я бросила взгляд направо, потом налево. Никаких новых окошек я не увидела. Канат снова резко дернулся, а потом ухнул вниз. Летя навстречу стене, я успела увидеть, как оторванный конец устремился в противоположную сторону.

Отличный выстрел.

Это было последним, что я успела подумать, прежде чем врезалась головой в стальную стену. Удар отдался в позвоночнике, заставив меня ослабить хватку. Я отлетела от стены, соскользнула по канату на полметра вниз, прежде чем смогла схватиться крепче, а потом собралась с духом и — *бам!* — снова врезалась в стену.

Я заскользила вниз, пока левая рука не сорвалась, и в итоге я повисла на веревке, словно какое-то подношение терпеливо ждущей воде. Придется ей еще подождать.

Я подтянулась и ухватилась за канат свободной рукой, осторожно развернулась лицом к стене и уперлась ступнями в металл. Добравшись до верха, я позволила себе на секунду обернуться, и меня охватил восторг. Номер Три тоже висела на куске разорванного каната, но на том, который крепился к первой стене, и я поняла, что *у меня появился шанс победить ее.*

Теперь оставалось только успеть дойти до конца за оставшееся время.

Со своего насеста я разглядела следующую стену, преградившую мне путь, до нее было два с половиной или три метра. Эта, в отличие от предыдущих, была из камней. Но камни поднимались до самого потолка. Единственный путь на ту сторону проходил через одну из двух металлических труб,

которые торчали из стены в добрых шести метрах над землей. И были не очень-то широкими.

Когда я начала спускаться, в моем сознании замелькали варианты действий.

Спуститься с этой стены, добежать, залезть на ту…

Или спуститься до уровня туннеля и прыгнуть.

Я сползла ниже; темная пасть туннеля притягивала мой взгляд как огонь — мотылька.

Безопасность или скорость, безопасность или скорость?

— Шесть минут.

Решение принято.

Я не позволила себе тратить время на сомнения. Балансируя на камне, который находился немного выше нижнего края трубы, я снова пожалела, что моя функция измерения заблокирована. Потом я подняла руки, нагнулась и, мысленно вознося молитвы любому, кто мог их услышать, бросилась вперед.

Понять, что ты просчитался, через долю секунды после начала прыжка — ни с чем не сравнимое ощущение. Ветер засвистел в ушах, и меня захлестнула паника, когда я увидела, что лечу прямо на острые камни. Я извернулась, выбросила левую руку вверх и ухитрилась ухватиться за край трубы чуть ли не кончиками пальцев.

Бешено размахнувшись, из-за чего моя рука чуть не сорвалась, я забросила свое тело на холодный металлический пол туннеля.

Когда я начала ползти по нему, первым, с чем я столкнулась, кроме темноты, был мерзкий, зловонный запах. Чем глубже я забиралась, тем сильнее он становился. И тут в моих базах данных этому запаху нашлось соответствие.

Мясо. Разлагающаяся плоть.

Я потрясла головой, как будто это могло помочь прогнать пугающие мысли о том, что ждало меня впереди.

Не думай. Просто ползи.

Я завернула за угол, и не стало даже того слабого света, который попадал внутрь через входное отверстие. Воздух в трубе был холодным, металлическая поверхность была слегка влажной на ощупь. Казалось, что в этом месте я изолирована от всего мира. Остались только темнота, звук моего собственного дыхания и ритмичный стук ладоней и колен по полу. Но я знала, что как-то, откуда-то Холланд видел всё и ждал, когда я допущу промах.

Я еще раз свернула за угол, и пол ухнул вниз, увлекая меня за собой. Я заскользила, шаря руками по стенам в попытке ухватиться за что-нибудь и затормозить, но они были слишком гладкими, и я грохнулась на землю.

Возможно, среагировав на давление, посередине трубы загорелся крошечный тусклый огонек. Отсюда проход сужался, настолько, что на четвереньках я уже не помещалась. Не мешкая, я плюхнулась на локти, сжала зубы и поползла так быстро, как могла.

Вонь усилилась.

Впереди туннель резко сворачивал налево. Я заглянула за угол, надеясь, что увижу выход. Вместо этого я увидела ноги. Голые ступни, а за ними и все тело — тело, от которого разило смертью. Я потеряла несколько драгоценных секунд, пялясь на эти подошвы, одного размера с моими, и дыша через рот, чтобы меньше чувствовать запах.

Холланд что, решил добавить в испытание мертвеца?

Не думай об этом. Просто ползи.

Пока я пробиралась вперед, меня охватило фантомное чувство головокружения. Я доползла до тела и с растущим ужасом осознала, что туннель в этом месте стал очень узким, и я никак не смогу выбраться, не касаясь мертвеца. Я протащила себя по неподвижным ногам, по торсу, обтянутому футболкой. Это была девушка, с длинными спутанными каштановыми волосами. И тут я увидела ее лицо, и все мое тело окоченело.

Эта девушка была моего возраста, моего роста, со светлой кожей. А ее глаза, широко раскрытые, были необычного зеленого оттенка.

Номер Три. Она что, как-то смогла обогнать меня? Но нет же, это было невозможно. А потом взгляд упал на висок девушки. Над ним, вдоль границы ее волос, тянулась жуткая рана. А еще там была дыра от пули.

Боже мой. Это была не Номер Три. Это была Номер Один. Только не та, которую я смутно помнила. Та девушка была полна жизни, а эта… эта была просто оболочкой. Пустой. И после «ликвидации» совершенно лишенной человечности.

У меня в ушах раздался звон, поначалу такой громкий, что я подумала, он идет из динамика. Но нет, звук возник у меня в голове — фантомная реакция. Я едва успела подавить подкативший к горлу крик.

Сожаление, печаль и гнев сложились в моей груди в горькую симфонию, когда я оставила свою предшественницу, которую выбросили как сломанную игрушку, позади. Я спешно проползла мимо дохлой крысы, которая лежала недалеко от тела, — от нее и шел запах. Очередная выходка Холланда.

Еще один поворот туннеля, и я наконец увидела свет. Когда я приблизилась к выходу, свет погас, но я не стала сбавлять скорость. Я рванулась вперед и вывалилась наружу, но упала не

на земляной пол.

Нет, я приземлилась на груду каких-то предметов — плотных и разнокалиберных, но не слишком жестких. И как только свет, мерцая, зажегся снова, я поняла, что это.

Везде, куда ни посмотри, лежали части тела — андроидов, не людей. Мусорная куча Холланда.

На миг я застыла, распластавшись поверх всего этого, не веря своим глазам. Потом вскочила и побежала, шатаясь на неровной поверхности. Я чуть не застряла в куче сваленных как попало рук.

Если б только меня могло вырвать. Может, тогда живот перестало бы скручивать, и неослабевающая тошнота, от которой рот заполнялся слюной, наконец прекратилась бы.

Но вырвать меня не могло. А сбежать было нельзя. Где-то здесь, в этом море отрезанных конечностей — точно таких же, как у меня, — был зарыт макет взрывчатки.

— Осталось три минуты.

От этого объявления меня словно током ударило. Я нагнулась, схватила руку. Заставила себя заглянуть внутрь. Пусто, не считая пары проводов. Меня передернуло, я отбросила руку и схватила кусок ноги. Кожа на ноге была искусственной, высохшей на ощупь, как будто, отделенная от тела, она лишилась последних признаков чего-то человеческого.

Я выбросила ее и схватила торс. Тонкий разрез делил его пополам, и, полная мрачной решимости, я растянула края разреза, спешно обшаривая глазами все, что было внутри. Провода, металлические пластины, пластик. Но мое внимание привлек маленький предмет размером с кулак. Это был не макет — насос. Черный, гладкий. Механический. Фальшивое сердце фальшивого человека. И никакой души.

Я резко втянула воздух. *У меня,* может, ее и не было, но если души вообще существуют, у мамы она точно была.

Я с удвоенной решимостью взялась за дело, работая как конвейер. Из-за кучи донесся какой-то шорох, потом стук. Второй туннель. Номер Три.

Нужно было найти этот макет, и быстро.

Море конечностей постепенно мелело; я отбрасывала в сторону кисти, ступни, целые руки и ноги, а стук становился все громче. Отчаяние сжало меня в тиски. Я не успею найти макет. Номер Три доберется досюда, и тогда…

Отложив очередную бесполезную конечность, я увидела его — маленькое, круглое устройство красного цвета, по размеру не больше кофейной кружки, к которой мама присасывалась каждое утро. На поверхности была вытравлена картинка, изображавшая динамитный патрон.

Сверху раздался звук, по которому я поняла, что Номер Три доползла до выхода. Мои пальцы обхватили круглый макет, и в тот же миг Номер Три свалилась вниз, из-за чего мне на ноги наползла волна запчастей.

Если я его уроню, все пропало.

Я развернулась и высвободила ноги, готовая помчаться к финишу.

Но мою руку стиснула в железной хватке Номер Три.

Глава тридцать вторая

Номер Три рванула, и я отлетела назад, а в голове отчаянно заметались мысли. У меня не было времени драться. Может, мне удастся с ней договориться?

— Пожалуйста, пойми — мне нужно спасти маму!

Я развернулась к ней лицом. В ушах бешено стучала кровь. Время. Почти. Вышло.

Номер Три в свойственной ей манере наклонила голову к левому плечу, похожая на удивленного щенка.

— У тебя нет никакой мамы.

Наверно, у меня на лице промелькнуло болезненное выражение, потому что моя соперница слегка нахмурилась:

— Не то чтобы я тебе не сочувствовала — на это меня тоже запрограммировали. Но я обязана подчиняться приказам.

— Подчиняться приказам? А ты не хочешь достичь большего? Стать больше, чем просто андроидом? — Говоря это, я попыталась неожиданно вырвать руку. Не прокатило. Она меня не отпускала.

Сколько еще оставалось времени? Две минуты? Одна?

— В этом и есть разница между нами. Мне достаточно быть тем, кто я есть, а тебе… нет. А зря. Нет ничего плохого в том, чтобы быть андроидом.

Я сжала макет взрывчатки крепче, а в голове начал формироваться отчаянный, безумный план.

— Если только не проживешь какое-то время, считая себя человеком. — Пока она переваривала эту идею, я расслабила руку. — Тебе нужен макет? Тогда на, лови. — И я швырнула устройство вверх, настолько высоко, насколько смогла.

Глаза Номер Три на миг расширились — от шока перед тем, что я совершила настолько нелогичный поступок — а потом она посмотрела вверх. И слишком поздно заметила мой кулак, устремившийся ей в лицо.

Я вложила в этот удар все свои силы. Копия моего носа хрустнула под кулаком, и в следующий миг соперница уже оказалась в воздухе, сбитая с ног.

Взрывчатка!

Я бросилась вниз и поймала макет всего в нескольких сантиметрах от земли. А потом вскочила и побежала. Я знала, что разрыв между нами продержится не долго, но его должно было хватить.

Мне открылось восхитительное зрелище: свет в конце туннеля, а за ним — красная лента. Финиш.

— Осталась одна минута.

Где-то за моей спиной стучали ботинки Номер Три, но я была почти у цели. Я выиграю, и тогда они отпустят маму, и…

Погодите-ка. А почему на этом участке совсем нет препятствий?

Мысль пришла с опозданием на долю секунды. Нога опустилась на землю, и по ушам ударил оглушительный взрыв. В этот же момент земля ушла из-под меня. Я рухнула в круглую яму и сразу после этого услышала:

— Задета мина. Минус десять очков.

Хотя бы макет не выронила. Упираясь руками и ногами в противоположные стенки ямы, я выбралась наружу. По туннелю неслась, нагоняя меня, Номер Три. Я глянула вперед. У меня был только один шанс сделать все правильно. Если я еще раз упаду…

Прижав устройство к груди, как мяч, я понеслась со всех ног. Нужно было набрать скорость, как можно быстрее, чтобы…

Прогремел еще один взрыв, земля задрожала. Я отчаянно заработала ногами в воздухе, почувствовав, что потеряла опору, но продолжила бег, как только моя правая нога коснулась пола. Я бежала прямо к полукругу света, обозначавшему конец туннеля.

— Задета мина. Минус десять очков.

В паре метров от выхода я зацепила последнюю мину и чуть не выронила взрывчатку. Несколько страшных мгновений я пыталась перехватить выскальзывающий макет, подавшись корпусом вперед.

Только не урони.

Пальцы сомкнулись на скользкой поверхности, не дав ему упасть. Бросив взгляд через плечо, я увидела, что Номер Три решила сэкономить время, перепрыгивая через ямы от моих мин. Читер. Но она меня не догонит. Я выиграю.

— Осталось десять секунд.

Не останавливайся. Осталось совсем чуть-чуть.

Я вырвалась из туннеля на свет.

— Шесть секунд.

А потом я посмотрела налево, и последняя надежда ухнула в бездонную пропасть. Видимо, туннель сделал крюк, так что выход оказался прямо за стеклянной комнатой. И я увидела маму. Жадные языки пламени, выше моего роста, были уже в шаге от нее и продолжали приближаться, медленно набирая скорость.

Нет! Я глянула на финишную черту — до нее оставалось метров тридцать.

— Три секунды.

Я не успею.

Я чуть не расплакалась. Все мои усилия оказались напрасны.

Мама.

С воем, который я услышала словно со стороны, я кинулась влево и прыгнула, вытянув перед собой руки. Когда они врезались в стекло, оно задрожало и разбилось, острые осколки зацарапали по коже и порвали одежду. Я упала на пол, перекатилась и вскочила — все это одним плавным движением.

Когда я добралась до мамы, пламя уже подступило к ее ногам. Двумя яростными движениями я разорвала скотч.

— Мила, нет! — воскликнула мама, словно в бреду, и закашлялась. Жар огня обжигал кожу.

Я подняла маму на руки и отступила от пламени, в отчаянии оглядываясь по сторонам. Где-то здесь должна была быть дверь. Я-то могла вылезти и через разбитое стекло, но мама…

Она застонала, и, к моему удивлению, из-под ее закрытых век покатились слезы.

— Все в порядке, мама. Я с тобой.

Ее глаза открылись, но взгляд был мутный.

— Ты всегда была такой смелой, Сара. Такой смелой, — пробормотала она.

Сара?

— Смотри, — сказала она, указывая мне за спину — и потеряла сознание.

Еще до того как повернуться, я почувствовала, что жар ушел. Пламени не стало. Оно полностью, бесследно исчезло, только в воздухе остался слабый запах дыма. За той чертой, где недавно бушевал огонь, стояли шестеро: Митчелл, блондин, двое солдат, которых мы встретили в коридоре, один, которого я раньше не видела, и Лукас. Холланда с ними не было, и слава богу.

Поверив тихому обещанию Лукаса, что маму отнесут в лазарет, я передала ее солдатам. Я не знала, из-за чего она потеряла сознание, но если из-за отравления дымом, то это могло быть опасно.

Мои мышцы напряглись, я собралась. Теперь мне было уже нечего терять.

— С доктором Лорент все будет хорошо. Обещаю, — сказал Лукас.

Может, сейчас она придет в себя, и с ней и правда все будет хорошо, но надолго ли? Это был мой последний шанс, мое последнее испытание… и я снова провалилась.

Если мама умрет — если я умру — то это будет по моей вине.

Желание броситься вслед за мамой, разрывая на части любого, кто встанет у меня на пути, стало практически непреодолимым.

Может, стоило так и сделать.

— Если ты станешь сопротивляться, это для нее плохо закончится. Для вас обеих. Стоит тебе напасть на кого-нибудь, как об этом сообщат солдатам, которые присматривают за доктором Лорент. Им был отдан приказ убрать ее, если ты окажешь сопротивление. — Резкость в голосе Лукаса не оставляла сомнений в том, что он был серьезен.

Меня захлестнула горячая волна ярости. Убрать? Как он мог так бессердечно распоряжаться маминой жизнью? В одно мгновение вся проявленная им доброта была забыта. Я хотела наброситься на него, причинить ему боль. Но не могла сдвинуться с места. Я слишком боялась, что, если я сделаю хоть один неверный шаг, маму убьют.

В голове материализовалась неоспоримая истина: ее и так могут убить.

От слепящего света ламп на всех лицах лежали резкие тени. Неестественная яркость освещения придавала коже Лукаса нездоровую бледность.

— Тебе лучше пойти со мной. Пока генерал Холланд не решил прийти за тобой лично.

Оставшиеся солдаты сохраняли свои позиции. Они держали оружие наизготовку.

Я подняла руки вверх.

— Надеюсь, ты не врешь насчет того, что с мамой все будет в порядке.

Когда солдаты вышли вперед, Лукас, удивив меня, покачал головой:

— Нет, не нужно, она пойдет сама. Вы свободны.

Мужчины переглянулись. Тот, что был пониже, пожал плечами. Затем оба развернулись и вышли, дверь за ними закрылась.

Лукас сделал мне знак следовать за ним. Я шла, глядя ему в спину, а в голове снова и снова звучало одно слово.

Убрать. Убрать.

Убрать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава тридцать третья

В пустом коридоре походка Лукаса стала выглядеть еще более неровной; он тяжелее наступал на левую ногу, подошва ботинка слегка шаркала по бетону. Я сосредоточилась на этом наблюдении, пытаясь взять себя в руки.

Поездка на лифте прошла в молчании, как и начало пути по коридору.

Я смотрела на его напряженные плечи, на взъерошенные волосы, которые упорно отказывались лежать ровно, и тут в мое сознание закралась неожиданная мысль. Что, если он молчал, потому что хотел отдалиться от меня? То есть ему даже не нужно было напрягать свои гениальные мозги, чтобы понять, что я провалила испытание. Так что, может, он просто морально готовился к тому, что меня скоро не станет.

Не станет. В горле задрожал резкий смех. Видимо, мой мозг решил прибегнуть к эвфемизмам, чтобы приговор звучал удобоваримее. «Меня не станет» значило «меня перепрограммируют» или, хуже того, «меня ликвидируют».

Как это ни назови, но кто-то щелкнет парой выключателей, и я как личность исчезну навсегда.

Если меня перепрограммируют, я вспомню после этого маму? Нет, она ничего не будет для меня значить. Станет просто каплей в море лиц. Я обхватила себя руками за талию, поежившись. Хуже того — ее накажут за мои ошибки, Холланд предупреждал. Да за одно только похищение имущества вооруженных сил США ей грозило пожизненное. Если б только я прошла все испытания… Я была так близка, так близка к тому, чтобы спасти ее…

Я остановилась, уставилась в пол и попыталась успокоиться, хотя и не знала зачем. Все было кончено. Скрывать свои эмоции было поздно, сейчас это уже не могло нас спасти.

В приступе паники я рванулась к Лукасу и схватила его за рубашку. Сквозь ткань отчетливо чувствовалось биение его сердца, словно свидетельство его человечности, его внутренней порядочности.

Но я слишком хорошо знала, какой ложью может оказаться этот мерный ритм.

— Я знаю, что в последнем испытании я все равно что подписала себе смертный приговор… хотя, наверно, вряд ли можно убить то, что никогда не было живым, да?

У меня вырвался звук, подозрительно похожий на всхлип. А потом горло сжалось от пронзившего меня ужаса. Что бы они ни говорили, я была живой. По крайней мере, отчасти. Потому что в

моем сознании осталась только одна ясная мысль — все мое существо кричало: *Я не хочу умирать.*

Я не хотела умирать. Особенно когда и пожить-то толком не успела.

Я сжала кулаки, дожидаясь, пока чувство, сдавившее мою грудь, немного ослабнет, и я смогу говорить относительно спокойно.

— Послушай, я понимаю, что для меня ты ничего не сможешь сделать, — сказала я наконец, — но ты можешь хотя бы попытаться добиться того, чтобы мама была в безопасности? Если меня не станет, она не создаст вам больше проблем. У нее не будет на это причин.

Лукас смотрел мне прямо в глаза, так пристально, как будто заглядывал глубоко внутрь меня и искал там что-то. Как будто он мог видеть меня насквозь, мог узнать, что скрывается под моей внешностью. Захотелось попросить его рассказать мне, если он найдет там что-то неожиданное. Потому что, хотя я уже точно знала, что не была человеком — не считая горстки клеток — и даже видела доказательство этому на экране компьютера в ремонтной мастерской, я по-прежнему представляла себя изнутри такой же, как любая другая шестнадцатилетняя девушка. Кровь, органы, кости. Мозг и бьющееся сердце. Надежды и мечты, страхи и печали. Они могли рассказать мне правду, но они не могли заставить меня принять ее.

Лукас поднял руку, неуверенно подержал ее в воздухе, а потом снова засунул в карман.

— Мне нужно отвести тебя во временную камеру, чтобы закончить отчет для генерала Холланда, — сказал он, безучастно глядя в точку где-то над моей головой. — Его нужно отправить в ближайшее время.

Я оцепенело кивнула.

— Только… сначала тебе придется отпустить мою рубашку.

Возник неловкий момент, когда я поняла, что по-прежнему цепляюсь за его рубашку как за спасательный круг. Буркнув «извини», я поспешно выпустила накрахмаленную ткань и, отступив, увидела, что на ней остались отчетливые коричневые полосы. А я и забыла. Во всем этом хаосе я совершенно забыла, что я вся в грязи.

— Испачкалась, — зачем-то сказала я.

Лукас посмотрел вниз, как будто сам этого не заметил.

— Отстирается, — пробормотал он.

Мы прошли еще один коридор и свернули в другой. В последнем было много дверей. Я замедлила шаг, мое внимание привлек первый же стальной прямоугольник. Может, мама была

за этой дверью? Или за этой? Или за следующей?

— Здесь ее нет, — тихо сказал Лукас, тоже замедлив шаг. — Ее держат в другой части здания.

Признав поражение, я медленно отвела взгляд от двери. Парень мог солгать, но почему-то я ему поверила.

Маму могли прятать где угодно.

Пройдя мимо еще двух одинаковых дверей, Лукас остановился и толкнул узкую дверь справа.

— Душ, — сказал он. — Можешь не торопиться.

После пятнадцати минут тщательного мытья мочалкой я вышла из душа, наконец-то чистая и в своей старой одежде, которая аккуратной стопкой лежала на табуретке в углу.

Перед третьей дверью от душа Лукас провел знакомый ритуал с кодовым замком.

Когда раздался сигнал и дверь тяжело отъехала в сторону, я вошла, не заставляя себя просить, и без энтузиазма оглядела камеру. Она была крошечной, даже меньше моей комнаты на ранчо Гринвудов.

Размеры: 2,1 м на 2,1 м.

У меня даже не хватило сил на раздражение, несмотря на то что я и в этот раз пережила бы без этих ценных сведений.

Смотреть там было особо не на что. Узкая койка у противоположной стены, на ней аккуратно сложенное оливково-зеленое одеяло. На правой стене маленький стальной унитаз. Голый бетонный пол. И едкий запах хлорки, выжегший следы предыдущих обитателей.

Это была комната без особых претензий, комната, которая не пыталась выдавать себя за что-то иное, чем она была на самом деле, — тюремной камерой.

Возможно, в ней я буду спать в последний раз в жизни.

На меня навалилась усталость, напоминая о том, что людям — даже поддельным — нужен отдых. Сделав два шага, я оказалась у кровати и села. Я задумалась, настоящая ли это была усталость, или мой мозг как-то определял, в какой момент подавать фальшивые сигналы. Может, момент вычислялся на основе объема физической активности моего тела — как при расчете продолжительности тренировок, — потому что вычислить его исключительно по времени было бы явно невозможно, слишком много других факторов.

Сейчас это имело слишком мало значения, чтобы спрашивать.

Не обращая внимания на Лукаса, который топтался в дверном проеме, не входя и не выходя, я плюхнулась на бок. Веки опустились. По щекам потекли слезы, но на этот раз я не потрудилась их вытереть.

Резкий вдох. Нерешительные шаги. Хруст сустава.

— Мила? — Голос Лукаса, тихий, словно он боялся меня потревожить. Он зазвучал совсем рядом. — Ты в порядке?

Открыв глаза, я не удивилась, увидев, что он присел на корточки возле койки.

В этот раз, когда Лукас протянул руку, он не остановился, пока его пальцы не коснулись влажной дорожки на моей щеке. Ощутив мягкое, теплое прикосновение, я застыла, не шевелясь. Если бы мое дыхание было настоящим, я бы как раз сейчас его затаила.

— Ты заплакала, — глухо сказал Лукас.

Я изумленно посмотрела на него. Это что, значило, что я ему небезразлична? Что кто-то в этом мире, кроме мамы и парня, которого я, вероятно, никогда больше не увижу, считал меня чем-то большим, чем дорогой машиной? Потому что я уже сама почти перестала в это верить.

Он вытер мне сначала одну щеку, потом другую. Это простое действие, крошечное проявление сострадания, показалось мне чудом.

А потом он разрушил иллюзию, когда бросил взгляд через плечо, внезапно напрягся и, подняв руку к глазам, стал разглядывать жидкость, размазывая ее между кончиками пальцев. Как будто чтобы оценить физические свойства.

Потому что именно это он и делал. Лукас был поражен достижением науки и техники, которым я была в его глазах, не более того.

Я перевернулась на другой бок, лицом к стене. Надеясь, что он поймет намек и побежит готовить свой отчет.

Когда за Лукасом закрылась дверь, я подтянула колени к подбородку и крепко обхватила их. Поза зародыша, о которой я могла знать только понаслышке. Ведь я появилась на свет не из утробы живого человека, а в лаборатории, наверняка такой же холодной и стерильной, как эта комната. По идее, я должна была чувствовать себя как дома.

Я закрыла глаза, надеясь, что реальность отступит, хотя бы ненадолго. Я представила, что я в безопасности. Что меня защищают. Представила, что чувствую запах маминого лосьона с розмарином, ощущаю, как она гладит меня по волосам, слышу, как рядом бьется ее сердце, ласково напоминая мне, что я не одна.

Я не хотела оставаться одна.

Шаги зазвучали в длинном коридоре, ведущем к моей комнате, гораздо раньше, чем я ожидала. Неровная походка

Лукаса и обычные шаги еще двоих.

Я резко села. Это хорошо? Плохо? Без разницы? Вряд ли Лукас мог так быстро проанализировать данные по последнему испытанию. А если он уже закончил… то что это значило?

Зажужжав, дверь отъехала в сторону, и на пороге возник высокий силуэт Лукаса. Теперь его рубашка была не только помята в том месте, где я в нее вцепилась, но и уголки его воротника торчали вверх, как будто он нервно теребил их. Но, несмотря на это, его лицо ничего не выражало. В его светлых глазах не было ни следа беспокойства, ни намека на какие-то эмоции.

— Генерал Холланд ждет, — сказал он, чеканя каждый слог. Прежний Лукас, тот, который извинялся за карту памяти, который обращался со мной как с настоящей девушкой, пропал бесследно. Исчез, когда я сломалась и перегорела.

Холланд. Меня ждал Холланд. Я была не готова с ним встретиться. К этому невозможно было быть готовой.

— Ты закончил отчет?

Он пожал плечами, глядя в стену за моей койкой.

С трудом встав, я приказала себе идти. Ноги казались неподъемными, как будто мои ступни превратились в камень.

Лукас как-то странно отдалился, вел себя холодно. Не то чтобы это имело значение.

У меня были более насущные заботы.

Например, как выжить.

Глава тридцать четвертая

Наш марш-бросок по коридору был одновременно мучительно долгим и нестерпимо быстрым. Мысль о том, что эти сырые голые стены могут оказаться одним из последних мест, которые я увижу, наполняла меня непреодолимым унынием — было удивительно, что я вообще как-то переставляю ноги.

Шагая следом за Лукасом, я вспоминала документалку, которую мы смотрели на уроке обществознания, о заключенных, приговоренных к смертной казни. Интересно, они себя так же чувствовали, когда их вели на казнь? Знали, что в конце пути их ждет смерть, и при этом все равно краешком сознания цеплялись за надежду, что в последнюю минуту их помилуют и они смогут еще пожить?

К несчастью, Холланд не был похож на человека, способного кого-то помиловать.

Широкая металлическая дверь, к которой подвел нас Лукас, была мне знакома. Слишком хорошо знакома. Я стояла неподвижно, глядя, как он производит необходимые манипуляции с ватной палочкой и набирает код. Лукас медлил целых две секунды, прежде чем нажать последнюю кнопку. Дверь, зажужжав, открылась.

Я в оцепенении застряла на пороге, и блондин пнул меня ботинком под колено.

Я оказалась внутри мастерской.

Если бы надежда была предметом, она была бы сетью, решила я, делая еще один маленький шаг вперед. Прочной рыболовной сетью. Которая должна спасти тебя, если ты сорвешься и упадешь. Но, когда ты ждешь, что твое тело вот-вот влетит в нее и радостно спружинит, кто-то приходит и распарывает сеть прямо под тобой.

И все, что ты слышишь, пролетая сквозь зияющую дыру, это звук рвущейся сети.

Для меня, например, таким роковым звуком стало гудение. Его издавала стоявшая в комнате машина, та, с помощью которой Лукас меня ремонтировал.

Та, которую, по его словам, они использовали для ликвидации таких, как я.

Лукас повернулся направо — там, перед большим компьютерным монитором на столе, стояли Холланд и Номер Три. Холланд, с его посеребренными сединой волосами и заложенными за спину руками… и мой двойник. Пугающе

похожая на меня исправленная версия, которая была одновременно лучше и хуже своей предшественницы — смотря кого спросить.

Номер Три заметила нас и поприветствовала той кошмарно знакомой улыбкой, из-за которой мне хотелось перестать улыбаться раз и навсегда. Но не Холланд. Он не мог не услышать, что мы вошли, но не обернулся. Мелочная демонстрация власти и совершенно ненужное напоминание о своем высоком статусе.

Лукас откашлялся.

— Генерал Холланд? Я привел Ми… Номер Два, — поправился он все тем же угнетающе бесстрастным тоном.

Холланд молчал одну, три, пять секунд, заставляя нас ждать. Тревога скручивала мои внутренности в тугой комок. Потом он произнес: «Отключить питание», — и экран перед ним погас.

Он повернулся кругом, и Номер Три плавно повторила его движение.

Вдруг он громко расхохотался и хлопнул себя по бедру. Его рука была еще более морщинистой, чем лицо, и от старости покрылась пятнами, но была безупречно чистой, с аккуратно остриженными ногтями. Внешность много для него значила.

Внешность, но не чужие жизни. По крайней мере, не моя и не мамина.

Стоящая рядом с ним Номер Три неуверенно улыбнулась. Потом она посмотрела на меня, и ее улыбка расширилась, как будто она предлагала мне присоединиться.

Я вздрогнула и отвернулась, ощущая, насколько это странно — испытывать отвращение при виде собственного лица. Когда я смотрела на Номер Три, я видела не девушку-подростка. В ее глазах я видела отражение собственного внутреннего уродства, собственной ненормальности.

Из нас четверых только Лукас сохранил нейтральное выражение лица.

— Сэр, вы успели прочесть рапорт, который я вам прислал?

— Успел. Тебе есть что добавить?

Холланд пристально посмотрел на Лукаса, приподняв серебристую бровь. Один из солдат позади нас кашлянул.

Наконец ледяная маска на лице Лукаса начала трескаться. Он бросил взгляд на меня, и я увидела неуверенность в его золотистых глазах. Парень перенес вес на здоровую ногу, его грудь поднялась и опустилась, а потом он ответил:

— Нет, сэр.

— Как бы то ни было… я прочел твой отчет. — Холланд покачал головой, и вдруг его глаза сузились. — Что за бред собачий вам рассказывают в этих институтах? Я просил обзор

того, как система эмоциональных реакций Номер Два повлияла на ее эффективность в ходе испытаний, а не рассказ об ее — как ты это назвал? — «изобретательности».

Левая рука Лукаса дрогнула, но сам он продолжал стоять совершенно неподвижно.

— Но сэр…

Холланд ударил ладонью по столу, и от неожиданного резкого звука солдаты подскочили, вытянувшись в струнку, а я вздрогнула.

— Молчать, я не закончил. Твой отец вечно делал вам поблажки. Я не раз говорил Джоанне, что он не способен воспитать настоящих мужиков, но она не слушала. И смотри, что получилось. Одного сынка пришлось спасать от позорного увольнения за недостойное поведение, а другой оказался… — Его презрительный взгляд скользнул по Лукасу и остановился на его больной ноге, так что договаривать не понадобилось — все и так поняли, о чем речь.

«Никчемным».

Джоанна — это мама Лукаса? И ради спасения брата от позора Лукас позволил Холланду втянуть себя в этот кошмар?

Я почувствовала, что Лукас напрягся, заметила, как он сжал губы и судорожно согнул пальцы.

Несмотря на все это, его голос был удивительно спокойным:

— Вы просили откровенное мнение, и я вам его предоставил. Если оно не сходится с тем, что вы ожидали услышать, ничем не могу помочь.

Лукас что, пытался меня защитить? Но почему? Его слова на миг ошеломили меня, а потом я ощутила прилив благодарности.

Лукас.

Я только и успела, что мысленно произнести его имя, потому что Холланд за два размашистых шага преодолел расстояние между нами. Когда его толстые пальцы сомкнулись на моем плече, я была готова. В этот раз я даже не вздрогнула. Даже при том, что снова ощутила на себе властную хватку отвращения. От этих мерзких пальцев, которыми он трогал меня как свою собственность. От невыносимо отвратительного запаха мяты со спиртом.

Отвращение никуда не делось, но внутреннее торжество оказалось гораздо сильнее.

Я подняла подбородок и посмотрела Холланду в глаза, стараясь сохранить нейтральное выражение лица. При этом меня продолжало согревать с головы до ног невероятное открытие.

Лукас пытался меня спасти.

— Лукаса, может, и впечатлили твои нелепые выходки, но меня — нет.

Ноздри Холланда раздувались от гнева, и он сильнее сжал мое плечо.

Этот человек был не из тех, кто позволял кому бы то ни было ставить под сомнение свой авторитет.

Он отпустил меня.

— Тут вот какое дело… — Он замолчал, издав протяжный страдальческий вздох.

— Сэр? — Краем глаза я увидела, как руки Лукаса дрогнули. Это было едва заметное движение, но я его уловила.

Номер Три оставалась на том же самом месте. Ее выражение было спокойным. Нейтральным. Происходящее ее совершенно не тревожило, но во внимательном взгляде было что-то оценивающее.

— Рад, что ты не сдаешь позиций, Лукас. Оказывается, у тебя характер тверже, чем у отца. — Холланд буравил меня взглядом, как будто хотел пробить во мне дыру и посмотреть, как я работаю. — Тем не менее я вынужден признаться, что не разделяю твои взгляды. Неспособность Номер Два держать эмоции под контролем во время работы над поставленной задачей делает ее непредсказуемой в бою, а подобная неуправляемость может поставить под угрозу жизни наших агентов. На такой риск я пойти не готов.

Он отрывисто кивнул в мою сторону. Если подумать, логика в его словах была неопровержима, как бы это ни пугало.

Только вот какое дело — я не хотела работать на правительство. Я просто хотела жить. Но Холланд бы ни за что в жизни этого не понял. В военной службе была вся его жизнь. Глядя на меня, он видел обузу. Напоминание о том, что он допустил промах. А для него огромное значение имела внешняя безупречность.

— Я перешлю твой отчет начальству, но у меня есть абсолютное право вето. И я собираюсь сообщить им, что моя первоначальная оценка подтвердилась.

Самодовольная улыбочка Холланда говорила сама за себя. Какие испытания, какой второй шанс? Холланд ни за что не дал бы вышестоящим заподозрить, что он совершил ошибку, тем более после провала с первой версией МИЛА.

Ему было проще отправить меня на металлолом, подтверждая, что он был прав, чем сохранить меня и признать свою неправоту.

И, честно говоря, я даже не могла сказать, что он неправ. По его критериям, я оказалась неудачной моделью. Мама

предупреждала меня, заставила меня пообещать не показывать свои эмоции, а у меня не получилось.

И теперь это дорого обойдется нам обеим.

— Сэр? — произнес Лукас.

— Не волнуйся, нам не придется расстаться с Номер Два.

В сердце вспыхнула сумасшедшая надежда.

— Мы просто удалим ее наномозг и имплантируем на его место новый — такой же, как у Номер Три. — От этих слов последний огонек надежды угас.

Хотя я и готовилась к этому моменту — уже несколько часов, — ощущение реальности только что услышанного грозило окончательно сломать меня.

Удалить мой мозг. Они собирались удалить мой мозг. Одной операцией лишить меня моей личности и всех, кто был мне дорог. Для меня не станет папы, Клируотера и даже Кейли.

Не станет Хантера и мамы. Не станет Лукаса.

Не станет меня.

Я была так зациклена на своем страхе перед тем, что я не настоящий человек, что не догадывалась ценить те человеческие качества, которые у меня были. Да, возможно, доля Номер Три окажется более легкой: никаких волнений, никаких тревог, существование от приказа до приказа. Только это не жизнь.

Но было уже слишком поздно, чтобы что-то исправить.

Я ждала, что Лукас запротестует, но он этого не сделал. Он стоял прямо, сжав кулаки, но молчал. Наверное, я все-таки была для него всего лишь очередной технической новинкой. И все же мне не в чем было его упрекнуть. В целом он обращался со мной по-человечески.

Я рассеянно слушала, как Лукас и Холланд обсуждают подробности.

— Когда вы планируете провести процедуру?

Мне будет не хватать его удивительных многоцветных глаз.

— Мы подключим ее к ремонтной установке, но с операцией придется подождать до завтра, когда вернется лейтенант Бэрри, он ее и проведет.

Мне будет не хватать ощущения гладкой и жесткой гривы Неги под пальцами.

— Ясно.

Мне будет не хватать предвкушения, которое охватило меня, когда губы Хантера приблизились к моим.

Больше всего мне будет не хватать мамы: ее крепких объятий, того, как она теребила очки, когда нервничала, запаха ее лосьона с розмарином.

Мама.

От этой мысли я очнулась. Я рванулась вперед, схватила Холланда за рукав. К черту приличия — пусть сколько хочет возмущается по поводу моих дефектов. Сейчас это все уже не имело никакого значения.

— Можно мне встретиться с мамой, пожалуйста? Последний раз? Прежде чем…

…*вы меня ликвидируете.* Но эта формулировка была такой холодной, такой бездушной, что я не смогла заставить себя это сказать.

— С ней ведь все будет в порядке, правда? — требовательно спросила я.

Справа от меня что-то промелькнуло. Номер Три с силой дернула меня за плечо, и я полетела на пол.

— Нельзя прикасаться к генералу Холланду без разрешения.

Я поднялась на ноги и снова бросилась вперед, но она снова меня отшвырнула.

Я сощурилась, руки сжались в кулаки.

— С дороги, — процедила я. Ничто меня не остановит, пока я не получу ответ на этот вопрос.

Она поставила ноги на ширине плеч, готовясь к схватке.

Мы пристально смотрели друг на друга, почти как во время первого испытания, и каждая ждала возможности нанести удар.

Холланд разгладил смятый рукав, после чего хлопнул Номер Три по плечу своей мясистой рукой:

— Нет-нет, Номер Три, все в порядке. Отойди.

Возможно, мне показалось, но я готова была поклясться, что Номер Три секунду помедлила, прежде чем подчиниться приказу Холланда. И выглядела она при этом определенно не слишком довольной. Но потом я засомневалась, потому что стоило мне моргнуть, как она отступила в сторону с абсолютно нейтральным выражением лица.

Уголки губ Холланда слегка изогнулись в улыбке, которая выглядела скорее самодовольной, чем радостной.

— Вот видишь, именно об этом я и говорил. Николь оказала тебе медвежью услугу. Не важно, что ты *чувствуешь,* ты не настоящая. Ты не девочка, ты копия девочки. Ты всего-навсего искусно выполненная имитация — которую я помогал создать. То, что ты не улавливаешь разницы, — это огромная помеха.

Затаив дыхание, я ждала неизбежного заключения.

— Николь Лорент не твоя мама, она твой создатель. К сожалению, она не оставила нам другого выбора: за совершение государственной измены, поставившей под угрозу засекреченный военный проект, она приговорена к смер…

Я не раздумывала, даже не дала ему договорить. От

захлестнувшей меня ярости мои руки словно зажили собственной жизнью. Я набросилась на Холланда, схватив его за горло, и его фраза закончилась хрипом.

Я надавила сильнее. Как только он начал задыхаться, я молниеносно скользнула ему за спину и ухватила его одной рукой за подбородок, развернув голову вправо. Другая рука нажала на его затылок.

Номер Три и с места сдвинуться не успела.

Холланд попытался вырваться, и я безжалостно усилила хватку.

— Еще раз дернешься, и я сверну тебе шею. — Он застыл.

Стоявшие неподалеку солдаты замерли в напряженных позах, но сделать они ничего не могли. Кончиками пальцев я почувствовала, что пульс Холланда резко участился, а его кожа стала влажной от пота.

— Сделаете хоть один шаг, и он покойник. — *Он в любом случае должен умереть.* Пальцы сжались сильнее.

Он это заслужил.

Пальцы сжались сильнее.

Этот ужасный человек собирается убить маму.

Пальцы сжались сильнее.

Солдаты обменялись паническими взглядами, но не осмелились вмешаться.

Номер Три нахмурилась.

— Отпусти его. Даже если ты его убьешь, — тут я почувствовала, как Холланд дрогнул, — это ничего не изменит. Так зачем суетиться?

Зачем суетиться? А затем, моя наивная сводная сестричка, что мне будет приятно это сделать.

По спине Холланда ручьями тек пот, из-за чего его рубашка прилипла к моей. От кислого запаха пота я ощутила внезапное торжество. К черту логику. Мне не было никакого дела до логики. В этот момент я думала только о том, что хочу увидеть маму, а помимо этого — заставить Холланда заплатить за всё.

— Мила, нет!

Я чуть повернула голову, не теряя из виду Номер Три и солдат. Ко мне осторожно приближался Лукас, словно хотел шепнуть что-то мне на ухо.

Он поднял руку.

Я едва успела заметить электрошокер, прежде чем меня ударило током.

Разряд прошил мое тело насквозь. Мой торс, руки, ноги — все задергалось в конвульсиях. Перед глазами возникли помехи, пляшущие изображения, пятна черноты… Мысли… ускользали…

А потом я
……

Глава тридцать пятая

Я очнулась внезапно, как будто кто-то щелкнул выключателем. На смену черной пустоте пришел визг помех.

Сначала было только это непрекращающееся жужжание, которое заполнило мою голову. Потом появилось потрескивание, в темноте под закрытыми веками начали вспыхивать отдельные огоньки.

Сквозь помехи пробилась мерцающая красная надпись: *Перезагрузка.* Это слово повторил знакомый голос — мой? — но звучал он словно издалека, искаженно.

Теплая субстанция сливалась с моим телом, повторяя каждый его изгиб. Обездвиживая меня. От этого ощущения в голове вспыхнула какая-то картинка, тоже искаженная, слишком искаженная, чтобы можно было ее понять.

Борясь с помехами, шум которых перешел в тихое гудение, я открыла глаза. От этого микроскопического движения по голове пошли волны тока. Один, пять, двадцать разрядов.

Как только они прекратились, началась паника. Эти волны, я знала, откуда они — это был остаточный заряд электричества в моем теле.

И тогда я поняла, где нахожусь.

В той камере, в которой я уже успела побывать. В особой машине, с помощью которой Лукас устранял мои повреждения.

В особой машине, с помощью которой Холланд планировал перепрограммировать меня, сделать из меня еще одну Номер Три.

Перепрограммировать.

В моем теле не было сердца, но в ушах бешено стучала кровь. Никакой эндокринной системы не было и в помине, однако адреналин бежал по венам, заставляя в равной степени несуществующие мышцы сжиматься, пытаться раздвинуть стенки. Никаких легких, и тем не менее я ощущала их — плотные, тяжелые, слишком твердые, чтобы ими можно было дышать.

Я попыталась справиться с паникой с помощью логики. Все это было не по-настоящему. Ощущения, которые я испытывала, были не настоящими.

Где-то в глубине меня возник холод, он распространялся, набирая силу, захватывая мое тело, пока не прошел его насквозь, и моя кожа словно покрылась слоем льда.

Нужно было это прекратить. Нужно было взять себя в руки и *проанализировать.*

Обстановка. Я сейчас оценю обстановку. Поищу способ выбраться из этого на вид безвыходного положения. Я осмотрела

окружающее пространство и ничего не увидела.

Движения не обнаружено.

Не удивительно. Приборы гудели, но ничего живого в этой комнате не было. Никаких человеческих звуков. Пусто.

Это так бы я чувствовала себя после операции? Вечная тишина внутри вместо мыслей и чувств, которые прежде проносились там, как транспорт по оживленной улице?

Может, так будет спокойнее. А может, и нет. Я никогда не узнаю этого наверняка, потому что моя нынешняя личность перестанет существовать.

Я уперлась в стенку, надавила изо всех сил, но материал был очень прочным и не поддался даже на миллиметр.

Отчаяние высосало из меня всю энергию. Хотя я и так знала, что применять силу было бесполезно. Как и осматривать комнату. Нет, по словам Лукаса, единственным способом открыть машину было задать ей нужную команду. Что можно было сделать, только находясь снаружи.

Лукас. Лукас меня оглушил.

Словно пробужденный горьким вкусом предательства, его голос зазвучал в моих ушах.

Мила.

Мой взгляд заметался по комнате, но его там не было. И никого не было.

И тогда я осознала, что голос раздался прямо *у меня в голове,* как во время первого испытания.

И несмотря на его поступок, я не удержалась, и с губ сорвалось тихое, отчаянное «Лукас?».

Если ты меня слышишь, моргни два раза.

Я моргнула.

В моих ушах прошелестел вздох облегчения.

Извини за Тэйзер — мне нужно было быть уверенным, что Холланд не станет меня подозревать. У нас мало времени. Я использовал минимальную мощность — ее было достаточно, чтобы все выглядело убедительно, но не достаточно, чтобы твои системы надолго вышли из строя. Скоро все должно прийти в норму, если еще не пришло. Я вытащу вас отсюда, тебя и доктора Лорент. Но тебе придется делать то, что я скажу. Ты согласна?

И вот так, внезапно, появилась новая сеть надежды. Лукас собирался помочь нам с мамой. Я моргнула еще раз.

Придется обставить всё так, чтобы это было похоже на настоящий побег. Я буду твоим заложником.

Заложником? Что-то внутри меня запротестовало, хоть я и понимала справедливость его слов. Использовать Лукаса в качестве заложника было единственным способом уберечь его от

наказания за помощь нам.

Я моргнула.

Во-первых, тебе нужно выбраться из установки. Если ее открою я, они смогут вычислить меня по моему коду в памяти кодовой панели двери. Хотя я не думаю, что за мной ведется наблюдение. По крайней мере, пока.

Безнадежно. Это было совершенно безнадежно. Лукас что, не понимал, что, если бы я могла освободиться из этой пластиковой тюрьмы, я бы уже это сделала?

Но Лукас наверняка знал способ, с помощью которого я могла бы выбраться из своего заключения. В противном случае, он бы не поднимал этот вопрос, с его-то методичностью. Но какой способ?

Эм…

Его нежелание говорить напрямую, особенно учитывая срочность дела, не предвещало ничего хорошего. Что же я упустила?

Никакой возможности вырваться, никакой возможности получить помощь снаружи. Нет, я должна была как-то вскрыть эту штуку изнутри. Я налегла на стенки. Ничего. Материал был очень прочным.

Требуемое давление: 14 МПа.

Слишком прочным.

Отчаяние охватило меня, затмевая разум, надежду, всё. Раз Лукас не мог войти, а я не могла выйти, выхода не было. Выхода не было.

Выхода не было. Но погодите… Лукас ведь знал характеристики машины лучше, чем я. Он не мог рассчитывать, что я вырвусь с помощью физической силы, а значит… мне нужно было использовать силу мысли.

Мгновение спустя Лукас подтвердил мой вывод.

Тебе придется установить связь с машиной.

Акриловая капсула погасила мою дрожь.

Установить связь с машиной. Поговорить с ней по-свойски, как машина с машиной. Как будто мы с ней одно и то же.

Внутри поднялся безмолвный крик. Если мне не удастся спастись, Холланд раскроит мне череп, вытащит мой мозг и вставит взамен новый, который превратит меня в точную копию Номер Три. В настоящую машину. А теперь Лукас сообщал мне, что для спасения мне и так придется превратиться в машину.

Доступ я тебе уже разрешил — еще в прошлый раз, на всякий случай. Тебе нужно открыть свои порты.

Открыть порты — как будто это было так просто.

Я даже не была уверена, что это значило.

И все же нужно было попытаться.

Я зашарила по своему сознанию в поисках команды.

Открыть порты.

Сначала я ничего не почувствовала. Никаких толчков, никакого мерцания зеленых огней. На этот раз все произошло постепенно. Словно медленно нарастающий поток: еще секунду назад связь была слабая, а в следующую — усилилась. Поток шел от машины ко мне и в обратную сторону. Я ощутила какое-то присутствие — что-то, к чему я могла прикоснуться, не шевеля руками.

Я опасалась, что столкнусь с чем-то голым, пустым. Безжизненным. Как городские прерии Детройта. Но это было не так. Хотя сущность машины не была живой, она не казалась и мертвой. Скорее, полной бесконечной энергии.

Перед глазами замерцал код — на этом этапе я уже не была уверена, где — внутри моей головы или снаружи. Но он был повсюду. Нескончаемый поток букв, символов, цифр.

В кои-то веки я точно знала, что делать. Я мысленно протянула руку, чувствуя, что код просеивается как песок сквозь пальцы. Отдельные символы выстроились в цепочку, переводя для машины мою команду.

Разблокировать камеру.

Пауза, словно тонкая полоска света у приоткрывшейся двери. А потом дверь захлопнулась.

Необходимо подтверждение.

Досада обрушилась на меня огромной волной. Я не могла дать подтверждение, не знала как. Если бы только я могла сейчас поговорить с Лукасом. Но нет. Именно благодаря тому, что Лукас открыл мне доступ, я смогла связаться с машиной. Дальше я должна была разобраться самостоятельно.

Во мне зародилась решимость, распространяясь по всему телу, пока каждая клетка в нем не начала гореть уверенностью. Как бы сильно я ни пыталась скрыться от своей истинной природы, изменить ее было нельзя. Я была машиной, и притом мощной.

Это низшее существо меня не остановит.

На этот раз команда просто взорвалась в моем сознании.

Разблокировать камеру!

Крошечная заминка, от которой моя уверенность дала трещину. А потом я почувствовала изменение энергии, сдвиг потока. Дверь с шипением открылась.

Через пять секунд я уже была на свободе.

Подчинить своим требованиям дверь мастерской оказалось проще. Быстрая перестройка кода, и дверь зажужжала.

Когда она отъехала в сторону, я увидела Лукаса. Он стоял в оцепенении, запустив руки в волосы, золотистые глаза были широко раскрыты. Он ничего не сказал, только все так же оцепенело посмотрел на меня, а потом вытащил из кармана Тэйзер и сунул его мне в руку.

Лукас зашагал по коридору, но я застыла, не сводя глаз с камеры наблюдения под потолком.

Он покачал головой:

— Я зациклил видео с камер, но нам нужно спешить. Ребята из службы безопасности скоро это заметят.

Сжав в руке электрошокер, я последовала за Лукасом. Я не слышала поблизости охранников, но на данном этапе малейшая ошибка означала бы провал.

В трех метрах впереди наш путь пересекал другой коридор. Лукас прижался к левой стене и медленно приблизился к повороту. Я двигалась следом.

— Ты что-нибудь слышишь? — прошептал он.

Я закрыла глаза, сосредоточилась. С противоположной стороны я услышала невнятные голоса, мужчины и женщины. Потом закадровый смех. Телевизор, скорее всего, в комнате охранников.

А слева… никаких звуков не доносилось. Только тихое гудение ламп и вдох-выдох Лукаса.

— Все чисто.

Несмотря на мою уверенность, он осторожно заглянул за угол и посмотрел по очереди в обе стороны, после чего поспешил влево. Этот коридор был уже предыдущего и темнее, в нем горели только тусклые лампы дежурного освещения. Мое зрение сразу подстроилось, но Лукасу приходилось полагаться на память.

Он резко остановился перед узкой серой дверью в левой стене и начал свой ритуал с ДНК и кодом.

Я метнулась к двери, встала так близко, что мой нос едва не касался ее гладкой поверхности, и сжала кулаки, борясь с желанием попытаться взломать дверь. Это была мамина комната, это точно была мамина комната.

Пока Лукас набирал код, каждое нажатие казалось мучительно медленным. Наконец прозвучал сигнал, а следом щелчок. Не успела дверь отъехать и наполовину, как я, не вытерпев, уже протискивалась внутрь.

Я бросилась к неподвижной фигуре на кровати.

— Мам? — шепнула я тихо, чтобы не напугать ее.

Мама мгновенно отвернулась от стены и резко села на кровати.

— Мила? — Она зашарила по крошечному шаткому столику в

поисках очков.

— Да.

Мама вскочила на ноги. В следующий миг мое лицо уже оказалось прижато к ее плечу: она налетела на меня, сжав в объятиях со всей силой, на которую только была способна.

Я позволила себе постоять одну, две, три секунды, наслаждаясь теплом ее объятий; ноги подкашивались от нахлынувшего облегчения. Она была цела. Она была жива, и осталась такой же, какой я ее помнила.

Еще раз коротко сжав ее, я мягко высвободилась.

— Побереги силы.

Я отступила в сторону, и она увидела Лукаса, стоявшего на страже у двери.

— Постой, что происходит? — спросила она.

— Лукас помогает нам выбраться отсюда. Прямо сейчас.

Ее глаза расширились от удивления.

— Но я не понимаю, как… — она покачала головой, изумленная. — А у нас получится?

— Других вариантов не осталось.

Мамина сверхъестественная способность сохранять спокойствие в чрезвычайной ситуации в очередной раз поразила меня.

— Ясно. Тогда вперед.

Она скользнула к двери, и мне оставалось только последовать за ней.

— Южное крыло? Никто им особо не пользуется.

Лукас кивнул:

— Я тоже о нем подумал, — сказал он и развернулся, чтобы вести нас дальше.

Но он двинулся вперед не раньше, чем мама положила ему руку на плечо и шепнула на ухо:

— Спасибо тебе.

И не раньше, чем я успела заметить, как он покраснел.

Затем мама бросилась вперед по коридору, Лукас — за ней. Я крепче сжала в руке Тэйзер и пошла следом.

Мы направились в сторону, противоположную той, откуда мы пришли, и через какое-то время дошли до места, где коридор поворачивал налево. Мы успели сделать всего три шага, когда Лукас тихо выругался.

— Что такое?

Он указал головой в дальний угол потолка.

— Камеры, они снова начали двигаться. Либо моя программа перестала работать, либо… они обнаружили обман.

Мы все застыли, наблюдая, как камера поворачивается,

захватывая наш коридор, а потом соседний.

— Так значит, они нас видели?

Лукас покачал головой:

— Необязательно. Это зависит от того, насколько внимательно сейчас кто-нибудь следит за этой конкретной камерой. Из-за крота из «Вита Обскура» они стали гораздо бдительнее, чем раньше, но, если поторопимся, можем успеть…

Мы прибавили шагу, преодолевая путь почти бегом, пытаясь найти баланс между скрытностью и скоростью. Я заметила, что Лукасу с его больной ногой было тяжело, но он ни разу не пожаловался.

Мама повела нас, свернув сначала налево, потом почти сразу направо.

— Этот коридор выходит прямо к посту охраны. Если они будут смотреть в экраны, мы можем пригнуться и незаметно проскочить.

Я согласно закивала, но тут мое внимание привлекло какое-то движение над головой. Камера. Она повернулась влево, и теперь круглый объектив был нацелен прямо на нас.

Какое-то мгновение я смотрела на камеру, ожидая, что она сейчас продолжит свое движение, но этого не случилось. Она осталась на месте, и мне вдруг показалось, что я смотрю прямо в холодные серые глаза Холланда.

— Бежим! — прошипела я, и мама с Лукасом не стали медлить. Но стоило нам сделать несколько шагов, как над головой завыла сирена.

Глава тридцать шестая

Наш план проскочить незаметно с треском провалился, и мы помчались по коридору, прямо навстречу только что оповещенным охранникам.

Мы с мамой старались держаться в одном темпе с Лукасом. Он бежал на удивление быстро, но по тому, как сильно он начал хромать, я поняла, что ему сложно сохранять такую скорость. Тем не менее он не жаловался, и я отстала от него на шаг, чтобы все выглядело реалистичнее — я была уверена, что весь наш побег записывают на камеру. Я ничего не говорила, только периодически тыкала Лукаса Тэйзером в спину, как бы подгоняя.

Мы вырвались в широкий коридор, который вел к стоянке, Лукас на шаг впереди меня. Справа был пост охраны. Двое охранников разного роста выбежали оттуда с оружием в руках, жестами приказывая нам остановиться.

— Зайди мне за спину, — прошипела я маме. Поднявшись на цыпочки, я перекинула правую руку через шею Лукаса. Теперь электрошокер втыкался ему в горло чуть ниже подбородка.

— НАЗАД! — заорала я охранникам. Оба приняли стойку для стрельбы, целясь в меня. — Назад, а то я его поджарю!

Высокий бросил взгляд на своего напарника. Я увидела, что его руки дрогнули, после чего он перехватил пистолет покрепче.

— У нас приказ, — сказал он, и, хотя его голос звучал не слишком уверенно, оружие он не опустил.

К горлу подступил совершенно неуместный смех, который вырвался наружу тихим, сдавленным всхлипом. Приказ. Ну конечно. Количество случайных жертв Холланда не волновало, главное, чтобы нам с мамой не дали сбежать. Вот и верь после этого его проникновенным речам о спасении жизней.

Я почувствовала, как Лукас напрягся, как участился его пульс.

— Пожалуйста, — взмолился Лукас. — Она правда это сделает, я ее знаю.

Я вздрогнула. После того второго испытания я уже не знала, притворяется он или правда верит, что я способна на такое.

Охранники неловко переминались с ноги на ногу, но позиций не сдавали.

Придется нам рискнуть, понадеявшись на их неуверенность, потому что с минуты на минуту появится подкрепление. Уже сейчас я слышала вдалеке тяжелый стук ботинок по бетону. Время было на исходе.

Из-за моей спины раздался мамин голос:

— И что, вы собираетесь хладнокровно застрелить заложника? — спросила она, толкая меня в спину. Поняв ее намек, я подтолкнула Лукаса вперед. Шаги становились все громче.

— Вы же понимаете, что пули ее не остановят? — продолжила мама. — Если начнете стрелять, она вас обоих прикончит. Вы что, не слышали, что она сделала с Холландом?

Я думаю, последней каплей стала безмятежная улыбка в стиле Номер Три, которую я воспроизвела — эта улыбка заставила их поверить. Они опустили оружие.

Хорошо, что они не могли почувствовать, как дрожит моя рука, держащая электрошокер, не могли знать, как меня мучает совесть за то, что я приставила его к шее Лукаса. Они понятия не имели, что я никогда, никогда не позволю кому-либо заставить меня совершить убийство. Или снова пытать кого-то, просто чтобы оценить мое поведение. Я не стану чудовищем.

Я не стану такой, как Холланд.

Я опять подтолкнула Лукаса вперед. Шаг, еще шаг. Вот и все расстояние, которое мы успели пройти, прежде чем тот, что пониже, обнаружил слабое место в нашем плане. Он прицелился в маму.

— Отпусти его, или я застрелю Лорент.

Мы с Лукасом синхронно замерли. Лицо охранника было бледным, по щеке стекла капелька пота. Но пистолет в его руке не дрогнул.

Он это сделает. Он спустит курок и выстрелит, и все, что мы успели пережить, окажется напрасным.

— В сторону, живо!

Все произошло одновременно. Мама за моей спиной метнулась вправо, прогремел выстрел. Лукас резко дернулся, упершись мне в грудь.

Я посмотрела вниз и потрясенно поняла, что из его правого бедра течет кровь.

По его здоровой ноге.

Чувство вины поразило меня, словно молния.

— Не останавливайся, — прохрипел Лукас сквозь сжатые зубы.

Но путь был закрыт. Пока высокий охранник кричал что-то своему напарнику, преследователи настигли нас. Я повернула голову, и от увиденного растеряла остатки уверенности в себе. Нам навстречу мчалась Номер Три — между нами было уже меньше шести метров, и это расстояние стремительно сокращалось.

— Остановить Номер Два! — Эхо приказа Холланда

докатилось до нас по коридору.

Впереди блестела стальная дверь — начало нашего пути к свободе; она была так близко и при этом так далеко. Мы не успеем до нее добраться.

— Возьми его, идите к двери. Скорей, — скомандовала я, передавая Лукаса маме. Она открыла было рот, чтобы возразить, но я остановила ее. — Ну же!

Когда Лукас перекинул руку через мамину шею, и они заковыляли к двери, я сконцентрировалась на запирающем механизме, установила связь с компьютером и перестроила код. Дверь зажужжала и начала открываться, а я развернулась и побежала на Номер Три.

Первые двое охранников добрались до меня раньше. Я бросилась на пол, едва успев уклониться от пули, которая просвистела у меня над головой. Не дав им прицелиться снова, я перекатилась, замахнулась Тэйзером и — *бах!* — врезала им по колену тому, что был ниже ростом.

Грохот упавшего на пол пистолета потонул в крике, и мужчина боком влетел в своего напарника. Не успел последний восстановить равновесие, как я вскочила и с силой ударила его кулаком в живот.

Когда он согнулся пополам, мое колено впечаталось ему в нос.

Я повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Номер Три пронеслась мимо, даже не взглянув на меня. Она неотрывно смотрела на кого-то другого.

Мама.

Нет уж, не выйдет. Я бросилась следом, по венам побежал холодок отчаяния. Впереди мама с Лукасом как раз перебирались через порог, но Номер Три почти догнала их. Изначально я планировала оглушить Номер Три электрошокером, выскочить за дверь и запереть ее за нами, но стычка с охранниками отняла у меня слишком много времени.

Связавшись с компьютером, я отдала команду закрыть дверь. Я понимала, что ни за что не добегу вовремя, но это был единственный способ обезопасить маму.

Гонясь за Номер Три, я пережила момент ужаса, когда подумала, что будет, если она успеет выскочить следом за ними, а я застряну по эту сторону, не в состоянии помочь им.

Закройся, пожалуйста, закройся.

Я мельком увидела лицо мамы: его выражение было застывшим, взгляд был прикован к Номер Три — мама смотрела на нее, словно в дуло пистолета. Номер Три, подбегая, выбросила руку вперед; вот ее пальцы тянутся, тянутся к узкой щели — о

боже, если она успеет ухватиться за дверь, она сможет открыть ее, и тогда…

Дверь закрылась со щелчком, и рука моей копии врезалась в металл.

Пока она еще стояла спиной ко мне, я добежала оставшееся расстояние и замахнулась Тэйзером. Номер Три молниеносно развернулась, взмахнув каштановыми волосами. Ее кулак сбил мою руку, и электрошокер полетел в сторону. В следующий миг за ним последовала я сама — прямиком в стальную стену.

В голове зазвенело. Я сделала финт вправо, уклоняясь от кулака Номер Три. Когда он вколотился в стену, я схватила ее вытянутую руку обеими руками и сломала об свое колено. Хруст отдался в пальцах.

— Ты… ты повредила мое локтевое соединение! — Ее зеленые глаза расширились и сузились. Неужели Номер Три разозлилась?

Но времени задаваться этим вопросом не было, потому что она с сокрушительной силой лягнула меня ботинком прямо в грудь. Я отлетела назад и врезалась в очередную стену.

Сила удара: 8 МПа.

Хоть какие-то функции начали возвращаться.

Топот солдат и Холланда звучал уже совсем близко. С пола они казались огромными и еще более зловещими. Еще несколько секунд, и они будут здесь. Оставался последний шанс.

Мой взгляд упал на Тэйзер, лежавший в паре метров от меня. В тот же самый момент его увидела Номер Три. Мы обе бросились к нему, вытянув руки, но я оказалась быстрее. Я схватила электрошокер и нащупала кнопку. Когда пальцы соперницы сомкнулись на приборе, его иглы вылетели вперед.

Ее тело свело сильной судорогой, и я вздрогнула. Потом она рухнула на пол, а я перемахнула через нее, одновременно приказывая двери открыться.

Я протиснулась в щель и развернулась лицом к приближавшимся солдатам.

— Пригнитесь! — шепотом скомандовала я маме и Лукасу. Солдаты были недостаточно близко, чтобы успеть пройти через эту дверь, но я сомневалась, что Холланд прикажет им не стрелять. Только не сейчас — когда его ценный экспериментальный образец снова пытался сбежать.

— Мила, открой следующую дверь, — попросила мама. Не поворачивая головы, я приказала компьютеру открыть дверь, ведущую на стоянку. В ту же секунду лампы начали мигать.

Зазвучал ровный электронный голос:

— Активирован аварийный режим. Все замки будут

автоматически открыты через тридцать секунд.

А значит, что бы я ни делала, уже очень скоро через эти двери повалят солдаты. И все же, временно мы были в безопасности. Но до того как дверь, ведущая в комплекс, сомкнулась со стеной, я заметила нечто, от чего ужас вцепился в меня мертвой хваткой. Сквозь узкую щель я увидела, как ноги Номер Три шевельнулись, и она медленно встала.

Я отвернулась, дрожа. Как она могла прийти в себя так быстро? Это что, еще одна способность так называемой улучшенной версии — сопротивляемость электрическому току? Ладно, все эти «как» и «почему» сейчас не имели значения. Нет, я узнала главное: она не вышла из игры.

Мы вырвались на стоянку. Я подбежала к ближайшему внедорожнику и уперлась руками в багажник.

Сначала я не была уверена, что мне удастся сдвинуть машину — мелькнула мысль, что в суматохе я переоценила возможности своего тела, и теперь только зря трачу драгоценное время. Крики за дверью звучали все ближе.

Ну же. Именно сейчас мне как никогда было нужно, чтобы андроид во мне перехватил инициативу.

Я уперлась в нее сзади, прикладывая неимоверные усилия. И случилось чудо — машина со скрипом тронулась. Только дверь начала отъезжать, как я толкнула в последний раз, и внедорожник вписался в нее боком, заблокировав проход.

От солдат мы на время оторвались. Пока они не доберутся до другого выхода.

Я побежала к маме, чтобы помочь ей.

— Где твоя машина? — заорала я Лукасу, работая на камеру. И тихо шепнула ему: — Ты как? — Естественно, ему было плохо. С каждым шагом он слабел, становился все тяжелее и вскоре уже держался на ногах только за счет меня.

— Н-нормально, — прошептал Лукас в ответ, но от того, как он запнулся, у меня заболело сердце. Так нельзя. Нужно было остановиться, оказать ему помощь. — Не… смей из-за меня останавливаться, — продолжил он, как будто прочел мои мысли. Он пошарил в кармане и вытащил ключи.

— Вот эта, «Камаро», — сказал он, показывая пальцем мимо вереницы внедорожников. Слева от нас, ближе к съезду, стоял «Шевроле» классической модели.

Мама подхватила Лукаса с другой стороны, и вместе мы потащили его к машине.

— Нужно перевязать ему ногу, — сказала я. Мама замерла с рукой на ручке двери, глядя на мою фланелевую рубашку.

Не сказав ни слова, я сорвала ее с себя и швырнула маме:

— Держи. — Я сделала это почти без сожаления. Лукасу она сейчас была нужна гораздо больше, чем мне.

Я подняла его и посадила на капот пикапа, стоявшего рядом с «Камаро». Отступив в сторону, чтобы мама могла перевязать ногу, я увидела кровь, от которой ткань его серых штанов потемнела так, словно он забрел в них в бассейн.

— Не трудитесь! — прошипел Лукас. — Со мной и так через пару секунд разберутся.

В горле стоял ком, поэтому вместо ответа я покачала головой. Мгновение спустя мама закончила с перевязкой:

— Это остановит кровотечение, пока не подоспеет помощь.

Мама рванула на себя дверцу машины, а я неотрывно смотрела на искаженное от боли лицо Лукаса. Я не могла бросить его в таком состоянии.

— Мила, пора! — закричала мама.

— Постой, — прохрипел Лукас. С трудом сглотнув, он произнес: — Официально заявляю: по-моему, из тебя вышел отличный человек.

После чего его глаза подернулись пеленой боли.

Мое горло сжалось. Даже сейчас он думал обо мне. Я пожалела, что у нас совсем нет времени. Что я не успею поблагодарить Лукаса за всё. Моего тихого «извини» было слишком мало.

А потом я резко рубанула его по чувствительному месту на шее. Подхватив его за подмышки, когда он обмяк, я затолкнула его повыше на капот.

По крайней мере, я могла избавить его от боли на время, пока не прибудет помощь.

— Мила, скорей!

Бросив последний полный раскаяния взгляд на неподвижное тело Лукаса, я запрыгнула в машину и дала задний ход, выезжая со стоянки.

Я втопила педаль газа, и к непрекращающемуся визгу сирены добавился рев двигателя. Я заглянула в зеркало заднего вида, чтобы в последний раз посмотреть на Лукаса. Вместо этого я увидела, как зеленый «Шевроле», которым я забаррикадировала дверь, дрогнул и пополз в сторону.

Когда мы заходили в первый поворот, в дверях показалась Номер Три.

Глава тридцать седьмая

Один, два, три поворота, и мы наконец оказались у пропускного пункта, через который в свое время въехали на территорию комплекса. И как раз вовремя.

В отдалении за нами послышалось хлопанье дверей машин. Они приближались.

Где-то среди них была Номер Три.

Охранник с ружьем перегородил нам путь, целясь в лобовое стекло.

— Пригнись! — заорала я, огибая его слева по широкой дуге и вдавливая педаль газа. «Камаро» понесся прямо на опущенный шлагбаум, врезавшись в него с такой силой, что стекло треснуло. Стрелку сорвало со стойки. Раздался выстрел, но пуля только царапнула по металлу.

Удар о шлагбаум сотряс машину, но я не сбавляла скорость. Прорвавшись мимо поста охраны, я еще поднажала, и мы помчались вверх по дороге, наружу, к наземной парковке.

Через несколько поворотов в салон ворвался свежий ночной воздух. Мы были недалеко от Центра исполнительских искусств имени Джона Ф. Кеннеди.

Машину сильно тряхнуло, и нас с мамой подбросило на сиденьях. Чтобы удержаться, она вцепилась в спинку моего кресла, так что костяшки побелели. Мама наклонила голову, и я увидела, что ее губы беззвучно двигаются.

Мама? *Молится?*

Эта мысль грозила нанести серьезный ущерб моей уверенности в себе, так что я сосредоточилась на дороге. Дорога свернула влево, и я бросила взгляд в зеркало заднего вида. Пока погони не было, но я была уверена, что положение изменится буквально через несколько секунд. А я понятия не имела, куда мы едем. Но с этим разобраться было несложно, ведь мы уже были за пределами комплекса.

GPS.

Вспышка света, сопровождаемая тихим гудением.

GPS.

Ничего.

В голове зазвучали слова Лукаса:

«…Скоро все должно прийти в норму…»

Всё, кроме моего дурацкого навигатора… который именно сейчас был мне нужнее всего.

— Навигатор не работает… Есть идеи? — спросила я. Естественно, машина Лукаса просто обязана была оказаться

антикваріатом на колесах, который выпустили задолго до появления подобных технологий.

В глаза бросилась длинная изогнутая трещина в лобовом стекле. Боже, Лукас меня убьет.

— Сейчас прямо, потом налево по дороге Рок Крик, — сказала мама. К счастью, ее голос звучал так же уверенно, как раньше.

Я вошла в поворот на большой скорости, выжала педаль сцепления и понизила передачу за миг до того, как машина вылетела на перекресток. Секунда-другая, и люди Холланда будут у нас на хвосте.

Взяв курс на юг по Рок Крик, я выглянула из окна на ту дорогу, по которой мы выехали со стоянки рядом с Кеннеди-центром.

Вдалеке показался свет фар. Судя по высоте огней, это были внедорожники.

Я сильнее надавила на газ.

На автостраде мы ни за что от них не оторвемся. Слишком высока вероятность, что Холланд выставит впереди патруль.

Мама тоже заметила появившиеся за нами машины и озвучила мою мысль:

— В город.

Стрелка спидометра поднималась все выше и выше — я старалась максимально увеличить расстояние между нами и внедорожниками, пока у меня была такая возможность.

Справа, всего в нескольких метрах от нас, в лунном свете поблескивала зеленовато-черная река Потомак. Мама оглянулась через плечо.

Ее рука взлетела к очкам.

— Сколько их?

— Они довольно далеко, видно плохо, но по-моему — две машины. Может, три.

Когда мы проехали под эстакадой, я обогнала ехавший перед нами «Додж Неон», и, увидев, что дорога впереди пуста, рискнула бросить взгляд в зеркало заднего вида.

Сердце сжалось. Три внедорожника, и гораздо ближе, чем мне хотелось бы.

За рулем одного из них был Холланд, за рулем другого — Номер Три.

— Поверни налево, — скомандовала мама, когда впереди показалась развилка. — А дальше прямо.

Я выругалась себе под нос, зная, что за такие слова мне грозит домашний арест, если мы до этого доживем, а потом выругалась еще раз, мысленно. Сколько бы я прежде ни боролась

со своими особыми способностями, сейчас мне остро не хватало моей функции GPS. Мне, конечно, помогала мама, но у Номер Три в голове была рабочая навигация.

— Я всё слышала.

— Тебе нельзя на меня сердиться, это я так расту и развиваюсь, — выпалила я, повторяя то, что она сказала мне в аэропорту.

Она сжала мое право плечо. Крепко.

— Это не шутки, Мила. Скажи мне одну вещь: ты помнишь что-нибудь из своего прошлого в военном комплексе, хоть какую-нибудь мелочь?

Я обогнала очередную машину, гадая, почему мама решила поговорить, об этом именно сейчас. Но я слишком хорошо ее знала, чтобы спорить. Когда на маму находит упрямство, с этим ничего не поделаешь.

— Немного. Я вспомнила белую дверь лаборатории. И испытания Милы Номер Один.

Ее рука сильнее сжала мое плечо.

— Я стерла твои воспоминания о комплексе, Мила, — я стерла их все, — сказала она с каким-то странным придыханием.

— Видимо, парочку пропустила.

Мама помотала головой, так что ее хвост заметался по спине:

— Нет, Мила. Я стерла их все — я уверена. А значит, ты каким-то образом сохранила их самостоятельно. Вот что значит развитие. Ты с каждым днем все больше становишься человеком… даже если не осознаешь этого. Что бы ты ни делала, не забывай об этом.

— Ладно. И я не против узнать обо всем этом поподробнее — но позже.

А в данный момент я была немножко занята. Кроме того, когда мама заговорила об этом сейчас… это прозвучало так, словно она была уверена, что с ней случится что-то плохое.

По телу пробежала дрожь, но я взяла себя в руки.

Я не стану думать о том, что случится, если нас поймают.

Не стану.

Тяжело дыша, я крепче вцепилась в руль.

— Когда проедем Мемориал Линкольна, сверни на восток, на дорогу к мосту Куц, — сказала она.

— Я понятия не имею, где этот мост Куц!

— Тогда просто сверни на восток.

Под какофонию клаксонов я въехала на дорогу, носившую название Индепенденс-авеню, вдали замаячил мост Куц. Внедорожники отстали, но никуда не делись. По крайней мере, два из них.

Черт, куда же делся третий?

Впереди заблестела вода.

— Это что, река?

— Водохранилище.

Мы вылетели на трехполосный мост с односторонним движением на скорости 170 километров в час. Передо мной появился красный «Лексус». Резко затормозив, я рванула руль вправо и тут же лихорадочно влево, чтобы не врезаться в багажник лимузина.

Промчавшись по мосту, мы снова оказались на Индепенденс-авеню.

Я держала курс на восток, надеясь, что смогу оторваться от погони, затерявшись в городе. Когда загорелся красный сигнал светофора и наш путь пересек поток машин, мама принялась рыться в бардачке.

— Лукас, ты гений, — выдохнула она, вытащив оттуда белый конверт и заглянув внутрь.

— Что там? — спросила я, прибавляя скорость. Перед нами проскочило такси, пришлось крутануть руль вправо, чтобы избежать столкновения, при этом мы едва не задели его бампер. За нами заревели клаксоны, завизжали тормоза. Но мы уже неслись дальше.

— Он оставил нам деньги. Восемьсот долларов.

Будем надеяться, что мы доживем до того момента, когда они нам понадобятся.

Я на секунду оторвала взгляд от дороги, чтобы посмотреть в зеркало заднего вида. Руки стиснули руль. Один из внедорожников оказался на расстоянии нескольких машин от нашей.

Мало того, так еще и впереди, на следующем перекрестке показался пропавший автомобиль. И двинулся в нашу сторону.

Когда мы были уже почти у самого перекрестка, мама воскликнула:

— Налево!

Резкий рывок, удар по тормозам, и мы вошли в поворот. И помчались прямо навстречу грузовику.

Яркий свет фар на миг ослепил меня. Руки на руле застыли, тело приготовилось к столкновению. Но потом я стряхнула с себя оцепенение и увеличила скорость. Боже, хоть бы пронесло.

Визг тормозов, оглушительный гудок клаксона. Каким-то чудом мы проскочили. Но тут багажник все-таки зацепило.

«Камаро» занесло вправо, но я крепко держала руль, не давая машине развернуться и улететь под колеса грузовика. Мне удалось выровнять траекторию движения, и мы понеслись по

улице. Позади раздались скрежет тормозов и грохот.

Мама обернулась, вытянув шею, и невольно поморщилась:

— Насчет этой машины можно больше не беспокоиться — они перевернулись.

Оставалось еще две. А я ведь даже с этой еле справилась.

Оставшиеся внедорожники настигли нас еще через две улицы, расстояние между нами сократилось до одного квартала. Холланд и Номер Три.

Наша машина была быстрее, но на таких улицах это если и давало какое-то преимущество, то несущественное. Плюс у них обоих были навигаторы.

Но я ведь уже однажды победила Номер Три.

И тут меня осенило. Я победила ее с помощью совершенно безумного, человеческого поступка. Может, у меня еще раз получится? Пусть выглядели мы одинаково, но, несмотря на мои опасения, под этим внешним слоем мы были разными. Да, Холланд считал мои эмоции недостатком, и в какой-то степени так и было — из-за них из меня не вышел бы идеальный солдат или шпион. Но я не хотела быть ни тем, ни другим. Я хотела быть обычной девушкой.

И, если верить Лукасу, я была девушкой, способной проявить изобретательность, способной пренебречь здравым смыслом, если этого требовала ситуация, — то, чего послушной и последовательной Номер Три никогда было не понять.

На следующем перекрестке я резко свернула направо; внедорожники ехали за нами, уже совсем близко. Впереди на светофоре только что включился желтый, и две едущие перед нами машины сбавили скорость. Нет, так мы окажемся в ловушке. Я вывернула на полосу, ведущую на юг, и понеслась в противоположном направлении, проехав под светофором, как раз когда на нем загорелся красный.

— Мила, ты что делаешь? — воскликнула мама. Краем глаза я увидела, что она левой рукой вцепилась в свое сиденье, а правой уперлась в дверцу.

— У меня есть план, — заявила я, но моему уверенному голосу противоречила мертвая хватка на руле.

Мгновение спустя мы снова вылетели на односторонний участок Индепенденс-авеню. Вот только наша машина неслась по встречке.

Поверните назад. Возможно столкновение.

Но я не могла повернуть назад. В этом-то и был весь смысл.

Когда свет наших фар столкнулся с огнями встречной машины, я окаменела от ужаса, готовясь к тому, что и с самими машинами случится то же самое. Я поверить не могла, что

решилась на такое, когда все мои инстинкты орали как резаные, что это самый идиотский план в мире и что я должна немедленно повернуть назад. Но так уж вышло, что это был наш единственный план. Так что я стиснула зубы и крепко сжала руль, стараясь не слушать свой разум, который кричал, что нас ждет сокрушительный провал, причем в ужасающе буквальном смысле.

Громко сигналя, седан вывернул с нашей полосы, уходя от столкновения. Внедорожники по-прежнему ехали за нами, но отстали, поскольку их водителям было труднее маневрировать. Я чуть-чуть ослабила давление на педаль газа. В этой затее был необходим точный расчет, без него нам ничего не светило.

Я с трудом сглотнула: в горле стоял огромный ком.

Точный расчет и громадная порция удачи.

Впереди дорога уходила вверх, земля по обе ее стороны сменялась темной водой. Оторвавшись от преследователей на расстояние всего десяти машин, мы снова вылетели на мост Куц.

Прямо навстречу потоку машин.

Я дала полный газ, и на нас со всех сторон обрушилась нестройная симфония клаксонов.

Столкновение неизбежно. Возьмите правее.

Еле успела.

Столкновение неизбежно. Возьмите левее.

Я рванула руль влево, чуть не сбив потрясенного мотоциклиста.

Игнорируя мамин резкий вдох, игнорируя собственные сомнения, я вела машину вперед.

Мы оставили за собой три четверти моста. Мимо, отчаянно виляя, пронеслись «Эксплорер» и пикап. Я собрала в кулак остатки мужества.

Ну, была не была.

— Мила, давай! — закричала мама, а я крикнула ей:

— Держись!

Я резко затормозила, разворачивая машину на сто восемьдесят градусов.

Зад «Камаро» описал бешеную дугу, завизжали тормоза — и наши, и ехавших на нас машин. В голове нарастал рев. Как только машина выровнялась, я втопила газ.

Все произошло так быстро, что даже мне едва удалось различить отдельные детали. Вот мы несемся в лоб внедорожнику Холланда; на лице мужчины написан ужас. В самый последний момент я ухожу влево, врезаясь зеркалом заднего вида в ограждение. Номер Три влетает в ограждение с противоположной стороны — ей не удалось выполнить крутой поворот.

Стекло задней пассажирской двери разлетается, осыпая все

осколками. Его разнес солдат, стрелявший из машины Холланда. Сразу после чего они вошли в поворот на слишком большой скорости, и под жуткий скрежет тормозов внедорожник перевернулся, вминаясь в асфальт.

Я издала победный крик, вскинув кулак в воздух. Но тут я заметила, что мама, ахнув, схватилась за бок. На ее футболке уже расползлось красное пятно.

Глава тридцать восьмая

Ощутив тошнотворный приступ головокружения — еще одна реакция на эмоции, в ценности которой я сильно сомневалась, — я попыталась подавить панику.

Кровь. У мамы текла кровь.

— Мама! Что с тобой?

Я рванула руль в сторону, собираясь съехать к обочине.

— Все нормально, Мила, — выдохнула она. — Скорей, увези нас отсюда.

Скорей, увези нас отсюда.

Когда я услышала, как тяжело она дышит, моя нога сама нажала на педаль. Я увезу нас отсюда.

Вот только знать бы куда.

Позади, причем не так уж далеко от нас, уже завыли сирены. Где нас не станут искать?

Перед глазами возникли зеленые воды реки, которую мы сегодня проезжали.

Потомак. Тупик, а соответственно — место, которое любой человек, спасающийся бегством и имеющий хоть пару извилин, выбрал бы в последнюю очередь. Логика андроида требовала избегать реки любой ценой.

А значит, туда нам и было надо.

— Ты в порядке? — спросила я, украдкой взглянув на маму.

Я свернула, и переднее колесо машины на миг слетело с дороги. Судя по виду, мама была совсем не в порядке. Ее лицо было бледным, она закусила нижнюю губу, как будто изо всех сил старалась не закричать.

— В порядке… не останавливайся. — Но и судя по голосу, она не была в порядке. Он звучал напряженно, устало, как в тот раз, когда она не спала всю ночь, помогая кобыле при родах.

Подавив дрожь в руках, я повернулась лицом к маме. Я просканировала ее взглядом, и перед глазами появилась мерцающая трехмерная модель, как тогда, в мотеле. Только на этот раз это была не модель тела какого-то незнакомца, который пытался меня похитить, — это была модель *маминого* тела.

Я сделала глубокий вдох и выдох, чтобы успокоиться, а потом сосредоточилась.

На зеленой схеме пульсировали две красные точки — пулевые отверстия. В первую очередь я заметила, что, судя по расположению ран, изогнутые почки и крошечный овал желчного пузыря находились слишком низко, чтобы их могло задеть. Они не пострадали.

А потом мой взгляд поднялся выше, и я охнула.

Верхняя часть ее печени. А еще… нет, нет, нет! Ее легкое. Ее *сердце.*

— Больница, где здесь больница?

— Мила, нет. Никаких больниц, это опасно. Просто… уезжай.

— Что? Нет! Тебе нужна помощь!

Мама снова сжала мое плечо, на удивление сильно. Но ее пальцы — мне показалось, или они стали холоднее?

— Послушай, — с жаром сказала она. — Когда мы создавали тебя, мы перешли черту… и случилось чудо. Я знала, чем рискую, когда выкрала тебя, и все равно пошла на это. Охотно. С радостью. Знаешь, что ты можешь сделать для меня? Жить.

Ее хватка ослабла, и мое сердце замерло.

— Мам?

— Не… не останавливайся.

Я послушалась. На каждом повороте я напрягалась, ожидая, что опять услышу звон стекла, что еще одна пуля просвистит над головой мамы, которая теперь ехала, пригнувшись почти до пола.

Но ни один выстрел не прозвучал. Мы наконец добрались до реки, пронесшись через старую заброшенную стройку. Я остановила машину между сараем и ржавым пирсом.

— Мам, мы приехали. Можешь уже выпрямиться.

Тишина.

— Мам?

Мама медленно разогнулась, откидываясь на спинку сиденья. Ее футболка уже полностью пропиталась кровью.

О нет. Нет.

В этот момент мамины ресницы дрогнули, и я услышала тихий стон.

Решив, что милосерднее будет переложить ее без предупреждения, я сосчитала до трех и вытащила ее из машины, положив на бок. Мама вскрикнула, и из моего горла вырвался сдавленный всхлип.

Со спины ее футболка была вся в крови. Я отодвинула ткань, потом пришлось вытереть маме спину рукавом, чтобы хоть что-то разглядеть. И я увидела их, две дыры размером с монетку.

Я, как могла, начисто вытерла палец — когда выберемся отсюда, нужно будет в первую очередь достать антисептики и антибиотики — и осторожно засунула его в рану, которая вызывала наибольшие опасения, в ту, которая тянулась в сторону сердца.

Мама дернулась, но я удержала ее свободной рукой и просунула палец глубже. Металл. Нужно нащупать металл. Найти крошечный шарик пули, засевший где-то между ребрами.

Когда я начала это делать, перед глазами снова возникла трехмерная модель, показывая мне каждый следующий слой в тот момент, когда мой палец его касался. Сначала легко поддалась кожа, потом более упругая полоска разорванной мышцы. А потом мой палец проскользнул между двумя твердыми гладкими поверхностями, и изображение перед глазами сменилось. Ребра.

Пули не было, а канал шел дальше — к сердцу. Я не осмелилась засовывать палец глубже.

Сначала у меня задрожали ступни. Потом ноги. Я едва успела вытащить палец из раны, прежде чем рука тоже начала колотиться. Должен был быть какой-то способ помочь маме. Хоть какой-нибудь.

Похоже, пуля застряла где-то глубоко. И мне нечем было ее вытащить. Не было никаких инструментов, если только…

— Мама, в бардачке больше ничего не было? — закричала я, слегка встряхнув ее за плечи, когда она ничего не ответила, только ресницы дрогнули. А, может, в багажнике? Может, Лукас хранил инструменты в багажнике.

Нужно было добраться до багажника. Я оторвала от ее футболки кусок, скомкав его и прижав к отверстиям, из которых слишком сильно текла кровь.

Наконец мама заговорила:

— Мила, не надо… Уже поздно.

Нет. Я отказывалась в это верить.

— Я же уникальная машина, помнишь? Я что угодно могу починить.

— Некоторые вещи нельзя… починить.

— Не говори так, — с жаром прошептала я, прижимая тряпку к ранам. Я отчаянно рвалась залезть в багажник, найти инструменты, но слишком боялась, что мама истечет кровью, если я ее оставлю.

— Можешь подержать футболку у раны? Всего несколько секунд?

— Мила, в этом нет смысла, ты же знаешь. — Она зашлась кашлем, а потом продолжила: — Нам нужно подумать о твоем будущем.

О моем? Нет, о нашем. Нам нужно подумать о *нашем* будущем. Мы через столькое прошли вместе, несмотря ни на что. Она не могла вот так всё бросить, я ей не позволю.

Из-за меня она…

— Не нужно было вообще забирать меня оттуда. Тогда ничего этого не случилось бы.

Ее светло-голубые глаза загорелись лихорадочным огнем:

— Ты думаешь, я жалею, что сделала это? Правда? Не жалею.

Ни капли. Сначала я сомневалась, что справлюсь… но я ошибалась.

От этих слов я ощутила одновременно тепло и пронизывающий холод. Потому что эта несущая бред женщина была не похожа на мою маму. На мою спокойную, рациональную маму. А это могло означать только одно…

Ком в горле начал стремительно увеличиваться, и я отвернулась, уставившись в темную глубь реки Потомак. Злясь на саму себя за неспособность сдерживаться. Какая это была глупая идея — создать андроида, который умеет плакать. Яростным движением руки я стерла со щек бегущие по ним капли.

Услышав долгий, судорожный вздох, я развернулась к маме и увидела, как ее побледневшие веки медленно опустились.

— Нет! Не закрывай глаза!

Ее пальцы, прежде такие сильные и теплые, холодили мне руку.

Критическая кровопотеря: Возможно.

Остановка сердца: Возможно.

Отказ органов: Возможно.

На этот раз голос меня совершенно не успокоил. Да поняла я, поняла. С медицинской точки зрения, все объяснялось так: произошла потеря крови, и сердечная мышца из-за нехватки кислорода будет сокращаться теперь все слабее, пока не остановится полностью. Но в голову пришло другое, ненаучное объяснение: мамина душа покидала тело, отходила в лучший мир.

И хотя разум настаивал на первом варианте, мне отчаянно хотелось верить во второй.

— Мила, — тихо позвала мама. На ее бледном как мел лице появилась слабая улыбка. — Я знаю, тебя волнует, что ты воспринимаешь мир не так, как обычные люди. Но… — она прервалась, тяжело дыша, а потом стиснула зубы. — Нет двух людей, которые видят мир абсолютно одинаково, понимают всё одинаково, не важно, рождены они были или созданы. Мы можем… можем… — Ее голос сошел на нет, ресницы дрогнули и снова опустились. Мама с усилием вдохнула, из-за чего красная струйка, текшая из ее раны, превратилась в реку. На одном дыхании мама договорила:

— Мы можем только пытаться понять друг друга.

С закрытыми глазами она дрожащей рукой потянулась к шее и обхватила овальный камешек. Якобы подарок от папы на мое рождение. Мама дернула, но сил у нее осталось так мало, что цепочка не поддалась.

— Сейчас помогу. — Я взяла ее руку в свою и потянула.

Цепочка порвалась так легко, словно была бумажной.

Мама вложила кулон мне в руку. Ее голос опустился до хриплого шепота.

— Найди Ри… Ричарда Грейди. Он знает…

Последнее слово мама выдохнула еле слышно, после чего ее голова свесилась на бок. Ее рука обмякла, и в этот момент я почувствовала, будто внутри меня что-то умерло вместе с ней.

В небе пронзительно кричали птицы, возвещая о скором приближении рассвета. Шумел Потомак. Из какой-то пекарни доносился аромат пончиков. А здесь, на грязном асфальте, сердце моей мамы, такое человеческое, перестало биться.

— Мы же команда, забыла? — Но мой сдавленный шепот коснулся ушей, которые уже не могли его услышать.

В моей груди разорвалась дыра, и из нее полилась едкая смесь тьмы, и боли, и чувства потери, которая наполнила меня до краев — казалось, кожа вот-вот лопнет от этого ужасного давления. В горле снова встал ком, и было больно, так больно, что я подумала, что никогда больше не смогу ни глотать, ни говорить, ни смеяться, ни петь, никогда больше не произнесу ни единого звука. Да и зачем? Мы всегда были вместе, мама и я, а теперь вдруг это стало не так.

Я оказалась одна в почти совсем не знакомом мне мире, который был голым и пустым.

Без нее все было голым и пустым.

Я не пыталась прощупать несуществующий пульс, не стала лихорадочно делать искусственное дыхание и массаж сердца, не забросила ее в машину и не помчалась в больницу.

Ничто из этого не помогло бы ее вернуть.

Вместо этого я пригладила ее красивые шелковистые волосы, убрав пряди со лба. Потом я свернулась калачиком рядом с ней. Обняла ее за талию, прижалась щекой к ее щеке. Ее кожа по-прежнему пахла розмарином.

Я закрыла глаза. Попыталась представить, что на самом деле мы сейчас лежим на диване дома в Клируотере. Смотрим какую-то дурацкую передачу по телевизору. Она спрашивает у меня, как дела в школе, а я отвечаю, что хорошо.

Если б только я могла силой желания перенестись в эту реальность, сделать ее правдой.

Но я не могла больше притворяться. Все было неправильно, совсем неправильно. Мамина кожа была еще теплой, но не двигалась от мерного ритма дыхания, не постукивал под кожей пульс. Ничто внутри не шевелилось.

После смерти мама стала больше похожа на меня, чем была при жизни.

Тут меня пронзила ужасная мысль, и я вскочила. Нельзя было оставлять ее здесь. Они найдут ее, и тогда… Что, если они отправят ее тело в лабораторию для своих экспериментов?

Может, мама и хотела дать мне шанс на нормальное будущее, может, и умерла ради этого, но я не верила, что она позволила бы им сделать подобное с кем-то другим. А я не позволю им сделать это с ней. Ни за что.

Если бы у меня был выбор, я бы осталась здесь, рядом с маминым телом; тут меня и нашли бы. Бросить ее казалось неправильным, предательским поступком. Но я точно знала, что мама не захотела бы, чтобы я осталась. Она совершенно ясно дала это понять. Она рискнула всем, чтобы подарить мне свободу, и, если я откажусь от этого дара, получится, что она погибла зря.

Мама хотела, чтобы я боролась за себя.

Чтобы я жила.

Только я никогда не думала, что мне придется все это делать в одиночестве.

Вдалеке раздался резкий сигнал автомобиля, напомнив мне, что находиться здесь небезопасно. Этот обветшалый квартал, выходивший к реке, выглядел укромным местом, но он находился буквально в паре минут езды от центра города. Здесь меня в любой момент могли обнаружить Холланд и его приспешники. Или даже люди из «Вита Обскура», кто его знает. Ради выполнения маминого последнего желания мне нужно было спастись бегством. Но ради *нее самой* нужно было сначала кое-что сделать.

Мгновение я смотрела на неподвижное тело мамы, наблюдая, как ветерок ласково треплет ее пряди. Переполненная унынием, я убрала волосы с ее бледного лица. Затем я поспешила в сарай.

Через несколько минут я уже привязала найденный в нем ржавый якорь к маминому телу при помощи стартер-кабелей, которые я обнаружила в багажнике машины. Легко подняв маму с земли, я понесла ее к реке. Прочь от видневшихся вдали зданий, прочь от Вашингтона. Прочь от Холланда.

Я донесла ее до самого берега, посмотрела вниз на бурлящий поток.

Невыносимо было думать о том, что знакомый запах розмарина навсегда канет в мутную воду. Что река примет маму и уложит на дно, и я больше никогда не увижу ее голубые глаза, ее мягкие волосы, ее стройное, но сильное тело. Я знала, что она мертва, что жизнь, что бы это ни было такое, покинула телесную оболочку, которую я держала в руках. Я знала это, но все равно прошептала:

— До встречи, мама.

Я снова взглянула на темную непрозрачную воду, и мои руки крепче сжали тело. Как я могу это сделать? Вот так выбросить ее в реку, словно никому не нужный мусор? Мама заслуживала лучшего конца. Настоящих похорон, с друзьями, пришедшими ее проводить, цветами, священником, который сказал бы последние слова. Таких, какие она создала в моей памяти для «папы».

Потом я представила себе, как Холланд находит ее, увозит обратно в подвалы своего жуткого комплекса, и содрогнулась. Я не могла этого допустить. Этот человек лишил нас даже достойных похорон.

Сделав глубокий вдох, я в последний раз вгляделась в знакомые черты. А потом я бросила искалеченное тело в голодный поток, и почувствовала себя так, словно вырвала из груди свое сердце и бросила его следом, потому что ничто другое точно не могло бы вызвать такую боль. Но, по крайней мере, Холланд до мамы уже никогда не доберется.

Я отвернулась до того, как ее тело ушло под воду, пытаясь принять доводы своего разума. Сейчас я с готовностью предоставила андроиду в себе полный контроль — что угодно, лишь бы заглушить боль. Мамы не стало, и созерцание реки не приблизит меня к выполнению ее последней просьбы. Мне нужно было уходить отсюда.

А еще мне нужна была помощь.

Глава тридцать девятая

Засунув часть денег из конверта в карман, а часть — в кроссовку, я спрятала машину и пошла пешком. Учитывая ее состояние и то, что ее номер и марка к этому моменту уже были известны всем полицейским штата, она выдала бы меня с головой.

Я мысленно пополнила список своих долгов Лукасу пунктом «новая машина». Хотя я вряд ли когда-нибудь увижу его снова. Я поплелась в город, оставаясь начеку на случай появления черных внедорожников. Каждый шаг причинял боль, как будто, уходя, я предавала маму. Я не могла не думать о том, что потерпела поражение, и за это маме пришлось поплатиться жизнью — сколько бы она ни пыталась убедить меня в том, что это не так. И теперь я уходила от нее. Навсегда.

Но я заставляла свои ноги делать шаг за шагом и не позволяла себе оборачиваться. Единственное, что я могла сейчас сделать ради нее, это добиться того, о чем она мечтала для меня. Если меня поймают, все ее жертвы окажутся напрасны. Только эта мысль вынуждала меня двигаться вперед, но пока ее было достаточно.

Если мама хотела, чтобы я нашла какого-то Ричарда Грейди, я это сделаю.

Я не могла снова ее подвести.

Мне нужен был телефон, но в первую очередь — новая одежда. Когда мы ехали на машине, я заметила на небольшом пустыре лагерь бездомных. Я шла назад по тому же пути, пока не нашла их.

Они сбились в кучку, спасаясь от холода. Когда я подошла, они повернулись ко мне, выглядывая из-под своих грязных одеял. Лица нескольких ничего не выражали, в глазах остальных зажглось любопытство. Изучив их взглядом, я выбрала пожилую женщину примерно моих размеров, на которой была кофта с капюшоном.

— Эй, вы! — окликнула я женщину, показывая на нее пальцем. Я нагнулась и вытащила из кроссовки две двадцатидолларовые купюры и десятку.

— Я дам вам пятьдесят долларов за вашу одежду. И мою одежду тоже можете забрать. — Я посмотрела на себя. Моя футболка была вся в ярко-красных пятнах.

Мамина кровь.

Горло снова сжалось, а перед глазами всплыл ее образ. Бледное, застывшее лицо, глаза, которые закрылись навсегда. Как

она могла вообще подумать, что я смогу жить без нее?

Я обхватила изумрудный кулон, который до недавнего времени носила мама. Я вспомнила, что она тоже так делала, и каким-то образом ощущение прохладного камня в ладони успокоило меня.

— Футболка немного грязная, но…

Мне даже договаривать не пришлось — женщина встала и начала расстегивать пуговицы на своей грязно-бежевой кофте. Ее взгляд был прикован к деньгам, словно в них было ее спасение.

— А для меня деньжат не будет, а, девочка? — Ко мне подобрался мужчина за тридцать, с гнилыми зубами и дрожащими пальцами, желтыми от табака.

Когда он потянулся к деньгам, я перехватила его руку и сжала достаточно сильно, чтобы дать понять, что это не шутки, но не настолько сильно, чтобы навредить ему.

— Это не для тебя. — При этом я даже не посмотрела мужчине в лицо.

Он охнул от боли и отскочил, как только я его отпустила. Остальные забормотали между собой, но подходить больше никто не стал. Вот и хорошо. У меня не было ни времени, ни желания отбиваться от этой кучки наркоманов.

Женщина кинула мне свою кофту. Спереди на ней было большое коричневое пятно, и от нее пахло застарелым потом. Но вариантов у меня пока особо не было, да и капюшон мог пригодиться. Каждая такая мелочь подводила меня немного ближе к достижению моей — *маминой* — цели.

Я повернулась к ним спиной, чтобы переодеться, уверенная, что услышу, если кто-то станет приближаться. Кофта была длинной, доходила до самых колен, так что я сняла штаны, а женщина в это время сняла свои — это были рваные черные джинсы.

Пахло от них не лучше, чем от кофты; честно говоря, даже хуже. Но я натянула их, стиснув зубы. Брезгливость для андроида — непозволительная роскошь. Джинсы болтались на бедрах даже после того, как я их застегнула, но полностью не спадали. Сойдет.

Я натянула на голову капюшон, заправляя под него волосы. Может, издалека мне даже удастся сойти за парня.

— Вот, возьмите, — сказала я, протягивая женщине деньги.

Ее лицо сморщилось, когда она одарила меня широкой улыбкой, демонстрируя две дырки от недостающих зубов. Но женщина не произнесла ни слова, только молниеносно схватила деньги и затолкала их под свою новую футболку, словно боясь, что я могу передумать.

Бросив взгляд через плечо, я увидела, как воды Потомака

заблестели под первыми лучами медленно восходящего солнца. Мне и правда хотелось передумать, но это никак не было связано с деньгами. Собравшись уходить, я подошла к мужчине, который попытался вытрясти у меня денег, и до сих пор смотрел на меня с опаской.

— Держи, — сказала я, вкладывая ему в руку десятку. — В следующий раз не хватай без спроса. — Мне почему-то показалось, что мама бы это одобрила.

И я двинулась вперед быстрым шагом, пригнув голову и засунув руки в карманы. Обратно в город.

Пройдя один квартал, я увидела красный велосипед, пристегнутый к забору. Мысленно извинившись перед владельцем, я скрутила замок и запрыгнула на велик. Так будет проще оторваться от преследователей. Плюс они будут разыскивать кого угодно, но только не одинокую фигуру на велосипеде.

Я крутила педали, пригнув голову, но посматривала по сторонам, на случай, если на дороге появится черный внедорожник или любая другая машина, пассажиры которой будут излишне заинтересованно разглядывать других водителей. Через несколько кварталов я остановилась возле минимаркета.

Коснувшись двери, я вспомнила последний минимаркет, в котором я успела побывать — рядом с мотелем. Это было не так давно. Но тогда мама была еще жива.

Я ощутила резкую боль в сердце, а потом меня охватило странное оцепенение, которому я была почти рада. Забежав в магазин, я купила одноразовый мобильник и стаканчик слаша[11] — опять-таки для маскировки.

Расплатившись, я направилась к стоявшей неподалеку телефонной будке. Вдали, на фоне светлеющего неба, высился Мемориал Линкольна, его широкие белые колонны и огромный прямоугольник крыши смотрелись величественно и мощно. Авраам Линкольн, освободитель рабов. Авраам Линкольн, убитый за свои убеждения.

Я оглядела улицу в поисках преследователей.

Угрозы не обнаружено.

Повернувшись к таксофону, я сняла трубку и набрала номер. А потом стиснула трубку так, словно от нее зависела моя жизнь.

Через три гудка в телефоне раздался его голос:

— Алло?

— Хантер?

— Мила? Это ты?

Я закрыла глаза. Просто невероятно, насколько я соскучилась по этому низкому голосу. Какой бы качественной ни была моя

память, воспоминания не могли сравниться с реальностью.

— Я. Послушай, у меня нет времени объяснять, но… мне нужна твоя помощь. — Я сжала губы. Если он откажется, на этом всё. С этого момента я останусь сама по себе.

Стоило этому страху появиться, как его тут же прогнал ответ Хантера.

— Конечно, я помогу тебе — а что случилось? Ты в порядке?

Перед глазами встал образ маминого обмякшего, окровавленного тела. Я закусила губу и уставилась на мемориал. Над ним кружили стайки мелких птиц, для которых сегодня был самый обыкновенный день. У меня все было совершенно не в порядке — но моя реальность отличалась от реальности других.

Наверно, мама была права. Никто не может посмотреть на мир чужими глазами. Ни я, ни они. В конечном счете, мы не такие уж и разные.

— Мила?

— Нет, — тихо ответила я. — Я не в порядке.

Пауза.

— Где ты сейчас?

Хантер был теперь единственным, кому я могла доверять, не считая Лукаса — но связаться с Лукасом было невозможно. Я надеялась, что мне не придется справляться со всем одной. Жизнь в одиночестве — это совсем не жизнь. К тому же, когда я позволила реке забрать маму, во мне поселился страх, который с того момента постоянно набирал силу. Если я потеряю контакт со всеми, кто мне дорог, не потеряю ли я вместе с тем свою человечность?

Хантер был мне нужен. Но он имел право на выбор.

— Ты уверен, что хочешь знать? У меня сейчас нет времени объяснять, но… меня преследуют. Плохие люди.

Перед глазами снова всплыл образ мамы, я вспомнила, как по ее футболке расползалось алое пятно, и почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Для мамы эти люди оказались не просто плохими, а смертоносными.

— Да, я хочу знать. Позволь мне помочь тебе.

— Спасибо. Мама… ее больше нет. Мне нужно тебе кое-что рассказать, но по телефону нельзя, а в Клируотер вернуться я не могу. Мне нужно, чтобы кто-то помог мне найти информацию о человеке по имени Ричард Грейди.

Он ответил не раздумывая:

— Не волнуйся, Мила. Я приеду.

— Приедешь ко мне? Но твои родители…

— Настолько заняты, что им плевать, где я и чем занимаюсь. Я уже миллион раз путешествовал в одиночку. И потом, мне уже

восемнадцать. Мне не нужно их согласие. Просто скажи мне, куда приехать.

О боже. От его нежного голоса и готовности помочь я чуть совсем не расклеилась. А я не хотела плакать. Хватит.

Я покрутила в пальцах железный провод. Теперь, когда момент настал, я не была уверена, что смогу сказать ему. Что, если я подвергну Хантера опасности, даже просто встретившись с ним? Я вертела в руках провод, разрываемая противоречиями. Просить его об этом было эгоистично, я это знала. И все же… Мама не захотела бы, чтобы я осталась одна.

— Мила, скажи мне. Пожалуйста.

Я должна была сказать «нет». Должна была, но захлестнувшему меня облегчению было невозможно сопротивляться. Теперь, когда я осталась без мамы и без Лукаса, Хантер был единственным человеком, на которого я могла рассчитывать. Плюс, не стану отрицать — я хотела еще раз увидеть его несимметричную улыбку. Даже если совсем ненадолго.

У меня в голове проигралось одно из созданных мамой воспоминаний, которое всегда казалось мне совершенно идиллическим: каникулы на побережье.

— Хорошо. Давай встретимся через два дня в Вирджиния-Бич. Я перезвоню тебе, когда доберусь дотуда, и дам точный адрес.

Вирджиния-Бич. На меня нахлынула волна тоски. Я уже никогда, никогда не приеду с мамой на тот пляж по-настоящему, но, может, если я похожу босиком по песку, услышу шум прибоя и увижу гуляющих людей, как в том воспоминании, я каким-то образом смогу почувствовать себя немного ближе к ней.

Вдалеке завыла сирена.

— Мне пора. И, Хантер? Спасибо тебе. — Я повесила трубку, не дожидаясь его ответа, и пошла к велосипеду.

Да, пожалуй, Вирджиния-Бич — идеальное место. Оставалось только ухитриться добраться дотуда целой и невредимой.

Глава сороковая

Молодая официантка не вписывалась в окружающую обстановку. С ее длинными каштановыми волосами, затянутыми в высокий хвост, широко поставленными голубыми глазами и идеально симметричными чертами лица она выглядела как модель. Я гадала, что заставило ее стать официанткой в этом грязном кафе, где нужно было обслуживать обгоревших на солнце отдыхающих с их шумными детьми и убирать грязную посуду.

Она, наверно, понятия не имела, что я ей завидовала. Она была свободна делать все, чего бы ни захотела, становиться тем, кем ей хотелось. Я тоже планировала добиться такой свободы. В скором времени.

Откуда-то с пляжа донесся крик мужчины, и я напряглась, выпрямившись на своем деревянном стуле. Я выглянула в окно, и мои функции сработали быстрее, чем прежде.

Цель: Обнаружена.

Перед глазами возникло увеличенное изображение низкого пузатого мужчины в широкополой шляпе. Я увидела, как он снова закричал на двоих детей, которые бежали по песку прямо к воде, полностью одетые.

Угроз не обнаружено.

Если я что-то и вынесла из всех своих испытаний, так это то, что отвергать свои способности бессмысленно. Лучше было просто принять их. С ними все становилось проще.

Иногда мне приходило на ум, что все стало бы еще проще, если бы я отвергла свою человеческую сторону.

Я сжала в руке кулон. Я так и не поняла, почему мама придавала так много значения подарку от несуществующего человека, но она хотела, чтобы я забрала его, и я была этому рада. Это было единственное материальное напоминание о маме, которое у меня осталось, и хотя моя логика бунтовала против чувства привязанности к неодушевленному предмету, камешек все равно приносил мне небольшое утешение.

В глазах защипало, так что я снова уставилась на океан, над которым ярко светило солнце, отказываясь признавать права осени. В открытые окна пляжного кафе задувал ветерок, принося запах морской соли и рыбы. Кричали чайки, шумел океан, и отовсюду доносилась болтовня отдыхающих.

Я погоняла по тарелке остатки остывшей картошки фри, сделала маленький глоток чая со льдом из стакана, который официантка успела уже дважды наполнить заново. Через какое-то время мне, наверно, придется заказать что-нибудь еще, чтобы

никто не решил, что я зря занимаю столик. Сейчас я ела впервые с тех пор, как мы сбежали от Холланда — мне казалось нелепым тратить деньги на еду, без которой я спокойно могла обойтись. Плюс мое фальшивое чувство голода, видимо, подстраивалось под мое эмоциональное состояние, потому что есть не хотелось. А теперь, после нескольких дней без еды, сама процедура приема пищи казалась какой-то… лишней.

Меня снова кольнула тревога, как в тот момент, когда я сделала заказ и поняла, что на самом деле не хочу есть. А вдруг, если я перестану делать то, что свойственно человеку, моя собственная человечность просто сойдет на нет?

Я отвергла эту идею, сказав себе, что она глупая.

Неподалеку от меня моя официантка принимала заказ у очередной группы посетителей. Я понаблюдала за тем, как она смеется над капризничающим ребенком. Она была со всеми доброжелательна, каждый раз улыбалась мне, когда подходила, и просила просто помахать ей, если мне захочется чего-нибудь еще. Наверно, у нее замечательная жизнь, если она такая веселая на работе, решила я.

Я снова выглянула в окно, не ожидая увидеть ни одного знакомого лица. Он, скорее всего, решил не появляться. Я его не винила. Кто в здравом уме полетит из Миннесоты в Вирджиния-Бич ради девушки, с которой был знаком всего пару дней? Девушки, которая призналась, что находиться рядом с ней может быть опасно?

С Хантером или без него, я уйду от преследования Холланда, Номер Три и группировки «Вита Обскура», если такая существует, и я разыщу этого Ричарда Грейди, кем бы он ни был. Он расскажет мне то, что знает, и после этого я попытаюсь начать новую жизнь.

Я очень, очень надеялась, что в этой жизни со мной будет Хантер. Но пока в это слабо верилось.

Я нагнулась, чтобы смахнуть со своих обутых во вьетнамки ног налипший песок. А когда я выпрямилась, я увидела его. Он шел по дощатому настилу; его волосы были такими же длинными и волнистыми, какими я их помнила, руки он засунул в карманы своей зеленой толстовки, а на ногах у него были длинные шорты-карго.

Подойдя к двери, Хантер помедлил и оглянулся через плечо, и мое сердце остановилось: я подумала, что он сейчас развернется и уйдет. И я не могла винить его за сомнения. Он наверняка терялся в догадках, что, черт возьми, со мной произошло. И в какие такие неприятности я ухитрилась вляпаться.

Дыхание участилось. Хотелось пулей вылететь ему на встречу, но вместо этого я тихо сидела на месте, схватившись за стакан с холодным чаем как утопающий за соломинку.

А потом Хантер повернулся лицом к двери и потянул за ручку.

Я собиралась сохранить спокойствие, чтобы ему не пришлось еще на входе пережить нападение эмоционально несдержанного андроида, обрушившего на него все пятьдесят пять килограмм своего восторга. Но незаметно для себя я вскочила из-за стола, и, к тому моменту как он вошел в кафе, я уже бежала ему навстречу.

Я затормозила в шаге от Хантера, внезапно осознав, что делаю и что все вокруг смотрят на меня, и, боже мой, он, наверно, собирался просто пожать мне руку, а я тут чуть не повалила его на пол. Но тут он протянул ко мне руки, и я бросилась в его объятия.

Ну, то есть осторожно бросилась. Набрасываться на парня своей мечты с силой трех разгоряченных регбистов, как говорила Кейли, пожалуй, не лучший способ произвести впечатление.

— Ты все-таки приехал, — прошептала я ему в шею, вдыхая знакомый запах. Мое прежнее беспокойство по поводу потери человечности неожиданно показалось мне еще более глупым.

Хантер прижал меня к себе:

— Ты ведь мне обещала еще одно свидание, помнишь?

Я подавила смешок. Мы стояли посреди кафе, и я обнимала его так, словно от этого зависела моя жизнь. И может, так оно и было.

Теперь, когда он был здесь, казалось, что объяснение причин этой стихийной встречи можно и отложить.

Возможно, навсегда.

БЛАГОДАРНОСТИ

Подумать только — я написала книгу! Но сделала я это не в одиночку. Учитывая, что писатель иногда чувствует себя эдаким отшельником, просто удивительно, как много поддержки (и проверок на вменяемость!) на самом деле необходимо для создания книги. К счастью, меня окружали одни из самых чудесных людей в мире, всегда готовые прийти на помощь.

Спасибо Кэтлин Пикок, Линдси Калли, Рейчел Аллен, Каре Тейлор, Стефани Кюн, Саре Хэриан, Вахини Наду, Элиз Рейган и всем моим коллегам из сообщества независимых писателей молодежной литературы YAWN, которые на различных этапах этого проекта убеждали меня, что я не пишу полную чушь.

Замечательным писателям из групп LB, WN и The Hopefuls — спасибо, что слушали меня и помогали оставаться в (относительно) здравом уме (а я знаю, насколько это сложная задача, поверьте!). За это же выражаю свою любовь и благодарность авторам из групп Apocalypsies, Luckies и Classes.

Отдельное спасибо моей замечательной подруге, талантливой писательнице Кэтлин Пикок, которая работала одновременно моей группой поддержки и поставщиком классных видео на YouTube. Фанаты Джосса, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Людям с форумов Absolute Write, которые показали мне, как стать серьезным писателем, и особенно моим друзьям из треда «Чистилище» — помните нашу фразочку? — спасибо за безграничную поддержку!

Огромное спасибо ребятам из ассоциации писателей Южной Калифорнии SoCal — вы прекрасны, и я горжусь тем, что стала частью местного писательского сообщества. (И еще — обеды. Их нужно больше. Но это я так.)

Особый респект писателям, блоггерам и всем, кто связан с молодежной литературой. Да, у нас случаются взлеты и падения, но, по-моему, мы служим замечательному делу.

Спасибо чудесной команде издательства HarperCollins и отдела детской литературы Katherine Tegen Books, благодаря которым этот проект стал реальностью: моему потрясающему редактору, Клаудии Гейбел — без тебя «Мила» бы не появилась на свет, — Мелиссе Миллер, Кэтрин Теген и Кэти Бигнелл из редакционного отдела, Эми Райан и Эрин Фицсиммонс из художественного отдела, Саре Хой и Бенджамину Делакур, которые, строго говоря, не относятся к издательству HarperCollins, но помогали делать обложку (ОМГ, ребята, КАКАЯ ОБЛОЖКА!!!!!), Рене Кафиеро из выпускающего отдела, Лорен

Флауэр и Меган Сугру из маркетингового, а также Кейси МакИнтайр из рекламного. Еще хочу сказать спасибо всем замечательным людям из издательства, с которыми я познакомилась на фестивалях ALA и Comic Con, за оказанный мне теплый прием, и поблагодарить всех остальных сотрудников HarperCollins, кто так или иначе помогал мне при создании «Милы». Я не могу выразить словами, как много значил для меня ваш энтузиазм по поводу этой книги.

Моему другу и великолепному агенту Тэйлору Мартиндейлу, который не раз снимал меня с виртуального карниза, за то, что благосклонно относился ко всем моим перепадам настроения и приступам отчаяния. Также спасибо за поддержку обществу писателей-романистов Южной Луизианы SOLA и агентству Full Circle Literary.

Кэт Пост, благодаря которой мне не пришлось нервничать из-за фотографии на обложке, спасибо за то, что присматривала за моими малышами, когда мне нужно было урвать еще несколько часов работы.

Моим друзьям, не имеющим отношения к писательству, спасибо за поддержку, а также за бесконечное терпение, с которым вы весь этот год выслушивали мою болтовню о книге. И сидели с детьми, когда мне нужно было вносить срочные правки в текст, ЮХУ!

Отдельное спасибо Тому Уайетту, который проложил маршрут до Клируотера. С меня мороженое.

Огромное спасибо моей маме, которая как раз и пристрастила меня к чтению молодежной литературы. Спасибо всем моим родным в Колорадо за безграничную поддержку и готовность присматривать за детьми, пока я служила свою службу в башне из слоновой кости; отдельное спасибо Джерхаунду, который приезжал и прилетал в Калифорнию по первому же зову. Спасибо родственникам в Чикаго за ваш энтузиазм, и спасибо Доун за то, что предоставляла мне убежище для творчества.

(Кстати говоря — большое спасибо кафе Starbucks, Boudin и Panera в Сан-Маркосе за то, что давали мне возможность писать, не превращаясь в отшельника.)

Шани и остальным моим собакам — видели, как я ловко протащила в книжку риджбека?

Спасибо Финли и Коннору за то, что (иногда) понимали: хотя мамочка и готова играть в MineCraft и пони 24 часа в сутки 7 дней в неделю, ей все-таки нужно время для того, чтобы писать. А еще за то, что наполняли дом объятиями и смехом (а иногда и криками, но об этом мы сейчас не будем).

Скотту, гениальному укротителю детей, — спасибо за то, что

аккуратно давал мне пинка, когда я начинала отставать по срокам, за то, что никогда не жаловался и всегда верил. Твоя поддержка невероятно много значит для меня, и, чтобы ты знал, — люди сильно переоценивают необходимость чистоты в доме.

И, наконец, спасибо тебе, милый читатель, за то, что выбрал мою книгу — история никогда не приносит особого удовольствия, если ею не с кем поделиться.

notes

Примечания

1

Yelp (yelp.com) — веб-сайт для поиска на местном рынке услуг, например, ресторанов или парикмахерских. Ориентирован на США и Канаду. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

2

Филадельфия Филлис — американский бейсбольный клуб.

3

Букв. «Молочная королева» — американская сеть фаст-фудов с большим ассортиментом мороженого.

4

Джин Рамми (англ. gin rummy) — популярная в США карточная игра, цель которой — выложить свои карты на стол определенными комбинациями.

5

Сталкер (от англ. stalking — преследование) — человек, проявляющий к другому нежелательное навязчивое внимание.

6

Амиши (от англ. Amish) — консервативное религиозное движение. Амиши отличаются простотой жизни и одежды, нежеланием принимать некоторые современные технологии и удобства.

7

Классный час в США (англ. homeroom) — урок, во время которого учитель отмечает присутствующих и делает объявления. В оставшееся время школьники занимаются самостоятельной работой.

8

В американских школах опоздания учеников обычно регистрируются в школьных документах. По одной из схем опоздавший ученик должен заполнить у секретаря стандартный бланк (tardy slip) и отнести учителю.

9

Международный аэропорт Вашингтон Даллес, один из самых загруженных аэропортов США.

10

«Brown Eyed Girl», автор песни — Ван Моррисон.

11

Слаш (англ. slush) — десерт из молотого фруктового льда.